

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ
И ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства»

С.Д. Морозов

**НАСЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ЦЕНТРА
НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.**

Утверждено к печати Институтом Российской истории РАН

Москва
ИРИ РАН

Пенза
ПГУАС

2013

УДК 94(470):316.3
ББК 63.3(2)527+60.7
М80

Ответственный

редактор: руководитель Центра изучения истории территории и населения России Института Российской истории РАН, доктор исторических наук, профессор В.Б. Жиромская

Рецензенты: проректор по научной работе Марийского государственного университета, доктор исторических наук, профессор С.В. Стариков;
заведующий кафедрой Отечественной истории и археологии Самарского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, профессор А.И. Репинецкий

Утверждено к печати Институтом Российской истории РАН

Морозов С.Д.

М80 Население Российского Центра на рубеже XIX–XX вв.: моногр./ С.Д. Морозов. – М.: Институт Российской истории РАН; Пенза: ПГУАС, 2013. – 340 с.
ISBN 978-5-9282-0873-8

В монографии впервые комплексно исследуется демографическое развитие и социальная структура населения Российского Центра на рубеже XIX–XX вв. В ней рассматриваются социальные процессы, распределение населения по отраслям экономики и занятиям.

Предназначена для научных работников, преподавателей и студентов, обучающихся по направлениям 270800.62 «Строительство», 230400.62 «Информационные системы и технологии», 080100.62 «Экономика», 080200.62 «Менеджмент», 270100.62 «Архитектура», 270900.62 «Градостроительство», а также всех интересующихся историей России.

ISBN 978-5-9282-0873-8

© Институт Российской истории РАН, 2013
© Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, 2013
© Морозов С.Д., 2013

ВВЕДЕНИЕ

В первые десятилетия XX столетия в России развернулся процесс модернизации общества. Проявлением и одновременно следствием этого процесса стала урбанизация «сердца» России – ее Центрального региона. Этому способствовали начинавшийся демографический переход от традиционного к современному типу воспроизводства населения. Кроме того, происходили значительные изменения в рождаемости и смертности, в миграционных процессах. На природу и ход модернизации в условиях российской действительности повлияли факторы экзогенного порядка. Это позволяет проследить демографическое развитие населения в условиях резких социально-экономических и политических потрясений.

Сформировавшаяся в тот период социально-демографическая структура населения и стереотипы демографического поведения до сих пор проявляются в жизни общества. Это обстоятельство раскрывает причины внимания ученых различных специальностей к демографическим процессам 1900–1910-х гг., которые лежат в основе многих экономических, геополитических, национальных, конфессиональных и других проблем нашего времени. Проблема, актуальная сегодня, остается малоизученной, а по многим вопросам – дискуссионной. Все это определило выбор темы настоящего исследования.

Предметом изучения явилось население Российского Центра на рубеже XIX–XX вв. и его основные социально-демографические параметры. Объектом исследования стала социальная и демографическая история региона: динамика численности населения, его размещение, естественное движение, рождаемость, смертность, брачность, занятия и социальная структура населения.

Хронологически исследование охватывает двадцатилетний период – с 1897 по 1917 гг. Изучено население Российского Центра – от времени проведения Первой всеобщей переписи населения 1897 г. и до начала Гражданской войны.

Исследование проводилось по материалам 23 губерний Российского Центра, входивших в четыре географических района: Центрально-Промышленный, Центрально-Земледельческий, Северо-Западный (Озерный) и Поволжский. Собственно центральные губернии, включенные в два района (Центрально-Промышленный и Центрально-Земледельческий), составляли ядро всего региона. Северо-западные и юго-восточные губернии, образовавшие два других района (Северо-Западный (Озерный) и Поволжский), дали уникальную возможность провести количественный и качественный анализ, сравнить и сопо-

ставить общее и особенное в социально-демографическом развитии всего региона.

При выделении для исследования совокупности этих губерний и районов был учтен комплекс главных критериев – факторов районирования: экономико-географические, культурные, национально-этнические связи и др. В основу районирования был положен принцип, предложенный П.П. и В.П. Семеновыми-Тян-Шанскими¹.

Важность и многоплановость проблемы привели к тому, что ее отдельные стороны неоднократно привлекали внимание исследователей.

О демографическом и социальном развитии России на рубеже XIX–XX вв. имеется немало работ. Но в большинстве своем они написаны современниками тех лет и посвящены отдельным проблемам – переселенческому движению, смертности, продолжительности жизни, занятиям населения. В конце XIX в. и в 1920-х гг. соответствующие исследования проводили С.А. Новосельский, Л.С. Каминский, П.И. Куркин, А.И. Чупров, Н.В. Турчанинов, С.А. Глебовский, В.И. Гребенщиков, М.В. Птуха, М.К. Любавский, О.А. Квиткин, Л.И. Лубны-Герцык, Е.З. Волков и др.²

В 1930-х гг. демографические исследования резко сократились, а проблемы истории населения практически не обсуждались на страницах научной печати. И только с 1950-х гг. начинается новый этап в исследовании этой проблематики. Начиная с этого времени, до середины 1980-х гг. был опубликован ряд работ ученых различных специальностей, в которых рассматривались общие и отдельные проблемы социальной и демографической истории страны и отдельных регионов конца XIX – первых десятилетий XX в.

В работах А.Г. Рашина, И.Ю. Писарева, Б.Ц. Урланиса, В.К. Яцунского, В.М. Кабузана³ рассматриваются численность населения, его размещение по стране в целом и в отдельных регионах и губерниях, демографическое развитие.

Подведению итогов изучения социально-демографической истории нашей страны и постановки новых задач в конце 1980-х гг. была посвящена коллективная монография «Историческая демография: Проблемы, суждения, задачи» с участием академика Ю.А. Полякова, В.Б. Жиромской, Д.К. Шелестова, В.З. Дробижева, В.В. Минаева, Я.Е. Водарского, В.М. Кабузана, С.И. Брука и др.⁴. Эта публикация исследует разные аспекты социально-демографического развития России в XIX–XX вв. и придает новый импульс дальнейшей разработке этой проблематики.

По мере открытия источников информации во второй половине 1980-х – начале 2000-х гг. в нашей стране стали появляться исследования, в которых основное внимание уделялось ранее «закрытым» страницам Отечественной социальной и демографической истории, в том числе давались оценки потерь населения в XX в.

Монографии Б.В. Тихонова и В.М. Кабузана, а также цикл статей Я.Е. Водарского, С.И. Брука и В.М. Кабузана⁵ с привлечением архивных и опубликованных источников освещают миграционные потоки, в частности, переселение крестьян из центральных губерний за Урал.

В ряде публикаций и монографии Б.Н. Миронова «Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)»⁶ освещаются основные демографические процессы.

В книгах Д.К. Шелестова, в сборниках с участием А.Г. Вишневого, М.С. Тольца, Р.И. Сифман⁷ анализируются многие социальные и демографические показатели развития населения страны.

В начале 1990-х гг. вышел сборник статей, посвященный вопросам комплексного изучения социальной структуры и демографических процессов в России⁸.

Особенно значимы для данного исследования своими новыми концептуальными подходами, а также подсчетами численности и потерь населения в годы Первой мировой и Гражданской войн труды академика РАН Ю.А. Полякова⁹. Посвященные главным образом 1920-м гг., они содержат ретроспективные экскурсы в начало XX в.

В монографиях и статьях В.Б. Жиромской¹⁰ анализируются численность, потери населения, демографические процессы в городе и селе в начале 1920-х гг. Исследования В.Б. Жиромской содержат ретроспективные «выходы» в первые десятилетия XX в., в них введены в научный оборот многие закрытые ранее архивные документы.

В работах О.М. Вербицкой и Н.А. Араловец¹¹, посвященных городскому и сельскому населению первой половины XX в., изучаются социальные и демографические трансформации городской и сельской семьи, содержатся также данные по городам, губерниям и районам Российского Центра.

В работах А.С. Сенявского и В.В. Минаева¹² представлена целостная картина развития городского общества в XX в., показана роль урбанизации в российском историческом процессе, выявлены закономерности и национальная специфика российской урбанизации, проанализировано влияние урбанизации на социально-демографические процессы.

Монографии А.И. Репинецкого¹³, посвященные социально-демографической характеристике профессиональной группы работников про-

мышленности Поволжья, содержат интересный материал по численности и возрастно-половому составу рабочих в первые десятилетия XX в.

Комплексному изучению проблем населения России посвящена коллективная монография «Население России в XX веке» (Т.1), подготовленная учеными Института Российской истории РАН (ответственный редактор издания – академик Ю.А. Поляков, ответственный редактор тома – В.Б. Жиромская)¹⁴, где дается общая характеристика населения России на рубеже XIX–XX вв., анализируются городская и сельская семьи с конца XIX в. по 1920-е гг., приводятся новые подсчеты людских потерь в годы Первой мировой и Гражданской войн, показаны численность и расселение российской эмиграции, беженцев и военнопленных.

Блок историко-демографических работ завершает коллективная монография «Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование» под редакцией Г.Ф. Кривошеева, которая является дополненным и уточненным вариантом книги «Гриф секретности снят: Потери вооруженных сил СССР»¹⁵. В новом издании представляет большой научный интерес статистика и новые подсчеты авторами людских потерь в Русско-Японской войне 1904–1905 гг. и в Первой мировой войне 1914–1918 гг., выделение ими из общих демографических потерь российской армии безвозвратных боевых и безвозвратных небоевых потерь, а также подсчет баланса использования людских ресурсов в ходе военных действий.

Комплекс публикаций по вопросам социальной структуры населения представлен работами общего плана по истории отдельных социально-профессиональных слоев и групп населения, их материального положения, социального и правового статуса.

Работы общего плана, опубликованные на рубеже XIX–XX вв. и в 1920–1930-х гг. содержат данные, проливающие свет на социально-профессиональный состав городского и сельского населения, могут быть использованы и в качестве источника¹⁶.

С 1950-х гг. начали появляться исследования, в которых уделялось внимание уровню жизни разных социальных слоев населения России в начале XX в., а в 1960–1990-х гг. – обобщающие работы по экономике России в целом и социально-экономическому строю крестьянских и помещичьих хозяйств, а также промышленности, С.Г. Струмилина, П.А. Хромова, Е.С. Карнаухова, В.С. Немчинова, В.К. Яцунского, П.Н. Першина, Р.С. Лившица, А.Л. Вайнштейна, И.Д. Ковальченко, Л.В. Милова, Т.Л. Моисеенко, Б.М. Литвакова, Л.И. Бородкина, С.В. Воронковой, В.И. Бовыкина, Т.М. Китаниной, К.Н. Тарновского, Р.А. Белоусова и др.¹⁷.

В конце XIX – начале XX в. сведения о правящих сословиях нашли отражение в публикациях преимущественно справочно-статистического характера: о дворянстве (С.В. Любимов, Г.А. Милорадович, С. Васильевич, В. Лукомский, С. Тройницкий, М.И. Трегубов, Л.М. Савелов, А.И. Виноградов, М.А. Зеленецкий, Н.Д. Ребровский, П.П. Голицын, Н.И. Акулов, М.П. Лихарев, В.Н. Поливанов, А.Н. Норцов, В.И. Чернопятов, И.Н. Ельчанинов, П.А. Тихвинский, Н.А. Рубакин и др.), о чиновничестве (Е.П. Карнович, Н.А. Рубакин и др.), об офицерстве (А.Ф. Редигер, П.А. Режепо, Н.А. Рубакин и др.)¹⁸.

Численность и состав «служилых» сословий – дворян, чиновников и офицеров – рассматривались преимущественно в 1970–1990-х гг. в монографиях и статьях А.П. Корелина, В.И. Буганова, Б.Б. Дубенцова, С.В. Куликова, Л.Г. Бескровного, П.А. Зайончковского, А.Г. Кавтарадзе, Л.Е. Шепелева, С.В. Волкова и др.¹⁹. Монография А.П.Корелина является первым в Отечественной историографии обобщающим трудом о дворянстве, чиновничестве и офицерстве – правящих социальных слоях императорской России.

Вопросы дворянского «оскудения», изменения численности и состава поместного дворянства затрагивались еще в первые десятилетия XX в.²⁰. В 1970–1990-х гг. появился ряд научных исследований о поместном дворянстве с привлечением широкого круга источников и применением новых методов обработки данных: монографии А.М. Анфимова, Л.П. Минарик, Г.Н. Кочешкова, статьи Н.А. Проскуряковой и др.²¹. Эти публикации содержат статистический материал, показывающий динамику численности и изменения этого социального слоя.

Истории правящих слоев России, их численности и социальному составу в дооктябрьский период посвящен первый раздел монографии И.Я. Трифонова²².

Численности и составу духовенства разных конфессий в России, особенно православному духовенству – белому и черному – посвящены статистические работы, опубликованные на рубеже XIX–XX вв. – В.В. Зверинского, Н.А. Любинецкого, Л.И. Денисова и др.²³. Более обстоятельному исследованию духовенство подверглось с 1960-х гг., особенно в 1980–1990-х гг., когда вышли коллективные монографии, появилась книга В.Ф. Зыбковца, работы П.Н. Зырянова, были вновь опубликованы издававшиеся ранее капитальные труды Н.М. Никольского и Д.В. Поспеловского²⁴.

Социально-профессиональные группы служащих, разные слои интеллигенции, лица свободных профессий неоднократно изучались разными исследователями на протяжении XX столетия. Это обзоры и материалы статистики М.Д. Загряцкова, А.Н. Куломзина, Н.В. Чехова,

исследования Ф.Г. Паначина, А.Е. Иванова, Е.В. Соболевой, А.В. Ососкова и др.²⁵.

Проблемы социальных групп предпринимателей разрабатывались на общероссийском материале: в монографиях П.В. Волобуева, Л.Е. Шепелева и др.²⁶. Позже по этой тематике появились коллективные монографии и ряд работ А.Н. Боханова²⁷. В работах А.Н. Боханова освещаются разные аспекты деятельности предпринимательской элиты России – торговой, промышленной и финансовой; частично они касаются численности и состава предпринимателей.

Многочисленному социальному слою кустарей и ремесленников России были посвящены публикации статистических обзоров И.М. Иванова, Ф.С. Голицына, Я.Я. Полферова, Н. Денисюка, Н.В. Пономарева, А.А. Рыбникова и др.²⁸. Глубокому изучению этого социального слоя в общероссийском масштабе посвятил свою монографию К.Н. Тарновский²⁹.

Рабочий вопрос в России, численность и состав лиц наемного труда на протяжении XX в. освещался в десятках и сотнях публикаций – от справочно-статистических статей и брошюр до серьезных монографических исследований. На рубеже XIX–XX вв. и в 1920–1930-х гг. появились исследования К.А. Пажитнова, Е.М. Дементьева, А.В. Погожева, С.Н. Прокоповича, М.И. Туган-Барановского, Н. Флеровского; во второй половине XX в. по этой проблеме были изданы ряд коллективных монографий, опубликованы названная ранее книга П.В. Волобуева, а также исследования С.И. Антоновой, А.Г. Рашина, Л.С. Гапоненко, Ю.И. Кирьянова, Э.Э. Крузе, Н.А. Ивановой, И.М. Пушкаревой и др.³⁰. В этих работах содержатся статистическая информация и подсчеты по социально-профессиональной структуре рабочих России; в некоторых из них приводятся сведения по отдельным регионам и губерниям.

Исследованием крестьянства России под разными углами зрения занимались многие специалисты. Общие вопросы крестьянского хозяйства на основе обработки материалов земских подворных переписей разрабатывали З.М. и Н.А. Сваицкие; на основе государственной и земской статистики – С.М. Дубровский и А.М. Анфимов в уже названных работах и более поздних публикациях. Немало работ было опубликовано в разное время по вопросам трансформации сельской общины, разделам крестьянских семей и влиянию этих процессов на изменения социальной структуры сельского населения (работы К.Р. Качоровского, А.Е. Лосицкого, А. Никольского, Н.П. Огановского, А.П. Щапова, А.П. Тютчева, В.А. Колесникова, П.П. Маслова, А.В. Чайнова, а позже П.Г. Рындзюнского, Л.В. Милова, А.В. Островского, П.Н. Зырянова и др.). Большую ценность представляют работы А.А. Чернобаева по социально-экономической истории крестьянства. Монография В.П. Да-

нилова анализирует население, землепользование и хозяйство советской доколхозной деревни, однако содержит ретроспективные «выходы» и сравнительно-исторический анализ с началом XX в. Монография В.В. Кабанова, посвященная сельскохозяйственной кооперации России на протяжении всего XX в., значительное внимание уделяет численности и структуре сельского населения в первые десятилетия XX в.³¹. Во многих публикациях названных историков-аграрников вопросы социальной дифференциации крестьянства рассматриваются на фоне развития аграрного капитализма и сельскохозяйственного кредита.

Таким образом, в российской историографии сделано немало в области изучения социально-демографических вопросов. В целом новейшая историография характеризуется интенсификацией исследований, углублением проблематики, расширением круга источников, совершенствованием методов их обработки. Однако до сих пор нет целостного, единого, обобщающего труда, освещающего комплексно проблему социального и демографического развития и охватывающего весь регион Российского Центра.

Целью настоящей работы является комплексная характеристика населения Российского Центра в 1897–1917 гг. по всем параметрам социально-демографического развития; показ его общей картины и выявление основных тенденций общего и особенного в развитии региона.

Постановка темы, ее хронологические и территориальные рамки определили основные конкретно-исторические задачи: показать в динамике демографическое развитие населения региона на рубеже XIX–XX вв. и вплоть до 1917 г. Для этого необходимо изучить численность и возрастно-половой состав населения; естественное движение населения в городах и селах (рождаемость, смертность, брачность и др.); определить численность и направления миграционных потоков; исследовать кардинальные изменения в составе населения региона в годы Первой мировой войны (проанализировать численность и потери населения, демографическую ситуацию, деформацию возрастно-половой структуры, миграции населения); проанализировать сложную социальную структуру общества. Решение этих задач в совокупности послужит повышению уровня разработанности и обобщения одной из важнейших проблем Отечественной исторической науки.

Основу источниковой базы исследования составили статистические материалы – опубликованные и архивные. Для создания более полной общей картины численности и состава населения автором изучен значительный массив опубликованных источников как общероссийского, так и регионального характера.

Полезным источником явились специальные издания, содержащие общие сведения по всей России, количественные данные о движении населения. К этому комплексу относятся прежде всего публикации материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., а также «Адресные», «Справочные книги» и «Календари», ежегодные статистические сборники Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел (ЦСК МВД), Министерства финансов и др.³².

Первая всеобщая перепись населения России проводилась по состоянию на 28 января 1897 г. В основе ее организации и программы – проект государственного и общественного деятеля П.П. Семенова-Тян-Шанского. Материалы переписи показали не только общую численность населения и его размещение по территории страны, ее регионам и губерниям, но и его структуры по широкому кругу показателей: по полу, возрасту, брачному состоянию, семейному положению, социальной структуре. Материалы переписи и других официальных изданий позволяют достаточно полно осветить социальное и демографическое развитие России в конце XIX – начале XX в.

В работе использована промышленная статистика общероссийского характера, прежде всего материалы промышленных переписей 1900, 1908 и 1910–1912 гг., а также полный обзор «Фабрично-заводской промышленности в период 1913–1918 гг.» и «Свод отчетов фабричных инспекторов»³³. Данные промышленной статистики освещают с достаточной достоверностью отраслевую и профессиональную структуру. Недостатком указанных источников, при всем обилии сведений, является полное отсутствие количественных данных о предпринимателях и их прибылях. Кроме того, в данных по целому ряду предприятий отсутствует численность рабочих. Однако несмотря на пробелы фабрично-заводской статистики, она в целом является важнейшим источником для изучения социального состава Российского Центра рубежа XIX–XX вв.

Из общероссийских официальных материалов, содержащих сельскохозяйственную статистику по центральным губерниям, необходимо выделить следующие сборники: «Статистика землевладения 1905 г.», «Материалы по статистике движения землевладения в России», «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России» в двух томах, сборники материалов сельскохозяйственных переписей 1916, 1917 гг. и др.³⁴. Помимо официальной сельскохозяйственной статистики, ценные сведения по теме можно найти в «Земских подворных переписях»³⁵.

Региональные материалы по сельскому хозяйству представлены, прежде всего, статистическими сборниками губернских земств. Это «Сельскохозяйственные обзоры» центральных губерний, статистические сборники и ежегодники земств, специальные выпуски, оценочно-статистические исследования губернских статистических комитетов, содержащие подробные сведения сплошных и выборочных подворных переписей³⁶. Особую ценность в них представляют материалы о миграциях и занятиях населения в годы столыпинской аграрной реформы и Первой мировой войны.

Разнообразную социально-демографическую информацию содержат общие «Обзоры губерний», а также губернские справочные издания, именовавшиеся в разные годы «Адрес-календари», «Памятные» или «Справочные книжки»³⁷. Но к их данным следует относиться сугубо критически, так как они являлись приложениями к ежегодным официальным «всеподданнейшим» отчетам губернаторов. Некоторые показатели в них либо завышались, либо занижались в интересах губернской администрации.

Определенный круг источников представлен материалами центральных и местных архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного исторического архива (РГИА), Центрального государственного архива Республики Татарстан (ЦГА РТ), Государственного архива Пензенской области (ГАПО), Государственного архива Самарской области (ГАСамО), Государственного архива Саратовской области (ГАСарО), Государственного архива Ульяновской области (ГАУО). Кроме того, были использованы некоторые материалы рукописных отделов библиотек: Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) и Отдела рукописных фондов Института Российской истории РАН (ОРФ ИРИ РАН)³⁸.

Материалы статистики центральных архивов позволяют проанализировать численность городского и сельского населения по губерниям, динамику населения губернских центров, состав населения по сословиям. Архивные материалы государственной статистики Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, губернских статкомитетов, а также канцелярий губернаторов содержат социальную, демографическую статистику и ежегодные отчеты с мест о движении населения, естественном приросте и миграциях³⁹. Сведения о городском и сельском населении существенно дополняют материалы ведомственной статистики: фонды Министерства торговли и промыш-

ленности, Министерства земледелия, заводууправлений и др.⁴⁰. О движении сельского населения, социальной дифференциации крестьянства приводятся материалы в следующих источниках: Земском отделе МВД, Земских управах центральных губерний⁴¹. Используемые документы названных архивов отражают социально-демографическое развитие Российского Центра.

В монографии использованы законодательные акты Российской империи рубежа XIX–XX вв. и первых лет Советской власти, определявшие правовое положение разных сословий, социальных слоев и групп, а также юридическую ответственность в сфере воспроизводства населения. К первой группе относятся «Свод законов Российской империи: Законы о состояниях», «Сборник законов о Российском дворянстве», «Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР» (СУ); ко второй группе – «Уложения о наказаниях», «Закон о раздельном жительстве супругов», «Свод военных постановлений», «Судебные уставы» и «Декреты Советской власти» (Т. I)⁴².

Существенное значение для комплексного изучения социально-демографического развития Российского Центра имеет разносторонняя информация прессы, центральных и губернских журналов и газет. В данной работе использована некоторая информация периодической печати России, выходившей в конце XIX – начале XX в., в 1920-х гг., а также научных и научно-популярных изданий 1950–1990-х гг.⁴³. К литературным и публицистическим источникам, фрагменты которых приведены в работе, можно отнести воспоминания и размышления П.А. Бурышкина, Н.Д. Телешова, С.Н. Терпигорева, С.Ю. Витте⁴⁴.

Разнообразные опубликованные документы, архивные материалы, периодические издания, привлеченные к исследованию, способствовали объективному освещению изучаемых проблем и позволили раскрыть содержание темы. В целом источниковая база является достаточно широкой и представительной. Особенность корпуса источников состоит в том, что в нем главное место занимает статистика.

В исследовании социально-демографических изменений общества особенно важен принцип историзма. Основными принципами изучения материала являются сравнительно-исторический, историко-типологический, историко-социологический, историко-системный, проблемно-хронологический, статистический и др. При выборе методов статистического анализа автор опирался на опыт, накопленный исторической наукой⁴⁵. В работе широко использовался контент-анализ. При обработке источников применялись некоторые математико-статистические методы: определялся коэффициент роста (скорость), подсчитывались относительные показатели, определялись показатели

основных социальных и демографических параметров. Их использование позволило выявить основные закономерности и особенности социально-демографического состава изучаемого региона. Ведущим при этом, особенно в выявлении общего и специфического в демографическом и социальном развитии крупнейшего региона Европейской России, был принят сравнительно-исторический метод.

Научная новизна исследования определяется тем, что это – работа социально-демографического плана, в которой дается комплексная характеристика населения Российского Центра на рубеже XIX–XX вв. В ней впервые последовательно прослеживаются изменения в его численности, размещении, возрастно-половом составе, социальной структуре населения на протяжении всего двадцатилетия. Выясняется специфический характер этих параметров и их изменений в разных губерниях и районах исследуемого региона. В научный оборот введен некоторый круг новых источников, произведено сравнение с подсчетами других авторов и уточнение ряда статистических данных. Работа характеризуется новым осмыслением материала, уже накопленного исторической наукой.

1. ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ЦЕНТРА НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

1.1. Численность и размещение населения

Российский Центр в конце XIX – начале XX в. занимал третью часть территории всей Европейской России и включал в себя почти половину ее губерний. Географически он располагался с северо-запада на юго-восток. Три района из четырех имели примерно одинаковую площадь: Северо-Западный (Озерный) – 293,6 тыс. кв. верст, Центрально-Промышленный – 306,2 тыс. кв. верст, Центрально-Земледельческий – 296,5 тыс. кв. верст и только Поволжский превосходил каждый из них в 1,6–1,7 раза. Этот район был расположен на площади в 513,6 тыс. кв. верст. Вся территория Российского Центра составляла 1409,9 тыс. кв. верст. Губернии незначительно отличались по величине территорий и только некоторые из них занимали площадь в 3–4 раза больше других. В Северо-Западном районе (в Новгородской и Олонецкой губерниях) соответственно 104,2 и 112,3 тыс. кв. верст, в Центрально-Промышленном (в Костромской) – 73,8 тыс. кв. верст, в Центрально-Земледельческом (в Тамбовской и Воронежской) соответственно 58,5 тыс. и 57,9 тыс. кв. верст, в Поволжском (в Самарской и Астраханской) – соответственно 132,7 и 207,2 тыс. кв. верст¹.

Количество уездов также колебалось по районам и губерниям: в Северо-Западном – 34 (от 7 до 11), в Центрально-Промышленном – 82 (от 10 до 13), в Центрально-Земледельческом – 85 (от 10 до 15) и в Поволжском – 44 (от 7 до 12). Правда, количество городов превосходило количество уездов за счет наличия в них помимо уездных еще и заштатных. Однако в ряде губерний имелись лишь уездные города, а в Астраханской – количество уездов превосходило число уездных городов – соответственно 7 и 5 – за счет двух своеобразных административных территорий, таких, как Калмыцкая и Киргизская степь (Орда)².

В трех районах Российского Центра имелось 19 посадов, за исключением Центрально-Земледельческого, однако в ряде «посадских» районов некоторые губернии их не имели. В Северо-Западном районе насчитывалось 5 посадов в двух губерниях, кроме Петербургской и Олонецкой; в Центрально-Промышленном – 9 посадов в пяти губерниях, кроме Калужской и Нижегородской; в Поволжском – 5 посадов в четырех губерниях, кроме Астраханской. Основными поселениями во всех губерниях и районах были села и деревни (их насчитывалось 167,7 тыс.), которые объединялись в сельские общества (68 тыс.)³.

Статистические данные и оценки динамики численности населения этого региона свидетельствуют о том, что к концу XIX в. здесь наметились важные перемены. Так, если в первой половине XIX в. население возросло на 46%, то во второй половине – почти вдвое. Соответственно увеличился среднегодовой коэффициент прироста населения – с 7,8% до 13,9%, а среднегодовой темп роста населения в 1867–1897 гг. составил 1,1%, обнаружив некоторые колебания в четырех районах региона Российского Центра – от 0,7 в Центрально-Промышленном до 1,6% в Северо-Западном, тогда как в Европейской России этот показатель равнялся 1,3%. В Центрально-Земледельческом районе этот показатель составил 0,8%, а в Поволжском – 1,2%⁴. Если в начале XIX в. в Российском Центре проживал каждый пятый житель Европы, то в начале XX столетия – уже каждый четвертый.

Этот ускоренный рост свидетельствовал о том, что к концу XIX в. на значительной части территории Европейской России начались демографические изменения, основу которых составил процесс модернизации общества. Правда, в России, в отличие от стран Западной Европы, модернизация проявилась значительно позже (точкой отсчета можно считать реформы 1860–1870-х гг.) и осуществлялась медленно и противоречиво. Существенные изменения в темпах индустриализации, развитии предпринимательства, товарно-денежных отношений, в росте уровня образования, развитии сельского хозяйства и т.д. и, как следствие этого, – в характере процессов смертности, рождаемости, миграций обнаружились только в конце XIX в. Значительная территориальная и социальная дифференциация по экономическим, сословным, национально-этническим, конфессиональным и другим признакам обусловила неодновременность начала и различия в темпах демографических и иных изменений в отдельных социальных слоях, районах и губерниях Российского Центра и всей Европейской России.

В стране при ее огромной и сравнительно слабозаселенной территории у громадной части сельского населения земли не хватало ни для полноценного приложения труда, ни для получения необходимых продуктов. Со времени реформ 1860–1870-х гг. земельная недостаточность быстро нарастала. Острота положения все сильнее давала о себе знать в связи с заметной технической отсталостью сельского хозяйства, повторяющимися недородами, усилением эксплуатации крестьянства в условиях аграрного кризиса, ростом повинностей.

По данным правительственной комиссии, к 1901 г. в губерниях Российского Центра в среднем на одного сельского жителя от наделенной земли получалось по 16,6 пуд. продовольственного хлеба (к нему причислен и картофель в пропорции 1:3)⁵. В эпоху развитого

товарного хозяйства, в век растущего промышленного и железнодорожного строительства, которое в конечном счете обеспечивалось поборами с деревенского населения, обеспеченность продуктами составляла уже не очень значительную часть общего прожиточного минимума. Поэтому наиболее часто встречающаяся в литературе и источниках продовольственная норма в 20 пуд. на 1 чел. в год весьма неточно обозначала действительную потребность сельского населения в зерне и картофеле. Сельскохозяйственная продукция, исчисленная на одно хозяйство или на одну душу сельского населения, значительна не в своем натуральном выражении, а как эквивалент в целом всех материальных благ, получаемых крестьянами от земли. Только часть этой продукции потреблялась в натуре, остальное надо было продать, чтобы приобрести необходимые продовольственные и промышленные товары, оплатить денежные повинности и т.д.

Условия аграрного кризиса конца XIX в. понизили доходность крестьянского земледелия. Недостаток у крестьян земли, к которой они могли бы приложить свой труд, несоответствие ее размеров трудовым ресурсам деревни и необеспеченность жизненных потребностей основной массы крестьян от наделной земли – несомненные признаки аграрного перенаселения, которое в конце XIX в. в Европейской России и Российском Центре проявилось с особой силой. Наличие аграрного перенаселения – факт несомненный. Встает вопрос о его характере и социальной природе.

Феодальное происхождение аграрного перенаселения отнюдь не являлось особенностью России, подобное имело место и в других европейских странах. Речь может идти лишь о том, в какой степени крупное землевладение в пореформенной России сохраняло в себе черты феодально-крепостнической эпохи. Этот вопрос достаточно разрешен: Россия относилась к числу тех европейских стран, в которых феодальные пережитки давали о себе знать в наибольшей степени, преобладающая часть помещичьих хозяйств на исходе XIX в. находилась в переходном периоде от полукрепостнического к капиталистическому⁶.

Феодальные истоки аграрного перенаселения в Российском Центре проявлялись в наибольшей степени. Сложнее доказать его капиталистическую природу, поскольку в пореформенное время зависимость крестьян от землевладельцев оставалась очень большой и приемы эксплуатации крестьян помещиками по форме были близки к феодальным. Отработочная и издольная система на рубеже XIX–XX вв. напоминали порядки крепостной эпохи. Однако повсюду феодальные по форме способы эксплуатации крестьян крупными землевладель-

цами не исчезали, наполненные новым содержанием экономического принуждения они практиковались в капиталистическую эпоху.

Аграрное перенаселение – существенный фактор процесса урбанизации. Оно стимулировало крестьян к выходу из деревни и способствовало установлению различных форм их связи с городом. Обычно крестьяне уходили в город, оставаясь в старом сословном звании, как бы на временную отбывку. Проживание в городе иногда длилось долго, а порой постоянно. Многие кадровые рабочие городских крупных предприятий «по паспорту» числились крестьянами.

В известной мере можно считать, что переход крестьян в город в качестве отходников, то есть временных его обитателей, был основным способом градообразования, поскольку по численности этот переход, сочетавшийся с переменной сословной принадлежности, превосходил иные поступления людей в город. Временное отбытие в город легче оформлялось документально и не обуславливалось непременной сдачей надела и ликвидацией всего деревенского хозяйства. Последнее в какой-то мере страховало крестьянина на случай неудач в городе и облегчало, если возникала необходимость, его возвращение в деревню.

Критическое положение крестьянского хозяйства совпало с кризисом крестьянской мелкой промышленности. В губерниях Центрально-Промышленного района сельские жители издавна привыкли получать средства к существованию от разного рода промыслов. Но на рубеже XIX–XX вв. крестьянская промышленность перестраивалась и постепенно свертывалась. В связи с этим большая часть крестьян, ранее занятых в ней, теряла работу. В меньшей степени это коснулось сельских кустарей и ремесленников Центрально-Земледельческого, Северо-Западного и Поволжского районов. Однако в двух последних районах в связи с развитием железнодорожной сети уменьшился спрос на работников судоходства. Местные промыслы сменялись дальними, «отхожими». В свою очередь, эти промыслы замещались постоянной работой, что связывалось с фактическим отрывом работников от сельского хозяйства, переходом их в другие сословия, социальные слои и группы и изменением социальной структуры региона в целом. Кроме того, интенсифицировались миграционные процессы. Синхронность коренных изменений в обеих частях сельской экономики – в крестьянском сельском хозяйстве и в крестьянской промышленности – создавала особые трудности для крестьян.

Все это являлось теми социально-экономическими условиями, в которых протекали демографические процессы, росли численность

населения и его концентрация в Российском Центре – крупнейшем регионе Европейской России (прил. 1).

Общая численность населения Российского Центра к началу XX в. составила 40491,8 тыс. чел., включая 5754,9 тыс. чел. городского и 34736,9 тыс. чел. сельского населения. При этом колебания численности населения по районам и губерниям достигали порой значительных показателей. Самым малонаселенным районом был Северо-Западный – 5003,8 тыс. чел., включая 1609,1 тыс. чел. городского и 3394,7 тыс. чел. сельского населения.

Среди губерний этого района первое место по общей численности занимала столичная Петербургская губерния: 2107,7 тыс. чел. за счет Петербурга; городское население здесь преобладало по той же причине, его численность равнялась 1423,4 тыс. чел., сельское составляло всего 684,3 тыс. чел. В остальных губерниях района доминировало сельское население, причем весьма существенно. Последнее место по численности занимала Олонецкая губерния, где общая численность населения была всего 366,7 тыс. чел., в том числе городского – 25,6 тыс. чел., сельского – 341,1 тыс. чел.

За Северо-Западным районом следовал Поволжский, численность населения которого равнялась 9918,8 тыс. чел., включая 910,1 тыс. чел. городского и 9008,7 тыс. чел. сельского, что свидетельствовало об аграрном характере этого района. Большая численность населения наблюдалась в это время в Самарской губернии – 2763,5 тыс. чел., в том числе 159,5 тыс. чел. городского и 2604 тыс. чел. сельского населения. Самой малонаселенной губернией района была Астраханская – общая численность 994,8 тыс. чел., городского – 134,5 тыс. чел., сельского – 860,3 тыс. чел., хотя по площади эта административно-территориальная единица занимала первое место не только в Поволжском районе, но и среди 23 губерний Российского Центра. Это объяснялось нахождением на территории губернии двух обширных и почти пустынных территорий – Калмыцкой степи и Киргизской орды, а также самой низкой в регионе плотностью населения.

Самыми крупными по численности населения были Центрально-Промышленный и Центрально-Земледельческий районы, насчитывавшие соответственно 11104,6 и 14464,6 тыс. чел., из них 1950,2 и 1285,5 тыс. чел. городского населения и 9154,4 и 13179,1 тыс. чел. сельского населения.

В Центрально-Промышленном районе наибольшей численностью населения отличалась Московская губерния с примерно равным количеством городского и сельского населения за счет высокого показателя Москвы. Здесь общая численность населения достигала 2433,4 тыс.

чел., в том числе 1128 тыс. чел. городского и 1305,4 тыс. чел. сельского. В других губерниях района сильно преобладало сельское население, а самой малонаселенной губернией была Ярославская с общей численностью в 1072,5 тыс. чел., включая 144,5 тыс. чел. городского и 928 тыс. чел. сельского населения.

В Центрально-Земледельческом районе значительно преобладало сельское население, мало отвлекавшееся отходничеством, фабрично-заводской промышленностью и занятое преимущественно сельским хозяйством. Самой многочисленной губернией района была Тамбовская – 2715,5 тыс. чел., в том числе 229,4 тыс. чел. городского и 2486,1 тыс. чел. сельского населения. Наименьшей численностью отличалась Тульская губерния с 1432,7 тыс. чел. населения, включая 168 тыс. чел. городского и 1264,7 тыс. чел. сельского населения.

При сравнении отдельных губерний и районов Российского Центра с 50 губерниями Европейской России видно значительное сходство в распределении населения по селам и городам. В Европейской России в 1897 г. насчитывалось 94215,4 тыс. чел., в том числе 12027 тыс. чел. городского и 82188,4 тыс. чел. сельского населения.

Наряду с общими данными о численности городского населения Российского Центра и его отдельных районов и губерний, интересны показатели численности населения 9 губернских центров, которые, по данным 1897 г., вошли в число 28 наиболее крупных городов России. Общая численность этих 9 городов (куда вошли и обе столицы) составила 3049,9 тыс. чел. или более половины всего населения 28 городов (5515,1 тыс. чел.). Конечно, в этой «девятке» ведущее место занимали Петербург и Москва с численностью населения соответственно – 1264,9 и 1038,6 тыс. чел., являясь крупнейшими центрами промышленности и торговли не только в регионе, но и в целом в стране.

Ряд губернских городов региона с довольно развитой промышленностью и торговлей – Казань, Саратов, Самара – с численностью населения соответственно 130; 137,1; 90 тыс. чел. также вошли в число крупных российских центров. Не случайно Самару современники называли «купчихой первой гильдии», а иностранцы – «русским Чикаго». Крупными городами были также Тула (114,7 тыс. чел.), Астрахань (112,9 тыс. чел.), Нижний Новгород (90,1 тыс. чел.), Ярославль (71,6 тыс. чел.)⁷.

Для пореформенного периода весьма характерным оказался высокий прирост населения пригородов крупных городов Российского Центра и особенно Петербурга. Население пригородов, как правило, было тесно связано в своей трудовой деятельности с экономикой самого города. Удельный вес численности населения пригородов в

отношении к общей численности населения Петербурга непрерывно возрастал и за указанный период увеличился более чем вдвое. Быстрый рост населения Петербурга происходил в результате массового притока рабочих на заработки. Рост численности населения Петербурга шел довольно интенсивно. Подсчитанный естественный прирост населения Петербурга по пятилетиям выглядел так: 1890–1894 гг. – 27,2 тыс. чел.; 1895–1899 гг. – 26,7 тыс. чел.; 1900–1904 гг. – 45,3 тыс. чел.⁸. Хотя естественный прирост населения Петербурга в течение рассматриваемого периода значительно увеличивался, все же, в основном, рост численности населения столицы происходил за счет притока извне.

Этот вывод подтверждают также показатели распределения населения Москвы по месту рождения и продолжительности пребывания в столице (по данным на 1902 г.). Пришлое население здесь составляло абсолютное большинство – 72,5%, в то время как доля родившихся во «второй» столице была всего лишь 27,5%. Сословная структура родившихся в Москве и за ее пределами показывает абсолютное и относительное большинство в числе пришлых крестьян, лиц, не указавших сословия; несколько меньше дворян и духовенства. Вместе с тем, более половины в числе коренных москвичей составляли почетные граждане, купцы, мещане и цеховые (прил. 2, 3).

Вопрос о размещении населения Российского Центра на рубеже XIX–XX вв. тесно связан с вопросами людности селений, близости их друг к другу, размещения населения по жилищам. Губернии региона по числу жителей на одно селение располагались в следующем порядке: Астраханская – 622 чел., Самарская – 621, Пензенская – 483, Воронежская – 469, Саратовская – 443, Симбирская – 412, Тамбовская – 404, Казанская – 342, Курская – 332, Рязанская – 316, Нижегородская – 305, Орловская – 246, Тульская – 211, Московская – 171, Калужская – 171, Владимирская – 167, Тверская – 142, Петербургская – 113, Новгородская – 112, Костромская – 95, Олонецкая – 87, Ярославская – 85, Псковская – 61⁹.

По занимаемой территории и близости селений друг к другу губернии Российского Центра занимали следующие площади: Псковская – 2,2 кв. верст, Ярославская – 2,9, Московская – 3,8, Калужская – 4,3, Тульская – 4,5, Тверская – 4,9, Владимирская – 5,2, Костромская – 5,3, Орловская – 5,5, Курская – 6,2, Петербургская – 6,5, Рязанская – 7, Новгородская – 8,9, Нижегородская – 9,4, Тамбовская – 9,5, Казанская – 9,5, Воронежская – 11, Пензенская – 12, Симбирская – 12, Саратовская – 15, Олонецкая – 28, Самарская – 32, Астраханская – 169¹⁰.

В течение второй половины XIX в. людность селений возросла лишь в немногих губерниях, в большинстве же она сократилась, то есть

население расселилось, а именно: в Астраханской и Воронежской – более чем на 50%, в Самарской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Курской, Рязанской, Орловской, Тульской и Московской – от 25 до 50% и, наконец, в Пензенской и Нижегородской губерниях – менее чем на 25%. К концу XIX в. селения были многочисленнее в Центрально-Земледельческом районе. Вследствие однообразия почвенных условий и отчасти степного характера этого ареала, население группировалось здесь крупными поселками, по берегам рек или балкам. Чем плотнее заселялась местность, тем больше дробились селения. Центрально-Промышленный район, напротив, характеризовался малыми селениями. В целом, близость селений друг к другу находилась в обратном отношении к их людности. Исключение составляла обширная, пустынная губерния Северо-Западного района (Олонецкая)¹¹.

Данные переписи 1897 г., переписи некоторых городов и земские подворные статистические обследования дают прекрасный материал по вопросу размещения населения по жилищам, на основании которого была произведена группировка губерний Российского Центра: 1) губернии с 300–400 тыс. дворов; 2) губернии с 200–300 тыс. дворов; 3) губернии с 100–200 тыс. дворов; 4) губернии с 100 тыс. дворов и менее. К последней группе принадлежали губернии Астраханская (61,8 тыс. дворов) и Олонецкая (52,1 тыс. дворов); остальные губернии занимали первые 3 группы. К первым двум группам относилось большинство губерний Центрально-Промышленного и Центрально-Земледельческого районов; к последним двум – большинство территорий Северо-Западного и Поволжского районов.

В среднем на один двор в Российском Центре приходилось по 3,2 чел. мужского пола, а так как в названном регионе число женщин превышало число мужчин на 5%, то на 1 тыс. дворов приходилось 65,6%, в том числе 32% мужчин и 33,6% женщин.

В конце XIX в. в губерниях Российского Центра на 1 кв. версту в среднем приходилось по 2,5 жилых строения. Это соотношение в плотно заселенных полосах гораздо выше, чем в редкозаселенных. Так, в Московской губернии на 1 кв. версту приходилось по 8 жилищ, в Тульской и Орловской – по 6, в Олонецкой – 3.

Среднее число жителей на один дом в 23 губерниях Российского Центра составляло 6,6 чел. По отдельным губерниям число жителей на один дом колебалось между 4,5 и 12,2 чел. Наиболее высокие показатели были обнаружены в следующих губерниях: Астраханской – 12,2 чел., Петербургской – 10,4, Московской – 8,4; наименьшие: в Псковской – 5,4, Владимирской – 5,3, Ярославской – 5,2, Костромской – 5,1, Тверской –

4,7 и Новгородской – 4,5. В остальных 14 губерниях на одно жильё приходилось от 5,5 до 8 чел.¹².

Наибольшее число жителей на один дом приходилось в столичных губерниях, за ними следовали плотно заселенные губернии Центрально-Земледельческого района; несколько ниже была плотность населения в черноземной степной полосе; еще ниже – в Центрально-Промышленном районе. Наибольшим простором жилищ пользовались жители лесных губерний Северо-Западного района.

Среднее число жителей на один дом в сельском населении Российского Центра к началу XX в. уменьшалось преимущественно под влиянием семейных разделов, влиявших на демографическое развитие данного района или губернии. Кроме того, существовали различия между просторными избами Центрально-Промышленного района и тесными – Центрально-Земледельческого. Плотно заселенная черноземная полоса уступала промышленной и в размерах построек.

В больших городах Российского Центра плотность заселения была выше, нежели в таких же городах Западной Европы. Так, в Петербурге на каждый дом приходилось по 106 жителей, тогда как среднее число населения одного дома в Берлине – 61 чел., в Вене – 53, в Париже – 33, в Лондоне – 8 чел. В Москве было 48,5 жителей на один дом. Там же на средний дом приходилось 6 квартир разного рода, в том числе 5 жилых; в среднем петербургском доме было 16 квартир, в том числе 14 жилых. Примерно такое же число квартир насчитывалось в домах Парижа и Берлина.

Средняя московская квартира имела 4,3 комнаты, петербургская – 3,6, берлинская – 2,3, венская – 2. В Москве квартир в одну комнату было 15% от всего числа квартир, в Петербурге – 23,8%, в Берлине – 51%. Но среднее число комнат на одну квартиру не всегда являлось признаком большего или меньшего простора. Так, на 10 комнат приходилось в среднем в Москве 21, в Петербурге – 16, в Берлине – 19, в Вене – 13 жильцов. По данным на конец XIX в. в Москве насчитывалось 7,2 тыс. подвальных жилищ или 7,5% всех квартир столицы, в которых помещалось 58,9 тыс. чел., то есть 7,8% всего населения. Из числа 96,7 тыс. московских квартир 2 тыс. или 29,5% имели всего по одной комнате и вмещали в себя 11,9 тыс. чел., то есть по 58 жильцов на 10 комнат. Из общего числа жилых подвалов были значительно углублены в землю более 3 тыс. квартир с более чем 26,5 тыс. жильцов.

В Петербурге в то же время оказалось 73 тыс. подвальных квартир, или 7,3% от всего их числа; в них 12,2 тыс. комнат с 49,6 тыс. жильцов (в среднем по 4 жильца на одну комнату), составляющих более 5% всего населения Петербурга. Квартир, расположенные в верхних этажах и

занятые по причине их неудобства преимущественно малообеспеченными слоями населения, в большом количестве имелись только в Петербурге: для жилья на 4 этаже – 11 тыс. (или 11%), на 5 – 4 тыс. (или 4%), в мансардах и мезонинах – 873 (или 0,8%). В Москве количество квартир на 4 и 5 этажах составляли лишь 0,5% от их общего числа¹³.

Размещение населения по районам и губерниям дополняет и конкретизирует вопрос о распределении людей по типам поселений. Доля городского населения в Центрально-Промышленном районе доходила до 21,8%; она заметно превышала показатель по Европейской России в целом – 13%. Однако, если исключить из расчета столичный город, удельный вес горожан в названном районе будет равен 9,6%, то есть он окажется ниже соответствующего по Европейской России¹⁴. Такое резкое снижение доли горожан при исключении из расчета населения одного города отражало последствия значительных миграций людей в этот город, которые сдерживали рост прочих городов в Центрально-Промышленном районе и в некоторых губерниях других районов исследуемого региона. Таковы главные районы концентрации горожан. Жители негородских промышленно-торговых центров ровнее распределялись по территории региона, чем горожане. Само количество этих поселений более всего зависело от структуры капиталистического предпринимательства, которая в разных его отраслях с неодинаковой силой территориально концентрировала производство.

Сравнительно мало негородских торгово-промышленных центров было в Центрально-Промышленном районе и, наоборот, их количество было резко увеличено в степном Поволжье и Заволжье. Это зависело не только от несовпадения отраслевой структуры крупной промышленности в двух указанных частях Российского Центра (в Центрально-Промышленном районе большой удельный вес легкой, а в некоторых губерниях Поволжья – тяжелой промышленности), но также и от существенного различия направлений их промышленного развития.

Среднее количество жителей города Российского Центра в этот период составляло 19,2 тыс. чел. (без столичных губерний – 15,9 тыс. чел.), средняя численность населения крупного негородского промышленно-торгового центра (села, посада, слободы) равнялась 3,2 тыс. чел. По нашим подсчетам классификация городов региона по количеству жителей выглядит следующим образом: 1) более 100 тыс. чел. – 2,2% городов, в которых проживало 36,2% чел.; 2) 50–100 тыс. чел. – 4,6% и 15,9% соответственно; 3) 25–50 тыс. чел. – 7% и 12,9%; 4) 11–25 тыс. чел. – 24,9% и 19,7%; 5) менее 11 тыс. чел. – 61,3% и 15,3%. Здесь ясно видна очень резкая неоднородность городов по числу жителей в них. Возьмем полярные данные: более трети (36%) городских жителей находилось в

2,2% городов Российского Центра, а в более половине городов (61,3%) проживало только 15,3% жителей.

К первой группе городов (св. 100 тыс. жителей) относились только 6 городов: Петербург (1264,9 тыс. чел.), Москва (1038,6 тыс. чел.), Саратов (137,1 тыс. чел.), Казань (130 тыс. чел.), Тула (114,7 тыс. чел.), Астрахань (112,9 тыс. чел.)¹⁵. Большинство этих городов являлись главными общероссийскими центрами передового экономического развития в ту эпоху, основными пунктами индустриализации и центры торговли.

В этой первой группе городов Центрально-Промышленный район представлен «вторым» столичным городом; Центрально-Земледельческий также отмечен одним городом; характерно, что в эту высшую категорию городов больше не попал никакой другой город Центрально-Земледельческой группы губерний. Вся огромная Поволжская группа губерний была представлена тремя городами, располагавшимися на ее периферии: у границы с Центрально-Промышленным районом, по волжскому пути. Совсем мало в первой группе городов было из Северо-Западного района – один столичный центр.

Во второй группе городов (50–100 тыс. чел.) встречалось много губернских административных центров, большинство из которых отмечены оживленной хозяйственной жизнью. Таковы Нижний Новгород (90,1 тыс. чел.), Ярославль (71,6 тыс. чел.), Воронеж (80,6 тыс. чел.), Курск (75,7 тыс. чел.), Самара (90 тыс. чел.). Ряд губернских центров имел 50–70 тыс. жителей: Пенза, Орел, Тверь. Во вторую группу входили и особые города: Кронштадт Петербургской губернии (59,5 тыс. чел.), а также ряд значительных уездных городов с 50–70 тыс. населения, в том числе Царицын Саратовской губернии. Как исключение, в группу крупных городов входил и заштатный город Иваново-Вознесенск Владимирской губернии (54,2 тыс. чел.)¹⁶.

Крупные города, составлявшие первую и вторую группы, находились во всех губерниях Российского Центра. Категорию же средних по размеру городов (25–50 тыс. чел.) образовывали не крупные городские административные центры губерний; с ними успешно конкурировали некоторые города – центры уездного управления.

На облике городов и на их соотношении с периферией отражалась утвердившаяся в Российской империи единая экономическая система с распределением отраслевой специализации по отдельным регионам. На становлении сети городов отрицательно сказывались угнетавшие всю экономическую, общественную, административную и политическую жизнь устаревшие формы и структуры. Влияние их давало о себе знать слабостью развития городов в Центрально-Земледельческом и в большей части Северо-Западного районов.

Величина негородских населенных пунктов несоизмерима с размерами городов: по численности населения они были значительно мельче. В Центрально-Промышленном и Северо-Западном районах находилось ок. 470 таких пунктов, из них 4 имели св. 10 тыс. жителей: Орехово-Зуево Покровского уезда Владимирской губернии (33,1 тыс. чел.), Колпино Царскосельского уезда Петербургской губернии (12,2 тыс. чел.), Гусь-Мальцевский Меленковского уезда Владимирской губернии (12 тыс. чел.) и Озеры Коломенского уезда Московской губернии (11,2 тыс. чел.).

В десяти пунктах проживало по 5–10 тыс. чел. Среди них известные промышленные центры: Глухово Богородского уезда Московской губернии, Тейково Шуйского уезда Владимирской губернии, Людиново и Песочня Жиздринского уезда Калужской губернии, Кимры Корчевского уезда Тверской губернии. Остальные негородские пункты Центрально-Промышленного и Северо-Западного районов имели не более 5 тыс. жителей. Фактически большая часть их располагала ок. 1 тыс. чел. Это примерно столько же, сколько обычно имелось на одном крупном промышленном предприятии.

В Центрально-Земледельческом районе поселения были крупнее, в связи с этим число жителей в негородских пунктах было больше, чем в Центрально-Промышленном и Северо-Западном районах. Свыше 10 тыс. чел. проживало в 16, а от 5 до 10 тыс. чел. – в 143 пунктах¹⁷. Однако на 992 пункта, имевшихся в этой части Российского Центра, это было совсем немного. Несколько выше доля крупных промышленных негородских поселений была в Поволжье, особенно в степных уездах заволжских губерний – Самарской и Саратовской.

Распределение городов по их размеру приводит к следующим выводам. Наблюдалась большая дифференциация городов по численности жителей: наличие среди массы мелких городов крупных и крупнейших, с преимущественным стягиванием этих значительных городов к Центрально-Промышленному району. Такое расположение основных городских центров не было случайным – оно выражало неравномерность социально-экономического развития региона. Процесс урбанизации сопутствовал развитию капиталистических отношений. При неравномерном распределении городов и городского населения все же весь регион был охвачен значительной сетью городов. Показательно, что все географические ареалы Российского Центра имели широкое представительство во всех категориях городов – крупных, средних и мелких. В этом выразились успехи экономического развития страны к началу XX в.

1.2. Состав населения по возрасту и полу

Наиболее важным демографическим показателем является состав населения по полу и возрасту. Довольно подробные сведения по рассматриваемому вопросу приведены в материалах переписи населения 1897 г.

На 100 мужчин Российского Центра в среднем приходилось тогда 104 женщины; среди городского населения – 91 женщина, а среди сельского населения – 106 женщин. О распределении отдельных сословий по полу можно судить по следующим данным: здесь на 100 женщин приходилось мужчин: у дворян потомственных – 112 женщин, у дворян личных и чиновников – 110, у лиц духовного звания – 118, у потомственных и личных почетных граждан – 96, у купцов – 104, у мещан – 106, у крестьян – 104, у войсковых казаков – 104. Соотношения численности мужчин и женщин наиболее многочисленных сословий – крестьян и мещан – оказались близкими к средним показателям по всему населению Европейской России¹⁸.

В прил. 4 приведены данные о соотношении мужчин и женщин по 23 губерниям Российского Центра. Состав населения по полу в отдельных губерниях в значительной степени был различным. Так, в Ярославской губернии на 100 мужчин приходилось 133 женщины, в Калужской – 126, в Тверской – 125, в Костромской – 123. В этих губерниях наблюдалось широкое развитие отхожих промыслов. В Петербургской губернии и Петербурге, наоборот, число женщин отставало от числа мужчин. В эти губернии направлялись значительные массы рабочего, преимущественно мужского, населения для работы на фабриках или в сельском хозяйстве.

Как отмечал П.П. Семенов-Тянь-Шанский, значительное преобладание женщин в ряде губерний Центрально-Промышленного района на рубеже XIX–XX вв. отчасти было вызвано отходом мужского населения на заработки в столицы. Кроме того, по мнению А.И. Чупрова, в губерниях со значительным численным перевесом женщин смертность мужчин была выше на 9–14%, тогда как в среднем по Европейской России смертность их превышала только на 4%¹⁹.

Материалы переписи 1897 г. содержат сплошные данные о распределении всего населения по полу и возрастным группам. Особенность возрастного состава населения Российского Центра выражалась в следующем: младшие возрастные группы до 20 лет насчитывали почти половину всего населения – 48,7%, причем в возрастной группе до 10 лет было 27,3% населения. На возрастные группы 20–39 лет приходилось 37,2%, а старше 60 лет – всего 7% населения. Различия в распределении по возрасту мужчин и женщин были в целом небольшими.

Удельный вес некоторых возрастных групп в городах резко отличался от удельного веса этих групп в сельской местности. В возрасте до 10 лет в селах насчитывалось 28,3%, а в городах – 19,7% от общей численности населения. Наиболее работоспособные возрастные группы 20–39 лет среди городского населения составляли 37%, среди сельского населения – лишь 27%. Различия в возрастном составе городского и сельского населения Российского Центра были значительнее у мужчин. Среди городского населения в возрасте 20–39 лет мужчин было 40,8%, а женщин – 32,9% от общей численности²⁰.

Эти подсчеты подтверждаются выводами о том, что возрастной состав городского и сельского населения Российского Центра представлял значительные различия. В городах преобладали лица рабочего возраста, доля детей и стариков была ниже, чем среди сельского населения. По подсчетам российского демографа С.А. Новосельского, младенцев в городах насчитывалось 2,7%, в селах – 3,5%, детей до 15 лет соответственно – 27,3% и 36,2%, лиц в возрасте 15–60 лет – 63,7% и 53,3%, лиц старше 60 лет – 8,3% и 6,9%. В 1897 г. в городах Российского Центра женщины составляли в среднем 9,1%²¹.

Темп роста численности женщин в Петербурге в конце XIX в. был более высоким по сравнению с темпом роста численности мужчин, поэтому соотношение общей численности мужского и женского населения в эти годы уменьшилось. Сравнительно значительный рост дает возрастная группа до 15 лет, удельный вес которой вырос с 19,5% до 23,1%. Эти данные также свидетельствуют о вполне определившихся процессах увеличения удельного веса тех групп населения, которые проживали в Петербурге с семьями. Заметно уменьшилась возрастная группа от 31 до 60 лет – с 38,8% до 32,8%²².

В 1897–1902 гг. рост численности женского населения в Москве также проходил более интенсивными темпами, чем рост мужского населения: в 1897 г. коэффициент женщин составил 75,5%, в 1902 г. – 76,7%. О распределении населения Москвы без пригородов по основным возрастным группам имеются данные переписи 1902 г. К началу XX в. увеличился удельный вес двух возрастных групп: 0–9 лет и 20–29 лет; группа 30–39 лет в целом осталась стабильной, а удельный вес всех остальных групп понизился. Среди населения «второй» столицы большинство составляли лица работоспособного возраста – 15–59 лет. Материалы переписи дают наглядное представление о значительном росте в Москве детского населения до 9 лет. Так, удельный вес младенцев в 90-х гг. XIX в. вырос на 49%, а к 1902 г. – на 88,5%, детей в возрасте 1–4 лет соответственно – на 30,8% и на 83,5%; 5–9 лет – 29,3% и 60,8%. В целом же количество детей до 9 лет возросло в 90-х гг. XIX в.

на 36,4%, а к 1902 г. – на 77,6%. Рост детского населения проходил в гораздо более интенсивном темпе по сравнению с общим ростом всего населения: доля младенцев увеличилась на 137,5%, детей в возрасте 1–4 лет – на 114,3%, 5–9 лет – на 90,1%, в целом, детей до 9 лет – на 114%²³.

На возрастно-половой состав населения влияли показатели брачности и рождаемости. К концу XIX в. удельный вес невест в возрасте до 20 лет был наиболее высоким в Астраханской, Пензенской, Самарской и Симбирской губерниях соответственно – 77,5%, 73%, 67,6% и 67%; коэффициент рождаемости в этих губерниях равнялся 53,7%, 52,1%, 57,7% и 55,4%. В губерниях с высоким удельным весом невест в возрасте 20 лет и моложе показатели рождаемости оказались более высокими. Вместе с тем, в Псковской и Петербургской губерниях удельный вес невест в возрасте до 20 лет был наименьшим в регионе, соответственно – 31,4% и 27,3%; коэффициенты рождаемости равнялись 40,6% и 29,5%²⁴. Эта группа губерний имела пониженными и показатели рождаемости.

В.И. Гребенчиков отмечал, что по данным 1896–1897 гг., относящимся к 26 губерниям Европейской России, средний коэффициент рождаемости среди женщин 15–50 лет равнялся 19,9%²⁵. По нашим подсчетам, различия рассматриваемого показателя в городах и селах 14 губерний Российского Центра имелись и, порой, весьма значительные. В среднем, в регионе рождаемость составляла в губернских городах 14%, в уездных и заштатных городах – 22,2% и в сельской местности – 21,3%. Средние показатели Европейской России были ниже Центрального региона соответственно – 12,4%, 15,7% и 20,6%.

Однако в отдельных губерниях выявились большие различия. Особо резкие несоответствия показателей рождаемости в губернских городах и в сельской местности наблюдались в губерниях: Воронежской – 13,4% и 26%, Орловской – 13,9% и 23,5% и Казанской – 13,6% и 31,4% (прил. 5). В губерниях со значительным развитием отхожих промыслов различия в показателях рождаемости в губернских, уездных городах и в селах были сравнительно небольшими.

Рождаемость в Российском Центре на рубеже столетий находилась на очень высоком уровне и выражалась к началу XX в. коэффициентом примерно в 50%. На протяжении XIX в. рождаемость находилась приблизительно на одном уровне, но с начала XX в. она стала снижаться. Это видно из показателей 1891–1905 гг. по пятилетиям: 49,6%, 49,7%, 48,9%²⁶. На протяжении 15 лет коэффициент рождаемости упал незначительно, но это уже свидетельствовало о том, что Россия в начале XX в. вступала на путь, по которому ведущие западноевропейские страны

пошли еще в 70-х гг. XIX в. Это путь регулирования числа детей в семье, который можно назвать «контролем рождаемости».

Применение контроля рождаемости требовало известного культурного уровня, поэтому понятно, что в начале он стал распространяться среди городского населения. В результате этого, а также ряда других факторов, возникло различие между уровнем рождаемости в городе и в селе. Так, коэффициент брачной плодовитости в городе в 1896–1897 гг. составил 247,2, а в селе – 307,1²⁷. Важно отметить, что контроль рождаемости начал распространяться уже в ту пору и в сельской местности, так как там было отмечено некоторое снижение коэффициента рождаемости.

Однако, несмотря на указанное выше, высокая рождаемость была характерна не только для крестьянского населения России; среди грамотных и обеспеченных слоев населения того времени нередки были семьи с очень большим количеством детей. К примеру, у писателя Л.Н. Толстого было тринадцать детей; в семье московского чиновника тринадцатым ребенком был впоследствии известный хирург Н.И. Пирогов; у директора Тобольской гимназии родилось семнадцать детей, причем последним ребенком был выдающийся ученый-химик Д.И. Менделеев.

Существенным фактором высокого уровня рождаемости среди крестьянства было наличие общинной земельной собственности. Время от времени производились земельные переделы, по которым многодетные семьи иногда получали больше земли.

В конце XIX в. в Российском Центре среднегодовой коэффициент рождаемости составлял ок. 50%; такой его высокий уровень был довольно устойчивым.

В 1891–1900 гг. колебания рождаемости в 23 губерниях региона были незначительными – 50,7–49,5%. Снижение показателей рождаемости стало заметно лишь в первое десятилетие XX в. А вот снижение смертности носило более заметный характер – с 36,5% до 32,1%, так же, как и показатели естественного прироста, – с 14,2% до 17,4%. Есть основания полагать, что в Российском Центре на снижение рождаемости оказала влияние урбанизация. Наиболее низкие показатели рождаемости, которые приближались к показателям Прибалтики и некоторых западноевропейских стран, были в Северо-Западном районе. В губерниях, расположенных юго-восточнее этого района, рождаемость достигала порой биологически возможных пределов – 50–60%. Этим отличались Центрально-Земледельческий и Поволжский районы. Между ними и Северо-Западным помещался Центрально-Промышленный район.

Высокая рождаемость в Российском Центре объяснялась не какими-то биологическими или национальными особенностями, а ранними браками крестьянского населения, которое составляло большинство населения региона.

В указанный период колебания рождаемости в регионе в целом были незначительными. Снижение показателей рождаемости вполне определилось позже, в первое десятилетие XX в. Из отдельных факторов, повлиявших на снижение рождаемости, можно выделить уменьшение брачности и рост городского населения, среди которого рождаемость была более низкой.

Высокой рождаемости в Российском Центре сопутствовала очень высокая смертность, несмотря на некоторое снижение в России, она была выше, чем во многих других странах.

Определим, какова была динамика коэффициента смертности в Российском Центре за 10 лет (с 1891 по 1900 гг.) За этот период по пятилетиям коэффициенты были следующими: 36,2%, 32,1%. Особо высокий показатель смертности наблюдался в 1892 г. – 41%²⁸. В период 1891–1895 гг. коэффициент смертности был довольно высоким. Только начиная с 1896–1900 гг. наблюдалась некоторая тенденция к его снижению.

Небольшое снижение смертности, которое наблюдалось в тот период, объясняется, главным образом, уменьшением распространения острозаразных болезней в результате усилий земских врачей и некоторого улучшения медицинского обслуживания населения, особенно в городах. Несмотря на успехи медицины в работе по оздоровлению населения уровень смертности продолжал оставаться очень высоким. Особенно он был велик в неурожайные годы, когда сотни тысяч людей погибали от голода и связанных с ним эпидемий.

В голодные годы коэффициент смертности в Российском Центре превышал 40%, а в отдельных губерниях, наиболее страдавших от голода, «коса смерти» производила настоящее опустошение. Так, например, в 1892 г. в Астраханской губернии коэффициент смертности достиг необычно высокого уровня – 78,4%. Это означало, что только за один год погибал каждый 12 житель Астраханской губернии. Но даже и в урожайные годы смертность в Российском Центре была очень высока: люди, принадлежавшие к низшим слоям и группам городского и сельского населения, умирали в огромном количестве в результате тяжелых условий жизни.

Следует подчеркнуть, что высшие и средние слои предпринимателей, дворянства, чиновничества, духовенства, интеллигенции жили в гораздо лучших условиях и уровень смертности у них был значительно ниже.

Имеющиеся немногочисленные материалы о положении сельского населения в Российском Центре подтверждают этот вывод. Так, используя документы подворной переписи Воронежской губернии 1897 г. и данные известного земского статистика Ф.А. Щербины, была подсчитана зависимость уровня смертности от уровня материальной обеспеченности крестьянства. У безземельных и малоземельных слоев сельского населения коэффициент смертности был почти в 1,5 раза выше, чем у зажиточных²⁹. Все это говорило о том, что в условиях резкой социально-экономической дифференциации существовало и резкое различие в уровне показателей смертности.

Данные о значительных различиях показателей смертности населения центральных кварталов и окраин Петербурга в конце XIX в. важны для определения социальной дифференциации смертности городского населения. Смертность от разных причин в центре составляла 28,9%, на окраинах – 45,5%; от холеры соответственно – 1,5% и 2,8%; от тифа – 1,2% и 1,8%; от оспы – 3,4% и 6,8%³⁰. Следовательно, на окраинах, где проживали малоимущие слои населения, смертность, по сравнению с центром города, заселенным главным образом богатыми и состоятельными людьми, была почти вдвое выше.

Показательны в этом отношении и сведения о динамике заболеваний петербургского населения брюшным тифом в 1892–1901 гг. по пятилетиям. В 1891 г. среднее число заболеваний составило 2,3 тыс., в 1892–1896 гг. – 1,5 тыс., в 1897–1901 гг. – 5,7 тыс.; в среднем за весь период – 3,1 тыс.³¹.

Необходимо отметить, что вследствие недостаточно удовлетворительного учета умерших среди отдельных групп населения приведенные показатели смертности, вероятно, являются несколько заниженными.

Очень важными являются показатели взаимосвязи смертности и брачности. С.А. Новосельский, проанализировав показатели смертности по разным категориям брачного состояния в Петербурге за 4 года (1899–1902 гг.), установил, что смертность холостых мужчин и вдовцов значительно превышала смертность женатых. Аналогичная зависимость наблюдалась и у женщин, хотя она была не так ярко выражена, а в двух последних возрастных группах, напротив, оказывалась выше смертности замужних. Более высокая смертность замужних в возрасте 21–30 лет связана с неблагоприятным влиянием вступления в половую жизнь и деторождения на здоровье молодой женщины. При изучении различий в смертности от разных причин оказалось, что холостые и вдовцы умирали от туберкулеза в 2–3 раза чаще, чем женатые, девицы и вдовы – чаще замужних, за исключением возраста 16–30 лет, в котором смертность замужних от туберкулеза была выше. Смертность

от рака холостых и вдовцов была выше смертности женатых; смертность девиц от рака была гораздо ниже смертности замужних³².

Кроме того, другой причиной более высокой смертности незамужних женщин являлось то, что в брак вступали преимущественно более зажиточные, а менее обеспеченные чаще оставались холостыми. Иными словами, влияние оказывало социальное положение того или иного лица и различная степень благосостояния. Эти обстоятельства объясняют более высокую смертность «старых дев» и вдов. Что же касается высокой смертности холостых и вдовцов, то здесь подобное объяснение малопригодно, поскольку для Российского Центра конца XIX в. не было оснований считать женатых более зажиточными, чем холостых, особенно среди низших и малообеспеченных слоев городского и сельского населения.

К 1905 г. за 15 лет смертность в Российском Центре понизилась примерно на 15%. При этом следует учитывать, что значительную долю общего показателя смертности составляла детская смертность. Если принять во внимание снижение рождаемости, которое произошло в тот же период, то при прочих равных условиях это привело к относительному уменьшению смертности в возрасте 0–4 лет; вследствие этого темпы снижения общего показателя смертности не столь значительны. С учетом падения рождаемости общий коэффициент смертности за указанные 15 лет снизился не на 15%, а на 10%.

В 1890 г. было заметно небольшое снижение показателей смертности по сравнению с рождаемостью. Но в следующее пятилетие (1891–1895 гг.) смертность вновь повысилась до 36,2%. Особенно высокая смертность была в 1892 г. – 41%³³.

Такие неблагоприятные годы, как 1892 г. повторялись довольно часто³⁴. Приведем доказательство из официальных отчетов того времени о крайнем неблагополучии населения в отношении санитарного состояния: «Война [Русско-Японская – С.М.] ... и неурожай в связи с экономическим кризисом и безработицей тяжело отозвались на народном здравии. Коэффициент смертности в Европейской России, значительно повысился (до 30,9%) против цифры предыдущего года (29,1%) и был наивысшим в 1899–1904 гг., лишь немного уступая цифре смертности (31,1%) неблагоприятного 1901 г.»³⁵.

Одним из ярких показателей экономической отсталости и низкого уровня санитарного состояния России исследуемого периода являлась исключительно высокая детская смертность. К сожалению, большинство опубликованных работ по вопросам детской смертности ограничивалось анализом коротких периодов или незначительных территорий – отдельных губерний и уездов, поэтому использование литератур-

ных и документальных источников помогло систематизировать основные материалы по этим вопросам.

Приведем данные о смертности младенцев в Российском Центре за 10 лет: с 1891 по 1901 гг. по пятилетиям: 1891 г. – 26,9%, 1892–1896 гг. – 27,5%, 1897–1901 гг. – 26%. Таким образом, в среднем за 10 лет смертность младенцев составила 26,8%. Снижение младенческой смертности было в целом весьма незначительным. Чрезвычайно высокая смертность младенцев наблюдалась в 1892 г. Самый низкий показатель младенческой смертности в регионе был равен 23–24%, ниже этого предела он никогда не опускался³⁶.

Наблюдались также весьма большие различия в показателях смертности младенцев по отдельным губерниям Российского Центра. Вместе с тем, отметим, что младенческая смертность учитывалась не полностью, особенно церковной статистикой, из-за смерти некрещеных младенцев, причем этот недоучет был по некоторым губерниям значительным.

Несмотря на то, что в период с 1890 по 1897 гг. показатель смертности младенцев менялся в разных губерниях региона в сторону увеличения или уменьшения, все же наиболее высоким он был в следующих губерниях: Московской – соответственно по годам – 40,6% и 36,6%, Нижегородской – 39,7% и 41%, Владимирской – 38,8% и 36,3%. Менее высокой младенческая смертность в эти годы наблюдалась в губерниях: Рязанской – 27,7% и 29,2%, Астраханской – 24,5% и 29,8%, Курской – 22,4% и 25,5%. В среднем по 50 губерниям Европейской России в эти годы умирало младенцев 27,1% и 27,4%.

Данные о смертности младенцев в Петербурге в 1890–1901 гг. свидетельствуют о том, что детская смертность в столице на протяжении периода в 10 лет продолжала оставаться высокой. Самый низкий показатель 22,8% был в 1890 г., немного выше – от 24% до 24,9% были показатели в 1891, 1892, 1893, 1894, 1899 гг. К началу XX в. Этот показатель вновь поднялся до 26,5%. В среднем, за 10 лет показатель младенческой смертности равнялся 25,5%³⁷.

По данным П.И. Куркина, младенческая смертность в Московской губернии в конце XIX в. составляла 45,4% от общей смертности всех возрастов, причем этот показатель колебался: в 1890–1892 гг. – 45,7%, в 1893–1897 гг. – 43,5%. По районам губернии младенческая смертность составляла: на западе – 54,9%, на севере – 47,4%, в центре – 43,6%, на юго-востоке – 40,2%. По уездам этот показатель возрастал от 39% в Подольском до 56% – в Рузском уездах³⁸.

Детская смертность была очень велика вследствие неумелого ухода за детьми, неправильного кормления, антигигиенических обрядов, не-

посильного труда в период беременности, плохого питания и недостатка медицинской помощи. Особенно много умирало младенцев, когда слабый организм на первом году жизни сталкивался с неблагоприятными условиями жизни, не выдерживал и погибал. О динамике детской смертности в регионе за 10 лет (с 1891 по 1901 гг.) дают представление следующие коэффициенты по пятилетиям: 1891 г. – 26,9%, 1892–1896 гг. – 27,5%, 1897–1901 гг. – 26%. Особенно высокого размера достигала детская смертность в неблагоприятном 1892 г. Как показывают статистические материалы, детская смертность достигла в Московской губернии 40,6%, в Нижегородской – 39,7%.³⁹ В этих губерниях снижение детской смертности стало заметным только в 1910 г. Некоторая тенденция к снижению детской смертности начала проявляться лишь в первые годы XX в.

Основными причинами этого были голод, а также чрезвычайно тяжелые условия быта широких слоев населения. На это указывали исследователи того времени, в частности, Д.А. Соколов, В.И. Гребенщиков и С.А. Глебовский⁴⁰. В основе нищеты крестьянства было малоземелье, а также недостаток скота и инвентаря. Чем лучше крестьянин был обеспечен всем этим, тем выше был материальный уровень его хозяйства и тем меньше была детская смертность. Иллюстрацией этого могут служить данные по Воронежской губернии за 1897 г. Во дворах, обеспеченных лучше, уровень детской смертности был на 1/3 ниже⁴¹.

Повышенные показатели детской смертности были связаны также с низким культурным уровнем матерей. Подсчитанные и сгруппированные данные о количестве грамотных женщин в 1897 г. и средние данные о смертности детей в возрасте до 5 лет в 1890–1896 гг. отражают следующие показатели: 1) грамотность – 49,2%, смертность – 35,1%; 2) соответственно 16% и 40,6%; 3) 9,4% и 43,1%; 4) 6% и 46,4%⁴². Эти данные показывают, что чем ниже доля грамотных женщин, тем выше смертность детей.

Наиболее высокой была смертность детей в возрасте до 5 лет в трех губерниях Российского Центра: в Московской соответственно по годам (1890–1896 гг.) – 55,4% и 51,6%, во Владимирской – 52,2% и 50,3%, в Нижегородской – 50,9% и 53,8%; менее высокой – также в трех губерниях: в Рязанской – 41,5% и 45,4%, в Тамбовской – 40,3% и 48,4%, в Курской – 39,5% и 41,4%. Средние коэффициенты по Европейской России составляли – 42,3% и 43,2%.⁴³

Наряду с губерниями, в которых показатель младенческой и детской смертности понизился, имелись губернии, где изменения смертности были сравнительно незначительными, а также губернии, где детская смертность повысилась.

Сохранившиеся материалы ряда обследований санитарных врачей о смертности детей фабрично-заводских рабочих свидетельствуют о том, что при общих высоких показателях детской смертности в Российском Центре смертность детей рабочих оказалась еще более высокой. Резко повышенная смертность детей этих групп населения являлась результатом низкого уровня заработной платы, чрезмерно продолжительного рабочего дня, неблагоприятных гигиенических условий труда и быта, почти полного отсутствия охраны труда работниц, неудовлетворительных жилищно-бытовых условий низкооплачиваемых рабочих и влияния общей санитарной обстановки⁴⁴.

Средний возраст умерших в значительной степени зависел от возрастной структуры населения, которая, в свою очередь, определялась уровнем рождаемости и рядом других факторов. Ясно, что, если росла рождаемость и одновременно увеличивалось число умерших детей, уже только вследствие этого средний возраст умерших будет снижаться. Возраст средней продолжительности жизни населения Российского Центра в 1896–1897 гг. составил 32,4 года, в том числе для мужчин – 31,3 года, для женщин – 33,4 года⁴⁵.

Средняя продолжительность жизни населения региона за десятилетие – с 1892 по 1901 гг. – была еще меньше – 29,3 года (27,9 лет у мужчин и 30,7 лет у женщин), что было ниже показателей обеих столиц, особенно Петербурга, а также итоговых показателей Российского Центра со столицами. Вместе с тем, отдельные порайонные показатели значительно колебались, а показатели Северо-Западного района превышали средние показатели всего региона. Поволжский район имел показатели ниже средних по региону, а Центрально-Промышленный – близкие к средним региональным (прил. 6).

Весьма интересны сравнительные данные о низкой средней продолжительности жизни населения Российского Центра и некоторых других регионов Европейской России. Они были подсчитаны на основании материалов переписи 1897 г. и данных об умерших в 1896–1897 гг. Средняя продолжительность жизни составляла: в губерниях Российского Центра для мужчин – 31,3 года, для женщин – 33,4 года; в губерниях Украины – соответственно 35,3 и 36,2 лет; в губерниях Белоруссии – 37 и 37,9 лет; в среднем – 34,5 и 35,8 лет⁴⁶.

По данным переписи населения 1897 г. и сведений об умерших в 1896–1897 гг. основной особенностью смертности в Российском Центре на рубеже столетий была исключительно высокая смертность детей в возрасте до 10 лет, высокая смертность в юношеском и среднем возрасте, умеренная смертность в раннем и старческом возрасте. Следует также отметить характерную для земледельческой России

особенность, состоявшую в более высокой смертности женщин по сравнению с другими странами.

Для смертности 1896–1897 гг. была характерна так называемая V-образная модель. Особенность этой модели – крайне высокая детская смертность, находившаяся на уровне смертности предельно старших возрастов. Своеобразием Российского Центра в этом отношении являлось превышение смертности детей над смертностью глубоких стариков. В других странах смертность детей, как правило, соответствовала смертности людей в возрасте 80–85 лет. Такая специфика смертности в регионе отражала, с одной стороны, исключительно высокую детскую смертность, с другой – весьма низкую старческую смертность.

Показатели смертности городского населения превышали показатели смертности сельского. Особенно высока была смертность в крупных промышленных центрах – Петербурге и Москве. Продолжительность жизни там была на 2,5 года ниже, чем в целом по 23 губерниям Российского Центра. Тяжелые условия жизни в городах больше всего сказывались на мужском населении: продолжительность жизни мужчин в городах региона была на 3,7 года ниже, чем мужчин 23 губерний. Продолжительность жизни мужчин в Москве составляла 23 года, а в Петербурге – 25 лет, то есть была соответственно на 8 и 6 лет ниже, чем у всего мужского населения Российского Центра⁴⁷.

Весьма своеобразным было и соотношение мужской и женской смертности в городах и селах. В городах смертность мужчин была значительно выше, чем женщин в возрастах старше 25 лет; в селах же различие между мужской и женской смертностью выражалось гораздо менее резко, причем во многих возрастах, особенно репродуктивных, женская смертность преобладала над мужской.

Подводя итоги анализа смертности населения Российского Центра к началу XX в., следует отметить, что смертность в регионе была типична для традиционного способа воспроизводства населения в преимущественно аграрных странах со средним уровнем социально-экономического развития и невысокой степенью культуры большинства населения в санитарно-бытовом отношении. Кроме того, характер и особенность смертности в регионе сводились к тому, что смертность здесь была исключительно высокой в младенческом и детском возрасте до 10 лет; довольно высокой – в юношеском и зрелом рабочем возрасте; умеренной – в пожилом возрасте и низкой – в возрасте глубокой старости (старше 80 лет).

Тяжелыми социально-экономическими условиями жизни городских и сельских низов в Российском Центре был обусловлен процесс

воспроизводства населения в конце XIX – начале XX в. Этого факта не могла скрыть и официальная статистика. В различных изданиях и отчетах содержится немало ссылок на тяжелые материальные и санитарно-бытовые условия жизни населения.

Обратимся к основным показателям естественного движения населения. Для общей характеристики демографических процессов основные показатели естественного движения населения 23 губерний Российского Центра сгруппированы по пятилетиям (с 1890 по 1900 гг.). В среднем, за весь рассматриваемый период рождаемость снизилась с 50,7% до 49,5%, смертность – с 36,5% до 32,1%, а естественный прирост населения повысился с 14,2% до 17,4%⁴⁸.

Дополнительно к данным по пятилетиям имеются соответствующие показатели естественного движения населения 23 губерний Российского Центра за отдельные годы указанного периода. Нельзя не обратить внимания на пониженный естественный прирост населения в 1892 г. – 5%⁴⁹.

В прил. 7 даны показатели воспроизводства населения в 1892 г. в 9 губерниях Российского Центра с наиболее высокой смертностью. В это число вошли четыре губернии Центрально-Земледельческого района и пять губерний Поволжья. И хотя разные губернии региона обнаруживали порой существенные колебания превышения смертности над рождаемостью (от 0,2% до 24,2%), средние показатели по всему региону оказались близкими к средним показателям по 18 губерниям Европейской России.

Подсчитанные показатели естественного движения населения по группе городов с наиболее высокой смертностью в 1892 г. (девять губернских и четыре уездных), свидетельствуют о еще более разительном контрасте между естественным приростом и смертностью. В губернских городах колебания смертности проявлялись в пределах 4,9–8,7%, в уездных – 8,7–28,8%. Хотя средние показатели 13 городов Российского Центра и 19 городов России и в данном случае были близкими, однако видно, что по всем 13 городам численность умерших значительно превышала численность родившихся, причем смертность в некоторых городах была исключительно высокой (прил. 8). Отметим также, что из 516 городов Европейской России в 207 городах абсолютное число умерших превышало число родившихся.

Сравнительно более высокий рост рождаемости происходил в годы интенсивного роста промышленности – 1896–1900 гг. Среднегодовое число умерших значительно возросло в первой половине 90-х гг. XIX в. и уменьшилось во второй половине. Вместе с тем, темп естественного прироста населения был высоким в течение всего периода 1896–1900 гг.

По сравнению с предыдущим пятилетием естественный прирост населения отставал. В 1891–1895 гг. в Российском Центре он составил 7,3%, а в 1896–1900 гг. – 17%, обнаруживая незначительные колебания по губерниям.

Интересны также показатели естественного движения населения Российского Центра, подсчитанные как отношение числа родившихся к числу умерших по 23 губерниям региона в 1891–1900 гг. по пятилетиям: в 1890 г. – 145,2, в 1891–1895 гг. – 135,6, в 1896–1900 гг. – 154,4. В среднем, за весь период – 145⁵⁰. Таким образом, в среднем, в 1891–1900 гг. численность родившихся превышала численность умерших в 1,4 раза.

Директор Центрального статистического комитета П.П. Семенов-Тянь-Шанский писал о причинах недоучета умерших: пропуски в метрических записях смертей во время сильных эпидемий и повальных болезней, смерть в отхожих промыслах, вдали от постоянного места жительства и пр.⁵¹.

Средние показатели по всему региону были достаточно устойчивыми, наблюдались незначительные колебания, и только к началу XX в. они несколько повысились: в 1890 г. – 15,7%, в 1891–1895 гг. – 12,7%, в 1896–1900 гг. – 17,4%. В среднем, за весь период – 15,3%. Наиболее низкими показателями естественного прироста населения отличалась Ярославская губерния. Здесь этот демографический показатель в среднем за указанный период составил 6,5%, при рождаемости – 41,1% и смертности – 34,6%⁵².

Отметим также, что особо резкие различия в показателях естественного прироста населения в ряде губерний выявились лишь в 90-х гг. XIX в. Приведем показатели по этой группе губерний по пятилетиям – 1891–1895 гг. и 1896–1900 гг.: Воронежская соответственно – 7,3% и 20,6%, Казанская – 5,6% и 15,1%, Курская – 8,7% и 16,9%, Нижегородская – 9,1% и 14,5%, Орловская – 10,9% и 15,7%, Пензенская – 4,9% и 17,9%, Самарская – 6% и 19,1%, Саратовская – 6,7% и 17,6%, Симбирская – 5,3% и 16,1%, Тамбовская – 6,8% и 17,9%, Тульская – 8,7% и 15,7%. В среднем по Российскому Центру показатель естественного прироста населения в 1896–1900 гг. – 17,4% оказался выше на 37% показателя 1890–1895 гг. – 12,7%. По отдельным губерниям, как свидетельствуют приведенные данные, различия рассматриваемого показателя по пятилетиям были значительнее.

Показатели рождаемости и смертности населения Российского Центра в целом в исследуемый период снизились. При этом снижение смертности населения было более заметным. В результате произошло небольшое повышение естественного прироста: в 1891–1895 гг. –

14,2%, а в 1896–1900 гг. – 17,4%. Различия этого демографического показателя по отдельным губерниям были значительными в 1891–1895 гг. по сравнению с 1896–1900 гг.⁵³.

Необходимо отметить, что в конце XIX в. в значительном числе городов Российского Центра наблюдались низкие показатели естественного прироста населения, а в ряде городов, особенно крупных, выявилась даже убыль населения. В целом, высокий прирост городского населения в этот период происходил преимущественно за счет механического прироста, усиления миграционных процессов. При столь сложных условиях считаем возможным привести дифференцированные показатели естественного движения городского населения. В первую очередь важны соответствующие материалы обеих столиц.

Показатели естественного движения населения Петербурга в 1891–1900 гг. по пятилетиям несколько улучшились: появилась положительная динамика естественного прироста, впрочем, весьма незначительная: в 1890 г. рождаемость составила – 31,6%, смертность – 27,9%, естественный прирост – 3,7%; в 1891–1895 гг. соответственно – 30,8%, 26,3%, 4,5%; в 1896–1900 гг. – 30,3%, 25,6%, 4,7%. Средние показатели за весь период составили: родившихся – 30,9%, умерших – 26,6%, естественного прироста – 4,3%.

В среднем за 10 лет показатели рождаемости и смертности были близкими, а естественный прирост – весьма незначительным. В 1895 г. наступил перелом к лучшему, но все же показатели естественного прироста за десятилетие (1891–1900 гг.) оставались низкими – 4,3%⁵⁴.

Движение населения Москвы по пятилетиям в 1891–1901 гг. показано в следующих данных: в 1891 г. смертность составила 25,4%; в 1892–1896 гг. – 25,7%; в 1897–1901 гг. – 23,7%; средний показатель за весь период – 24,9%⁵⁵.

Небольшое снижение смертности населения в Москве можно объяснить изменением его возрастно-полового состава и некоторым улучшением санитарного состояния города. Правда, это снижение смертности населения «второй» столицы было довольно медленным: за 10 лет коэффициент снизился с 25,4% до 23,7%, что означало сохранение жизни 3–5 чел. из каждой тысячи населения в год. Если сопоставить показатели рождаемости и смертности населения Москвы, можно увидеть, что лишь с 1896 г. определился небольшой естественный прирост.

Показатели естественного движения населения некоторых других городов значительно отличались от столичных. Так, в Костроме, городе с развитой текстильной промышленностью, начиная с 1890 г. определился естественный прирост, хотя и незначительный. Санитарный врач И.И. Иванов, проанализировав данные о рождаемости и смертности на-

селения города, пришел к заключению о том, что отношение смертности к рождаемости составляло 100:93,8; следовательно, население Костромы уменьшилось на 9,7%. В последующие годы в Костроме ситуация изменилась: в 1891–1895 гг. родилось 32,4%, умерло 29,7%, естественный прирост – 2,7%; в 1896–1900 гг. соответственно – 37%, 32,5% и 4,5%⁵⁶. Определившийся за этот период естественный прирост населения Костромы являлся незначительным.

Некоторые данные о естественном движении населения Саратова в 1890–1900 гг. по отдельным годам и двум последним пятилетиям свидетельствуют о том, что рождаемость составила в 1890 г. – 39,7%, смертность – 38,8% и естественный прирост – +0,9%; в 1891–1895 гг. соответственно – 42%, 47,7% и –5,7%; в 1896–1900 гг. – 46,3%, 40,4% и +5,9%. Средние показатели за весь период 42,7%, 42,3%, +1,1%⁵⁷. Таким образом, отрицательная динамика естественного прироста уступала положительной в среднем за весь период, поэтому виден лишь незначительный прирост населения крупнейшего города Поволжья.

Прирост населения Самары в 1892–1896 гг. объяснялся следующим обстоятельством. По мнению исследователя этой проблемы А. Шефера, численность Самары росла за счет пришлого населения, а ежегодный коэффициент смертности составлял 39,2%⁵⁸.

Сохранилось значительное количество опубликованных материалов и исследований о санитарном состоянии и естественном движении населения ряда других городов Российского Центра. Все они показывают высокую смертность населения крупных городов в результате неблагоприятных социально-экономических и санитарных условий жизни широких слоев населения⁵⁹.

На основе анализа динамики общих коэффициентов смертности и рождаемости, а также показателей детской смертности в Российском Центре в конце XIX – начале XX в. можно сделать такие выводы: одной из непосредственно важных причин понижения смертности являлось уменьшение заболеваний и смертности от острозаразных болезней в результате усилий земской и городской медицины; смертность и рождаемость снизились, причем в начале этих синхронных процессов снижение смертности происходило быстрее снижения рождаемости и лишь в начале XX в. падение рождаемости начало опережать падение смертности; снижение смертности обнаружилось как в младенческом возрасте, так и в детском до 5 лет, причем снижение смертности младенцев происходило медленнее снижения смертности детей до 5 лет.

Главное заключается в том, что при высокой рождаемости и смертности происходит быстрая смена поколений. При этих условиях,

как правило, в каждом следующем поколении преобладают лица молодого возраста и для такого населения характерна тенденция к расширению воспроизводства. При низкой рождаемости и смертности население воспроизводит свое потомство более «экономно», смена поколений происходит не так быстро, но и возрастно-половой состав при этих условиях иной, нежели при высоких рождаемости и смертности.

Модальность в возрастном составе населения лиц младших, средних или старших возрастов является одним из важных условий, определявших характер дальнейшего воспроизводства населения. Стало быть, не сама по себе величина естественного прироста, а доля тех или иных возрастных групп в составе населения со свойственными им показателями рождаемости, плодовитости и смертности может служить критерием воспроизводства населения.

Показатели брачности в России в течение изучаемого периода в целом находились на высоком уровне. Высокие показатели брачности, а также ранние браки, особенно среди многочисленного сельского населения, оказывали большое влияние на рост рождаемости.

Подсчитанный коэффициент брачности в Российском Центре в 90-х гг. XIX в. равнялся 9%. В первые годы XX в. он снизился до 8,6%⁶⁰. По этим данным вполне определенно можно проследить некоторое снижение показателей брачности примерно на 20%. Это объясняется, в частности, тем, что в результате введения в 1874 г. всеобщей воинской повинности в последующие годы наметилось некоторое снижение показателей брачности.

Сравнительно повышенными показателями брачности отличался 1906 г.; пониженная брачность отмечалась в 1900–1901 гг. и 1904–1905 гг., что связано либо с относительно благоприятными периодами, либо с происходившими тогда войнами и экономическими кризисами. Подсчитанные показатели коэффициентов брачности населения Российского Центра по пятилетиям дали следующие результаты в 1890 г. – 8,9%, в 1891–1895 гг. – 9%, в 1896–1900 гг. – 9%; в среднем – ок. 9%⁶¹.

Некоторые исследователи отмечали значительное влияние изменений в качестве жизни населения на брачность. П.И. Куркин на основе анализа показателей брачности населения Московской губернии в 1893–1897 гг. доказал, что движение брачности отражало в своем общем направлении изменения тех экономических условий, которые переживало население, что экономический кризис совпадал с моментом кризиса брачности⁶².

Показательна также группировка данных о распределении вступающих в брак в Российском Центре по возрастно-половым группам в 1897–1898 гг. Оказалось, что 84–88% невест приходилось на возраст

брачности до 25 лет, причем более половины невест оказались в возрасте до 20 лет – 57–59%. Соответствующие показатели для женихов – 67–69% и 37–38%. В возрасте 30 лет и старше вступали в брак 17–20% мужчин и 7–9% женщин⁶³. Распределение женихов и невест по возрасту в течение указанного периода в целом оставалось неизменным.

В материалах подворной переписи Суздальского уезда в 1899 г. приведены заслуживающие внимания данные о влиянии промысловых занятий населения отдельных уездов Владимирской губернии на возраст брачности. Оказывается, доля мужчин, вступавших в брак до 25 лет, в наименее промысловых уездах была 81,7%, в наиболее промысловых – 74,7%; аналогичные показатели были и у женщин, выходящих замуж, – 91,5% и 88,2%⁶⁴. Таким образом, чем больше население было занято промысловым отходом, тем дальше отодвигалось к зрелому возрасту время вступления в брак.

Следует отметить, что по возрасту вступления в брак население Российского Центра к началу XX в. резко отличалось от населения многих других стран высокими показателями ранних браков. В этом отношении характерны следующие данные: удельный вес мужчин, вступивших в брак в возрасте до 20 лет, в Российском Центре был 38,1%, женщин – 58,9%; в Англии соответственно – 3,4% и 14,4%; во Франции – 2,4% и 21,2%; в Швеции – 0,1% и 5,5%⁶⁵. Следовательно, удельный вес ранних браков в регионе был во много раз выше, чем в Англии, Франции и Швеции вместе взятых.

По данным переписи населения 1897 г. был подсчитан удельный вес замужних среди женщин в возрасте 15 лет и старше; показатели 23 губерний Российского Центра распределены в нисходящем порядке. Наиболее высокий коэффициент наблюдался, главным образом, в губерниях Центрально-Земледельческого и Поволжского районов – от 71,3% до 61,2%; наименьшим он был в губерниях Центрально-Промышленного и Северо-Западного районов – от 58,5% до 46,1%. Средний показатель по 23 губерниям Российского Центра составил 61,7%, что было несколько меньше среднего показателя по 50 губерниям Европейской России – 62,6%.

Группировка 23 губерний Российского Центра в зависимости от доли замужних к общей численности женщин в возрасте 15 лет и старше дала следующие результаты. К первой группе таких губерний с показателем 70% и выше в среднем относились 70,8% замужних женщин, коэффициент рождаемости здесь был 54,9%; ко второй группе соответственно – 63–70% – 65,9% замужних и 51,9% рождаемости; третью группу – 56–63% – образовывали 59,7% состоявших в браке,

рождаемость равнялась 45,7%; четвертую группу – 56% и ниже – 52,4% замужних женщин, рождаемость составляла 37,8%⁶⁶.

Приведенные данные показывают лишь незначительное изменение в сторону некоторого «постарения» брачности. В целом эти подсчеты свидетельствуют о том, что подавляющее большинство населения Российского Центра к началу XX в. жило в условиях традиционной брачности: 80–85% браков заключалось женщинами в возрасте до 25 лет включительно, а если учесть только первые браки, то эта доля может повыситься. Кроме того, если влияние брачности на рождаемость в регионе не получило значительного распространения, то роль активного репродуктивного поведения была еще меньшей. Предубеждение против такого поведения в российском обществе было очень велико.

На протяжении всего XIX в. в Российском Центре была распространена брачность, характеризовавшаяся сравнительно ранними браками, когда значительная часть поколений вступала в брак в молодом возрасте. Другая черта этой брачности – всеобщность брака: в брак вступали практически все представители каждого поколения, за исключением тех, кто вынужден был оставаться вне брака по состоянию здоровья. Безбрачие осуждалось общественным мнением, хотя всегда существовали определенные социальные группы, отказывавшиеся от брака (в частности, представители черного духовенства – монашество). Только такая брачность вместе с неограничиваемым деторождением в условиях практически неконтролируемой смертности и могла обеспечить к началу XX в. нормальное воспроизводство поколений. Такая брачность сохранялась в Российском Центре в исследуемый период. Анализируя этот демографический показатель, отметим, что для населения региона в целом в конце XIX – начале XX в. было характерно раннее вступление в брак, в основном благодаря более ранним бракам среди крестьян. В городах вступали в брак в среднем позже, особенно мужчины.

Браки были не только ранними, но и всеобщими: к возрасту 45–49 лет лишь 4% мужчин и 5% женщин Российского Центра оставались вне брака. Низкий уровень безбрачия складывался также за счет села: по переписи 1897 г. в городах к возрасту 50 лет св. 10% мужчин и женщин не вступало в брак, оставаясь холостыми и незамужними практически до конца жизни. В 1896–1897 гг. 93% женщин к возрасту 30 лет вступили в первый брак. Медианный возраст вступивших в брак в 1900 г. для мужчин составил 23,6 года, для женщин – 20,5 лет⁶⁷.

Вместе с тем, различные территории Российского Центра не были в этом отношении однородными. Так называемый европейский тип

брачности, характеризовавшийся относительно поздним вступлением в первый брак и большой долей остававшихся вне брака, был распространен на территории некоторых губерний и уездов Центрально-Промышленного и Северо-Западного районов с высоким уровнем занятости в промышленности, торговле и отхожих промыслах. Уже с конца XIX в. отмечалось сокращение доли ранних браков в губерниях Центрально-Промышленного района, а затем и повышение доли женщин, никогда не вышедших замуж на территории этих губерний, что отражало процессы урбанизации, развития капиталистических отношений и их влияния на брачно-семейную структуру населения.

Российский Центр в изучаемый период был регионом преимущественно крестьянским. Однако уже тогда в деревне обнаружилась тенденция к снижению уровня брачности до 9%. Основные демографические компоненты для крестьян православного вероисповедания региона были следующими: с 1891 по 1901 гг. рождаемость снизилась с 50,2% до 49,2%, смертность – с 36,9% до 34,2%, естественный прирост, напротив, несколько поднялся с 13,3% до 15%, а коэффициент заключенных браков снизился с 10,4% до 9%, при этом число рождений на каждый заключенный брак в среднем выросло с 4,9 до 5,5⁶⁸.

Снижение брачности среди крестьянского населения в конце XIX в. было обусловлено главными причинами: повышением брачного возраста; освобождением крестьян от опеки помещиков и местной администрации в решении матримониальных дел; развитием промышленной деятельности и особенно отходничества; общим обеднением и разорением деревни, вызванными в целом невыгодными для крестьян условиями их освобождения; социальным расслоением крестьянства. Тем не менее, брачность оставалась очень высокой и в начале XX в.

2. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА В 1900–1913 гг.

2.1. Динамика численности и возрастно-полового состава населения

Численность населения 23 губерний Российского Центра за 17 лет – с 1897 по 1913 гг. увеличилась на 34,1%. За рассматриваемый период в целом не наблюдалось столь резких различий в темпах прироста населения по отдельным губерниям. Более значительно повысилась численность в Петербургской (+48,5%), в Московской (+47,3%), в Воронежской (+43,2%) и в Рязанской (+53,8%) губерниях. Сравнительно невысоким был прирост численности в группе губерний Северо-Западного и Центрально-Промышленного районов со значительным отходом населения (прил. 9).

В результате подсчетов составлен следующий динамический ряд прироста населения Российского Центра в 1897–1913 гг. соответственно по отдельным годам: в 1897 г. – 2%, в 1898 г. – 1,5%, в 1899 г. – 1,5%, в 1900 г. – 1,8%, в 1901 г. – 1,8%, в 1902 г. – 1,4%, в 1903 г. – 1,8%, в 1904 г. – 1,9%, в 1905 г. – 1,8%, в 1906 г. – 1,3%, в 1907 г. – 1,7%, в 1908 г. – 1,7%, в 1909 г. – 1,5%, в 1910 г. – 1,4%, в 1911 г. – 1,3%, в 1912 г. – 1,7%, в 1913 г. – 1,6%¹.

Несколько повышенные показатели прироста численности населения приходились на 1904 г. (1,9%) и 1908 г. (1,7%). Сравнительно пониженным оказался рост населения в 1906 г. (1,3%).

Для понимания особенностей движения населения отдельных районов целесообразно привести ряд дополнительных данных по районам и губерниям. Следует также выявить основные направления в динамике численности населения отдельных районов и губерний и связанных с ними сдвигов в размещении населения региона, а также происшедших изменений в плотности.

В среднем в Российском Центре население возросло с 1897 по 1913 гг. в 1,4 раза. Несколько выделялись высоким темпом роста Центрально-Промышленный и Поволжский районы. В Центрально-Промышленном и Центрально-Земледельческом районах население увеличилось в 1,3–1,4 раза. Из общего абсолютного прироста численности населения в 23 губерниях Российского Центра на эти два района приходилось свыше половины прироста населения за весь этот период.

В результате неравномерного роста численности населения отдельных районов выявились весьма существенные сдвиги в удельном весе населения этих районов по отношению к общей численности 50 гу-

берний Европейской России к началу 1914 г.: Северо-Западный – 5,2%, Центрально-Промышленный – 10,4%, Центрально-Земледельческий – 16,6%, Поволжский – 10,4%².

Из этих данных видно, что наиболее высоким был удельный вес численности населения Центрально-Земледельческого района по отношению к общей численности населения Европейской России. В следующих двух районах – Центрально-Промышленном и Поволжском – удельный вес оказался несколько меньшим и одинаковым, а в Северо-Западном районе наблюдался самый низкий удельный вес населения, так как в этом районе рост численности в течение изучаемых лет оказался несколько пониженным по сравнению со средними показателями других районов Российского Центра, а также всей Европейской России.

Значительным был прирост населения Петербургской губернии (в 1,5 раза) главным образом за счет увеличения жителей Петербурга. Население Северо-Западного района, за исключением Петербургской губернии, с 1897 по 1913 гг. возросло лишь в 1,3 раза. Несомненно, что из Новгородской, Псковской и Олонецкой губерний происходил отход значительной части сельского населения на постоянную и временную работу в города вне своей губернии.

Рост населения в Центрально-Промышленном районе в значительной степени был обусловлен приростом городского населения, занятого в промышленности, и особенно за счет Москвы. Этот район, как видно по темпу роста населения, был на первом месте. Явление это отчетливо выступает, если сопоставить рост населения по всему Центрально-Промышленному району и по этому же району без Московской губернии. Население Московской губернии с 1897 по 1913 гг. возросло в 1,5 раза, численность же населения Центрально-Промышленного района без столичной губернии – всего лишь в 1,3 раза. Но при этом следует принять во внимание то обстоятельство, что население Москвы в значительней степени пополнилось выходцами из сельских местностей указанных семи губерний района.

Прирост населения Тверской, Владимирской, Костромской, Нижегородской и Калужской губерний выразился соответственно в 35,3%, 33%, 31,4%, 30,5%, 30,3%. В Ярославской губернии – со значительным отходом на заработки – численность населения за 17 лет увеличилась всего лишь на 21,1%.

В Центрально-Земледельческом районе выявились большие различия в темпах роста населения по отдельным губерниям в период с 1897 по 1913 гг. Наряду с губерниями, в которых рост населения был выше среднего по району, в некоторых прирост численности населения

был сравнительно невысоким. Отметим наиболее существенные показатели. Численность населения возросла в Рязанской губернии в 1,5 раза, или на 53,8%, в Воронежской – в 1,4 раза, или на 43,2%, в Тульской – лишь на 32,8% и в Пензенской – на 3%. При этом в последних двух губерниях наблюдался значительный отход населения на заработки в другие губернии.

В Поволжье в указанный период население росло более равномерно, чем в других районах Российского Центра, хотя и здесь обнаружили некоторые колебания в показателях прироста. Наименьшим он был в Казанской и Астраханской губерниях – соответственно в 1,3 раза, или на 32,1%, и на 31,1%; наибольшим – в Самарской и Саратовской – в 1,4 раза, или на 38%, и на 35,9%³. Это объяснялось более интенсивными миграционными потоками в эти две губернии, а также несколько более высокой рождаемостью и пониженной смертностью. К тому же, население этого района менее отвлекалось отхожими промыслами и фабрично-заводской промышленностью.

На динамику численности населения Российского Центра влияли также миграционные потоки в Сибирь. Рассматривая вопрос, из каких губерний региона направлялись переселенцы, следует отметить, что переселение по отдельным районам было весьма неравномерным. Об этом свидетельствуют подсчитанные данные периода с 1896 по 1912 гг. Так, из Северо-Западного района численность выходцев была минимальной – 26,8 тыс. чел., или 0,5% всех выходцев Европейской России; несколько больше их было из Центрально-Промышленного района – 80,2 тыс. чел., или 1,8%; значительным был миграционный поток из Поволжья – 377,9 тыс. чел., или 8,7%, и самым большим – из Центрально-Земледельческого района – 1086,7 тыс. чел., или 24%. В целом, из-за миграций в Сибирь дефицит прироста населения Российского Центра в указанный период составил 1571,6 тыс. чел., или 35% всего дефицита прироста Европейской России⁴.

Отмечая, что с конца XIX в. учет переселенцев велся полнее, В.В. Покшишевский в то же время писал, что переселения в Сибирь охватывали крестьянство всей Европейской России, усиливаясь, во-первых, там, где особенно велика была нужда, во-вторых, где отсутствие общины делало самого крестьянина более подвижным, в-третьих, в местностях, географически лучше связанных с Сибирью⁵. При этом положение новых путей, связанных с южными участками Сибирского миграционного потока, совпадало с распространением аграрного кризиса в южной степной части Поволжья и Заволжья и в некоторых губерниях Центрально-Земледельческого района и дополнительно

вовлекало в движение большое число выходцев из этих губерний, что отрицательно влияло на динамику роста численности населения.

При этом следует выделить отдельные губернии Российского Центра с наиболее значительным числом переселенцев в Сибирь с 1895 по 1914 гг. В этот период из Курской губернии переселилось 308,5 тыс. чел. семейных переселенцев, из Воронежской – 237,5 тыс. чел., из Тамбовской – 198 тыс. чел., из Орловской – 161,4 тыс. чел., из Самарской – 157 тыс. чел., из Пензенской – 124,4 тыс. чел., из Саратовской – 100,2 тыс. чел. В целом, по причине миграций в Сибирь дефицит прироста населения указанных губерний составил 1287 тыс. чел. Наиболее «пострадавшими» в этом отношении губерниями Российского Центра были Курская, Воронежская и Тамбовская, потерявшие более половины общей массы выходцев из семи губерний – 744 тыс. чел.⁶

На динамику численности населения Российского Центра отрицательно влияли исключительно тяжелые условия жизни и высокая смертность переселенцев. К примеру, П.П. Семенов-Тянь-Шанский на основании своего личного ознакомления с этими процессами утверждал, что при переселениях население значительно убывало. Убыль в рядах переселенцев центральных губерний составляла от 5 до 10%; погибали главным образом дети и старики. Во время переездов переселенцев по железным дорогам, на пароходах и особенно на перевалочных пунктах потери людей достигали 30%⁷.

Н.Д. Телешов указывал, что при переселении в Сибирь инфекционные заболевания и смертность достигали неслыханных размеров. «Умирает здесь множество народа, и фраза переселенца, что они здесь «проедаются да детей хоронят», – сущая правда»⁸, – писал он.

Одним из наиболее характерных явлений развития России по пути капиталистического предпринимательства являлся процесс значительного роста численности городского населения. Особенно интенсивно рост городов наблюдался в 1900-х гг. Темпы роста численности городского населения Российского Центра были гораздо более высокими по сравнению с ростом всего населения региона. С 1897 по 1914 гг. численность городского населения возросла на 54,3%, немного уступая общеимперским показателям – 58,4%, тогда как численность всего населения в Российском Центре увеличилась на 34,1%, незначительно превосходя показатели России – 33,7%.⁹ В течение всего изучаемого периода на ускорение роста городского населения существенное влияние оказывало развитие промышленности и увеличение общей численности рабочих, занятых на фабриках и заводах. Но при этом нельзя забывать, что и по данным, относящимся к началу 1914 г., абсолютная численность городского населения и его удельный вес по отно-

шению к общей численности населения продолжали оставаться невысокими.

В прил. 10 приведены данные о численности населения 23 губернских городов Российского Центра в 1897–1914 гг., а также подсчитаны показатели прироста населения этих городов. При среднем росте всего населения губернских центров в 1,6 раза отдельные города в значительной степени различались по темпу прироста населения. Так, численность обеих столиц возросла в 1,7 раза каждая; за те же годы численность населения Пскова, Новгорода, Владимира, Твери, Курска, Воронежа увеличилась только в 1,1–1,2 раза.

Высокий прирост населения наблюдался в крупных торгово-промышленных центрах региона – Петербурге, Москве, Саратове, Самаре, Казани. Численность населения указанной группы городов возросла в 1,5–1,7 раза, то есть население этих городов росло в несколько большем темпе, чем росло все городское население Российского Центра. Численность населения отдельных городов, главным образом в промышленных и во вновь заселявшихся районах, увеличивалась еще более интенсивно.

Следует отметить, что особенности социально-экономического развития России в некоторой степени затрудняли определение фактического роста городского населения в регионе. Касаясь роста промышленного населения, следует отметить, что этот процесс можно было наблюдать в чистом виде лишь тогда, когда имелась территория, уже заселенная им. У населения такой территории не было другого выхода, как мигрировать в промышленные центры или в другие страны. Это относится прежде всего к Центрально-Промышленному и Центрально-Земледельческому районам. Но обстоятельства существенно менялись в слабозаселенных губерниях Северо-Западного района (кроме Петербургской) и в части степного Поволжья и Заволжья. Население таких территорий, выталкиваемое из земледелия в заселенном районе, могло перейти в незаселенные части территории и взяться за обработку новой земли. В этом случае происходил рост земледельческого населения, который шел не менее быстро, чем рост индустриального населения.

Российский Центр в изучаемый период демонстрировал одновременное проявление обоих процессов. С одной стороны, в южные и восточные окраины страны направлялся огромный поток переселенцев из Центрально-Земледельческого района, с другой – шел параллельный процесс, связанный с образованием нового земледельческого населения на новых землях и отвлечением его от земледелия к промышленности.

С 1897 по 1914 гг. все население Российского Центра возросло на 38,6%, в том числе городское – на 43%, сельское – на 34,1%. Обе столичные губернии здесь лидировали в приросте городского населения: общий удельный вес прироста населения в них составил 45,7%, городского – 65,5%, сельского – 25,8%. В Северо-Западном районе (без Петербургской губернии) численность населения выросла на 34,5%, в том числе городского – на 37,3%, сельского – на 31,7%; в Центрально-Промышленном соответственно – 34,7%, 39,2% и 30,2%; в Центрально-Земледельческом – 37,6%, 41,6% и 33,6%; в Поволжском – 47,4%, 53,7% и 41%¹⁰.

На рост численности населения также влияли следующие факторы. Из Центрально-Промышленного района и обеих столичных губерний миграция в другие районы была очень слабой; из Центрально-Земледельческого района она была весьма интенсивной, отчасти в предыдущий район, в том числе и в обе столичные губернии, но главным образом в Поволжье – район, заселявшийся в пореформенную эпоху. Удельный вес городского населения во всех этих районах отличался незначительно от удельного веса городского населения всей Европейской России.

В Центрально-Промышленном районе наблюдалось особенно быстрое повышение доли городского населения, рост сельского населения здесь был очень слабым, – почти вдвое слабее, чем по России в целом; рост городского населения, напротив, был значительно выше среднего. В Центрально-Земледельческом районе была иная картина: доля городского населения здесь была небольшой и возрастала медленно; увеличение населения, как городского, так и сельского, здесь было значительно слабее, чем в среднем по России. Объяснение этого явления в том, что из этого района шел громадный отток переселенцев на окраины.

В Поволжье удельный вес городского населения был несколько ниже среднего. Между тем, динамика роста городского населения здесь была не только не слабее, но и гораздо выше среднеимперской. Отвлечение населения от земледелия к промышленности шло интенсивно, но на него накладывался огромный рост земледельческого населения вследствие миграционных процессов. По отдельным губерниям это «затемнение» процесса индустриализации населения еще нагляднее.

Используя данные ЦСК МВД и материалы переписи 1897 г., определим долю городского населения Российского Центра к началу XX в. в 12,9%, а к началу 1914 г. – в 15,3%¹¹.

Приведем показатели численности и удельного веса городского населения отдельных губерний Российского Центра на 1 января 1914 г., подсчитанные по сведениям ЦСК МВД: Петербургская – 2328,9 тыс. чел., или 73,9% всего населения, Московская соответственно –

1900 тыс. чел., 52,9%, Ярославская – 207,6 тыс. чел., 6%, Саратовская – 518 тыс. чел., 15,8%, Астраханская – 187,9 тыс. чел., 14,3%, Владимирская – 276,6 тыс. чел., 12,6%, Тульская – 225,1 тыс. чел., 11,9%, Орловская – 320 тыс. чел., 11,6%, Казанская – 280,1 тыс. чел., 9,8%, Пензенская – 187,1 тыс. чел., 9,8%, Калужская – 132,8 тыс. чел., 9%, Курская – 290,5 тыс. чел., 8,9%, Нижегородская – 179,9 тыс. чел., 8,7%, Тамбовская – 304,4 тыс. чел., 8,6%, Олонецкая – 36,1 тыс. чел., 7,8%, Костромская – 139 тыс. чел., 7,6%, Тверская – 179,2 тыс. чел., 7,5%, Симбирская – 151,5 тыс. чел., 7,3%, Рязанская – 200 тыс. чел., 7,2%, Новгородская – 110,1 тыс. чел., 6,6%, Псковская – 92,1 тыс. чел., 6,5%, Самарская – 242,2 тыс. чел., 6,4%, Воронежская – 207,4 тыс. чел., 5,7%¹².

Удельный вес городского населения был наиболее высоким в столичных губерниях – Петербургской (73,9%) и Московской (52,9%). Сравнительно высокий удельный вес городского населения можно отметить в Ярославской (16%) и Саратовской (15,8%) губерниях. В данном случае сказалось влияние численности населения большого губернского города. Наиболее низкой была доля городского населения в губерниях Новгородской (6,6%), Псковской (6,5%) и Воронежской (5,7%).

Можно проследить также значительные колебания в темпе прироста городского населения в связи с размерами города в период с 1897 по 1914 гг. В городах, имевших св. 50 тыс. чел. населения, прирост составил 64,8%, в городах численностью 10–50 тыс. чел. – 47,1%, а в малых городах – до 10 тыс. чел. – 28,3%¹³.

Следовательно, за рассматриваемые 17 лет наивысший прирост наблюдался в столичных и наиболее крупных губернских центрах, значительным он был в средних городах и незначительным приростом населения отличались малые уездные и заштатные города.

О сравнительно высокой концентрации городского населения Российского Центра к началу 1914 г. можно судить по данным о численности населения в губернских центрах региона. Согласно общеимперским данным, 9 губернских городов (включая 2 столичных) вошли в число 29 самых крупных городов России с численностью населения св. 100 тыс. чел. Это обе столицы – Петербург и Москва, а также Саратов, Казань, Астрахань, Самара, Тула, Нижний Новгород и Ярославль.

Таким образом, сюда вошел один город Северо-Западного района, три города Центрально-Промышленного района, один город Центрально-Земледельческого района и четыре города Поволжья.

В этой небольшой группе самых крупных городов Российской империи к началу 1914 г. проживало 9346,9 тыс. чел., что составляло ок. 40% от всего городского населения страны. В 9 городах Российского

Центра проживало 4971,5 тыс. чел., или св. 20% всего населения городов империи, что равнялось половине населения 29 крупнейших городов¹⁴.

Следовательно, население городов, представлявших собой крупные индустриальные и торговые центры, росло гораздо быстрее, чем население других городов.

Для исследуемого периода весьма характерным оказался высокий прирост населения пригородов крупных центров страны и особенно Петербурга. Население пригородов, как правило, было тесно связано в своей трудовой деятельности с экономикой самого города. Удельный вес населения пригородов по отношению к общей численности населения Петербурга непрерывно возрастал и за 14 лет увеличился более чем в 1,5 раза¹⁵.

В пригородах Москвы наблюдался более высокий прирост населения по сравнению с ростом жителей самой Москвы и окраин, входивших в черту города. Так, с 1897 по 1912 гг. население Москвы возросло с 978,5 тыс. до 1398,9 тыс. чел., или на 43%; население пригородов за эти 15 лет увеличилось с 60,1 тыс. до 218,3 тыс. чел., или в 3,6 раза. В результате этого удельный вес численности населения пригородов в общей численности населения Москвы повысился с 5,8% в 1897 г. до 13,5% в 1914 г.¹⁶

Процессы общего высокого роста населения, и притом весьма неравномерного по отдельным районам Российского Центра, оказали существенное влияние на показатели плотности населения как в целом по региону, так и в отдельных губерниях.

Следует отметить, что обычные представления об исключительно низкой плотности населения Российской империи были вызваны тем, что главное внимание обращалось на показатели плотности населения, исчисленные в отношении всей огромной территории страны. Но эти общие показатели, безусловно, являются недостаточными. Учитывая большие различия в плотности населения в отдельных районах страны и региона, необходимо выявить по возможности дифференцированные показатели.

Средние показатели плотности населения Российского Центра приближались к аналогичным показателям Европейской России, немного уступая последним, в то время как эти показатели по районам исследуемого региона изменились более существенно. Они составили в 1897 и 1914 гг. соответственно: в Северо-Западном районе – 25 чел. и 34,4 чел. на 1 кв. версту, увеличившись на 9,5 чел., или в 1,4 раза; в Центрально-Промышленном – 40 чел., 54,1 чел., 14,1 чел., 1,4 раза; в

Центрально-Земледельческом – 48,8 чел., 67,2 чел., 18,4 чел., 1,4 раза; в Поволжье – 26,3 чел., 35,5 чел., 9,2 чел., 1,3 раза (прил. 11).

Приведенные данные свидетельствуют о больших различиях в плотности населения по отдельным губерниям. Так, к началу 1914 г. на 1 кв. версту приходилось жителей в Московской губернии – 122,8 чел., в Петербургской – 80 чел., в то время как в Астраханской и Олонецкой губерниях эти показатели равнялись соответственно – 6,3 и 4,1 чел. Средняя плотность населения Московской губернии превосходила показатели Астраханской губернии в 19,5 раза, а Олонецкой – в 30 раз; аналогичные показатели Петербургской губернии в отношении двух последних были выше в 12,7 раза и в 19,5 раза.

Эти общие данные уместно дополнить некоторыми более детальными. На 1 января 1914 г. из 23 губерний Российского Центра с населением 54466,2 тыс. чел. только в двух губерниях плотность населения составляла 80 чел. и выше на 1 кв. версту, в них проживало 6727,8 тыс. чел., или 12,3% всего населения региона. В шести губерниях на 1 кв. версту приходилось жителей от 60 до 80 чел., там проживало 17859,3 тыс. чел., или 32,8%; в десяти губерниях на 1 кв. версту – от 30 до 60 чел., в них проживало 20802,5 тыс. чел., или 38,2%; в трех губерниях на 1 кв. версту – от 15 до 30 чел., в них проживало 7294,9 тыс. чел., или 13,4%, и, наконец, в двух губерниях на 1 кв. версту – ниже 15 чел. – проживало 1781,7 тыс. чел., или 3,3%.

Как видим, к началу 1914 г. лишь в пяти губерниях на 1 кв. версту приходилось менее 30 чел.; в этих губерниях проживало 9076,6 тыс. чел., или 16,7% от общей численности населения 23 губерний Российского Центра. В восьми губерниях на 1 кв. версту приходилось от 60 до 80 чел. и выше и проживало 24587,1 тыс. чел., или 45,1% от общей численности населения. Наибольшее же количество населения проживало в шестнадцати губерниях с плотностью от 30 до 80 чел. на 1 кв. версту – 38661,8 тыс. чел., или 71%¹⁷.

По данным подсчетов, резкого различия в плотности населения трех районов Российского Центра – Центрально-Промышленного, Центрально-Земледельческого и Поволжского – не было; исключение составлял Северо-Западный район, где средняя плотность была 19,2 чел. на 1 кв. версту (в данном случае в подсчеты не включена столичная Петербургская губерния). Плотность населения Центральных губерний региона являлась сравнительно высокой. Наиболее населенным географическим ареалом Российского Центра были губернии: Московская, Калужская, Курская, Орловская, Рязанская и Тульская.

Данные о средней плотности населения отдельных районов и губерний, безусловно, не являются вполне достаточными для конкрет-

ного представления о высокой степени дифференциации показателей плотности населения всего Российского Центра. Необходимо учесть, что в пределах губерний, а многие губернии занимали весьма значительные территории, наблюдались заметные различия в плотности населения. Поэтому считаем целесообразным по рассматриваемому вопросу привести еще некоторые данные.

К началу XX в. возрастной состав населения Российского Центра характеризовался следующими показателями. В городах региона на 100 чел. приходилось в возрасте 0–1 года – 2,7 чел., 1–15 лет – 27,3 чел., 15–60 лет – 63,7 чел., 60 лет и старше – 6,3 чел., неизвестного возраста – 0,1 чел.; в селах соответственно – 3,5 чел., 36,2 чел., 53,3 чел., 6,9 чел., 0,1 чел. Таким образом, на 100 чел. населения приходилось в рабочем возрасте 15–60 лет в городах – 63,7 чел., в селах – только 53,3 чел. Соответствующие показатели для детей в возрасте до 15 лет – 27,3 чел. и 36,2 чел. Как видим, больше детей указанных возрастов имелось в селах. Средние показатели младенцев в селах также превышали городские: соответственно в городе – 2,7 чел., в селе – 3,5 чел.

В подсчет были включены данные подворных земских переписей, произведенных преимущественно после переписи населения 1897 г., в которых возрастные интервалы были примерно одинаковыми. Удельный вес младенцев и детей мужского пола до 6 лет составил 21,6%, детей и подростков мужского пола 7–17 лет – 24,5%, мужчин 18–59 лет – 48%, мужчин 60 лет и старше – 5,9%. Доля младенцев и детей до 6 лет женского пола составила 21,4%, детей и подростков женского пола 7–15 лет – 20,3%, женщин 16–54 лет – 49,3%, женщин 55 лет и старше – 9,0%. Сельских жителей обоего пола: до 6 лет было 21,5%, детей и подростков до 17 лет – 22,4%, взрослых до 59 лет – 48,6%, пожилых и престарелых 60 лет и старше – 7,5%, всех возрастов – 100%.

Особенностью распределения по возрастным группам мужчин и женщин был тот факт, что у мужчин старшая возрастная группа была несколько пониженной, чем у женщин. Группа рабочего возраста составляла 48,6% от общей численности сельского населения¹⁸.

В губерниях со сравнительно высокими показателями рождаемости удельный вес детского населения был тоже высоким, а доля населения рабочего возраста была менее значительна. Вместе с тем, в некоторых губерниях с большей долей населения, занятого в промышленности и отхожих промыслах, таких, как Московская, Ярославская, удельный вес населения рабочего возраста оказался еще более высоким.

Изменения показателей возрастно-полового состава городского населения Российского Центра с конца XIX в. по 1914 г. явились результатом значительных сдвигов в социально-экономическом разви-

тии страны. О распределении городского населения Российского Центра по полу с 1897 по 1914 гг. свидетельствуют следующие данные: соответственно по годам на 100 мужчин приходилось 91 и 96 женщин. В среднем по России на 100 мужчин приходилось 88 и 93 женщины. Следовательно, к началу 1914 г. удельный вес женщин среди городского населения по сравнению с 1897 г. значительно повысился¹⁹.

В отношении ряда крупных городов приходится отметить некоторые особенности в распределении населения по возрасту и полу.

Темп роста численности женщин в Петербурге в первое десятилетие XX в. был более высоким по сравнению с темпом роста численности мужчин. Поэтому расхождение в общей численности мужского и женского населения столицы в эти годы уменьшилось. Сравнительно значительный рост дает возрастная группа до 15 лет, в которой было в 1890 г. 22,2%, а в 1910 г. – 24,9%. Заметно уменьшилась возрастная группа от 31 до 60 лет – с 34,9% в 1890 г. до 32,1% в 1910 г.

В 1910 г. в Петербурге на 100 мужчин приходилась 91 женщина. Но этот показатель различался по отдельным возрастным группам. Женщины преобладали в группах младше 10 лет и старше 51 года, а особенно в группах 60 лет и старше. Во всех остальных возрастных группах, главным образом работоспособного и репродуктивного возраста, преобладали мужчины (прил. 12).

Следующие данные характеризуют распределение населения Петербурга по возрастным группам в 1910 г.: 0–10 лет – 17,1%, 11–20 лет – 18,4%, 21–30 лет – 26,1%, 31–40 лет – 18%, 41–50 лет – 10,7%, 51–60 лет – 5,7%, 61–80 лет – 3,8%, 80 лет и старше – 0,2%, всего – 100%. К 1910 г. в столице проживала значительная часть трудоспособного населения репродуктивных возрастов, она составляла более половины всего населения – 54,8%; немало было также детей и подростков – свыше трети, или 35,5%; удельный вес лиц пожилого и преклонного возрастов был сравнительно незначительным – 9,7%²⁰.

С 1897 по 1915 гг. рост численности женщин в Москве происходил в более быстром темпе, чем мужчин. Численность женщин непрерывно возрастала: с 76 на 100 мужчин в 1897 г. до 89 – в 1915 г.

О распределении населения Москвы (без пригородов) по основным возрастным группам имеются данные переписей 1902 и 1912 гг. В рассматриваемые годы вполне определились существенные сдвиги в возрастном составе московского населения. Увеличился удельный вес двух возрастных групп – 0–9 лет и 20–29 лет, группа 30–39 лет в целом осталась стабильной, а удельный вес всех остальных групп понизился. Следует также отметить, что среди московского населения значительное место занимало население рабочих и репродуктивных возрастов: в

1912 г. удельный вес населения 15–59 лет составил 74,8%. Материалы переписей населения дают наглядное представление о значительном росте детского населения (0–9 лет) в Москве с 1902 по 1912 гг.

Более детально динамику роста численности детей в Москве с 1902 по 1912 гг. отражают следующие данные по трем возрастным группам. Численность младенцев возросла с 23,4 тыс. чел. до 31,5 тыс. чел. (на 8 тыс. чел., или на 34,4%); численность детей в возрасте 1–4 лет увеличилась с 60,7 тыс. чел. до 85,5 тыс. чел. (на 24,8 тыс. чел., или на 40,8%); численность детей в возрасте 5–9 лет увеличилась с 62,8 тыс. чел. до 97,3 тыс. чел. (на 34,5 тыс. чел., или на 54,8%); всего численность младенцев и детей до 9 лет возросла со 146,9 тыс. чел. до 214,2 тыс. чел. (на 67,3 тыс. чел., или на 43,3%)²¹.

Таким образом, группа детей в возрасте до 9 лет увеличилась более чем на 67 тыс. чел. Рост детского населения происходил гораздо более интенсивно по сравнению с общим ростом всего населения; численность младенцев увеличилась при этом более чем на треть всего роста численности детей «второй» столицы.

Безусловно, что все приведенные данные и подсчеты в целом свидетельствуют о создании постоянного населения городов, проживавшего там со своими семьями. Различия в численности мужчин и женщин в городах стали менее значительными. В ряде крупных городов в более быстром темпе по сравнению с общим ростом всего населения происходило увеличение детского населения.

2.2. Естественное движение населения

Исследование процессов естественного движения населения Российского Центра в 1900–1914 гг. требует анализа его особенностей вследствие того, что при довольно высоких показателях как общей, так и детской смертности, прирост населения был довольно высоким.

Невозможно ограничиться лишь общей характеристикой естественного движения населения. В течение всего изучаемого периода на огромной территории региона при разнообразии социально-экономических и санитарно-бытовых условий определились весьма значительные различия показателей естественного движения населения отдельных территорий. Наряду с местностями, в которых показатели естественного движения населения оставались в целом устойчивыми, имелись и такие территории, где происходило некоторое снижение показателей рождаемости и смертности. Учитывая все это, целесообразно подсчитать и систематизировать основные данные, в част-

ности, относительные показатели естественного движения населения отдельных районов и губерний Российского Центра.

Общеизвестно, в каких исключительно тяжелых экономических и санитарно-бытовых условиях находились низшие слои городского и сельского населения России в изучаемый период. Тяжелыми условиями жизни этих слоев был обусловлен процесс воспроизводства населения. Этому факта не могла скрыть и официальная статистика. В различных изданиях и отчетах можно найти немало ссылок на тяжелые условия и низкое качество жизни населения.

Уместно привести соответствующие показатели естественного движения населения 23 губерний Российского Центра за отдельные годы. Так, в 1897 г. рождаемость составила 50%, смертность – 31,7%, естественный прирост – 18,3%; в 1898 г. соответственно 48,6%, 33,2%, 15,4%; в 1899 г. – 49,3%, 31,2%, 18,1%; в 1900 г. – 49,3%, 31,1%, 18,2%; в 1901 г. – 47,9%, 32,1%, 15,8%; в 1902 г. – 49,1%, 31,5%, 17,6%; в 1903 г. – 48,1%, 30%, 18,1%; в 1904 г. – 48,6%, 29,9%, 18,7%; в 1905 г. – 45%, 31,7%, 13,3%; в 1906 г. – 47,1%, 29,9%, 17,2%; в 1907 г. – 47,5%, 28,4%, 19,1%; в 1908 г. – 44,8%, 28,3%, 16,5%; в 1909 г. – 44,7%, 29,5%, 15,2%; в 1910 г. – 45,1%, 31,5%, 13,6%; в 1911 г. – 45%, 27,4%, 17,6%; в 1912 г. – 43,7%, 26,5%, 17,2%; в 1913 г. – 43,1%, 27,4%, 15,7%²².

Нельзя не обратить внимания на сравнительно большой прирост населения в 1897, 1899, 1900, 1903, 1904, 1907 гг. (от 18,1% до 19,1%). Особо высокие показатели смертности наблюдались в 1898 г. – 33,2%, в 1901 г. – 32,1%, в 1905 г. – 31,7%. Пониженный естественный прирост населения был в 1905 г. – 13,3%, в 1909 г. – 15,2%, в 1910 г. – 13,6%. Сравнительно более высокий рост рождаемости происходил в годы относительного роста промышленности 1897–1900 гг. Среднегодовой коэффициент умерших значительно возрос к концу XIX в. и уменьшился в 1897–1900 гг. и в 1911–1913 гг. Темп естественного прироста населения был более высоким в 1897–1900 гг.

Заслуживают внимания также показатели естественного движения населения Российского Центра, исчисленные путем деления числа родившихся на число умерших. В приводимых ниже данных установлены соотношения числа родившихся к числу умерших по 23 губерниям региона с 1896 по 1913 гг. по пятилетиям. Так, в 1896–1900 гг. этот показатель равнялся 154,4, в 1901–1905 гг. – 153,7, в 1906–1910 гг. – 155,1, в 1911–1913 гг. – 162,1, в среднем – 156,3. Таким образом, в среднем за 1896–1913 гг. число родившихся превышало число умерших в 1,6 раза²³.

Рассмотрим сводные показатели рождаемости населения региона. Подсчеты коэффициентов рождаемости за каждые пять лет в 1896–

1913 гг. по районам и губерниям представлены в прил.13. Очевидно, что для большинства губерний средние показатели рождаемости по пятилетиям являлись в целом устойчивыми. Кроме того, за 17 лет значительно уменьшились показатели рождаемости почти по всем губерниям Северо-Западного района, по некоторым губерниям Центрально-Промышленного района; незначительно снизились эти показатели по Центрально-Земледельческому и Поволжскому районам.

Рождаемость в Российском Центре характеризуется также данными о количестве рождений, приходящихся на каждый заключенный брак (прил. 14). В среднем по 23 губерниям Российского Центра в 1910 г. на заключенный брак приходилось 5,8 рождений, что было несколько выше показателей Европейской России – 5,3. Однако по районам региона эти показатели были близкими, за исключением Северо-Западного, где наблюдался наименьший показатель – 5,3. Наиболее высокими показателями отличались группы губерний Центрально-Земледельческого и Поволжского районов. В четырех губерниях – Тульской, Пензенской, Тамбовской и Нижегородской – были наивысшие показатели – 6,6–6,8 рождений.

Несомненно, что в целом приведенные показатели являются несколько преуменьшенными, так как имел место недоучет рождений церковной статистикой и государственными структурами.

Рождаемость в Российском Центре в изучаемый период отличалась одним из самых высоких зарегистрированных в мире уровней. Среднее значение общего коэффициента рождаемости в регионе в 1896–1913 гг. равнялось 46,6%, тогда как в Европейской России – 46,7% и было намного больше, чем в странах Западной Европы. В некоторых российских губерниях в отдельные годы величина коэффициента рождаемости превышала даже 60%. Индекс общей рождаемости А. Коула в европейской части страны в начале XX в. равнялся 0,54 и был самым высоким на континенте²⁴.

К сожалению, в России не велась регистрация рождаемости по возрасту матери и порядку рождения, за исключением Петербурга и, возможно, ряда других мест. Это затрудняет изучение возрастных особенностей рождаемости и определение величины суммарного коэффициента рождаемости, которая по существующим оценкам была также очень высокой. Так, по оценкам С.В. Захарова, суммарный коэффициент рождаемости в начале XX в. в Российском Центре составлял 7,4. По оценкам А. Коула и Д. Трассела, в 1913 г. он равнялся в регионе 6,2–6,4²⁵.

В начале XX в. в Российском Центре обнаружилась тенденция к снижению уровня рождаемости. По сравнению со странами Западной

Европы это снижение было незначительным и запоздалым. С 1896–1900 гг. по 1911–1913 гг. коэффициент рождаемости снизился с 48,5% до 44,2%. Однако на отдельных территориях и в социальных группах, в большей степени подвергшихся процессу модернизации, демографические изменения в рождаемости начались раньше и происходили достаточно интенсивно. С конца XIX в. по 1914 г. наблюдалась значительная географическая неоднородность в уровне рождаемости населения Российского Центра. Так, в 1896–1900 гг. общий коэффициент рождаемости в 23 губерниях региона варьировал между 32,8% и 57,6%, а в 1911–1913 гг. – между 29,3% и 55%²⁶, причем в течение всего периода эта неоднородность в показателях рождаемости, в отличие от смертности, возрастала. Существенные различия в динамике уровня рождаемости наблюдались между губерниями Северо-Западного района и других районов Российского Центра. При этом максимальные значения общего коэффициента рождаемости, которые наблюдались в Поволжских, а также в некоторых Центрально-Земледельческих губерниях, практически не изменились, а минимальные в Северо-Западных губерниях устойчиво снижались.

Приведенные подсчеты отражают не только географическую, но отчасти и национально-этническую основу территориальной дифференциации динамики уровня рождаемости. Особенности динамики общего коэффициента рождаемости приближают Северо-Западные губернии к Прибалтийским и даже к ряду стран Северной Европы. Однако о начале демографического перехода к новому типу рождаемости в этих губерниях можно говорить лишь применительно к периоду Первой мировой войны. В Центрально-Промышленных, а особенно в Центрально-Земледельческих и Поволжских губерниях демографический переход начался в последнюю очередь – с 1917 г.

В прил. 15 даются сравнительные показатели рождаемости населения в городах и в сельской местности по отдельным районам и губерниям в 1911–1913 гг. Из этих данных видно, что в 18 губерниях показатели рождаемости в селах были выше, чем в городах; в 5 губерниях рождаемость в городах была выше, чем в сельской местности. Это явление наблюдалось во Владимирской, Ярославской, Костромской, Самарской и Астраханской губерниях.

Войны всегда были значительным ударом по уровню рождаемости в России. Массовая мобилизация мужского населения вызывала разрыв прежних семейных связей и резко сокращала возникновение новых семейных союзов. Все это в скором времени выразилось в снижении рождаемости. В первое десятилетие XX в. наиболее сильное влияние на снижение рождаемости оказала Русско-Японская война.

Уже в 1905 г. коэффициент рождаемости сократился почти на 10% по сравнению с 1904 г. Это результат мобилизации на войну более 1 млн. молодых мужчин из губерний Российского Центра.

Национально-этническая дифференциация рождаемости была связана с конфессиональной. Снижение рождаемости у православных с 1896 по 1910 гг. было незначительное, всего на 6,5%; у протестантов значительно больше – на 9,7%; у католиков несколько меньше – на 7,4%; почти на одинаковом уровне с протестантами находились иудеи – 10,4%; практически не произошло снижения рождаемости у мусульман – на 1,2%. Вместе с тем, общая тенденция, характерная для народностей почти всех конфессий Российского Центра, была на снижение рождаемости и постепенное приближение к новому демографическому переходу²⁷.

Снижение рождаемости в большей степени затронуло города, чем сельскую местность. Так, в 1913 г. общий коэффициент смертности для городского населения в среднем равнялся 30,2%, для сельского – 48,8%, индекс общей рождаемости А.Коула в начале XX в. для городского населения был 0,39, а для сельского – 0,56²⁸.

Если в Петербурге суммарный коэффициент в начале XX в. был небольшим – 3,1, то в сельской местности он достиг значительной величины. Так, результаты отдельных местных обследований показали, что рязанские крестьянки, независимо от семейного положения, рожали в среднем 7,7 раза, костромские и ярославские – 8, воронежские – 8,9²⁹.

О сословных различиях в уровне рождаемости дают представление следующие данные возрастной структуры населения в 1900-х гг. Так, у дворян и чиновников доля младенцев и детей до 10 лет была 21,5%, детей и подростков до 20 лет – 18,7%; у купцов и мещан соответственно – 26,4% и 21%; у крестьян – 28% и 21,5%³⁰. Как видим, привилегированные сословия отличались более низким удельным весом детских возрастов.

Представление о повозрастных особенностях снижения рождаемости в Российском Центре дают соответствующие расчеты по Петербургу. С 1890 по 1910 гг. повозрастные коэффициенты рождаемости уменьшились во всех возрастных группах, но особенно заметно – в группе 20–34 лет. Средний коэффициент рождаемости снизился с 3,31 в 1890 г. до 2,83 в 1910 г. При этом в распределении детей по порядку рождения несколько уменьшилась доля последних по очередности. Доля первых двух детей в 1890 г. составила 36,7% всех рождений, в 1910 г. – 40,8%, третьих и четвертых детей соответственно – 29,7% и 29%, остальных – 33,6% и 30,2%³¹.

В 1900-х гг. в Российском Центре в условиях почти полного отсутствия внутрисемейного регулирования деторождения уровень рождаемости и его дифференциация определялись особенностями процесса брачности. Вне брака в России рождалось мало детей. В изучаемый период их доля в общем числе новорожденных составляла 2,9% и была одной из самых низких в Европе; в Англии эти показатели составляли 6,8%, во Франции – 7,1%, в Дании – 9,4%, в Австрии – 11,4%³².

Практически во всех губерниях Российского Центра (и в большинстве – Европейской России) преобладал восточно-европейский тип брачности, для которого были характерны ранний возраст и всеобщность вступления в брак. Основой этого типа брачности и в XX в. являлась община и ее землепользование в условиях наличия значительных земельных угодий. Говоря об экономических стимулах ранней брачности у крестьян, Д.Н. Жбанков отмечал, что среди крестьян мужчины по достижении известного возраста должны были жениться по чисто экономическим соображениям, так как с помощью брака было принято основывать не только семью, но и хозяйство³³.

При традиционном типе рождаемости характер вскармливания (длительность периода, частота) был основным фактором, определявшим продолжительность интервала между рожденьями и, в конечном итоге, общее число рождений в семье. Динамике изменения и географии лактационного поведения в Российском Центре и его влиянию на уровень рождаемости не уделялось большого внимания в научной литературе.

Традицией предписывались следующие сроки кормления ребенка грудью. Известный этнолог Д.К. Зеленин отмечал, что у русского православного этноса обычно такое кормление продолжалось больше года, а в большинства случаев – до следующей беременности. Нормальным сроком считалось время «трех постов», то есть полтора-два года, поскольку учитывались только два поста в году – Великий и Успенский. Очень часто, однако, кормление грудью длилось три и даже четыре года, так как существовало твердое убеждение, что в период кормления не может наступить новая беременность. У мусульман период кормления четко регламентировался «Кораном»: женщины кормили своих детей два полных года. Эти различия в лактационном поведении являлись главной причиной более низкой рождаемости у мусульманских народов³⁴.

С учетом указанных сроков можно определить, что при относительно благоприятных условиях замужняя крестьянка могла родить за свою жизнь примерно 8–10 детей. Высокая младенческая смертность

иногда увеличивала уровень рождаемости за счет сокращения лактационного периода и интергенетических интервалов.

Вероятно, что в 1900-х гг. существовала тенденция к сокращению лактационного периода у немусульманских народов Российского Центра. В основе тенденции лежала, в частности, растущая занятость женщин в общественном производстве в городах, а также в домашнем хозяйстве в деревнях, прежде всего в тех, где был развит отход мужчин на заработки. Согласно существовавшему трудовому законодательству женщине-работнице был положен только четырехнедельный послеродовой отпуск. Женщин из высших слоев общества ограничивать период кормления побуждали причины косметического характера.

Об отходе от традиции у славянских народов свидетельствует уже упоминавшаяся литература по проблеме детской смертности, а также справочники по уходу за детьми. В них в начале XX в. отмечалось, что с 5–7 месяцев ребенка надо начинать прикармливать, а в 12–14 месяцев следовало отнимать от груди³⁵.

Ограничивающее влияние внутрисемейного регулирования на рождаемость в Российском Центре было незначительным. Об этом свидетельствуют чрезвычайно высокий уровень рождаемости и, в частности, существующие оценки брачной рождаемости. Так, по подсчетам А.Г. Вишневого, в начале XX в. суммарный коэффициент брачной рождаемости был очень высоким – 9,4 ребенка на женщину³⁶.

Если большинству населения Российского Центра – крестьянам – различные методы предотвращения зачатия и плодоизгнания были малоизвестны, то среди горожан они были относительно распространены. Например, костромская крестьянка, жившая в браке до конца репродуктивного периода, в 1900-х гг. рожала в среднем 10,2 ребенка, в 1914–1915 гг. – 10,3. В Петербурге средний коэффициент брачной рождаемости в 1890 г. составлял почти 6,1, а к 1910 г. снизился до 5,7³⁷.

Несмотря на строгие положения Российского законодательства, религиозные запреты, аборт и контрацепция постепенно получали распространение³⁸. С конца XIX в. многие журналы (например, известная «Нива») все чаще рекламировали соответствующую продукцию. На страницах журналов «Русская мысль», «Женское дело», «Женский вестник» и др. в 1900-х гг. уделялось немало места дискуссии о «неомальтузианстве». В одном из них говорилось, что «детопредупредительные меры создали целые отрасли промышленности, завоевали рынок. Только «роскошь» их услуг довольно долго не была доступна беднейшим слоям. Но ... всесильная конкуренция, понизив цены, гораздо убедительнее проповедей и пьес, и поэзии о спаситель-

ной роли этого течения способствовала его распространению в слоях пролетарских»³⁹.

Изменения в традиционной системе регулирования отношений между полами, по крайней мере городских слоев общества, отражала русская литература (от А.П. Чехова, И.А. Бунина, В.В. Розанова до М.П. Арцыбашева и В.В. Каменского).

В первом десятилетии XX в. проблема аборт и контрацепции становится одной из наиболее часто дискутируемых в обществе. Так, если на III съезде врачей в память о Н.И. Пирогове в 1893 г. было представлено только два доклада по данной проблеме, то на XII съезде – это была уже центральная тема, обсуждение которой вызвало широкий общественный резонанс. На съезде криминалистов, состоявшемся в начале 1914 г., большинством голосов – 39 против 13 – было принято решение, что закон не должен больше причислять аборт к преступлениям.

Многие специалисты того времени рассматривали аборт как альтернативу детоубийствам, которые существовали в Российском Центре. Известный русский гигиенист И.В. Гран отмечал, что искусственный выкидыш менее всего был распространен в деревне, однако детоубийство там случалось чаще, чем в городах, где, наоборот, аборт практиковался сплошь и рядом⁴⁰.

Имеющаяся статистическая информация по отдельным больницам, исследования ряда ученых, юристов показывают, что к началу Первой мировой войны методы контроля рождаемости распространялись не только в высших сословиях, но и среди работниц в городах, а также начали проникать в крестьянские пригороды. Об их распространении свидетельствует обнаружившаяся с конца XIX в. тенденция к сокращению внебрачной рождаемости. Д.И. Багалеи и Д. Миллер отмечали, что искать причину понижения внебрачной рождаемости следует не в усилении строгости нравов, а в широком развитии проституции, с одной стороны, и в большем распространении «презервативных и абортивных средств» – с другой⁴¹.

Понижающее влияние на рождаемость оказывало значительное развитие отходничества, поскольку оно вело к временному прекращению супружеских отношений, а также к снижению уровня брачности. В исследованиях 1900-х гг. существование этой тенденции подтверждалось данными по отдельным уездам, волостям или выборочных обследований. Кроме того, отходники содействовали диффузии новых форм поведения из городов в уезды.

Социально-экономическую основу этих изменений можно связать с индустриализацией, урбанизацией, ростом грамотности, повышением уровня женской занятости, снижением уровня детской смертности и др.

Это, в свою очередь, вело к формированию новых отношений между полами, в семье, потребности в детях и, в конечном итоге, – к формированию новой модели репродуктивного поведения.

Б. Андерсон, А. Коул и Е. Харм исследовали зависимость индекса брачной рождаемости от ряда факторов. Наиболее тесная корреляционная связь была выявлена между рождаемостью и уровнем грамотности (для города – 0,454, для села – 0,699) и между рождаемостью в городах и долей женщин, занятых в промышленности (–0,691). Для других показателей, в том числе коэффициента младенческой смертности, теснота связи была невелика. Ф. Грапп и Е. Джонс подтвердили роль уровня грамотности как фактора снижения рождаемости (–0,83). Влияние изменения ролей на рождаемость определялось показателем отношения уровня грамотности мужчин к уровню грамотности женщин (–0,77). Для других факторов (урбанизация, социальный строй) теснота связи была невелика⁴².

Влияние общинной организации русской деревни на демографическое развитие страны отмечалось в научной литературе. Аграрник П.П. Маслов считал, что общинный строй при чисто земледельческом хозяйстве побуждал к ранним бракам; общинники даже при земельной тесноте аккуратно исполняли заповедь «плодитесь и размножайтесь»; «премия за рождаемость» уплачивалась из общего земельного фонда общинников, при этом многосемейные поднимались экономически, сокращая земельный фонд малосемейных⁴³.

Проведенный анализ показал, что общинная организация являлась главным социальным фактором, определявшим высокий уровень рождаемости в Российском Центре. Коэффициент корреляции между долей хозяйств, состоявших в крестьянской общине в 1897–1905 гг., и общий коэффициент рождаемости составили для 23 губерний региона 0,97, а в 1906–1910 гг. – 0,93. Иначе говоря, чем выше была доля частновладельческих крестьянских хозяйств в губернии, тем ниже в ней был уровень рождаемости. Модернизация постепенно разрушала общину в русской деревне (этому особенно содействовала столыпинская реформа) и поэтому определяла направления эволюции рождаемости.

Демографический переход, как правило, начинается с понижения смертности. В Российском Центре в 1900-х гг. наблюдался традиционный тип смертности, который отличался огромным преобладанием экзогенных причин смерти и, следовательно, чрезвычайно быстрым вымиранием поколений и низкой средней продолжительностью жизни. Общий коэффициент смертности был одним из самых высоких в Европе; его средняя величина в 1896–1913 гг. составляла 31,8%, что было немного выше показателя в Европейской России – 29,9%. Правда,

по районам Российского Центра средний коэффициент смертности обнаруживал некоторые колебания: в Северо-Западном районе – 29 %, в Центрально-Промышленном – 31,6%, в Центрально-Земледельческом – 32,1%, в Поволжье – 34,6% (прил. 16).

В годы общественных бедствий (эпидемий, неурожая или войн) уровень смертности значительно повышался, сокращая естественный прирост и порой численность населения в отдельных уездах, губерниях и даже во всей центральной части России.

После «голодного пика» в 1892 г. в Российском Центре обнаружилась явная тенденция снижения общего коэффициента смертности и сокращения амплитуды его колебаний к 1913 г. Значительно снизились показатели смертности в трех губерниях Центрально-Промышленного района – Московской, Ярославской, Владимирской, в одной губернии Центрально-Земледельческого района – Рязанской и в двух губерниях Северо-Западного района – Петербургской и Псковской. Однако в большинстве губерний Центрально-Промышленного и Центрально-Земледельческого районов, а также во всех губерниях Поволжья смертность оставалась еще довольно высокой.

Показатели смертности (прил. 17) подсчитаны без поправок на различие в возрастно-половом составе городского и сельского населения. Следует отметить значительные различия рассматриваемых показателей по отдельным губерниям. Так, в 12 губерниях Российского Центра коэффициент смертности в среднем в 1911–1913 гг. в городах был выше, чем в сельских местностях, причем особенно высоким он был в Костромской, Самарской и Астраханской губерниях. В 11 губерниях более высоким оказался коэффициент смертности в селах. Причем амплитуда колебаний здесь была незначительной.

Отсутствующие полные данные о возрастной структуре смертности, за исключением года первой всеобщей переписи населения, затрудняют изучение смертности в Российском Центре, определение средней продолжительности предстоящей жизни. Однако подсчеты на основе данных С.А. Новосельского дали следующие результаты: из 100 родившихся умирало на первом году жизни в 1897–1901 гг. в среднем 26 чел., в 1902–1906 гг. – 25,3 чел., в 1907–1911 гг. – 24,4 чел.⁴⁴. До сих пор рассматривались коэффициенты смертности, однако следует отметить, что эти коэффициенты не дают достаточно полной и точной картины уровня смертности в регионе. Главный их недостаток в том, что они в значительной степени зависят от возрастного и полового состава населения. Более ценные данные можно получить на основе сведений о распределении умерших по возрасту.

Эти цифры говорят об очень многом. Оказывается в 1910 г. подавляющее большинства умерших – это младенцы и дети до 10 лет (64,3%). Из общего количества умерших почти 2/3 приходилось на детей. Другой характерной чертой смертности населения Российского Центра являлся тот факт, что доля умерших в молодые годы и в годы зрелости ненамного меньше числа умерших в старости. Так, например, умершие в возрасте 30–39 лет составляли 4%, а в возрасте 60–69 лет – 5,9%, то есть всего в 1,5 раза больше. Это говорит о том, что преждевременная смерть взрослых людей, которая являлась подлинной трагедией для семьи и огромным уроном для общества и экономики страны, в Российском Центре изучаемого периода имела место в колоссальных масштабах.

Высокому уровню смертности соответствовала низкая средняя продолжительность предстоящей жизни, причем в России она была значительно ниже, чем в других европейских государствах в ту же эпоху. В Российском Центре средняя продолжительность предстоящей жизни новорожденного в 1896–1897 гг. составила для мужчин – 30,1 года, для женщин – 31,9 года, для обоих полов – 31 год; в 1907–1910 гг. соответственно – 31,9, 34, 33 года⁴⁵.

Если и можно говорить об увеличении средней продолжительности предстоящей жизни, то лишь об очень небольшом. Даже в 1907–1910 гг. средняя продолжительность жизни большей части населения Российского Центра оставалась чрезвычайно низкой, характерной для традиционного типа смертности, но никак не для современного. Такое сопоставление позволяет утверждать, что изменения в динамике средней продолжительности жизни начались не с 1896–1897 гг., а позднее, по крайней мере с 1910-х гг. Несмотря на некоторый рост, средняя продолжительность предстоящей жизни в Российском Центре была значительно ниже, чем, например, во Франции или в Англии, где ее величина в 1896–1905 гг. для обоих полов составляла соответственно – 50 и 56,5 лет⁴⁶.

Говоря о повозрастных особенностях смертности населения в Российском Центре, следует отметить, что смертность в регионе в 1900-х гг. была исключительно высокой в детском возрасте до 10 лет, в подростковом и рабочем возрасте, умеренной в пожилом возрасте. Смертность в регионе в целом была типичной для аграрно-индустриальных стран с низким уровнем развития санитарного дела и медицины, а также культуры быта широких слоев населения. К тому же, Российский Центр занимала особое место среди аналогичных государств по показателям исключительно высокой смертности детей и младенцев и исключительно низкой смертности групп пожилых возрастов.

Средняя продолжительность предстоящей жизни женщин была несколько выше, чем мужчин. В 1900 г. мужская смертность превышала женскую до 11-летнего возраста, а также в возрастах 40–45 лет, 70–80 лет и старше 90 лет⁴⁷. В остальных возрастных группах женская смертность превышала мужскую, что, в частности, было предопределено высокой материнской смертностью.

Относительно низкой смертности в старческих возрастах Российского Центра, по сравнению с другими странами Европы, сложилось два взгляда. С одной стороны – это реалья, которая является специфической особенностью русского населения, результатом отбора более жизнеспособных в условиях высокой детской смертности. С.А. Новосельский указывал, что исключительно высокая жизненная энергия в старческом возрасте может свидетельствовать о врожденной жизнестойкости русского народа. Другой точки зрения, в частности, придерживались П. Демени и А. Коул, которые рассматривали низкую смертность в старших возрастах как результат недоучета числа умерших и искажения численности старших возрастных групп в переписях. У Л.К. Гарсон достаточно убедительно показано, что по крайней мере в возрастных группах старше 70 лет низкая смертность в значительной степени преувеличена.

Касаясь вопроса повышенной смертности населения Петербурга в 1900-х гг., С.А. Новосельский и В.В. Паевский писали, что неблагополучие города в отношении смертности обуславливалось существовавшими в нем антисанитарными условиями и условиями социально-экономического характера. Показательны в этом отношении сведения о динамике заболеваний петербургского населения брюшным тифом в 1897–1911 гг. Так, в 1897–1901 гг. среднее число заболеваний в столице составило 5,7 тыс., в 1902–1906 гг. – 4,8 тыс., в 1907–1911 гг. – 3,7 тыс.⁴⁸. По совокупности ряда признаков благосостояния жителей Петербурга 48 административных участков столицы были сгруппированы в 7. Так, в I группе участков доля хозяев и администрации среди самостоятельного промыслового населения составила 5,8%, число личной прислуги на 100 самостоятельных – 34,7 чел., среднее число жителей на одну комнату – 1,5 чел., средняя годовая плата за квартиру – 933 руб., стандартизированный коэффициент смертности в 1909–1912 гг. – 12,6%; во II группе участков соответственно – 24,6%, 29,9 чел., 1,6 чел., 745 руб., 14,3%; в III группе – 21,2%, 19,9 чел., 2,1 чел., 536 руб., 18,3%; в IV группе – 16,7%, 13,2 чел., 2,3 чел., 430 руб., 19,9%; в V группе – 12,8%, 8,9 чел., 2,6 чел., 353 руб., 21,9%; в VI группе – 10,7%, 5,4 чел., 2,9 чел., 213 руб., 24,5%; в VII группе – 8,2%, 4 чел., 3,3 чел., 190 руб., 27,2%⁴⁹.

На основе анализа этих данных можно отметить, что по мере перехода от группы участков с преобладанием более зажиточного населения к группам участков с преобладанием бедного населения смертность непрерывно возрастала и в наиболее бедной группе была в 2,5 раза выше, чем в наиболее зажиточной.

По материалам переписей 1900 и 1910 гг. были произведены подсчеты и получены данные о влиянии степени благосостояния на заболеваемость населения сыпным тифом в Петербурге, из которых видно, что заболеваемость обратно пропорциональна степени благосостояния.

На соотношение смертности и рождаемости населения Москвы в 1900–1914 гг. повлияли следующие обстоятельства. Эпидемии детских болезней 1909 г. отразились на повышенной смертности населения «второй» столицы. Однако в последующие годы небольшое снижение смертности населения можно объяснить изменением его возрастного состава и некоторым улучшением санитарного состояния города. Правда, это снижение смертности населения Москвы было довольно медленным – за период в 17 лет оно измерялось величиной, указывающей сохранение жизни ок. 6 чел. из тысячи в год. Если сопоставить показатели смертности и рождаемости населения в Москве, можно увидеть, что лишь с 1910 г. определился небольшой естественный прирост населения. Рождаемость составила: в 1900 г. – 25,6%, в 1901–1910 гг. – 28,8%, в 1911–1913 гг. – 29,9%; смертность: в 1901 г. – 23,7%, в 1902–1906 гг. – 22,4%, в 1907–1910 гг. – 24,7%, в 1911–1914 гг. – 23,3%⁵⁰.

В районах проживания менее обеспеченного населения Москвы показатели заболеваемости и смертности были весьма высокими. На основании данных санитарных врачей были произведены подсчеты инфекционной заболеваемости населения Москвы в 1902–1907 гг. по полицейским частям (прил.18). Наименьшее количество больных приходилось на те части, где проживало главным образом зажиточное население. Так, например, при среднем показателе в 22,8% больных насчитывалось в Тверской части 13,2%, в Городской – 16,2%, в Арбатской – 16,5%, в Пречистенской – 16,7%. Первенство по заболеваемости принадлежало Мясницкой части, где был расположен Хитров рынок. За Мясницкой шли окраинные тогда части – Пресненская, Мещанская, Серпуховская, Сушевская.

Социально-экономическая и культурная неоднородность Российского Центра в целом, а также городов и сел региона предопределили значительную территориальную дифференциацию динамики уровня смертности. При этом снижение уровня смертности охватило все губернии. Увеличение вариации в конце XIX в. объясняется тем, что вследствие голода в 1892 г. в ряде губерний смертность значительно возросла.

В целом в Российском Центре уровень смертности повышался в направлении с запада на восток и с юго-запада на северо-восток. В 1900-х гг. район наивысшей смертности охватил главным образом Заволжские, Средневолжские, Нижневолжские губернии, отчасти Центрально-Земледельческие и Центрально-Промышленные. Этот район в большей степени страдал от неурожаев, кроме того, Поволжье являлось очагом холеры. Наименьший уровень смертности наблюдался в Северо-Западных губерниях.

Неоднозначно складывались соотношения уровней смертности городского и сельского населения. Общий коэффициент смертности в уездах был выше, чем в городах. Так, в 1913 г. в уездах он равнялся 30,7%, в городах – 21,9%. Вместе с тем, на рубеже XIX–XX вв. во многих городах (особенно в Поволжье – очаге холеры) уровень смертности поднимался до больших величин и превышал рождаемость. Например, в 1901–1905 гг. наблюдался отрицательный естественный прирост в 23% из общего числа городов⁵¹.

Городское население формировалось под сильным влиянием миграции. В результате этого, в отличие от уездов, в российских городах преобладали возрастные группы старше 20 лет, а численность мужского населения превосходила численность женского.

Существенной особенностью смертности в городах являлось то, что ее уровень был ниже, чем в селах, в возрастных группах 1–14 лет и 20–24 лет. Кроме того, в селах смертность женщин практически во всех возрастных группах от 15 до 40 лет была выше, чем мужчин. Причины подобного различия, включая большое распространение инфекционных болезней в детских возрастах и высокую материнскую смертность в деревнях, рассмотрены в ряде работ отечественных ученых⁵².

Причины смертности в Российском Центре начали регистрироваться в некоторых городах еще в конце XIX в.; в первые годы XX в. число таких городов значительно увеличилось. В подавляющем большинстве уездов регистрация причин смерти в сельской местности началась в 1891 г. и включала умерших от инфекционных болезней. Структура причин смерти в Российском Центре отличалась наличием в ней значительной доли смертей от факторов экзогенного происхождения. Уровень смертности от инфекционных заболеваний был чрезвычайно высок по сравнению со странами Западной Европы⁵³.

Тенденция к снижению смертности в конце XIX в. сопровождалась определенными изменениями в структуре причин смерти. В частности, сокращалось число умерших от коклюша, дифтерии, скарлатины, кори, то есть болезней, которыми болели преимущественно дети в возрасте от 1 года до 8 лет, а также от тифа и оспы.

Необратимость происходивших изменений в структуре причин смертности определялась вызывавшими их социально-экономическими преобразованиями. Среди них выделим следующие: расширение продовольственной базы, повышение урожайности зерновых, увеличение посевных площадей вследствие чего возросло потребление зерна на душу населения; рост грамотности; развитие санитарно-гигиенических мероприятий и здравоохранения (противохолерные мероприятия, обязательное оспопрививание, сывороточное лечение дифтерии, увеличение численности врачей, развитие сети земской медицины и т.д.); расширение сети водопроводов и канализации в городах⁵⁴.

На государственном уровне это проявилось в усилении и координации ранее разрозненных действий в борьбе со смертностью и заболеваемостью, в первую очередь – инфекционной. Издавались указы правительства об обязательной вакцинации, о гигиенических нормах и т.д. На индивидуальном уровне изменилось отношение к здоровью и его сохранению, к роли врача в жизни человека. Российская интеллигенция усердно работала в деревне в качестве земских врачей, учителей народной школы, агрономов, статистиков.

Н.О. Лосский писал, что, повинуясь чувству долга, понимая опасность неряшливости при лечении болезней, русские врачи достигли такой чистоты и антисептики, что московские клиники в этом отношении были лучше берлинских⁵⁵. В городах Российского Центра в начале XX в. были созданы «Общества борьбы с детской смертностью», а при них кухни «Капля молока».

Однако все названные мероприятия и приложенные усилия государства и общества оказывались явно недостаточными для решительного снижения смертности в Российском Центре, особенно младенческой и детской. Даже в официальном обзоре «Смертность младенцев в возрасте от рождения до одного года в 1909, 1910 и 1911 годах в Европейской России», составленном директором Центрального статистического комитета П.И. Георгиевским, можно встретить признание в том, что в России за указанное время практически никакого серьезного уменьшения младенческой смертности не произошло⁵⁶.

Некоторое снижение детской смертности началось лишь в первое десятилетие XX в. Для более точной характеристики этого снижения приведем годовые данные с 1897 по 1911 гг. Так, в 1897 г. этот показатель равнялся 26%, в 1898 г. – 27,9%, в 1899 г. – 24%, в 1900 г. – 25,2%, в 1901 г. – 27,2%, в 1902 г. – 25,8%, в 1903 г. – 25%, в 1904 г. – 23,2%, в 1905 г. – 27,2%, в 1906 г. – 24,8%, в 1907 г. – 22,5%, в 1908 г. – 24,4%, в 1909 г. – 24,8%, в 1910 г. – 27,1%, в 1911 г. – 23,7%⁵⁷.

Необходимо отметить весьма большие различия показателей смертности младенцев по отдельным губерниям. Данные приведены за два периода – 1896–1897 гг. и 1908–1910 гг. (прил. 19). В это время детская смертность все еще учитывалась не полностью, причем этот недоучет был по некоторым губерниям значительным. В 1896–1897 гг. детская и младенческая смертность была наиболее высокой в Московской и Нижегородской губерниях. К 1908–1910 гг. коэффициенты детской смертности понизились преимущественно в ряде губерний с особо высокой детской смертностью (Московской, Нижегородской, Владимирской, Ярославской, Петербургской, Казанской) и повысились в Курской и некоторых других губерниях. В большинстве же губерний изменения коэффициентов смертности младенцев к 1908–1910 гг. были сравнительно небольшими.

По уровню смертности младенцев в 1908–1910 гг. губернии Российского Центра можно распределить по следующим трем группам: I группа с показателем смертности от 22 до 26% – 2 губернии – Астраханская и Казанская, расположенные на юго-востоке региона; II группа, где смертность была от 26 до 30%, – 13 губерний – Петербургская, Ярославская, Псковская, Новгородская, Московская, Рязанская, Орловская, Курская, Воронежская, Тульская, Тамбовская, Саратовская, Самарская, расположенных преимущественно в центральной полосе, на северо-востоке и юго-востоке; III группа, имевшая показатель смертности от 30% и выше, – 8 губерний – Калужская, Тверская, Пензенская, Владимирская, Симбирская, Костромская, Олонецкая, Нижегородская, расположенных преимущественно на севере и в центральной части региона. В этой группе Нижегородская и Олонецкая губернии имели показатель детской смертности св. 32%.

В среднем по 23 губерниям Российского Центра в 1896–1897 гг. умерло в возрасте до 5 лет 47,1% из родившихся детей. Чрезмерно высокие показатели детской смертности в это время были в следующих губерниях: в Нижегородской – 53,8%, в Тульской – 52,4%, в Пензенской – 51,8%, в Московской и в Саратовской – по 51,6%.

С 1896–1897 гг. по 1908–1910 гг. смертность детей в возрасте до 5 лет в среднем по Российскому Центру уменьшалась с 47,1% до 43%. При этом, наряду с группами губерний, в которых показатель детской смертности понизился, имелась группа губерний, где изменения в показателе смертности были сравнительно незначительными, а также группа губерний, где детская смертность повысилась.

Итак, уровень младенческой смертности в Российском Центре был крайне высоким. Всего на возрастную группу от 0 до 1 года приходилось более 1/3 всех смертных случаев, а на детский возраст от 0 до 5 лет – до 60%.

Проблему столь высокой детской смертности начали поднимать еще в XIX в. В целом, ее объясняли невежественным уходом за детьми, недостаточным питанием, низкой санитарной культурой и жилищными условиями, положением женщины в обществе. Особое внимание в ряде работ уделялось способу кормления младенца.

Во многих местностях существовал обычай не кормить грудью младенца до его крещения и с первых дней давать ему прикорм. Высокая детская смертность была в тех губерниях (великорусские Северо-Восточные, Восточные и Центрально-Земледельческие), где наблюдались крайняя эксплуатация женщины на полевых работах до последних дней беременности и чуть ли не сразу после родов, а также крайне раннее прикармливание младенцев, обычай оставлять их во время полевых работ дома без материнского молока и т.д. В городах работницы отрывались на большую часть дня от детей и не могли их правильно кормить, переводили на прикармливание и искусственное кормление⁵⁸.

Относительно низкий уровень смертности у мусульман, по мнению ученых, находился в зависимости от их религиозно-бытовой жизни и требований «Корана» о кормлении грудью своего ребенка в течение двух лет. Исследования показали, что короткие интервалы между рожденьями, высокий порядок рождения по очередности, ранний возраст матери повышали младенческую смертность⁵⁹. Приведенные сведения о младенческой и детской смертности по возрасту, вероисповеданию и месту жительства в 1900–1904 гг. сгруппированы в прил. 20.

Начавшееся снижение смертности в различной степени затронуло отдельные возрастные группы. Если исходить из динамики коэффициентов младенческой смертности, повозрастного распределения умерших, то, в основном, она происходила за счет возрастов от 1 года до 15 лет. Младенческая смертность в Российском Центре оставалась высокой вплоть до 1914 г. Ее доля в общем числе смертельных случаев в начале XX в. несколько повысилась. В годы катаклизмов она понижалась в связи со снижением уровня рождаемости, как в период Русско-Японской войны, или в связи с ростом смертности в других возрастных группах в годы голода и эпидемий⁶⁰.

Следует заметить, что и в странах Западной Европы на рубеже XIX–XX вв. снижение младенческой смертности было очень умеренным и происходило медленнее, чем снижение общей смертности. Прогресс стал заметным примерно с 1910-х гг.⁶¹.

Подсчитанные данные о младенческой смертности в Петербурге в 1900–1914 гг. свидетельствуют о том, что смертность этой возрастной группы в столице продолжала оставаться высокой на протяжении этого периода. И хотя она несколько снизилась – с 27,4% до 24,8%, в среднем

за 15 лет умерло в младенческом возрасте 25,5%. Уместно сравнить уровень младенческой смертности в Петербурге и Москве. Так, доля смертности младенцев в 1906–1910 гг. составила в Петербурге 28% по отношению к числу родившихся, в Москве – 25,8%; в 1911–1915 гг. соответственно – 26,8% и 23,8%. В Саратове также наблюдалась огромная смертность младенцев. В среднем за пятилетие – с 1903 по 1907 гг. – коэффициент смертности составил 37% с колебаниями по отдельным годам от 35,4% до 39%⁶².

Одной из главных трудностей российской статистики являлась проблема исчисления погодовой динамики населения страны и ее отдельных районов. Наиболее достоверны сведения по Российскому Центру, хотя из-за недостатков учета миграции в 1900-х гг. и здесь существовало несколько вариантов оценок численности населения.

Согласно подсчетам Р.И. Сифман, за 17-летний промежуток времени – от переписи 1897 г. до начала 1914 г. – население Российского Центра росло преимущественно за счет превышения рождаемости над смертностью в среднем за год на 2,4 млн. чел.⁶³. Естественный прирост являлся, таким образом, решающим фактором в росте населения региона.

Общий показатель естественного прироста населения Российского Центра в 1896–1913 гг. в среднем составил 14,7%, что было несколько ниже показателя Европейской России – 16,8%. Однако по отдельным районам колебания коэффициентов составили от 11 до 17,5%. Наименьшими показателями естественного прироста отличались Петербургская (в среднем 6%), Олонецкая (11,5%), Ярославская (9,9%) губернии. Из губерний с наиболее высокими показателями естественного прироста следует назвать Тамбовскую (18,4%), Воронежскую (19,7%), Самарскую (19,1%), Астраханскую (18,6%) (прил. 21).

Коэффициенты естественного прироста по отдельным губерниям Российского Центра свидетельствуют, что с 1896 по 1913 гг. диапазон их колебаний несколько сократился; уровень естественного прироста достиг своих наибольших значений вследствие снижения смертности. Начавшееся снижение рождаемости воспрепятствовало его дальнейшему росту. Коэффициенты естественного прироста в большинстве великорусских губерний региона были примерно одинаковыми. Число губерний с коэффициентом естественного прироста больше 15% увеличилось в 1896–1900 гг., а затем практически не изменялось до 1914 г.

Более подробного рассмотрения заслуживают показатели естественного движения населения Российского Центра в годы, непосредственно предшествовавшие Первой мировой войне (1911–1913 гг.). В среднем по 23 губерниям региона рождаемость равнялась 44,2%. Весьма значительные различия этого показателя определились по

отдельным губерниям. Рождаемость составляла в Самарской губернии 55%, в Астраханской – 54,1%, в Симбирской – 49,5%, в Воронежской – 48,8%, в Пензенской – 48,7%, в Ярославской – 36,4%, в Петербургской – 29,3%.

Смертность в Российском Центре в среднем составляла 28,8%. В Самарской губернии показатель смертности был 34,7%, в Олонецкой – 33,8%, в Астраханской – 33,2%, в Ярославской, Рязанской и Петербургский губерниях – от 25,1% до 22,3%.

Естественный прирост в среднем в Российском Центре в 1911–1913 гг. равнялся 15,3% и весьма различался по отдельным губерниям. Например, этот прирост составил в Астраханской губернии 20,9%, в Самарской – 20,3%, в Воронежской – 20,1%, в Олонецкой – 11,9%, в Московской – 11,6%, в Ярославской – 11,3%, в Петербургской – 7%.

Показатели естественного движения населения Российского Центра по районам были следующими. Наиболее высокие показатели рождаемости были в Поволжском и Центрально-Земледельческом районах соответственно 49,7% и 45,8%. В Центрально-Промышленном районе показатели рождаемости оказались в целом близкими к среднему по Европейской России – 42% и 43,9%. Пониженная рождаемость была в Северо-Западном районе – 39,1%.

При среднем показателе смертности в Европейской России в 27,1% в Поволжье он составил 32,1%, в Центрально-Земледельческом районе – 28,1%, в Центрально-Промышленном – 27,9%, в Северо-Западном – 27,1%. Выше среднего показателя естественного прироста населения в Европейской России (16,8%) был прирост в Центрально-Земледельческом районе – 17,7%, в Поволжском – 17,6%; ниже среднего в Центрально-Промышленном – 14,1% и в Северо-Западном районах – 12%.

Наиболее резкие расхождения показателей естественного прироста населения в городах и сельских местностях Российского Центра выявились по отдельным губерниям. В 22 губерниях естественный прирост в селах был выше, чем в городах; в одной губернии – Костромской – этот прирост оказался более высоким в городах, чем в селах.

Естественный прирост населения (15% и более) для сельского населения наблюдался в 13 губерниях, а для городского – лишь в одной. Невысокий прирост городского населения (менее 10%) был в 15 губерниях, а сельского – в одной губернии (прил. 22).

Показательны данные о естественном движении населения Петербурга в 1896–1915 гг. В среднем за 20 лет показатели рождаемости и смертности несколько отличались: соответственно 29,5% и 24,6%; естественный прирост был весьма незначительным – 4,9%. В первое пятилетие наблюдался слабый прирост; в 1901–1905 гг. наступил перелом

к лучшему, но все показатели естественного прироста в последующие пятилетия (1906–1915 гг.) оставались низкими – 4,2–4,6%⁶⁴.

О естественном движении населения Костромы в 1896–1910 гг. имеются следующие данные: в 1896–1900 гг. рождаемость составила 37%, смертность – 32,5%, естественный прирост – 4,5%; в 1901–1905 гг. соответственно – 41,3%, 33,5%, 7,8%; в 1906–1910 гг. – 47,6%, 41,4%, 6,2%; в среднем – 42%, 35,8, 6,2%⁶⁵. Определившийся в этот период естественный прирост населения Костромы являлся невысоким.

Брачность в Российском Центре в 1900-х гг. в основном находилась на высоком уровне. Высокие показатели брачности, а также ранние браки, особенно среди многочисленного сельского населения, оказывали большое влияние на рост рождаемости. Основные показатели в 1897–1911 гг. характеризуют брачность населения региона. Так, в 1897 г. она составила 9,1%, в 1898 г. – 8,7%, в 1899 г. – 9,3%, в 1900 г. – 8,9%, в 1901 г. – 8,6%, в 1902 г. – 8,6%, в 1903 г. – 8,9%, в 1904 г. – 7,6%, в 1905 г. – 7,6%, в 1906 г. – 9,6%, в 1907 г. – 9%, в 1908 г. – 8%, в 1909 г. – 8%, в 1910 г. – 8,4%, в 1911 г. – 8%. По этим данным вполне определенно можно проследить некоторое снижение показателей брачности примерно на 20%. Так, в среднем по 23 губерниям Российского Центра в 1897–1911 гг. брачность составила 8,6%.

Из отдельных годов со сравнительно повышенными показателями брачности были 1897, 1899, 1900, 1903, 1906, 1907 гг. Пониженная брачность отмечалась в 1904, 1905, 1908, 1909, 1911 гг., что связано с происходившими тогда военными действиями и социально-экономическими кризисами.

Приведенные подсчеты показателей брачности населения Российского Центра по пятилетиям в 1896–1911 гг. также свидетельствуют о снижении брачности: 1896–1900 гг. – 9%, 1901–1905 гг. – 8,3%, 1906–1910 гг. – 8,6%, 1911 г. – 8%, в среднем 8,5%⁶⁶.

Данные за 1898–1910 гг. также не показывают каких-либо значительных сдвигов в распределении вступивших в брак по возрастным группам (прил. 23). Таким образом, показатели 1898 и 1910 гг. практически не изменились. Они свидетельствуют о том, что резко преобладающая масса невест приходилась на возрастные группы до 25 лет (85–86%), причем по отдельным годам колебания этого показателя были небольшими.

Кроме того, распределение по возрастным группам вступивших в брак в 1910 г. отдельно для различного вида населенных пунктов – губернских городов, прочих городов и сельских местностей – показывает, что браки в более ранних возрастах особенно были распространены в селах. В возрасте 20 лет и моложе невест оказалось в губернских

городах 35,5%, в прочих городах – 43% и в сельских местностях – 56,7% от общего числа невест. Мужчины вступали в брак в городах в более старших возрастах. Так, в возрасте 26 лет и выше их оказалось в селах 30,7%, в прочих городах – 45,5% и в губернских городах – 52,1% от общего числа женихов⁶⁷.

Следует отметить, что по возрасту вступления в брак население Российского Центра в 1900-х гг. резко отличалось от населения многих других стран высокими показателями ранних браков. Удельный вес вступивших в брак в 1906–1910 гг. в возрасте моложе 21 года в целом по региону составил для мужчин 30,2%, для женщин – 54%; в Англии соответственно – 4% и 13,9%; в Германии – 0,6% и 16,4%; в Бельгии – 5,3% и 20,5%; в Голландии – 3,6% и 13,3%; в Сербии – 37,6% и 56%⁶⁸. Как видим, повышенные показатели ранних браков были в Российском Центре и в Сербии.

Следующие подсчеты показывают лишь незначительное изменение в сторону некоторого «постарения» брачности у женщин Российского Центра в 1898–1910 гг. Невесты в возрасте 20 лет и моложе в 1898 г. составляли 54,7%, в 1910 г. – 56,4%; в возрасте 21–25 лет – соответственно 31,7% и 28,9%; в возрасте 26–30 лет – 7,1% и 7,1%; в возрасте 30 лет и старше – 6,5% и 7,6%. В целом, эти данные свидетельствуют о том, что подавляющее большинство населения Российского Центра в этот период жило в условиях традиционной брачности: 80–85% браков заключалось женщинами в возрасте до 25 лет включительно, а если учесть только первые браки, то эта доля была более высокой⁶⁹.

Итак, более половины всех невест приходилось на возраст до 20 лет. Это говорит о том, что в ту пору девушки чаще всего вступали в брак в 18–20-летнем возрасте. При этом следует учесть, что в приведенные подсчеты входят и повторные браки. Если их исключить, то удельный вес младших возрастных групп будет еще более значительным. В некоторых губерниях, даже включая повторные браки, св. 3/4 всех невест были моложе 21 года. Именно возраст вступления в брак в ту пору в значительной степени определял уровень рождаемости, о чем говорилось выше.

Поскольку особенности брачности в Российском Центре в 1900-х гг., ее социально-экономические, демографические и другие факторы достаточно подробно изучались в ряде исследований, рассмотрим географическую дифференциацию брачности и ее динамику с точки зрения влияния на дифференциацию и динамику рождаемости. Как было отмечено выше, уровень брачности городского населения был ниже, чем сельского, и подчинялся несколько иным закономерностям. Гео-

графическая неоднородность брачного поведения выражалась в увеличении уровня брачности для городского населения с северо-запада региона на юго-восток, а для сельского населения – с севера на юг.

Статистические данные хорошо иллюстрируют роль брачности в территориальной дифференциации рождаемости в Российском Центре. Так, коэффициент корреляции между индексом общей рождаемости и индексом брачности А. Коула для всего населения (на начало XX в.) 23 губерний равен 0,928 для городского и сельского населения соответственно – 0,865 и 0,919. Б.Ц. Урланис, исследуя зависимость между долей женщин, вступивших в брак в возрасте 20 лет и моложе, и уровнем рождаемости в тех же губерниях, получил коэффициент корреляции 0,69⁷⁰.

Среди факторов территориальной дифференциации брачности следует выделить исторические, национально-этнические и религиозные особенности, различия в степени модернизации отдельных районов Российского Центра (прил. 24). Как видим, среди представителей разных конфессий высокая и ранняя брачность наблюдалась у православных; кроме того, женщины всех конфессий вступали в брак, как правило, раньше мужчин.

Прослеживалась наиболее сильная связь показателей уровня брачности с показателями грамотности. Была выявлена также тесная статистическая зависимость между численностью жителей сельских поселений и индексом брачности А. Коула, коэффициент корреляции между ними составил 0,802⁷¹.

Изучение динамики брачности в Российском Центре затрудняется тем, что нет сплошных данных о брачном состоянии населения региона по возрасту за длительное время. Только для ряда местностей можно представить динамику среднего возраста вступления в первый брак. В городах региона, особенно в Северо-Западном и Центрально-Промышленном районах, повышение среднего возраста вступления в первый брак было существенным и в значительной мере отразилось на рождаемости. В других городах, и особенно в сельских местностях, изменения происходили медленнее.

Ряд данных 1900-х гг. о брачности сельского населения Гиблицкой волости Рязанской губернии показывает, что в целом тенденция среднего возраста вступления в первый брак в волости совпадала с тенденцией в Российском Центре. Однако ранняя брачность по-прежнему преобладала на большей территории региона. Данные по Гиблицкой волости и динамика общего коэффициента брачности для православного населения региона показывают, что в 1900-х гг. уровень брачности несколько повысился, особенности общинного землеустройства и переделы земли, которые развернулись в деревне в ходе столы-

пинской аграрной реформы, стимулировали раннее заключение брака с тем, чтобы получить землю. Рост уровня брачности вызвал, также, увеличение доли таких браков, в которых жених был старше невесты⁷².

В столице империи Петербурге возраст брачности, как показали результаты подсчетов, был относительно высок на рубеже XIX–XX вв. и с тех пор фактически не изменился до 1910 г. Так, в 1890 г. этот показатель для мужчин равнялся 26,8 годам, для женщин – 24,8, для обоих полов – 25,8; в 1900 г. соответственно – 26,7, 24,6, 25,7; в 1910 г. – 26, 24,1, 25,1; в 1910 г. (с пригородами) – 25,6, 23,8, 24,7⁷³.

Общий коэффициент брачности, рассчитанный для 23 губерний Российского Центра, показывает, что уровень брачности медленно снижался с рубежа столетий к 1911 г. от 9–10% до 8%, причем в городах это явление было более заметным, чем в селах. Понижение уровня брачности происходило за счет некоторого сокращения доли ранних браков (20 лет и ниже) при ее незначительном увеличении в следующей возрастной группе (21–25 лет). Однако, как указывалось ранее, подобные изменения почти не отражались на уровне рождаемости. Более заметным сокращение доли ранних браков было в городах, а также в Северо-Западных и Центрально-Промышленных губерниях Российского Центра.

Тем не менее, изменения в социальных нормах имели место, что, в частности, выразалось в постепенном увеличении числа разводов. Хотя высшие церковные власти обычно препятствовали разводам, но случалось, что приходской священник (это было крайне редко) своей властью расторгал браки. Поэтому разводы, особенно в деревнях, вплоть до 1914 г. были большой редкостью. В 1912 г. число разводов среди православного населения составило всего 3,5 тыс., в 1913 г. – 3,8 тыс., причем львиная доля разводов приходилась на города⁷⁴. Но в большей степени об этом свидетельствует принятый по настоянию общественности в марте 1914 г. Закон о раздельном проживании супругов⁷⁵.

Таким образом, в 1900-х гг. в Российском Центре наблюдалась определенная тенденция к снижению уровня брачности, сокращению доли ранних браков и росту среднего возраста вступления в брак. Однако, за исключением городского населения ряда губерний, эти изменения происходили медленно. Справедливости ради надо отметить, что изменения социально-экономических институтов в стране в конце XIX – начале XX в. были слишком слабы, чтобы воздействовать на брачность, так как они требовали определенного времени.

3. НАСЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ЦЕНТРА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

3.1. Численность и потери населения

В годы Первой мировой войны, революции и последовавших за ними Гражданской войны и интервенции социально-демографическая ситуация в стране резко изменилась. Ее изучение связано с определенными трудностями. В частности, по сравнению с предыдущими годами качество демографической информации заметно ухудшилось. Прежде всего, была расстроена система текущего учета населения в условиях военного времени и в результате реформ новых органов государственной власти, включавших отделение церкви от государства и создание новой системы учета естественного движения населения. Так, 18 декабря 1917 г. был утвержден Декрет о гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния, который предусматривал обязательную регистрацию рождений, браков, смертей в специальных книгах отделов записей браков и рождений¹.

Но, несмотря ни на какие обстоятельства, от тех лет осталось немалое статистическое наследие. Например, Л.И. Лубны-Герцык, изучая движение населения в 1916–1922 гг., использовал данные по 28 губерниям; В.З. Дробижев для периода 1917–1920 гг. приводил иную информацию по 16 губерниям, не считая городов².

Начавшаяся мировая война не позволила провести намечавшуюся на 1915 г. Вторую всеобщую перепись населения³. Однако в указанный период времени в стране провели фактически две переписи населения, результаты которых были необходимы для решения продовольственной проблемы, проведения аграрной реформы, послевоенного государственного строительства. В 1916 г. была проведена первая сельскохозяйственная перепись, во время которой были собраны сведения о сельском и частично о городском населении; в 1917 г. – сельскохозяйственная, поземельная и городская переписи. Кроме того, в этот период проводились различные выборочные обследования, существовали также различные косвенные источники информации о населении – материалы Министерства земледелия, Наркомздрава РСФСР, комитетов помощи беженцам, голодающим, и т.д.

Бесспорно, данные периода Первой мировой войны являются неполными и часто противоречат друг другу. Например, ни одна из двух переписей не охватила всей территории страны. Но, как совершенно справедливо заметил академик Ю.А. Поляков, «...было бы неправильно совершенно пренебрегать данными статистического учета тех лет. Они

не могут дать полной картины, но ряд сведений являются доказательными и неплохо характеризуют демографические тенденции»⁴.

Главным показателем демографического кризиса стало резкое сокращение общей массы населения Российского Центра за четыре года войны: к началу 1914 г. оно составило 54446,5 тыс. чел. обоюбого пола, в 1916 г. – сократилось до 50003,5 тыс. чел. а в 1917 г. – до 43668,9 тыс. чел., уменьшившись на 10777,6 тыс. чел. (прил.25–27). Напомним, что губернии региона не являлись театром военных действий, из них шел призыв в армию и шла отправка на фронты «великой войны»; вместе с тем в эти годы сюда прибывали беженцы и военнопленные; все это повлияло на изменение численности и состав населения региона.

Первая мировая война нанесла значительный удар по уровню рождаемости в Российском Центре. Массовая мобилизация мужского населения вызвала разрушение прежних семейных связей и резко сократила возникновение новых брачных союзов. Все это в скором времени отразилось на снижении рождаемости. Влияние «великой войны» оказалось куда более значительным, чем Русско-Японской. Было мобилизовано 16 млн. мужчин, то есть в 12 раз больше, чем в 1904–1905 гг. Это составило 40% всех мужчин в возрасте от 20 до 50 лет⁵.

Война началась летом и, следовательно, на численность родившихся в 1914 г. она еще не могла повлиять. Таким образом, 1914 г. в отношении числа рождений следует рассматривать как мирный год. Только с 1915 г. начало сказываться «огненное дыхание» войны.

Однако точно проследить влияние войны оказалось невозможным из-за расстройств статистики естественного движения населения в результате ведения военных действий и начавшейся общей разрухи в стране. По сделанным расчетам на основе использования различного местного материала и данных переписи 1926 г. о возрастном составе населения динамика коэффициентов рождаемости в Российском Центре в годы Первой мировой войны выражена в следующих цифрах.

Снижение рождаемости и повышение смертности наблюдалось во всех городах, но по размерам снижения они резко различались между собой. Если в Петрограде и Москве рождаемость значительно упала, соответственно с 25% до 15% и с 31% до 14,7%, а смертность повысилась соответственно с 21,5% до 46,7% и с 23,2% до 29,9%, то этого нельзя сказать о Ярославле и Саратове, где снижение рождаемости не превышало 15–25%⁶. Так как в целом по региону рождаемость к 1917 г. снизилась почти вдвое, то это означало, что особенно резкое снижение ее было в сельской местности.

Уровень рождаемости в годы Первой мировой войны, по имеющимся статистическим данным, снизился примерно на 45%. Если родив-

шихся в 1913 г. в 12 губерниях Российского Центра, Петрограде и Москве, по которым имеется непрерывный ряд данных, принять за 100%, то динамика рождений представляется следующим образом: в 1914 г. – 102%, в 1915 г. – 88%, в 1916 г. – 69%, в 1917 г. – 54%⁷. Рост рождаемости в 1914 г. объясняется тем, что в этом году рождались дети, зачатые еще в довоенное время. В связи с тем, что сельская местность больше пострадала от мобилизации, чем город, в ней наблюдалось и большее сокращение рождаемости.

Тенденции рождаемости в 1914–1917 гг. по данным текущего учета населения представлены в прил. 28. Материалы местной статистики дополняют данные о движении населения в эти годы. Коэффициент рождаемости в Орловской губернии составил в 1917 г. – 29%. Для Саратовской губернии имеются дифференцированные показатели по городу и селу: рождаемость в городах в 1917 г. здесь составила – 19,1%, а в селах – 18,7%. Показатели рождаемости в Ярославской губернии в городах составили в 1917 г. – 31,6%, а в селах – 25,3%⁸.

Представление о сильном влиянии кризиса на репродуктивное поведение дает анализ деформации возрастных коэффициентов рождаемости. Так, у когорты женщин 1890–1894 гг. интенсивность рождаемости в кризисные годы была значительно ниже возможной, что отразилось на повозрастном распределении рождений в последующие годы. Наиболее заметным снижением рождаемости было в молодых женских возрастах. Это подтверждается также некоторыми исследованиями⁹.

На снижение рождаемости влияло еще и то обстоятельство, что в 1917 г. в сельской местности 23 губерний Российского Центра отсутствовало 47,4% мужчин трудоспособных и репродуктивных возрастов, а в некоторых из них – более половины, к примеру, в Олонецкой – 51,8%¹⁰.

Разразившийся кризис содействовал распространению внутри-семейного контроля рождаемости, в том числе и в деревне. Так, из отчетов больниц, анкет участковых сельских врачей следует, что с 1914 г. значительно возросло число аборт. С.А. Новосельский отмечал, что сознательное регулирование размеров семьи в этот период широко проникало и распространялось среди населения, являясь одной из причин наблюдавшегося повсюду падения рождаемости. Этому способствовало созданное войной настроение в связи с экономическим кризисом и неуверенностью в завтрашнем дне¹¹.

Другой исследователь этого вопроса А.Б. Генс снижение рождаемости тесно связывал с распространением абортов: «С 1914 г. ... на селе осталась громадная армия «солдаток», потом и вдов, в связи с чем особенно усилился спрос на аборт, впервые вызвавший (спрос вызывает предложение) профессию бабок по абортам»¹². Иной группой

факторов, снижавших рождаемость, являлся рост заболеваемости женщин, психическое напряжение, которое вызывало длительное или временное бесплодие («аменорея военного времени»)¹³.

Первая мировая война резко ухудшила положение широких слоев населения. Уровень питания значительно снизился, жилищные условия городского населения ухудшились, медицинское обслуживание стало еще менее удовлетворительным. Все это привело к увеличению смертности населения.

Коэффициент смертности в 1915–1917 гг. несколько снизился по сравнению с 1913 г. исключительно вследствие падения рождаемости. Поэтому для получения правильной картины уровня смертности уместно привести коэффициенты смертности для населения старше одного года (прил. 29). При таком подсчете падение рождаемости исключается лишь частично. В те годы очень велика была смертность среди младенцев, двух- и трехлетних детей, численность которых к 1916–1917 гг. значительно сократилась.

Хотя используются средние коэффициенты смертности по региону в целом, но надо подчеркнуть, что они относились преимущественно к низшим социальным слоям города и деревни, составлявшим подавляющую часть всего населения. Высшие и более обеспеченные слои жили в гораздо лучших условиях и уровень смертности у них был значительно ниже.

В годы войны наметились негативные изменения в эпидемиологическом фоне региона, нарастали топливный и продовольственный кризисы. Начало будущим эпидемиям положили стихийная демобилизация и беженцы, рассеявшие очаги эпидемий по региону. Российский Центр пережил небывалое усиление инфекционных заболеваний, голод и, как следствие, катастрофический рост уровня смертности¹⁴.

Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни для мужского населения в Петрограде сократилась по сравнению с 1910–1911 гг. более чем на 10 лет и составила в 1917 г. 20,5 лет¹⁵.

Меньшим было увеличение смертности в сельской местности, хотя здесь в большей степени мог оказаться недоучет смертей. Так, в Московской губернии смертность возросла с 31,5% в 1913 г. до 40,8% в 1918 г., в Костромской соответственно – с 30,9% до 49,6%, в Орловской – с 27% до 36,4%¹⁶.

Естественно, что и младенческая смертность оставалась очень высокой. Об этом можно судить по уровню младенческой смертности в Петрограде и Москве. Доля умерших младенцев в 1913–1917 гг. в среднем составила в Петрограде – 26,8% к числу родившихся, в Москве – 23,8%¹⁷.

Особенности процессов рождаемости, смертности и миграции предопределили характер воспроизводства населения. В целом по Российскому Центру за период с 1914 по 1917 гг. включительно численность на-

селения сократилась почти на 11 млн. чел. Имеющаяся информация не дает точной картины погодовой численности населения страны. В прил. 30 приведены оценки естественного движения населения в годы войны.

Убыль населения в этот тяжелый для людей период обеспечила отрицательный естественный прирост. Если его уровень в губерниях, Петрограде и Москве принять за 100% в 1913 г., то в 1914 г. он составил 119%, в 1915 г. – 73%, в 1916 г. – 22%, а в 1917 г. его величина впервые стала отрицательной, что явилось результатом резкого падения уровня рождаемости в годы Первой мировой войны.

Влияние войны на брачность проявилось прежде всего в уменьшении числа заключенных браков, вызванном мобилизацией мужчин и отчасти ухудшением экономических условий.

Обычно война в большей степени влияет на брачность сельского населения, чем городского. Для городов характерны концентрация военнослужащих, система «брони» для мужчин, работающих на военных предприятиях и в некоторых гражданских учреждениях. В селах же все мужские призывные возраста, за исключением единиц, подлежали мобилизации. Например, изменение коэффициента брачности по Москве и Московской губернии в годы Первой мировой войны было следующим: в 1913 г. соответственно – 5,9%, 7,4%, в 1914 г. – 5,5%, 5,6%, в 1915 г. – 4,1%, 2,2%, в 1916 г. – 3,9%, 2,3%. Количество нереализованных браков в губерниях Российского Центра в годы войны оценивается в 1,7 млн.¹⁸.

Крупные войны, какой была Первая мировая война, служат причиной таких глубоких и необратимых изменений в населении, которые не только затрудняют процесс послевоенной компенсации брачности, но еще долго негативно влияют на брачность многих поколений людей. Главное в этих изменениях – нарушение нормальной возрастно-половой структуры населения. Причины такого нарушения – повышение смертности людей в период войны и прежде всего массовая гибель молодых мужчин на полях сражений.

Немалое значение имеет также пониженная рождаемость в военные годы, которая приводила к существенной деформации возрастной пирамиды и сказывалась на брачности много позднее, когда в брачный возраст вступали поколения, родившиеся в военные и примыкавшие к ним годы.

Брачность, порой, считают главным фактором, определяющим снижение рождаемости в годы кризисов. Но эта точка зрения ошибочна, поскольку снижение уровня брачности в короткий интервал времени влияет лишь на интенсивность рождений первенцев. Это легко подтвердить простыми арифметическими подсчетами. «Недород» детей в 1914–1917 гг. составил 6 млн. чел., а дефицит браков – 1,7 млн. Делая заведомо неточное предположение о том, что у всех молодоженов протогенетический интер-

вал равнялся одному году, можно сделать вывод, что большая часть «недорода» (4,3 млн.) была обусловлена другими факторами.

В целом по сокращению числа браков Россия занимала одно из ведущих мест среди воюющих государств. Если принять количество браков, заключенных в 1913 г. в 6 губерниях Российского Центра, Петрограде и Москве, за 100%, то в 1914 г. оно составило 85%, в 1915 г. – 46%, в 1916 г. – 44%. В 1917 г. число браков увеличилось до 65%¹⁹, видимо, из-за стихийно нараставшей демобилизации и прекратившихся со второй половины года наборов в армию, а также по причине возвращения раненых воинов домой, «прилива» беженцев и военнопленных, увеличения численности лиц, получивших «бронь».

Такое резкое повышение уровня брачности носило отчасти компенсаторный характер. Но в большей степени оно объяснялось введением полной свободы разводов и гражданского брака, а также коренными изменениями бытовых и хозяйственных условий жизни людей.

Много было заключено фиктивных браков с эвакуированными иностранцами и военнопленными для того, чтобы эмигрировать. Уровень разводов, соответственно, значительно возрос. Однако судить об их количестве на основе имеющихся материалов трудно, поскольку техника их регистрации не была налажена. Можно отметить, что в Петрограде среди всех заключенных браков доля тех, в которых хотя бы один супруг был разведен, повысилась с 1,6% в 1913 г. до 11,2% в 1917 г.²⁰

Безвозвратные потери российской армии, которая формировалась на территории Российского Центра, в Первую мировую войну были велики. Число погибших солдат и офицеров составило, по наиболее достоверным оценкам, от 2,3 до 2,5 млн. чел.²¹

Сведения о людских потерях российских вооруженных сил в Первую мировую войну, встречающиеся в отечественных и зарубежных источниках, страдают в большинстве своем противоречивостью и разнобоями. Объясняется это прежде всего неодинаковой полнотой и достоверностью материалов, использованных исследователями, а также существенными различиями в методике подсчета потерь.

В результате разница, например, в количестве погибших и умерших российских солдат и офицеров колеблется в опубликованных работах от нескольких сотен тысяч до 1–2 млн. чел. В подтверждение этого факта приведем ряд цифр безвозвратных демографических потерь российской армии, взятых из разных отечественных источников: 511,1 тыс. чел., 562,6 тыс. чел., 626,9 тыс. чел., 775,4 тыс. чел., 908 тыс. чел., 2300 тыс. чел., 3000 тыс. чел.²²

Аналогичные расхождения в подсчете потерь российской армии имеют место и в зарубежных источниках и публикациях. Приведем

здесь несколько цифр о количестве погибших российских воинов: 1290 тыс. чел., 1500 тыс. чел., 1700 тыс. чел., 2000 тыс. чел., 2250 тыс. чел., 2762 тыс. чел., 3000 тыс. чел.²³.

Наши исследования в этом вопросе опирались в основном на авторитетные статистические данные академика Ю.А. Полякова и Г.Ф. Кривошеева. Используются также и другие источники, в которых содержится базовый материал по рассматриваемой теме²⁴. Наибольшее значение придавалось установлению количества безвозвратных потерь российской армии, в том числе по их видам и категориям военнослужащих. В обобщенном виде эти данные представлены следующими цифрами.

Из безвозвратных демографических потерь российской армии в войне 1914–1918 гг. выделим безвозвратные боевые и безвозвратные небоевые потери. В числе безвозвратных боевых потерь было убито, умерло на этапах санитарной эвакуации: всего 1200 тыс. чел., в том числе офицеров и военных чиновников – 23,1 тыс. чел., нижних чинов – 1176,9 тыс. чел.; пропало без вести соответственно – 439,4 тыс. чел., 7,3 тыс. чел., 432 тыс. чел.; умерло от ран в госпиталях – 240 тыс. чел., 7,1 тыс. чел., 232,9 тыс. чел.; умерло от отравления газами – 11 тыс. чел., 161 чел., 10 тыс. чел.; всего безвозвратных боевых потерь – 1890,4 тыс. чел., 37,7 тыс. чел., 1852,6 тыс. чел. В числе безвозвратных небоевых потерь умерло от болезней: всего 155 тыс. чел., в том числе офицеров и военных чиновников – 10,3 тыс. чел., нижних чинов – 144,7 тыс. чел.; умерло в плену соответственно – 190 тыс. чел., 1,1 тыс. чел., 188,9 тыс. чел.; погибло, умерло в результате несчастных случаев и др. – 19 тыс. чел., 2,2 тыс. чел., 16,8 тыс. чел.; всего безвозвратных небоевых потерь – 364 тыс. чел., 13,4 тыс. чел., 350,3 тыс. чел. В итоге суммируем все безвозвратные демографические потери российской армии – 2254,4 тыс. чел., в том числе офицеров и военных чиновников – 51,4 тыс. чел., нижних чинов – 2203 тыс. чел.²⁵.

Санитарные потери армии (раненые, заболевшие, пострадавшие от газов) были колоссальными. Достаточно сказать, что только госпитализированных за время войны военнослужащих, нуждавшихся в продолжительном лечении, учтено 5148,2 тыс. чел., из них раненых 2844,5 тыс. чел., заболевших – 2303,7 тыс. чел. Если же учесть все случаи ранений, не требовавших эвакуации в госпитали, то число санитарных потерь возрастет еще на 50%²⁶.

К началу войны находились в армии и на флоте 1423 тыс. чел., в ходе войны было призвано 13955 тыс. чел., всего было привлечено в вооруженные силы 15378 тыс. чел. В годы войны из вооруженных сил убыло всего 7429 тыс. чел., в том числе: убито, умерло от ран, болезней, от отравления газами, несчастных случаев и погибло из числа без вести

пропавших (демографические потери) – 2254,4 тыс. чел. Кроме того, находились в лечебных заведениях (раненые и больные) – 350 тыс. чел., на длительном лечении и уволено со службы по инвалидности (тяжело раненые) – 349 тыс. чел. На основании постановления Временного правительства осенью 1917 г. были уволены с военной службы солдаты, достигшие предельного 43-летнего возраста – 226,6 тыс. чел.; оставалось в вооруженных силах на 1 сентября 1917 г. всего 7949 тыс. чел., из них: в составе действующей армии – 6512 тыс. чел., в составе тыловых формирований и органов военного управления, подчиненных Военному министерству, – 1437 тыс. чел.²⁷.

Подсчитанные численность и потери российской армии в Первой мировой войне дали возможность показать сальдо людского контингента страны, привлеченного в российские вооруженные силы.

3.2. Деформация возрастно-половой структуры

Первая мировая войны деформировала возрастно-половую структуру населения Российского Центра. В отличие от возрастной пирамиды 1896–1897 гг. и 1900-х гг. пирамида, отражавшая итоги демографического развития в 1914–1917 гг., имеет «демографические ямы» в возрастах от 5 до 14 лет, то есть родившихся в 1912–1916 гг., что является следствием падения рождаемости.

Повышенная смертность мужчин, вызванная потерями на фронтах, от террора, меньшей сопротивляемостью болезням, а также большая их доля среди эмигрантов, изменили соотношение полов в общей численности населения. Если на рубеже XIX–XX вв. женщины по численности незначительно доминировали над мужчинами, то к 1917 г. этот разрыв увеличился многократно и достиг рубежа в несколько миллионов.

В 1914 г. городское население Российского Центра в среднем имело следующее соотношение возрастов и полов. Так, в возрасте до 1 года (младенцы) мужской пол преобладал над женским – соответственно 18,8% и 15,2%; в возрасте 1 года соотношение полов несколько изменилось: мужской – 16,9%, женский – 13,7%; 1–4 лет соответственно – 73,9% и 61,4%; 5–9 лет – 138,1% и 118,7%; 10–14 лет – 137,9% и 121,5%; 15–16 лет – 23,1% и 23,1%; 17 лет – 20,1% и 23,2%; 18 лет – 14,8% и 23,2%; 19 лет – 10,6% и 20,6%; 20–29 лет – 138,1% и 195,9%; 30–39 лет – 138,2% и 132,3%; 40–49 лет – 115,3% и 95,7%; 50–59 лет – 79,7% и 73,9%; старше 60 лет – 66,5% и 71,8%²⁸.

Сельское население в тот же период имело следующую возрастно-половую структуру. В возрасте младенцев представители мужского пола и здесь преобладали над женским – соответственно 19,3% и 15,8%; в

возрасте 1 года соответственно – 20,4% и 16,8%; 1–4 лет – 99,7% и 83,7%; 5–9 лет – 191,1% и 162,5%; 10–14 лет – 172,5% и 141,6%; 15–16 лет – 27,6% и 26,1%; 17 лет – 24,5% и 25%; 18 лет – 19,2% и 22,9%; 19 лет – 9,1% и 18%; 20–29 лет – 95,4% и 161,1%; 30–39 лет – 88,4% и 110,8%; 40–49 лет – 87,5% и 80,6%; 50–59 лет – 66,3% и 61,8%; старше 60 лет – 70,1% и 63,6%²⁹.

Возрастно-половая структура городского и сельского населения Российского Центра к 1917 г. значительно изменилась. В возрасте младенцев среди горожан мужчины составляли 20,8%, женщины – 16,7%; среди сельчан соответственно – 29,5% и 23%; в возрасте 1 года горожан-мужчин было 17,9%, женщин – 14,6%; сельчан-мужчин – 30,8%, женщин – 24,4%; 1–4 лет соответственно – 76,9% и 64%; 109,7% и 87,3%; 5–9 лет – 127,3% и 109%; 174,8% и 142%; 10–14 лет – 128% и 113,6%; 162% и 131,5%; 15–16 лет – 23,9% и 21,6%; 27,1% и 24,8%; 17 лет – 21,6% и 22,1%; 22,2% и 21,8%; 18 лет – 17,9% и 23,3%; 16,2% и 20,3%; 19 лет – 12,5% и 21,2%; 6,6% и 16,8%; 20–29 лет – 148,3% и 189,7%; 64,7% и 146,9%; 30–39 лет – 149,6% и 133,7%; 97,5% и 114,8%; 40–49 лет – 120% и 104,8%; 101,4% и 90,8%; 50–59 лет – 76,4% и 82%; 76,9% и 72,9%; старше 60 лет – 52,9% и 76,2%; 84,9% и 82,7%³⁰.

Характеризуя возрастную-половую состав городского и сельского населения к 1917 г., отметим, что в деревне был гораздо более высок удельный вес детей, рожденных в военное время. По районам наиболее высокий удельный вес этой категории (в селах) дают Северо-Западный и Центрально-Промышленный районы, самый низкий – Центрально-Земледельческий и Поволжский районы, что явно объясняется большим отвлечением из двух последних районов мужского населения на фронт. Перевес деревни заметен и по более дробным возрастным категориям (в младенческом возрасте, в возрасте одного года и т.д.).

В деревне, по сравнению с городом, значительно выше была доля детей в возрасте 5–9 лет. Это, безусловно, объясняется тем, что и до войны село отличалось более высоким уровнем рождаемости, особенно юго-восточные губернии Центрально-Земледельческого и Поволжского районов. Это превышение видно и применительно к возрастной группе 10–14 лет с постепенным снижением разницы в 16–17 лет. Переломным является 18-летний возраст, отличающийся большим удельным весом горожан.

В годы войны резко изменилось соотношение мужского и женского населения. Если показатели 1914 г. говорят о численном равенстве полов, то данные 1917 г. показывают огромный численный перевес женщин в самых детородных возрастах.

Начиная с 19 лет, наблюдается снижение удельного веса молодых мужчин, особенно в деревне (8%). Если в детских возрастных группах было заметно сначала преобладание мужского пола, затем примерное равенство, позже преобладание женского, то с 18 и особенно с 19 лет численность женщин намного превышала численность мужчин. Группы возрастов 20–29 лет, 30–39 лет и 40–49 лет показывают превышение удельного веса обоих полов города над деревней. Возрастная группа 50–59 лет также показывает в целом по региону превышение удельного веса города над деревней, хотя в таких крупных районах, как Центрально-Промышленный и Центрально-Земледельческий, эта группа в городе и деревне по удельному весу практически была равной. Зато группа в возрасте старше 60 лет преобладала в деревне значительно и повсеместно.

Итак, в деревне было относительно больше, чем в городе, детей и стариков, а город, по сравнению с деревней, имел больше людей в возрасте от 18 до 60 лет. Анализ данных Российского Центра показывает, что в деревне было относительно больше детей, рожденных в военное время. К 1917 г. дети обоих полов в возрасте 1–4 лет составляли 98,5%, в городах – 70,5%; соответственно в деревне младенцев было 26,3%; в городе – 18,8%; в деревне детей в возрасте 1 года было 27,6%, в городе – 16,3%.

Отметим также то обстоятельство, что в деревне и до войны был выше уровень рождаемости, к концу войны удельный вес детей в возрасте 5–9 лет был выше, он составлял 158,4%, в городе – 118,2%. Это относится и к детям 10–14 лет: соответственно 146,8% – в деревне, 120,8% – в городе³¹.

Не столь значительной была разница в 15–16-летнем возрасте: 26% – в деревне и 22,8% – в городе; она почти исчезает для мужчин и приобретает обратное значение для женщин в 17-летнем возрасте: в деревне соответственно – 22,2% и 21,8%, в городе – 21,6% и 22,1%. Начиная с 18-летнего возраста, шло явное преобладание города над деревней: так, возраст 20–24 лет в деревне составлял 54,3%, в городе – 85,7%.

Возраст 20–29 лет составлял 51,6% в деревне и 83,3% в городе. С 19-летнего возраста наблюдается также резкое (особенно в деревне) преобладание женщин. Возраст 30–39 лет составил в деревне 106,2%, в городе – 141,7%; в городе мужчины этого возраста имели уже значительное численное преобладание над женщинами.

Возрастная группа 40–49 лет у мужчин имела больший удельный вес в городе и в деревне, хотя в абсолютных цифрах женщин было по-прежнему значительно больше. Пожилые, особенно после 60 лет, имели тенденцию превышения этих групп в деревне. Группа в возрасте 50–59 лет составила в деревне 74,9%, в городе – 77,4%; группа старше 60 лет соответственно – 83,8% и 64,9%³².

Анализ аналогичных данных по районам и губерниям Российского Центра обнаруживает те же черты и параметры, хотя с определенными колебаниями и отклонениями по отдельным возрастам.

Сравнение с данными 1897 г. показывает резкое падение в 1917 г. удельного веса мужчин в возрасте 20–29 лет. По 23 губерниям региона мужчины этого возраста составляли в 1897 г. 15,7%, в 1917 г. – 7,7%³³.

Исчислив по данным ЦСК и переписей 1916–1917 гг. погубернское соотношение числа мужчин и женщин, можно установить довольно точно число входивших в состав обычного населения мужчин на основании численности женщин, приведенной для соответствующих административных делений.

В некоторых губерниях Российского Центра в значительной степени снизилось влияние войны – уход мужского населения в армию компенсировался присутствием военнопленных и беженцев (мужчин). Так, в сельской местности на 100 женщин приходилось мужчин: в Астраханской губернии в 1914 г. – 104,9, в 1917 г. – 104,2; во Владимирской – соответственно 88,7 и 89,9; в Воронежской – 99,7 (1917 г. – сведений нет); в Казанской – 98,5 (1917 г. – сведений нет); в Калужской – 83,7 и 89,1; в Костромской – 85,9 и 89,6; в Курской – 99,2 и 99,5; в Московской – 86,3 и 86,9; в Нижегородской – 91,7 и 91,4; в Новгородской – 92,2 и 94,7; в Олонецкой – 91,9 и 92,8; в Орловской – 96 и 97,6; в Пензенской – 93,3 и 97,4; в Петроградской – 92,3 и 94,4; в Рязанской – 94,6 и 96,1; в Самарской – 98,4 и 100,7; в Саратовской – 97,5 и 100,2; в Симбирской – 94,7 и 96,8; в Тамбовской – 96,4 и 97,7; в Тверской – 87,7 и 85,9; в Тульской – 89,1 и 98,1; в Ярославской – 78,8 и 83,6³⁴.

Как правило, численность мужчин значительно отставала от женщин в губерниях с промысловым отходом (Владимирская, Калужская, Костромская, Московская и др.) и была близка к последней в земледельческих губерниях.

В Российском Центре к 1918 г. участники Первой мировой войны в возрасте 30 лет и старше составляли более 60% этих возрастных групп³⁵. В это время в регионе насчитывалось св. 500 тыс. чел. с физическими недостатками, из них ок. 70 тыс. – получивших увечья на фронтах Первой мировой войны³⁶.

Таким образом, военные годы принесли, помимо огромных безвозвратных потерь, существенные изменения в соотношении возрастных групп и полов. Эти внушительные сдвиги значительно повлияли на общую демографическую ситуацию в стране, оказывая свое негативное воздействие прежде всего на численность и состояние работоспособных и репродуктивных социальных слоев населения.

4. МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

4.1. Миграции на рубеже XIX–XX вв.

Одним из важных демографических показателей, влиявших на все остальные показатели демографического развития населения, были миграционные процессы.

Материалы переписи населения 1897 г. показывают, как распределялось городское и сельское население Российского Центра по месту рождения. Более половины общей численности горожан региона – 53,3% оказались уроженцами того же уезда, где проживали; остальные 46,7% были уроженцами других уездов той же губернии или других губерний и государств. В названном источнике даны соответствующие показатели раздельно для мужского и женского населения городов и сел Российского Центра. Эти данные позволяют определить миграции мужчин различных поселений.

Таким образом, уроженцев того же уезда, куда входил город, оказалось среди мужского населения городов региона 48,2%, а среди женского – 59,2%. Уроженцев других губерний было соответственно среди мужчин – 34,8%, среди женщин – 24,6%. В Сибири, куда происходило массовое переселение, удельный вес неместных уроженцев был весьма высоким среди мужского населения городов, составив 65% общей численности городского населения.

Во второй половине XIX в. миграционные процессы охватили все губернии Российского Центра. Основными направлениями миграции были Кавказ, Сибирь и Средняя Азия. К началу XX в. общая численность миграций из региона в названные части страны составила 627,8 тыс. чел., в том числе на Кавказ – 226,7 тыс. чел., в Сибирь – 293,3 тыс. чел., в Среднюю Азию – 107,8 тыс. чел. Наибольшим районом выхода был Центрально-Земледельческий – 364,5 тыс. чел., особенно в Сибирь – 182,3 тыс. чел. Это объяснялось чрезвычайным аграрным перенаселением этого района и как следствие – малоземельем крестьянского населения.

Из Поволжья выход в другие регионы страны был менее значительным и составлял 164,7 тыс. чел. Население этого района, как правило, находило применение своего труда на месте либо в Центрально-Промышленном районе в фабрично-заводской и кустарно-ремесленной промышленности. Самыми малыми районами выхода были Центрально-Промышленный – 74,1 тыс. чел. и Северо-Западный – 24,5 тыс. чел. (прил. 31). Это объяснялось более высоким развитием промышленности и торговли в этих районах, особенно в двух столичных

губерниях, а также притоком сюда населения из других районов и губерний.

Погубернские данные о численности населения, уроженцах других губерний в составе населения данных губерний, уроженцах данных губерний за их пределами, а также сальдо миграций по Российскому Центру в 1897 г. показаны в прил. 32.

Данные о миграции показывают лишь, сколько человек из переселившихся в данную губернию из других губерний до переписи 1897 г. было в живых на эту дату. В это число, следовательно, попали не только те лица, которые переселились до 1897 г., но и те, которые переселились ранее и дожили до 1897 г. Многие из переселившихся ранее умерли до проведения переписи и, кроме того, дети, родившиеся у переселенцев на их новом месте жительства, регистрировались переписью уже как местные уроженцы. Из этого следует, что роль миграций в увеличении населения в губерниях с положительным сальдо миграций и в уменьшении населения в губерниях с отрицательным сальдо, очевидно, была несколько больше, чем показывают приведенные данные.

Но относительное значение для выявления тех мест, откуда население уходило, и тех мест, куда оно приходило, а также для сравнения размеров миграций эти данные, конечно, имеют. Они показывают, что районами заселения, причем весьма значительного по размерам, были Кавказ, Поволжье, обе столичные губернии. Все остальные губернии были районами выхода. Особенно значительной была миграция из Центрально-Земледельческого района. Отсюда население шло, с одной стороны, на юг, с другой – в Центрально-Промышленные губернии, главным образом, в Московскую. Из губерний Центрально-Промышленного района население уходило преимущественно в обе столицы, отчасти в другие губернии этого же района. Большие размеры имела миграция из Поволжских губерний, выходцы из которых направлялись преимущественно в Заволжье и Южное Приуралье.

Статистические данные показывают в целом отрицательное сальдо миграций населения Российского Центра в 1897 г. в объеме – 1767,7 тыс. чел., тогда как сальдо миграций населения Европейской России составило – 1483,1 тыс. чел. Отрицательным сальдо миграций было во всех районах Российского Центра, за исключением Северо-Западного, и во всех губерниях региона, кроме двух столичных.

Наиболее значительными миграциями в Кубанскую область в 1897 г. были выходы из 8 губерний Российского Центра – 290,9 тыс. чел., что составляло менее половины выхода из 18 губерний Европейской России в ту же область – 700,7 тыс. чел. Наибольшими по числу выходцев гу-

берниями были Воронежская – 118,7 тыс. чел. и Курская – 83 тыс. чел.; наименьшими – Тульская – 7,5 тыс. чел. и Калужская – 5,3 тыс. чел.¹.

Неместными уроженцами Российского Центра в 1897 г. считалось все городское население, за исключением того же уезда, где находился город. Наиболее значительно были представлены неместные уроженцы среди населения обеих столиц: в Петербурге – 68,7% и в Москве – 73,7% общей численности населения. Сравнительно мало было неместных уроженцев – менее 30% – в Пензенской, Рязанской и Курской губерниях, где было много небольших и средних городов².

Приведенные показатели по губерниям о распределении в 1897 г. городского населения Российского Центра по месту рождения не в полной мере отражают процесс роста населения городских промышленных центров за счет пришлого населения, так как при этом учитывалось и население небольших городов. Между тем удельный вес пришлого населения был гораздо более высоким в больших городах. Но, к сожалению, имеются показатели на ряд дат лишь о населении столиц и некоторых крупных городов, например, Саратова. Доля неместных уроженцев в общем населении отдельных городов повышалась по мере перехода к более крупным городам.

Местными уроженцами, согласно переписи 1897 г., считались уроженцы не только данного города, но и уезда. Таким образом, удельный вес действительно местных уроженцев был еще меньше, но несмотря на это «пришлый» характер городского населения находился в прямой зависимости от величины города.

Материалы переписи 1897 г. позволяют также выявить те губернии Российского Центра, из которых выходила в города основная масса пришлого населения. Из 14 губерний региона в городах других губерний проживало 2309,1 тыс. чел., тогда как в целом в Европейской России этот показатель равнялся 4128,8 тыс. чел. Весьма характерно, что из общего числа проживавших вне пределов своей губернии находилось в городах: из Тверской губернии – 76,8%, из Рязанской – 52,2%, из Тульской – 59,8%, из Ярославской – 84% и из Калужской – 62,3%³.

В результате происходивших глубоких социально-экономических перемен на рубеже XIX–XX вв. в Российском Центре изменилось распределение крестьян-горожан между географическими ареалами. Происходил отток населения из центральных районов на заселяемые окраины, причем этот процесс явственно выражался в наиболее подвижной части населения – городской. Города быстрее росли по числу жителей, чем сельские местности. Однако прежние места наибольшего удельного веса горожан, какими в первую очередь были обе столичные

губернии, к исходу XIX столетия при этих изменениях не утратили своего указанного качества.

Развитие новой экономической системы, процессов урбанизации влияло на рост перемещения населения: новая хозяйственная структура предполагала изменения в географическом распределении трудовых ресурсов. Движение крестьян в города было одним из течений в общем потоке изменений. Представляет интерес выяснение вопроса об объеме вселения в города по сравнению с объемом вселения в сельские местности.

Удельный вес крестьян–неместных уроженцев в городах и селах в объеме населения Российского Центра в 1897 г. составил: в Северо-Западном районе соответственно – 37,7% и 62,3%, в Центрально-Промышленном – 63,9% и 36,1%, в Центрально-Земледельческом – 37,9% и 62,1%, в Поволжском – 23,9% и 76,1%. В среднем по региону – 40,9% и 59,2%, что было близко к средним показателям Европейской России – 40,8% и 59,2%⁴.

В общем миграционном потоке вселение в города крестьян не кажется малозаметным: они представляли 40,8% всех лиц «сельского состояния», оказавшихся ко времени переписи населения 1897 г. не в местах своего рождения. Жители городов составляли ок. 13% всего наличного населения Российского Центра. Из этого видно, что города притягивали к себе на жительство часть крестьян-переселенцев, более чем в 3 раза превышавших по удельному весу жителей городов Европейской России. Таким образом, опережающий рост городского населения в Российском Центре более всего обеспечивался вселением в города крестьян.

Таковы были переселения крестьян в городские и сельские местности по крупным географическим зонам. Между тем показатели по более дробным территориям были контрастны. Особенно различались показатели по губерниям Центрально-Промышленного и Северо-Западного районов, то есть той части региона, которая играла перво-степенную роль в складывании общей картины. Здесь исключительное значение имели столичные губернии. То обстоятельство, что в названных районах более половины крестьян–неместных уроженцев оказались в городах, возникло лишь вследствие соотношений, имевшихся в обеих столичных губерниях, в которых прибытие крестьян в города ощущалось особенно. В других группах губерний этих районов соотношения были иные. В них города как центры притяжения крестьян не находились на первом месте. В то время как в столичных губерниях из крестьян-неместных уроженцев в города попадало св. 80%, в других губерниях – ок. 20–35%.

Городской и промышленный отходы не совпадали друг с другом. Немалая часть переселенцев в сельские местности шла в крупные промышленные центры, в которых проходила подготовка экономического основания новых городов. Уклад жизни в этих пунктах в какой-то мере вбирал в себя элементы городского строя, отчего вселения крестьян в городские и сельские местности не следует абсолютно противопоставлять: второй род вселения в какой-то части также имел отношение к городскому развитию.

В материалах переписи 1897 г. из наличного населения городов те, которые оставались по сословной принадлежности крестьянами, разделялись на местных уроженцев, то есть родившихся в том же городе и уезде, где застала их перепись, и неместных уроженцев. Последние в свою очередь делились на две категории: уроженцев иных уездов той же губернии и уроженцев других губерний. Те и другие, как правило, прибывали из сельских местностей. Допуская некоторую неточность, надо признать, что на основе сопоставления данных о численности местных и неместных уроженцев из крестьян, живших в городах во время переписи 1897 г., можно узнать динамику перехода крестьян на жительство в город, поскольку первая из сравниваемых категорий крестьян была уже потомственными горожанами, а вторая – еще не успела в такой степени утвердиться на своем новом месте жительства.

Такое понимание различия крестьян, бывших местными и неместными уроженцами городов, подкрепляется сведениями об особенностях семейного положения лиц этих двух категорий. Соотношение мужчин и женщин в некоторой мере дает возможность выявить «степень обжитости» людей в той местности, в которой они были учтены во время переписи 1897 г. Мужчины скорее уходили из мест первоначального жительства. Они преобладали в рядах отходников и чаще перемещались из деревень в города по сравнению с женщинами, больше связанными с домашним хозяйством и семьей в деревне.

В городах у крестьян–местных уроженцев численное соотношение мужчин и женщин было почти равным, с небольшим преобладанием женщин: 46,8% мужчин и 53,2% женщин; у крестьян–неместных уроженцев это соотношение было нарушено в сторону преобладания мужчин – 63,9% против 36,1% женщин. Неравенство менее проявлялось у пришельцев из сравнительно ближних мест, то есть из других уездов той же губернии, среди которых на каждые 100 мужчин приходилось по 73 женщины, и гораздо более обозначалось у прибывавших в города из других губерний. Среди последних на каждые 100 мужчин приходилось по 47 женщин. Следовательно, «степень обжитости» в городе, которая характеризовалась установлением соотношения чис-

ленности мужчин и женщин, у новопришельцев, естественно, была меньше, чем у крестьян, родившихся в городе.

Соотношение крестьян Российского Центра, местных и неместных уроженцев, живших в 1897 г. в городах, можно рассматривать как два одновременных напластования в процессе крестьянской миграции в города. Почти одинаковое соотношение крестьян-горожан-неуроженцев того города с его уездом, в котором они были учтены переписью 1897 г., с местными уроженцами (по всему Российскому Центру) свидетельствует об умеренной интенсивности переселения в города сельского населения на рубеже XIX–XX вв. Разумеется, справедливость подобного утверждения зависит от того, насколько численность местных уроженцев равна количеству крестьян, обитавших в городах еще до переписи 1897 г., а численность в городах крестьян-неместных уроженцев – количеству крестьян, прибывших в города после переписи. Такое предположение, подразумевая, что оно лишь приблизительно соответствует действительности, опирается на учет продолжительности времени, прошедшего до и после 1897 г.

Количество в городах крестьян-неместных уроженцев было особенно велико в столичных губерниях, в которых концентрировалось более 1/3 всех крестьян этой категории в Европейской России. В то же время в городах столичных губерний крестьян-местных уроженцев было немного. Отсюда очень большой процент неместных уроженцев от всего числа крестьян, пребывавших в городах, – 82,7% против 62,2% – во всей Европейской России. Особенность положения в столичных губерниях сказалась на показателе по всему Центрально-Промышленному району в целом – 55,5% крестьян-неместных уроженцев.

Правда, в Северо-Западном как «первом» столичном районе соотношение оказалось не в пользу неместных уроженцев: здесь их было менее половины – 46%, что объяснялось очень низким удельным весом данной категории населения в других губерниях этого района. Вместе с тем, показатели Поволжского района были близки к средним по Европейской России: здесь неместных уроженцев-крестьян в городском населении было 63,7%. Поволжье являлось следующим по значительности притока крестьян в города районом, в котором, однако, в отличие от столичных губерний, удельный вес крестьян-неместных уроженцев в городах приблизительно совпадал с показателем Европейской России.

Не развивался процесс градообразования за счет перехода на жительство в города крестьян в Центрально-Земледельческом районе. В отличие от других территорий региона в нем крестьян – неуроженцев городов было меньше, чем крестьян – местных уроженцев, – 29,3%⁵.

Анализ этих данных свидетельствует, что интенсивность перемещения крестьян в города в основном определялась быстротой продвижения отдельных частей Российского Центра по пути экономического прогресса. В уездах без входящих в них городов присутствовали признаки градообразования в виде крупных торгово-промышленных селений. Это побуждает к тому, чтобы обратиться к сведениям о сельских местностях. Такой исследовательский подход обеспечивается материалами переписи 1897 г. лишь ограниченно и косвенно. Есть основание считать, что особенно большое количество крестьян, прибывавших на жительство в отдельные уезды, может служить показателем того, что именно в этих уездах сильнее, чем в других, проходил процесс незавершенного градообразования. В этом смысл изучения степени концентрации новопоселенцев по отдельным уездам.

Удовлетворительно выяснить причину такого положения можно лишь путем локальных исследований. Вот лишь некоторые соображения, которые следует принять во внимание при решении вопроса. Границы города были условными и потому люди, поселившиеся сразу за чертой города – крупного промышленного центра, как, например, Петербурга, числились по переписи уездными жителями, но в действительности были горожанами в том смысле, что ежедневно ходили на работу в город на фабрику. В связи с этим следует заметить, что в случаях, когда уезд примыкал к крупному индустриальному городу, его статистическая характеристика в материалах переписи населения становилась особенно неточной.

Авторы публикаций материалов переписи населения 1897 г. приводили противоречивые данные о переселении в города и уезды, основываясь на том, что в одном случае преобладали переселенцы-мужчины, в другом – женщины. Они предполагали, что вселения в города преимущественно означали переход крестьян к промышленной деятельности, вселения же в сельские местности объяснялись ими «единственно заключением браков с девицами из соседних уездов [данной губернии – С.М.]... или из соседних уездов соседних губерний»⁶.

Не отрицая этого обстоятельства, как одного из поводов передвижения, необходимо заметить, что воссоздание или образование семей переселившимися ранее на новые места мужчинами нельзя противопоставлять «мужскому», главным образом, промысловому переселению. Это скорее означало другой этап того же порядка переселения. Заметим также, что занятие определенными видами сельского хозяйства и работа во многих отраслях промышленности были в то время не только женским, но и мужским делом. Отсюда не следует в создании семей видеть единственный повод для переселения в сельские местности.

Исследуя миграционные процессы, нельзя ограничиваться рассмотрением погубернских данных, поскольку нередко показатели, характерные для городской социально-экономической системы, были узко локализованы вплоть до единичных городских пунктов. Учитывая это, следует рассмотреть ряд наиболее значимых городов. Отбор городов для такого анализа был произведен по показателю численности крестьян, живших в городах во время переписи населения 1897 г., но не бывших уроженцами этих городов и их уездов. Принимались во внимание города, в которых концентрировалась наибольшая часть этой категории лиц, примерно ок. 80% их общего количества в каждом географическом ареале.

В Центрально-Промышленном и Северо-Западном районах таких городов с наибольшим числом прибывших крестьян было 24. Распределение крестьян между этими городами было крайне неравномерным. В обеих столицах – Петербурге и Москве – 79,6% крестьян, в четырех других городах – Нижнем Новгороде, Ярославле, Иваново-Вознесенске и Кронштадте – 7%, в семи следующих – Владимире, Калуге, Костроме, Твери, Рыбинске, Серпухове, Царском Селе – 7,8%, в остальных – 5,6%⁷.

Если сопоставить численность крестьян–местных уроженцев и вновь прибывших, то в сумме по всем 24 городам количество вторых окажется почти в 4,5 раза больше первых, в то время как по всему Российскому Центру это превосходство было лишь в 1,6 раза.

Центрально-Промышленный и Северо-Западный районы были единственной частью Российского Центра, в которой крестьяне, жившие не в местах своего рождения, в большинстве своем вселялись в города, вселений в сельские местности было мало.

В поисках факторов, которые определили такое распределение крестьян, переменявших место жительства, естественно прежде всего соотнести это распределение с распределением промышленных рабочих между городами и уездами, поскольку большая часть крестьян переселялась для получения заработков. Сложность социально-экономического облика наиболее передовой части Российского Центра, какой являлись Центрально-Промышленный и часть Северо-Западного районов, обусловила перекрестное влияние на процесс урбанизации многих факторов.

Целесообразно выделить ряд более или менее однотипных групп городов (прил. 33). Одна группа – центры правительственных кругов, высшей администрации, военных. Таковы Петергоф, Царское Село, Гатчина, Кронштадт. Естественно, что отличительной чертой этих городов была высокая доля в их населении лиц непродовольственных

занятий. Среди жителей Петергофа и Гатчины сравнительно велика была категория людей, занятых сельским хозяйством. Состоявший в этой группе городов Кронштадт занимал четвертое место среди 24 городов по убывающему показателю прибытия крестьян в город, а Царское Село – среднее место. Это говорит о том, что непродовольственная сфера была существенным фактором градообразования.

Вторую группу представляли промышленные города, у которых показатели по крупной промышленности были особенно велики, хотя в некоторых случаях эти города не являлись самыми большими по региону. Это Кострома, Тверь, Ярославль, Иваново-Вознесенск, Серпухов, Коломна, Шуя, Богородск (в данном случае пока не принимаются во внимание обе столицы). Развитие новых структур экономики и предпринимательских отношений вносило существенные перемены в положение городов – одни из них быстро прогрессировали, другие, наоборот, отставали. Это заметно по интенсивности притяжения крестьян к городам.

Из рассматриваемой группы промышленных городов наибольшей притягательной силой для крестьян обладал Иваново-Вознесенск, в который прибыло крестьян-новопоселенцев почти в 6 раз больше, чем было в этом городе крестьян-местных уроженцев. Ряд перечисленных выше городов входил в категорию со средним уровнем притока крестьянства. Но имелись и такие, в которых прибывших извне крестьян было меньше количества крестьян-местных уроженцев в относительном исчислении. Таковы Серпухов, Коломна, Богородск, Шуя. Сыграв на определенном этапе роль распространителей новых видов собственности и производства, эти города начинали затем отставать в экономическом отношении от своей же округи.

Остальные города входили в третью группу с относительно равномерным, комплексным развитием разных секторов экономической и административной деятельности населения. Сюда, в первую очередь, входили обе столицы и многие губернские центры, в том числе Калуга, Нижний Новгород. К этой группе можно присоединить и губернские города, которые были ранее причислены к группе промышленных городов. В нее включен также уездный город Рыбинск, который интенсивно развивался (прибывших крестьян в нем было в 4 раза больше местных уроженцев) не столько на промышленной основе, сколько на основе других сфер экономики – торговли, сельского хозяйства; высок был удельный вес этого города и в концентрации неквалифицированной рабочей силы (поденщики, прислуга).

Важны также показатели по отдельным городам и уездам Центрально-Земледельческого и Поволжского районов. Города с их уездами

в этой части Российского Центра, где обитало 80,8% крестьян-неместных уроженцев от общего их количества в этих двух районах, играли заметную роль.

В Центрально-Земледельческом и Поволжском районах не было такой сконцентрированности крестьян, переселившихся в города, как в Центрально-Промышленном и Северо-Западном районах, где 79,6% таких крестьян находилось всего в двух городах. В Центрально-Земледельческом и Поволжском районах 78% переселенцев размещалось в 12 городах. Но если отвлечься от сопоставления, то можно отметить, что и в этих районах новоприбывшие распределялись по городам неравномерно: из 24 городов в 5 находилось 51,4% от всего их количества, в следующих 7 городах – 26,6%, а в оставшихся 12, то есть в половине отобранных городов, только 22%.

Большинство крестьян, перебивших свое местожительство, в Центрально-Земледельческом и Поволжском районах, как и в Северо-Западном, за исключением Центрально-Промышленного района, оседало не в городах, а в торгово-промышленных селах. Общие данные на этот счет по двум районам были представлены такими показателями: в Центрально-Земледельческом районе в городах – 37,9%, в сельской местности – 62,1%; в Поволжском соответственно – 23,9% и 76,1%.

В отобранных городах и уездах по итоговым показателям положение было обратное тому, которое имелось в целом в Центрально-Земледельческом и Поволжском районах: в уездах (без городов) закреплялось 32,1%, в городах – 68% крестьян. Но такое соотношение было не во всех уездах. В шести из них больший удельный вес был отмечен не в городах, а в уездах. Это Чистопольский, Вольский, Брянский, Борисоглебский, Моршанский, Сызранский. Если не все эти уезды, то многие из них принадлежали к числу наиболее индустриальных в своих губерниях, причем большая часть промышленного производства была вынесена в села. Это и объясняет то, что в них приход крестьян в сельские местности преобладал над приходом в города. В то время как в городах находился 81% крестьян-неместных уроженцев от общего числа в Центрально-Земледельческом и Поволжском районах, аналогичный показатель по уездам без городов равнялся лишь 23,8%.

Замедленные темпы градообразования в названных районах по сравнению с Центрально-Промышленным и Северо-Западными районами вполне объяснимы: наследие крепостничества, тормозившее социально-экономическое развитие, там сказывалось значительно сильнее, чем в двух последних районах. Кроме того, основной фактор урбанизации в конце XIX в. – промышленное производство – был ослаблен в Центрально-Земледельческом и Поволжском районах. Однако и в

этих районах притяжение крестьян в города, его интенсивность определялись удельным весом основных компонентов экономики.

В степном Поволжье и Заволжье, как и в других частях Российского Центра, была примерно та же доля прибывших в город крестьян от общего их числа – 85,2%. Степная часть Поволжского района не располагала городами, в которых бы количество новопоселенцев превосходило 100 тыс. чел.; такие были только в Центрально-Промышленном и Северо-Западном районах (Петербург, Москва). Однако на юге региона были города со значительным количеством крестьян-неместных уроженцев: Астрахань – 43,1 тыс. чел., Самара – 33,2 тыс. чел. Эти города концентрировали более половины новопоселенцев – 53,9% из рассматриваемых городов. Таким образом, и в степной окраине региона была сильно выраженная концентрация городских новопоселенцев.

Степная полоса Поволжья, как известно, издавна была густонаселенной частью Российского Центра. Соотношение числа крестьян-местных уроженцев и числа родившихся в других губерниях и районах во время переписи 1897 г. примерно указывает, какова была интенсивность вселений крестьян в крупные города этой части района. Неместные уроженцы того города и уезда, в которых крестьяне были зарегистрированы во время переписи 1897 г., составляли в степной полосе 63,9% от общего числа крестьян, живших в городах, то есть число новопоселенцев в 2 раза превышало число местных уроженцев.

Положение в сельских местностях было совсем иное. Там новопоселенцы составляли лишь 13% всех крестьян. Однако в абсолютном исчислении, без сопоставления с числом коренных жителей, новоприбывших крестьян, обосновавшихся в сельских местностях степной полосы, было в 3 раза больше. Поэтому при совокупном рассмотрении данных по городским и сельским местностям суммарный показатель, в основном, определялся положением в преобладающих, то есть сельских, местностях. При таком исчислении обобщенный показатель удельного веса новоприбывших крестьян выразился лишь в 16,1%. Однако подобный расчет не должен заслонять факта гораздо более значительного их удельного веса в городах, который исчислялся в 63,9%. Северная группа губерний Поволжья в отношении экономики далеко обогнала юго-восточную, но интенсивность крестьянских миграций в той и другой группах губерний как в городах, так и в селах была приблизительно одинаковой.

Крестьяне-неместные уроженцы в большинстве случаев поселялись не в городских местностях. Но крупные города все же сильно притягивали к себе выходцев из деревень. В ряде уездов прибытие

крестьян в города преобладало над их расселением в сельских местностях. Несмотря на то, что такие уезды были в меньшинстве, все же в итоге обосновавшихся на жительство в городах было почти столько же, сколько поселившихся в уездах.

Для понимания причин такого миграционного распределения надо учесть обстоятельства, влиявшие на демографические процессы в данной зоне Российского Центра, отличавшейся резким противоборством различных тенденций в экономическом развитии. Быстрый прогресс добывающей промышленности стимулировал оседание крестьян в сельских местностях. Подобные же последствия имело распространение торгового земледелия и других отраслей сельского хозяйства, а также развитие сети путей сообщения.

С другой стороны, концентрации людей в городах способствовали такие факторы, как наличие крупных городских центров с оформленной социально-профессиональной структурой, развитие промышленности и торговли в городах, наличие крупных городов-портов, для работы в которых всегда требовались люди разной квалификации и разных профессий, как в военных и административных центрах. Это перекрещивающееся воздействие различных факторов на миграционные процессы и дало такие результаты.

В изучении закономерностей миграционных процессов среди крестьян в города и сельские местности большое значение играют не только общероссийские и региональные исследования этого вопроса, но и локальные – погубернские и поуездные, потому что в их рамках можно точнее учесть те не столь заметные и трудноулавливаемые при глобальном рассмотрении обстоятельства, которые на деле оказывали важное, нередко решающее воздействие на избрание крестьянами новых мест жительства.

Все же при всех ограниченных возможностях, которые дает использование общероссийского или регионального материала, на его основе можно сделать достаточно подкрепленные фактами выводы. Не повторяя изложенного, следует отметить то, что представляется наиболее общим и существенным. Основная масса сменившего место жительства крестьянства не расплылась, она оседала в ограниченном круге местностей, конденсировалась, главным образом, в крупных центрах промышленности, транспорта, администрации.

В выборе мест для поселения города занимали видное место. Сила притяжения крестьян в города в значительной мере соответствовала степени развития в них разных форм предпринимательства. Это было вполне естественно в новых экономических условиях, которые, разрушая старое размещение основной части населения, создавали

новую, соответствующую их потребностям, систему распределения трудовых ресурсов. В сельских местностях подобная обусловленность расселения переместившихся крестьян не ощущалась с такой силой. В этом еще раз проявились специфичность экономического строя городов и их особая роль в социально-экономических и демографических процессах.

Используя материалы ряда переписей населения, произведенных в Москве и Петербурге в конце XIX – начале XX в., можно показать, как формировалось население обеих столиц за счет миграционных потоков.

Численность московского пришлого населения из 11 губерний Российского Центра в 1902 г. составила 623,7 тыс. чел., или 80,7% всего населения Москвы, переселившегося из губерний Европейской России⁸. Круг губерний Российского Центра, из которых направлялось пришлое население в Москву, к началу XX в. расширился.

В материалах переписи «второй» столицы указывалось: «Москва, как промышленный центр, расположенный в средней полосе Европейской России и связанный с нею целюю сетью железнодорожных путей, привлекает к себе население требованием рабочих рук, как большой город... и, наконец, как культурный центр, где сосредоточены ученые и учебные заведения...

Рядом с Москвой и Московской губернией находятся наиболее беднейшие губернии, без широкой местной промышленности, с ничтожными крестьянскими наделами, низкой урожайностью, требующей от населения дополнительного заработка в виде отхожих промыслов и посылки части населения для заработка в город на фабрику – Калужская, Рязанская,... Орловская, Тульская и другие губернии»⁹.

Среди московского населения в 1902 г. из 1174,7 тыс. чел. родившихся в Москве было 322,3 тыс. чел., родившихся вне Москвы – 852,4 тыс. чел., таким образом, уроженцы Москвы составили всего 27,4%. Приведенные ниже соответствующие показатели для мужчин и женщин дали такую картину: в 1902 г. все мужское население Москвы составляло 664,8 тыс. чел., в том числе родившихся в Москве – 152,8 тыс. чел. или 22,8%; соответственно показатели женщин 509,9 тыс. чел., 170,5 тыс. чел., 33,4%¹⁰. Так как мужчин на заработки в столицу приходило, как правило, значительно больше, чем женщин, то доля уроженцев Москвы среди женщин была выше, чем среди мужчин. Кроме того, в рассматриваемый период расхождение в удельном весе родившихся в Москве среди мужчин и женщин было заметным.

Материалы переписи населения Москвы 1902 г. выражают не только распределение московского населения по месту рождения (в Москве и вне Москвы), но и по продолжительности пребывания в

столице. Если к численности родившихся в Москве из массы миграционного потока в столицу присоединить проживших в ней более 10 лет, то общий удельный вес этих двух групп, которые можно считать постоянными жителями Москвы, составлял в 1902 г. примерно 54–55% общей численности московского населения. Но одновременно следует отметить, что в результате непрерывного и весьма значительного притока мигрирующего сельского населения на заработки в Москву наблюдался также сравнительно высокий удельный вес групп, недавно поселившихся в столице. В 1902 г. было учтено ок. 21% жителей Москвы, проживших в ней менее одного года и до двух лет.

Кроме того, социально-сословный состав жителей «второй» столицы также распределялся на уроженцев Москвы и мигрировавшего населения. По данным 1902 г., более половины родившихся в Москве насчитывалось среди почетных граждан, купцов, мещан и цеховых – 53–54%; менее половины этих сословий в разное время приехало в столицу. Вместе с тем, высокий удельный вес пришлых оказался среди крестьян, составлявших наиболее значительную группу среди московского населения, – 83,4%, и лишь 16,6% представителей этого сословия родилось в Москве. Следует также отметить, что удельный вес пришлых среди крестьян–жителей Москвы был выше, чем в других городах, в том числе и в Петербурге. Удельный вес духовенства, родившегося в Москве, составлял 43,4%, дворян – 37,9%¹¹.

Показательно также влияние миграционных процессов на формирование населения Петербурга. Преобладающая масса новых пополнений жителей столицы по своей сословной принадлежности была из крестьян. Материалы переписи 1900 г. выявили распределение всего петербургского населения по месту рождения. На основании этих материалов были подсчитаны абсолютные и относительные показатели уроженцев Петербурга и лиц, появившихся здесь в результате миграционных потоков из других губерний и уездов. Так, из общей численности населения в 1900 г. в 1439,6 тыс. чел., мигранты в столице составили 983,7 тыс. чел., уроженцы – 455,9 тыс. чел. или 31,7%¹².

Анализ материалов о миграционных процессах и формировании населения двух крупнейших столичных городов Российского Центра показывает, что в целом рост городского населения происходил за счет пришлого населения из ближайших к столичным губерний.

4.2. Миграционные процессы в 1900–1913 гг.

В 1900–1913 гг. миграционные процессы в Российском Центре проходили раннюю стадию миграционного перехода. Традиционные формы миграционной подвижности (колонизация, отходничество) значительно интенсифицировались в объеме, появились новые направления их потоков. Новая форма миграции (переселение в города) стала набирать темп с конца XIX в. Указанные миграционные процессы весьма противоречиво взаимодействовали с другими демографическими процессами.

Крестьянская колонизация в Российском Центре имеет объемную историографию. Широко известно утверждение В.О. Ключевского: «История России есть история страны, которая колонизируется». Не будем останавливаться на причинах крестьянских переселений, поскольку они подробно рассмотрены в специальной литературе¹³.

География переселений из районов и губерний Российского Центра показана в прил.34–35. Как видно, наиболее активным было население Центрально-Земледельческого и Поволжского районов. В конце XIX в., особенно после строительства Транссибирской железной дороги, Зауралье становится основным направлением переселенческого движения, чему содействовала также политика правительства (особенно столыпинская реформа).

По данным статистики, в 1896–1912 гг. за Урал проследовало в прямом направлении 1571,6 тыс. семейных переселенцев. Наиболее значительными миграциями в Сибирь отличались некоторые губернии Российского Центра, семь из которых направили в этот регион империи в 1895–1914 гг. до 1319,2 тыс. чел. Это были Курская, Воронежская, Тамбовская, Орловская, Самарская, Пензенская и Саратовская губернии. Значительная часть населения была занята отхожими промыслами внутри Российского Центра. Наиболее активными в миграционном отношении по-прежнему были Центрально-Земледельческие губернии. В этих губерниях наблюдался наибольший естественный прирост населения, и аграрный кризис был наиболее сильным. В результате миграции численность населения заселявшихся районов увеличивалась более быстрыми темпами, чем в Российском Центре. Если численность населения в Сибири к 1913 г. возросла более чем в 3 раза, то в Российском Центре – в 2 раза¹⁴.

По мере развития промышленности и аграрного кризиса увеличивалось число мигрантов в города и распространялось отходничество крестьян на заработки. Учет миграции в города не был налажен удовлетворительно. Об этом можно судить по динамике общей числен-

ности городского населения или по данным городских переписей. Рост городского населения становится заметным с конца XIX в. В 1897–1914 гг. оно возросло многократно и большей частью за счет миграционной составляющей. Однако доля городского населения в общей численности населения Российского Центра к 1914 г. увеличилась всего лишь с 13% до 17%¹⁵.

Отходничество крестьян на заработки, уходившее корнями в XV–XVI вв., было распространено в XIX в. в неземледельческих губерниях Севера и Центра Европейской России, а также в Поволжье до широкого использования на Волге паровых судов (бурлачество). Немецкий ученый А. Гакстгаузен, путешествовавший по России в середине XIX в., был поражен распространением крестьянских промыслов в этих губерниях.

Анализ статистических данных о числе отходников, проведенный по результатам паспортной статистики, свидетельствует о том, что в целом наблюдалась обратная переселению за Урал картина распределения губерний по интенсивности отхода крестьян. Ежегодная численность отходников возрастала в 1900-х гг. примерно в 1,2–1,3 раза. В 1906–1910 гг. было выдано св. 14,5 млн. годовых паспортов¹⁶.

В целом, в Российском Центре существовала районная дифференциация миграционных потоков. Земледельческие губернии с высоким уровнем рождаемости были связаны с заселявшимися районами Сибири, Северного Кавказа и т.д.; отходничество было распространено в промышленных губерниях центра. Внутренняя миграция играла заметную роль в изменении численности регионов заселения, а также городов, особенно столичных. В Петербурге и Москве в 1900-х гг. 2/3 населения не являлись местными уроженцами. Но вклад миграции в воспроизводство населения России был большим за счет ее противоречивого взаимодействия с другими демографическими процессами.

С одной стороны, миграция понижала уровень рождаемости и брачности за счет разлуки супругов, нарушений возрастно-половой структуры населения, изменения репродуктивных установок людей вследствие их перехода в более модернизированную среду (города) и др. Особенно ярко проявлялась роль миграции в воспроизводстве в годы экономических и других социальных кризисов. В условиях ограниченного использования методов внутрисемейного регулирования деторождения, миграция, разлучавшая супругов (а не снижение уровня брачности, как иногда ошибочно полагают), являлась главной причиной падения рождаемости. Кроме того, мигранты содействовали распространению эпидемий. С другой стороны, миграционные процессы могут способствовать сохранению высокого уровня рождаемости в традиционном обществе и замедлять начало демографического перехода.

Аналогичную сдерживающую роль играла миграция по отношению к другим демографическим процессам. Миграцию можно рассматривать, наряду с контрацепцией, абортами, стерилизацией, инфантицидом, отложенными браками и целибатом, как демографическую реакцию на падение уровня благосостояния. Это падение в Российском Центре было вызвано ростом населения из-за резкого снижения смертности в ходе модернизации. Из этих реакций люди в традиционном аграрном обществе выбирают те, которые наиболее доступны и способствуют сохранению их прежнего уклада жизни. Таковой является миграция при наличии свободных земель. Если миграция затруднена, то люди предпочитают откладывать браки для поддержания своего экономического благополучия.

Кроме того, в 1900-х гг. в сельском населении различались две установки в поведении и, соответственно, два типа миграции. Первая – «новаторская» – характеризовалась желанием человека ехать в незнакомые, совершенно отличные от прежних индустриальные районы. Вторая – «традиционная» – характеризовалась тем, что человек не хотел менять свой прежний сельский уклад жизни, нелегко принимал новое. Аграрное перенаселение заставляло его отправляться туда, где были свободные земли. Поэтому в регионах заселения уровень рождаемости был не ниже, чем на родине переселенцев.

Нарастание революционного кризиса в России в начале XX в. вынудило Николая II полностью отказаться от традиционной политики ограничения переселений. Право на них теперь получали все желающие, независимо от их имущественного положения. Правительство сознательно поощряло переселения на окраины безземельных и малоземельных крестьян. Таким путем правящие круги стремились ослабить социальную напряженность в центральных малоземельных губерниях и расширить базу для хуторского и отрубного землевладения. Поскольку безземельные неимущие крестьяне не имели необходимых средств для переселения в отдаленные окраинные районы империи, им предоставлялся ряд существенных льгот и привилегий.

Новый курс переселенческой политики был окончательно оформлен Законом от 6 июня 1904 г.¹⁷. Он освобождал новоселов от круговой поруки, расширял и увеличивал льготы и пособия переселенцам (путевые пособия, врачебно-продовольственная помощь, пониженный переселенческий тариф за проезд по железной дороге, ссуды на обустройство хозяйства, равные 100 руб., а в Приморье – 150 руб. и т.д.).

Русско-Японская война вынудила правительство приостановить переселения, однако уже в 1906 г. они были возобновлены. Однако много переселенцев возвращалось обратно (в 1910 г. обратные пересе-

ленцы в Российский Центр составили 36%, а в 1911 г. – 60% всех мигрантов)¹⁸.

С конца XIX в. в большинстве губерний Российского Центра местные губернские статистические комитеты наладили учет движения населения, включая и миграционные процессы.

В отчетах губернаторов и ежегодных печатных обзорах губерний появлялись регулярные сведения о переселениях на окраины и в крупнейшие города империи. Однако и теперь, если крестьянское миграционное движение на окраины регистрировалось более или менее полно (главным образом, в местах вселения), то приток жителей в города страны и вообще неземледельческие миграции фиксировались недостаточно качественно. Возможная неточность подсчетов и приведенных данных объяснялась несовершенством российской статистики того времени, а также тем обстоятельством, что уходившие на заработки в города, а отчасти и переселявшиеся на окраины, регистрировались дважды – по месту прежнего и нового жительства.

Можно частично учесть приток населения в города. С 1897 по 1914 гг. механический прирост в Петербурге достиг 1050 тыс. чел., в Москве – 833,4 тыс. чел. Предстоит большая работа по учету темпов миграционного движения в города. Однако этот «отлив» в местах убытия в официальных источниках почти не фиксировался. Так, например, механический «отлив» из Новгородской губернии составил в 1896–1914 гг. – 3,6 тыс. чел., в Тверской зарегистрирован «прилив» – 1,8 тыс. чел., в Ярославской – отток – 4 тыс. чел. и т.д. В то же время, перепись 1900 г. зарегистрировала в Петербурге 116,4 тыс. чел. уроженцев Тверской, 83,5 тыс. чел. – Ярославской, 50,8 тыс. чел. – Новгородской губерний и т.д.¹⁹.

Процессы формирования населения Петербурга свидетельствуют о том, что в 1910 г. в столицу мигрировали 774,2 тыс. крестьян из 11 губерний Российского Центра, или 71,9% всех жителей столицы. Кроме того, на первые пять губерний (Тверская, Ярославская, Новгородская, Петербургская, Псковская) приходилось 55,9% от общей численности рассматриваемой группы жителей Петербурга. В указанный период в составе крестьян, жителей столицы, был невысок удельный вес выходцев из губерний с более развитой промышленностью (Петербургская, Московская, Костромская)²⁰.

Материалы переписей 1900 и 1910 гг. выявили распределение всего петербургского населения по месту рождения. Так, в 1900 г. родившиеся в Петербурге составили 455,9 тыс. чел., родившиеся вне столицы, прибывшие сюда мигранты составили 983,7 тыс. чел., всего 1439,6 тыс. чел.; доля родившихся в Петербурге к общей численности населения достигла в это время всего 31,7%. К 1910 г. общая числен-

ность населения столицы увеличилась в 1,3 раза, в том числе на 1/3 возросла численность уроженцев столицы и мигрантов. Однако мигранты по-прежнему доминировали в абсолютных и относительных показателях. Родившиеся в Петербурге составили 610,2 тыс. чел., родившиеся вне Петербурга – 1295,4 тыс. чел., уроженцы столицы при этом составляли менее 1/3 населения (32%).

В 1910 г. среди отдельных сословий петербургского населения родившиеся в Петербурге и мигранты были представлены следующим образом. Среди почетных граждан, купцов и мещан Петербурга местные уроженцы составляли более половины (51–54%). Среди основной массы петербургского населения – крестьян – мигранты составляли большинство – 75,3%. Сословия дворян и духовенства были представлены в большинстве лицами, мигрировавшими в столицу, – соответственно 59,1% и 67,4%. В целом же мигрантов среди столичного населения в это время было ок. 70%²¹.

Показатели (прил. 36) позволяют выявить, каков был общий удельный вес группы постоянных жителей Петербурга в 1910 г. Группа родившихся в столице и поселившихся в ней до 1900 г. составила 55,5%. Если распределить так же пропорционально и последнюю группу («неизвестно когда»), то общий удельный вес численности постоянных жителей Петербурга можно определить примерно в 60%. Однако абсолютное и относительное большинство мигрантов, поселившихся в столице в разные годы, составило 1295,4 тыс. чел., или 68%, причем более половины из них мигрировали в столицу за 10 лет до переписи 1910 г.

В работе, опубликованной Московской городской Думой, приведены данные о том, как распределялся в течение 15 лет (с 1897 по 1911 гг.) среднегодовой прирост населения Москвы по факторам влияния. Подсчеты данных по пятилетиям свидетельствуют о том, что хотя естественный прирост населения постепенно увеличивался, но все же миграция во «вторую» столицу намного превосходила его: в 1897–1901 гг. – в 4,2 раза, в 1902–1906 гг. – в 2,8 раза, в 1907–1911 гг. – в 3 раза.

Статистические источники и подсчеты показывают, что с конца XIX в. до начала Первой мировой войны из Российского Центра на окраины выбыло св. 5 млн. чел. Переселения, довольно значительные в 1914 г. (выбыло 336,4 тыс. чел.), резко сократились в 1915 г. (выехало 28,2 тыс. чел.) и почти сошли на нет в 1916 г. (11,2 тыс. чел.)²².

В 1915 г. специальным циркуляром Главного управляющего землеустройством и земледелием переселения на окраины были приостановлены до окончания военных действий²³. Выселяться продолжали только лица, получившие разрешение на это до ввода в силу

указанного циркуляра. В результате подавляющая часть мигрантов выбыла на окраины в 1897–1914 гг. В эти годы полным ходом продолжалось освоение и заселение земель в Европейской России и на Кавказе, хотя в Азиатскую часть страны устремлялось св. 3/4 (76,1%) всех мигрантов Российского Центра. На Кавказе тогда поселилось 18% всех переселенцев, а на Украине – 6%.

Основная масса переселенцев разместилась в Сибири и на Дальнем Востоке – 2549,9 тыс. чел. Они, в основном, расселялись в Западной Сибири (1726,2 тыс. чел.), что составило треть всех выбывших на окраины страны. В Томской губернии осталось 1470,1 тыс. чел. (28,1%), а в Тобольской – только 256,1 тыс., или 4,9%. За Западной Сибирью следовали Восточная Сибирь (456,5 тыс. чел., или 8,7% всех лиц, переселившихся на окраины) и Дальний Восток (367,2 тыс., или 7%). В Восточной Сибири основная часть переселенцев поселилась в Енисейской губернии (321 тыс., или 6,1%), а на Дальнем Востоке – в Приморской области (225 тыс., или 4,3%)²⁴.

Далее по численности переселенцев из Центральных губерний следовали Казахстан и Средняя Азия (1428,9 тыс. чел., или 27,3% от общего числа всех мигрантов). Заселялся в первую очередь Казахстан (1301,5 тыс. чел.), а в Среднюю Азию прибыло только 127,4 тыс. чел. обоего пола. В самом Казахстане подавляющая часть новоселов разместилась в Акмолинской области (731,2 тыс. чел.).

На Кавказ переселилось 938,1 тыс. чел. обоего пола. Характерно, что в 1900-х гг. немалая часть мигрантов направилась в Закавказье (Бакинская губерния и Карсская область), на Северном Кавказе разместилось 507,1 тыс. чел., а в Закавказье – 431 тыс. чел. В Закавказье большая часть новоселов осела в Бакинской губернии (281 тыс. чел., или 5,4%), в Карсской области (57,7 тыс., или 1,1%) и в Черноморском округе (86,2 тыс., или 1,6%). На Северном Кавказе новоселы осваивали в первую очередь Кубанскую область (219,5 тыс., или 4,2%) и Ставропольскую губернию (53,1 тыс., или 1,1%)²⁵.

Если в Азиатскую Россию переселялось преимущественно земледельческое население с получением на новых местах узаконенных земельных наделов, то в Закавказье шли главным образом переселенцы, которые не получали здесь земли. Немало мигрантов из Центральных губерний устремлялось также в города Закавказья и на нефтеразработки Бакинской губернии.

Украина и Северный Кавказ занимали особое положение. С одной стороны, Область Войска Донского и в 1900-х гг. продолжала привлекать земледельческое население (приток равнялся 240,4 тыс. чел., или 4,6%). В Екатеринославскую губернию по-прежнему прибывали

крестьяне преимущественно Центрально-Земледельческого района для работы на шахтах и промышленных предприятиях Донбасса. В Херсонской губернии много жителей оседало в быстрорастущих торговых городах, среди которых на первом месте находилась Одесса. С другой стороны, с Украины выселялись сельские жители на окраины страны.

В Центральных районах России усилился приток мигрантов в города (особенно в обе столицы).

подавляющая часть внутриимперских переселенцев из районов и губерний Российского Центра прибыла в следующие губернии: Томскую (1470,1 тыс. чел.), Петербургскую (1104,7 тыс. чел.), Московскую (787,3 тыс. чел.), Акмолинскую (731,5 тыс. чел.), Енисейскую (321 тыс. чел.), Бакинскую (281 тыс. чел.), Тобольскую (256,1 тыс. чел.), Область Войска Донского (240,4 тыс. чел.), Приморскую (225 тыс.), Кубанскую (219,5 тыс. чел.)²⁶.

Как уже отмечалось, сведения о губерниях по выходу переселенцев неполны, так как здесь учтены не все мигранты (зарегистрировано лишь 3,5 млн. чел., или 68% от общего числа), однако районы и губернии оттока по ним определить можно. На первом месте находился Центрально-Земледельческий район (720,5 тыс. переселенцев), затем следует Среднее Поволжье (200,6 тыс. чел.). Это были традиционные районы массового выселения.

Роль губерний Северо-Западного и Центрально-Промышленного районов в заселении окраин оставалась небольшой. Самое значительное число внутрироссийских переселенцев дали Орловская (207,4 тыс. чел.), Воронежская (173,1 тыс. чел.), Тамбовская (138 тыс. чел.), Курская (133,1 тыс. чел.) и Самарская (122,7 тыс. чел.) губернии²⁷.

Аграрное перенаселение достигло в земледельческих губерниях Центра огромных масштабов. По подсчетам российских исследователей, в Европейской России в 1900-х гг. оно составило 23 млн. чел. (10–12 млн. чел. – по другим данным), а к началу 1914 г. – поднялось до 32 млн. чел. (55,9% трудоспособного населения российской деревни)²⁸.

Это показывает, что решающую роль в заселении новых территорий сыграли наиболее освоенные и охваченные аграрным перенаселением районы Российского Центра. Среди внутренних мигрантов преобладали русские, немало было жителей Поволжья. Участие уроженцев Северо-Западного и Центрально-Промышленного районов в этом процессе было невелико.

4.3. Особенности миграционных процессов в годы Первой мировой войны

В годы Первой мировой войны практически каждый четвертый житель Российского Центра оказался мигрантом. Это не могло не сказаться на ходе не только демографических, но экономических и политических процессов.

Структура миграционных потоков определялась особенностями военного времени и, в отличие от довоенных лет, коренным образом изменилась. Почти прекратились отход крестьян на заработки, организованное переселение их в многоземельные районы Сибири и Дальнего Востока. Так, если в 1914 г. было зарегистрировано 336 тыс. переселенцев на восток страны, то в 1917 г. – лишь 6 тыс. чел.²⁹.

Одним из основных видов миграции была значительная военная мобилизация. В годы Первой мировой войны 15–16 млн.чел. было мобилизовано в армию. В 1917–1918 гг. массовые дезертирство и стихийная демобилизация придали перемещениям военнослужащих неконтролируемый характер.

Реакция гражданского населения на военно-хозяйственный кризис и революционные события 1917 г. выразилась в многочисленном и разнообразном по направлениям и причинам передвижении беженцев. В период Первой мировой войны наблюдалось перемещение огромных масс эвакуированных и выселенцев из оккупированных и прифронтовых районов в глубь Российского Центра. Они направлялись преимущественно в города и вместе с воинским контингентом увеличивали долю городского населения в общей численности региона с 14,6% в 1914 г. до 18,2% в 1918 г.

По данным Особого комитета великой княжны Татьяны Николаевны, покровительствовавшего беженцам, в 1916 г. в центральных губерниях насчитывалось более 3,2 млн. беженцев, в том числе 513 тыс. поляков, 286 тыс. латышей, 200 тыс. евреев, 120 тыс. армян и 86 тыс. литовцев. М.М. Гран отмечал, что в целом по Европейской России в 1914–1917 гг. насчитывалось 10–15 млн. беженцев. Другую оценку числа беженцев дал Е.З. Волков – 7,4 млн. чел. на 1 июля 1917 г.³⁰.

Революционные события 1917 г. и их последствия вызвали новое мощное миграционное движение в Российском Центре, которое не поддается точному измерению. Заведующий переселенческим отделом Народного комиссариата земледелия М.А. Большаков охарактеризовал его следующим образом: «Движение революционной эпохи характеризуется полным отсутствием закономерности, оно вспыхивает то в одном, то в другом месте, его нельзя предугадать, его размер нельзя установить

– оно надвигается неожиданно и протекает в болезненных стихийных формах; да и самые причины его теснейшим образом связаны с общей хозяйственной разрухой, с нарушением связей между потребляющими и производящими районами, с ликвидацией промыслов и закрытием ряда промышленных предприятий и т.п.»³¹.

Одним из наиболее крупных был отток населения из городов. Согласно подсчетам О.А. Квиткина, основанным на результатах соответствующих переписей, население 358 городов Европейской России уменьшилось с 10,5 млн. чел. в 1917 г. до 7 млн. в 1918 г.³². Причины убыли населения городов заключались в уходе горожан в деревню вследствие продовольственного и промышленного кризисов (только 1 млн. рабочих отправился в деревню); в эмиграции части населения за границу, вызванной обстоятельствами войны и революции; в репатриации беженцев и оттоке воинских контингентов; в превышении смертности над рождаемостью.

Другой многочисленный миграционный поток состоял из крестьян, которые в массе своей шли теперь не за землей, а за хлебом. В 1918 г. вновь вспыхнуло переселенческое движение в многоземельные восточные районы страны. За первые четыре месяца 1918 г. за Урал переселилось более 175 тыс. чел. (помимо крестьян, в переселении принимали участие рабочие, создававшие на новом месте жительства трудовые коммуны)³³. Но военные действия и неурегулированность земельных отношений приостановили движение на восток. Война воспрепятствовала начавшемуся организованному переселению крестьян из центральных губерний в южные, главным образом на Дон.

В 1914–1918 гг. изменился характер эмиграции. Экономическая эмиграция из западных губерний сменилась оттоком из страны тех, кто не принял новой власти и проживал на территориях, вошедших в состав Советской России. Однако существующие оценки количества послеоктябрьских эмигрантов сильно разнятся.

Так, согласно русским архивам в Праге, число эмигрантов из Российского Центра составляло 635–755 тыс. чел. Д. Изюмов определял величину русских беженцев в 863 тыс. чел. По замечанию Е.М. Кулишера, эти оценки не отражали всего объема эмигрантов, поскольку не включали в себя тех, кто родился на территориях, утерянных в результате войны, представителей других национальностей, иностранных граждан. Е.М. Кулишер определил численность эмигрантов всех категорий в 1,8 млн. чел. Примерно в 3 млн. чел. определили объем эмигрантского оттока Г. фон Ришма (на основе данных Красного Креста) и В.Г. Михайловский. С. Максудов увеличил его до 3,5 млн. чел.³⁴. Наибольшее распространение получила оценка в 2 млн. чел.,

примерно соответствовавшая количеству нансеновских паспортов, выданных выходцам из Российского Центра. Полагаем, что вероятное число эмигрантов, по мнению Л.К. Шкаренкова и Ю.В. Мухачева, составляло порядка 2 млн. чел.³⁵

Многочисленными и важными по последствиям были и другие эмиграционные потоки, в частности, взаимообратные движения военнопленных и репатриантов (бывших беженцев) в государства, образованные на территории бывшей Российской империи. В военный период насчитывалось порядка 2,4 млн. русских военнопленных. Кроме того, еще в начальный период войны в Германии было задержано ок. 200 тыс. рабочих и ок. 65 тыс. представителей интеллигенции из России. В свою очередь, в Российском Центре находилось примерно 2,2–2,6 млн. вражеских военнопленных, главным образом из Австро-Венгрии³⁶. При этом пленные славянского происхождения расселялись преимущественно в Российском Центре, венгры и немцы – в отдаленных местах Российской империи.

Первая мировая война привела к резкому спаду эмиграционного движения из Российского Центра. По существу, это были остаточные проявления мирного времени. За рубеж в годы войны, как правило, уезжали лица, которые уже были в пути, попали в нейтральные страны (Скандинавию, Голландию и т.д.) и не решались вернуться обратно. Война вызвала миграции совершенно особого, специфического характера – движение беженцев от наступающих войск неприятеля с их последующим возвращением как правило, частичным, в родные места.

Эвакуация населения из районов, охваченных войной, началась уже в конце 1914 г. в связи с вторжением немецких войск в польские губернии. В 1915–1916 гг. в результате военных неудач русской армией были оставлены Курляндская, Гродненская и часть Волынской губерний; бегство населения оттуда приняло массовый характер. В 1917 г. после оставления части Лифляндской губернии и начала наступления немцев по всему фронту эвакуация охватила фактически всю Прибалтику, Украину и Белоруссию.

Беженцам оказывалась материальная помощь, их устраивали на работу. Особый комитет великой княжны Татьяны Николаевны занимался этим вопросом и вел учет численности и размещения беженцев в стране. По данным Л.И. Лубны-Герцыка, к началу 1915 г. было зарегистрировано 0,9 млн. беженцев, на 2 декабря 1915 г. – 2,7 млн., на 29 мая 1916 г. – 3,3 млн. Основная их масса разместилась в центральных губерниях империи (1915 г. – 45,1%, 1916 г. – 40,6%); в прифронтовых губерниях беженцев проживало в 1915 г. – 29,9% общего их числа, в 1916 г. – 25,9%; на юге Европейской России в 1915 г. было

зарегистрировано 13,3% всех беженцев, в 1916 г. – 12,3%; на окраинах их оказалось немного (в Сибири в 1915–1916 гг. – ок. 80 тыс., в Средней Азии – 115 тыс., в Закавказье – 160 тыс. чел. Максимальное число беженцев расселилось в Екатеринославской (175 тыс.), Самарской (142 тыс.), Саратовской (114 тыс.), Тамбовской (125 тыс.), Минской (110 тыс.) и Харьковской (117 тыс.) губерниях. На начало 1918 г. только в центре России числилось до 3,3 млн. беженцев, затем их численность возросла³⁷.

Приведенные цифры не могут считаться достаточно точными. Они лишь отражают масштабы этого массового явления и свидетельствуют о том, что, хотя немало беженцев не возвратилось в места постоянного проживания, все же эта миграционная волна (в отличие от других видов миграций) не оставила достаточно заметного следа в России.

На территорию Польши в основном из Российского Центра прибыло 4,1 млн. чел. временных мигрантов, среди которых репатриантов оказалось лишь ок. 1 млн. чел. В Польшу хлынул огромный поток, среди которого было ок. 0,5 млн. польских возвращенцев из Германии, находившихся там на временных работах, 65 тыс. немцев и австрийцев. Очень много поляков выехало с Украины, в том числе и ок. 600 тыс. русских; среди них преобладали представители «белой» эмиграции, которые затем бежали дальше в Европу (Германию, Францию и т.д.)³⁸.

В Литву в 1917–1918 гг. вернулось 215 тыс. беженцев, но 35 тыс. в 1914–1915 гг. выехавших в Российский Центр остались. В то же время население Литвы в 1914–1923 гг. уменьшилось на 228,8 тыс. чел. Это подтверждают данные о том, что в Литву из Российского Центра вернулась большая часть беженцев, общее число которых оказалось не столь значительным. Иная ситуация сложилась в Латвии. В 1914–1918 гг. сюда из Российского Центра прибыло 220,5 тыс. чел. (обратно вернулось только 10 тыс.). В то же время население Латвии в 1914–1925 гг. уменьшилось на 530 тыс. чел. По разным причинам ок. 300 тыс. жителей Латвии так и не вернулось на родину из Российского Центра. В Эстонии в 1914–1922 гг. численность населения уменьшилась на 127,6 тыс. чел. Уезжали из Эстонии в Российский Центр в основном русские. Невосполненный отток отсюда жителей достигал 100 тыс. чел. Так, только в Таллине в 1917 г. русских было 40 тыс. чел. (25,6% всего населения), а в 1918 г. всего 5,2 тыс. (4,9%).

Итак, в целом, в Польшу, Литву, Латвию и Эстонию в 1917–1920 гг. из Российского Центра возвратилось ок. 2 млн. репатриантов, а общий отток населения из России составил не менее 5 млн. чел., в том числе ок. 700 тыс. русских, из которых большая часть вскоре ушла дальше в другие государства Европы³⁹.

Следует также учесть взаимный обмен военнопленными с Германией и Австро-Венгрией. Уже к 1 января 1918 г. оттуда в Россию возвратилось 3171,1 тыс. чел. русских пленных, или 93% от их общего числа, составлявшего 3409 тыс. чел. Из России к 1920 г., в связи с договоренностью об отсрочке возвращения, выбыло 1409,6 тыс. чел. (из общего их числа, равного 2260 тыс. чел.)⁴⁰.

До сих пор остается не выясненным до конца вопрос масштаба «белой» эмиграции. Как справедливо отмечал академик Ю.А. Поляков, он вряд ли может быть решен на базе источников, имеющихся в распоряжении исследователей в России. К тому же, часть «белых» эмигрантов попадала в состав репатриантов, а некоторые таковыми и являлись.

К 1921 г., по данным Лиги Наций, российских эмигрантов в Польше насчитывалось 650 тыс. чел., в Германии – 300 тыс., во Франции – 250 тыс., в Югославии – 50 тыс., в Греции – 31 тыс., в Болгарии – 30 тыс., в Румынии – 100 тыс., в Финляндии – 19 тыс., в Турции – 11 тыс., в Египте – 3 тыс. В это число входило 100 тыс. немецких колонистов, 65 тыс. латышей, 55 тыс. греков, 12 тыс. карел и т.д. Попытка учесть «белых» эмигрантов по статистике стран пребывания показала, что в Польше их оказалось к 1923 г. 588,7 тыс. чел., почти все они прибыли туда в 1918 г. (321,3 тыс. чел.) и в 1919 г. (234,5 тыс. чел.). Однако перепись 1931 г. учла в Польше только 140 тыс. русских (с репатриантами), намного меньше, чем их было здесь в 1897 г. (почти 270 тыс. чел.); в 1931 г. русские концентрировались преимущественно в Виленском (45,4 тыс. чел.), Белостокском (35,1 тыс.) и Волынском (23,4 тыс.) воеводствах⁴¹. Тем не менее, большая часть политических эмигрантов навсегда осталась на чужбине.

Не меньшее, по сравнению с Первой мировой войной, влияние на движение населения в России оказали революционные события 1917 г.

Прирост населения сельской в местности Российского Центра с конца Первой мировой войны и в годы революции может быть объяснен прежде всего притоком в них городских жителей. Подсчитанное соотношение населения сельской местности в 1918 г. к населению в 1914 г. по губерниям составило: в Московской губернии – 88,5%, во Владимирской – 88,9%, в Нижегородской – 94,4%, в Костромской – 95,1%, в Петроградской – 97,4%, в Орловской – 98%, в Пензенской – 99,8%, в Новгородской – 99,9%, в Калужской – 103,2%, в Саратовской – 103,4%, в Рязанской – 106,4%, в Тамбовской – 107,5%, в Тульской – 108,5%, в Симбирской – 108,9%, в Тверской – 110,4%, в Ярославской – 114,9%⁴².

Как уже указывалось, это был период голода в городах, когда, вследствие общей хозяйственной разрухи и весьма значительного сокращения промышленности и торговли, городское население оказалось в крайне тяжелых материальных условиях, что вызвало своеобразное «беженство» из городов в деревню. При этом мигрировало не только население больших городов; провинциальные промышленные и фабричные поселки оказались в еще более тяжелом положении, чем крупные города.

Городское население спасалось от голода туда, где ему представлялась большая возможность поддержать свое существование: на родину к родственникам, проживавшим в деревне, или в те губернии, которые всегда славились обилием продовольствия. Первым направлением миграционных потоков (на родину к родственникам столичного и вообще городского населения промышленных центров) объясняется прирост населения в таких губерниях, как Ярославская, Тверская, Тульская, Рязанская, Калужская. Вторым направлением (в поисках продовольствия) объясняется приток населения в Саратовскую, Сибирскую, Тамбовскую и другие «хлебные» губернии. Помимо этого, численность сельского населения увеличивали также дезертиры с фронта.

Убыль населения в северо-западной губернии (Олонецкой), далеко расположенной от столиц, объясняется отсутствием сколько-нибудь значительного прилива мигрантов из городских поселений и разрушающим влиянием войны (в частности, сокращением рождаемости). Сельское население промышленных губерний – Московской, Петроградской, Владимирской, Костромской, Нижегородской – находилось в положении, напоминавшем городское, и имело те же мотивы к миграции с насиженных мест.

О влиянии Первой мировой войны и революционных событий на миграции в города можно судить по следующим данным. Особенно велик был прирост населения столиц. В Москве он достиг огромных размеров: переписью 1912 г. было установлено 1617,7 тыс. жителей, по исчислению на 20 ноября в ней оказалось уже 1983,7 тыс. чел., а на 1 февраля 1917 г. – 2017,2 тыс. чел., с включением некоторых пригородов – даже 2043,6 тыс. чел. В Петербурге (Петрограде) численность населения определялась к середине 1912 г. в 2035,6 тыс. чел., в 1913 г. – 2124,6 тыс. чел., в 1914 г. – 2217,5 тыс. чел., в 1915 г. – 2314,5 тыс. чел., в 1916 г. – 2415,7 тыс. чел., в 1917 г. – 2420 тыс. чел. Следовательно, и здесь прирост населения составил 400 тыс. чел., или ок. 20% по отношению к населению города в 1912 г., тогда как в Москве по отношению к тому же году он достигал 24%. Значительную часть этого

прироста составляли беженцы и военнопленные. Специальной переписью беженцев, произведенной в Петрограде 29 февраля 1916 г., было насчитано 100,7 тыс. чел., осевших в этом городе. По предварительным сведениям о числе беженцев на 20 декабря 1915 г., в Москве числилось 140,1 тыс. чел.⁴³.

Из сопоставления этих величин видно, что одним притоком беженцев нельзя объяснить прирост столичного населения во время Первой мировой войны. Очевидно, здесь действовали также другие факторы, связанные с повышенным темпом общественной жизни в сложный период существования государства; это было время лихорадочного состояния страны, когда оба «сердца» России усиленно пульсировали.

Первая мировая война, а также революционные события внесли резкий перелом в движение городского населения. Нарушение темпа хозяйственной жизни и острые затруднения в снабжении городов продовольствием привели к весьма сильной убыли в них населения как за счет повышенной смертности, так и вследствие отлива городского населения в сельские местности. При этом снижение численности населения было тем выше, чем крупнее был город.

Особенно велика была убыль населения Петрограда, частично в связи с переводом в марте 1918 г. резиденции правительства в Москву. В Петрограде насчитывалось в 1917 г. 2420 тыс. чел., в 1918 г. – 1469 тыс. чел. В Москве население сократилось с 1701,3 тыс. жителей по переписи 1917 г. до 952,2 тыс. чел. по переписи 1920 г.⁴⁴. Из сопоставления исчисления на 1 февраля 1917 г. с цифрами переписи того же года (проходившей летом) можно заключить, что отлив населения из Москвы начался уже с весны 1917 г., надо полагать, в значительной степени в связи с начавшейся национализацией в аграрном секторе экономики.

Первая мировая война чрезвычайно ослабила и сократила переселенческое движение из Российского Центра в восточные регионы страны. Влияние ее сказалось уже в 1914 г. В первые семь месяцев 1914 г. в путь отправилось 230,1 тыс. переселенцев из общей численности зарегистрированных в течение этого года 241 тыс. и 93,6 тыс. ходоков из общей их численности в 94,5 тыс.; в общей сложности 323,8 тыс. чел. из 336,4 тыс., то есть 96,2% от всей численности переселенцев. Хотя и в обычных условиях осенью переселенческое движение значительно ослабевало, но все же столь резкого падения раньше не наблюдалось. В 1912 г. на осень приходилось 16,6% переселенцев, а в 1914 г. всего 2,3%, то есть в 7 раз меньше по сравнению с 1912 г.

В последующие годы войны количество переселенцев опустилось до крайне низкого уровня, причем в 1917 г. численность обратных переселенцев даже превысила численность прямых переселенцев, проследовавших из Российского Центра в Сибирь. Так, в 1916 г. в прямом направлении ушло 9,2 тыс. чел., в том числе переселенцев – 9,1 тыс. чел., ходоков – 92 чел.; в обратном направлении двигалось 6,9 тыс. чел., из них переселенцев 6,8 тыс. чел., ходоков – 109 чел.; в 1917 г. в прямом направлении проследовало соответственно 4,8 тыс. чел., 4,7 тыс. чел., 89 чел.; в обратном направлении – 5,8 тыс. чел., 5,8 тыс. чел., 28 чел.⁴⁵.

Революционные события вызвали новые изменения в переселенческом движении. С одной стороны, его ослабила начавшаяся национализация земли. Надежда увеличить свое землепользование при разделе частновладельческих земель, несомненно, задержала на родине многих крестьян, которые при иных обстоятельствах пополнили бы ряды переселенцев. Все это, однако, не приостановило переселения и вскоре после окончания войны оно снова начало расти. Впрочем, это движение резко отличалось от довоенного как по местам выхода, так и по характеру причин, его вызывавших.

5. СЛУЖИЛЫЕ СОСЛОВИЯ

5.1. Дворянство потомственное и личное

Дворянство Российского Центра, как и страны в целом, состояло из двух основных групп – потомственного и личного. Потомственное дворянство в то же время распределялось по шести разрядам, определенным еще в XVIII в.: «1) дворянство жалованное, или действительное; 2) дворянство военное; 3) дворянство по чинам, полученным в службе гражданской; 4) иностранные роды; 5) титулами отличные роды; 6) древние благородные дворянские роды»¹.

Разделение по разрядам к началу XX в. практически утратило свое первоначальное значение и учитывалось при записи в родословные книги тех губерний, где дворянам принадлежала недвижимая собственность. Эти записи позволяют определить происхождение дворянских родов, влиявших на положение внутри сословия.

Общую численность древнейшего дворянства, к сожалению, точно установить нет возможности. Некоторое представление об этом, как и вообще о соотношении численности всех шести разрядов дворянства, дают губернские родословные книги, в которые вносились все дворянские фамилии, и составленные на их основе указатели дворянских родов, часть которых была опубликована (прил. 37). Материалы 9 губерний Российского Центра свидетельствуют, что в конце XIX – начале XX в. потомки древнейшего дворянства составляли в среднем 23,8% всех дворянских фамилий, а так называемое «новое» дворянство – 66,9%, то есть примерно 2/3 сословия. Удельный вес первых колебался по губерниям от 1,5% до 44,4%, причем наивысшие показатели падали на те губернии, где издавна помещное служилое дворянство было наиболее многочисленным. Зато в Симбирской губернии значительная часть дворянских родов была отнесена к первому разряду «жалованных», что объяснялось особым порядком утверждения в дворянстве местной знати.

Эти подсчеты приблизительны, так как в родословных книгах были учтены роды, не утвержденные Сенатом, угасшие и пр. Более точных источников для определения дворянства по разрядам не имеется. Однако эти данные показывают тенденцию, общую для всего Российского Центра, состоявшую в том, что на рубеже XIX–XX вв. примерно 3/4 всего потомственного дворянства относилось к «новым» дворянам, которые своим сословным положением полностью были обязаны власти.

Разделение дворянства на разряды, хотя в значительной степени и ставшее уже анахронизмом, заслуживает внимания, так как дает представление о происхождении «высшего» сословия, путях его пополнения, политике правительства по регулированию его численности и состава².

В Российском Центре значение родственных отношений во многом определялось тем, что дворянские семьи в большинстве случаев были многочисленными (7–12 детей было нередким явлением), а это означало, что дворянская семья должна была в каждом поколении породниться с несколькими другими родами. При сравнительной немногочисленности дворянства родственные связи между родами уже через 3–4 поколения оказывались сложно переплетенными. Внимание к родственным связям побуждалось, в частности, запрещением церковью браков между близкими родственниками. Браки разрешались лишь за пределами троюродного родства. Кроме того, должны были учитываться и брачные связи родственников тех, кто вступал в брак.

Официальная статистика определила общую численность потомственных дворян Российского Центра к началу XX в. в 268,5 тыс. чел., из них – 125,1 тыс. мужчин и 143,3 тыс. женщин. Удельный вес потомственного дворянства в общей массе населения региона составил всего 0,3%, тогда как доля потомственных дворян в Европейской России была немного выше и составляла 0,9%. В Европейской России общая численность потомственных дворян составляла 885,7 тыс. чел., из них 418,2 тыс. мужчин и 467,5 тыс. женщин; в России в целом они составили 1221,9 тыс. чел., включая 585 тыс. мужчин и 636,9 тыс. женщин (прил. 38).

Эти данные были бы недостаточно полными, если бы не было отмечено, сколь малочисленно было потомственное дворянство в отдельных районах и губерниях региона. Больше их было в Северо-Западном районе – 106,7 тыс. чел. и ведущее место здесь занимала столичная Петербургская губерния, где представителей сословия насчитывалось 89,8 тыс. чел. Наименьший показатель был у Олонецкой губернии – и по району, и по всему региону – 2,2 тыс. чел. Показатели Центрально-Промышленного и Центрально-Земледельческого районов были близкими и составляли соответственно 69,8 тыс. чел. и 66,2 тыс. чел. представителей «высшего» сословия. Распределение дворянства по губерниям этих районов было равномерным, за исключением «второй» столичной губернии – Московской, где дворян насчитывалось 40,1 тыс. чел., а также Курской и Рязанской – соответственно 16,1 тыс. чел. и 11,5 тыс. чел. В пяти губерниях Поволжья представителей «благородного» сословия насчитывалось 25,8 тыс. чел.; распределялись они относительно равномерно, за исключением самых

«менее дворянских» губерний – Симбирской и Астраханской, где дворян насчитывалось соответственно 3,9 тыс. чел. и 2,8 тыс. чел.

Как уже отмечалось, к началу XX в. среди потомственных дворян Российского Центра ок. 67%, или примерно 2/3, получили это звание за службу. По отдельным губерниям и районам региона удельный вес этих лиц доходил до 75%, или 3/4 сословия³. Примерно такие же показатели сохранились к 1917 г.

Отметим, однако, что все эти цифры приблизительны и показывают лишь общую тенденцию малочисленности сословия в общей численности населения и его роста за счет получения дворянства на государственной службе. Дело в том, что все изученные статистические источники – «Родословные книги», «Справочные книжки», «Адрес-календари» и «Обзоры губерний» – содержат о дворянстве неполные и противоречивые сведения. Надежным документом для конца XIX в. являются материалы переписи 1897 г.

Родовое дворянство к 1917 г. уменьшилось численно и оно бы совсем вымерло, разорившись или слившись с предпринимателями, как некоторые слои дворянства, если бы не приток чиновников и офицерства. В условиях бурного развития капитализма в пореформенной России и освобождения крестьян, что существенным образом отразилось на дворянстве, в связи с потерей почти половины своего земельного богатства в 1905–1907 гг. и в последующий период, многие представители «первенствующего» сословия разорились и земельная собственность перешла от них в руки других социальных слоев⁴.

Вместе с потомственным дворянством, являвшимся привилегированной частью сословия, продолжало существовать и пополняться личное дворянство. Категория личного дворянства в значительной мере условно может быть рассматриваемой применительно к дворянскому сословию, так как личные дворяне не вносились в родословные книги, не имели права участия в дворянских депутатских собраниях и других корпоративных организациях, не могли пользоваться сословными кассами, приютами, учебными заведениями, однако должны были уплачивать специальные дворянские сборы⁵.

Престиж личного дворянства был минимален (его даже не считали «настоящим» дворянством). Помимо обычной выслуги потомственного дворянства, личные дворяне могли до 1900 г. ходатайствовать о его получении в случае, если их отцы и деды прослужили по 20 лет в обер-офицерских чинах. Личное дворянство распространялось только на жену. Дети личных дворян пользовались статусом потомственных почетных граждан.

Личное дворянство приобреталось лицами недворянского происхождения пожалованием, что было крайне редко, достижением определенного чина по службе либо в результате награждения орденом. По чинам личное дворянство получали: «1) лица, производимые на действительной службе в чин обер-офицерский, а в гражданской – в чин девятого класса; 2) в казачьих войсках, сравнимых в чинах с войсками регулярными, лица, производимые в чин хорунжего; а в казачьих войсках, не имеющих сравнения с армией, достигшие чина зауряд-есаула; 3) лица купеческого сословия, жалуемые чином девятого класса не по порядку службы, если при том не дано им будет особых грамот на дворянство потомственное»⁶.

Определить численность личных дворян практически невозможно, так как официальная статистика приводила общие данные о личных дворянах и чиновниках. Общая численность личных дворян и классовых чиновников Российского Центра к началу XX в. составляла 233,8 тыс. чел., из них 108,7 тыс. мужчин и 125,1 тыс. женщин. Доля их в общей численности населения региона была 0,4%. По губерниям и районам они распределялись следующим образом: в Северо-Западном районе – 74 тыс. чел. с наибольшим показателем в столичной Петербургской губернии – 61,5 тыс. чел. и с наименьшим в Олонецкой – 2,8 тыс. чел.; в Центрально-Промышленном – 75,9 тыс. чел., где большинство принадлежало «второй» столичной губернии – Московской – 37,1 тыс. чел., в остальных губерниях района они были распределены относительно равномерно; в Центрально-Земледельческом – 50,6 тыс. чел. с такой же равномерностью в распределении по губерниям; в Поволжье – 33,3 тыс. чел., где наименьшей численностью личных дворян отличалась Астраханская губерния – 3,4 тыс. чел. В Европейской России общая численность личных дворян и чиновников составляла 487 тыс. чел., из них 231,7 тыс. мужчин и 255,3 тыс. женщин; в России в целом они составили 631,2 тыс. чел., включая 304,4 тыс. мужчин и 326,9 тыс. женщин (прил. 39).

Сравнивая показатели численности потомственного и личного дворянства, приходим к мысли о незначительном преобладании первого как в абсолютных, так и в относительных данных в целом по Российскому Центру. Однако в отдельных районах и губерниях преобладало личное дворянство. Кроме того, потомственное и личное дворянство представляло несколько меньшую долю в общей массе населения региона по сравнению с дворянством всей Европейской России. Доля женщин в этих двух социальных группах сословия повсеместно была выше доли мужчин. И, наконец, доля потомственных и личных дворян с чиновниками Российского Центра в общей массе

этого сословия в стране была ничтожна, но вместе с тем личные дворяне и чиновники несколько преобладали в ней над потомственными. Объяснить такое различие в удельном весе «высшего» сословия в Российском Центре и России в целом можно следующим обстоятельством. Думается, что на численность дворянства региона оказывали влияние такие факторы, как преобладание, более значительное, чем в целом по России, крестьянства в общей массе населения.

Существенных изменений в показателях удельного веса потомственного и личного дворянства Российского Центра к 1917 г. не произошло⁷. По-прежнему только четвертая часть дворянства происходила из древних и титулованных родов, остальные принадлежали к «новым» дворянам, получившим право на потомственное дворянство на гражданской и военной службе. Личное дворянство оставалось резервом для пополнения рядов потомственного.

5.2. Чиновничество

Особое место в императорской России занимало чиновничество. Важнейшей сферой деятельности дворянства Российского Центра изучаемого периода являлась государственная служба. Чиновниками являлись не только представители государственной администрации, суда и полиции, но и преподаватели многих учебных заведений, инженеры, врачи, служащие почты и телеграфа, государственных железных дорог и даже артисты императорских театров. Все они, а также некоторые другие представители профессиональной интеллигенции, находясь на государственной службе, имели соответствующие чины, предусмотренные «Табелью о рангах», и пользовались связанными с ними привилегиями.

Одновременно государственная служба была главным источником пополнения «благородного» сословия. На рубеже XIX–XX вв. государственный служащий, если он не родился потомственным дворянином, произведенный в первый чин XIV класса (коллежского регистратора), получал личное почетное гражданство, распространявшееся на жену. Дослужившись до чина IX класса (титулярного советника), он приобретал личное дворянство, также распространявшееся на жену. Достигнув чина IV класса (действительного статского советника) государственный служащий становился потомственным дворянином⁸.

Если выделить из состава населения группу чиновников и высокопоставленных военных центральных и местных органов власти, получится внушительная цифра. Общая численность служащих Российского Центра к началу XX в. составила 101,5 тыс. чел., в том числе по-

томственных дворян по происхождению 31,1 тыс. чел., или 30,7%; лиц из других сословий – 70,4 тыс. чел., или 69,3%. Чиновники I–IV классов составляли 1,4 тыс. чел., включая потомственных дворян по происхождению – 1 тыс. чел., или 71,5%, лиц из других сословий – 409 чел., или 28,5%; чиновники V–VIII классов – соответственно 50,1 тыс. чел., 19 тыс. чел., 37,9%, 31,1 тыс. чел., 62,1%; чиновники IX–XIV классов – соответственно 50 тыс. чел., 11,1 тыс. чел., 22,3%, 38,9 тыс. чел., 77,7%⁹.

Следует отметить неполноту этих данных по причине некоторых пропущенных ведомств, впрочем, в целом сравнительно немногочисленных, неполноту учета численности высших чинов, находившихся вне штата, в отставке или не числившихся на государственной службе, бывших почетными попечителями ряда учреждений и не учтенных канцелярских служащих.

Тем не менее, приведенные данные дают представление о численности и составе бюрократии Российского Центра. Дворяне по происхождению занимали 30,7% всех классовых должностей. В целом, как видно, удельный вес их в общей массе чиновничества был невелик: они составляли более 2/3 всех высших должностей и более 1/3 – средних. Если же к ним присоединить выходцев из других сословий, сумевших достичь чинов, дававших право на потомственное или личное дворянство, то численность представителей «высшего» сословия составит не менее 55 тыс. чел., то есть ок. 55% всех классовых чиновников¹⁰.

Однако, если низшие и отчасти средние звенья аппарата в это время пополнялись главным образом за счет выходцев из среды разночинцев, то правящая бюрократия комплектовалась преимущественно из потомственного дворянства. Правда, и среди высших чиновников удельный вес представителей родовитых фамилий несколько сократился за счет выслуживших дворянство. Более того, численность последних в связи с общим ростом служащих значительно возросла, в их руки попали важные государственные посты.

На рубеже XIX–XX вв. чиновничество особенно усиленно пополнялось за счет разорившихся и обедневших помещиков, заполнивших целый ряд не только классовых, но и канцелярских должностей. Поиному стали смотреть на службу и более состоятельные дворяне, пытаясь жалованьем поправить свои пошатнувшиеся дела. Низшие чиновники получали жалованье, едва хватавшее на прожиточный минимум, высшие – непомерно высокие оклады. Об этом свидетельствуют выборочные данные о доходах чиновников, получавших св. 1 тыс. руб. золотом в год¹¹.

Чиновничество Российского Центра, особенно высшее, кроме жалованья, получало особые прибавки – «добавочные», «прибавочные»,

достигавшие нескольких тысяч в год, затем квартирные, столовые, за заседания, командировочные, особые суммы на воспитание детей, пенсии, награды, на фураж для лошадей и т.п. Крупные чиновники имели казенные квартиры, которые содержались за счет государства. Некоторые высшие чиновники были в то же время землевладельцами; многие к тому же являлись владельцами доходных домов, городских земельных участков, дач и т.п. Обычно они располагали крупными капиталами, ценными бумагами; многие из них, покидая государственную службу или до поступления на нее, входили в правления банков, торгово-промышленных предприятий и т.п.

Согласно показаниям самих высших чиновников, представленных в инспекторский отдел императорской канцелярии, в 1902 г. 63,3% чинов I–IV классов не владели землей. Очень высоким был удельный вес «особ» первых четырех классов, владевших родовой собственностью (61,8%). Но уже тогда довольно значительной была доля высших чиновников, приобретавших имущество путем покупки, браков и т.п. (38,2%). Особенно заметной была группа не владевших землей среди чиновников III и IV классов – соответственно 65,2% и 75,7%¹². В соотношении видов собственности среди чиновников I–IV классов больших изменений не было, за исключением резкого уменьшения пожалованных имений и неизвестного происхождения. Эти изменения обуславливались целым рядом причин – прекращение земельных пожалований, отлив капиталов в более выгодные сферы приложения и т.д. Но одной из главных причин было пополнение высшей бюрократии за счет кадрового «служилого» дворянства и выслужившихся разночинцев. Пополнение происходило не только путем продвижения этих контингентов служащих по служебной лестнице, но и за счет увеличения численности одних и повышения класса других должностей, за счет изменения самого профессионального состава этих разрядов чиновничества.

Так, численность чиновников III–IV классов значительно увеличилась за счет административного и преподавательского составов учебных заведений (был повышен класс профессорской должности с VI до IV), за счет служащих судебного и финансового ведомств, инженерного и другого технического персонала. Кроме того, до конца XIX в. чины давались и в качестве наград за внеслужебные заслуги. В результате количество обладателей классовых чинов было значительно больше наличия соответствовавших им должностей. Многие из них числились сверх штата, состояли в качестве «причисленных» к различным ведомствам (чаще всего придворным или попечительским) или чиновниками «по особым поручениям» и т.п. Этими причинами объясняется столь

резкое увеличение в 1900-х гг. численности высших чинов в Российском Центре.

Данные обстоятельства следует учитывать при определении степени обеспеченности земель различных категорий чинов. В прил. 40 приведены сведения по наиболее характерным группам как собственно правящей бюрократии, так и придворного и различных попечительских ведомств Российского Центра в 1902 г.

Приведенные данные в целом свидетельствуют о тесной связи высших чинов с землевладением, но связь эта неодинакова для разных групп. Наименее обеспеченными в этом отношении были группы высших чиновников, занятых в «рабочих» органах по практическому, текущему управлению (министры и их товарищи (заместители), директора и вице-директора департаментов, чины канцелярий, отчасти присутствующие сенаторы), в различных совещательных и консультативных советах и т.п. Однако этот слой, особенно его верхи, отличался наиболее высокими окладами (10–30 тыс. руб. в год). В нем представлены землевладельцы, среди которых были крупные. В большинстве своем последние занимали не ведущее, а наблюдательное, контрольное положение (в Сенате, в советах при министрах и т.д.).

Латифундисты преобладали в Государственном совете – высшем законосовещательном органе империи, среди гражданских губернаторов и имели абсолютное большинство среди чинов придворного ведомства и попечительских обществ, занимая в последних, как правило, внештатные, в большинстве своем неоплачиваемые посты. За исключением губернской администрации и небольшой части Государственного совета, эти посты, как и значительная часть должностей чиновников «по особым поручениям», среди которых также было много крупных помещиков, носили, в основном, почетный характер или служили формой скрытого, дополнительного субсидирования высших чиновников пенсионного возраста¹³.

Таким образом, в среде высших чинов налицо был довольно значительный слой профессионального чиновничества, для которого жалованье было важнейшим, часто единственным источником доходов. Это усиливало зависимость правящей бюрократии от государства, а отчасти – от поместного дворянства. Многие видные государственные деятели того времени сделали карьеру благодаря именно своей продворянской ориентации. Этой же ориентации придерживались в значительной мере помещичьи элементы среди высших чиновников. Одни из них прямо входили в высшие государственные учреждения, другие, более многочисленные, составляли опору придворной «камарильи» – второго, закулисного правительства – или прямо входили в ее состав.

Высшие чины в массе своей были потомственными дворянами, однако их связь с землевладением была уже в значительной степени нарушена и ослаблена. Усложнение хозяйственной и общественной жизни вызывало специализацию государственного аппарата и требовало привлечения подготовленных людей в таком количестве, какого уже не могло дать поместное дворянство. Жалованье превращалось в главный источник существования чиновничества, включая «служилое» дворянство, в результате чего в социально-экономическом плане «служилое» дворянство все более обособлялось от поместного.

В губерниях Российского Центра степень зависимости чиновников от казны была обратно пропорциональна их жалованью. Высшие чины могли переходить – и иногда делали это – на службу в акционерные компании, частные банки, низшие были фактически прикованы к государственной машине и, выступая «самодержавными» по отношению к низшим слоям населения, были бесправны перед лицом «высшей власти» и правительства¹⁴.

Российская бюрократия, как в центре, так и на местах, имела двойственный социальный облик. Пополняемая, главным образом, из разночинцев, эта бюрократия по источнику своего происхождения, по назначению и характеру деятельности тяготела к предпринимательству. Вместе с тем, она имела симпатии и связи с дворянами-помещиками. Однако пополнение из разночинцев касалось, в основном, низших слоев чиновничества, высшая бюрократия в массе своей рекрутировалась из старого поместного дворянства.

5.3. Офицерство

Российское офицерство как «служилое» сословие в силу своей принадлежности к потомственному или личному дворянству тяготело по своему социальному статусу к двум общественным группам – чиновничеству и дворянству.

На рубеже XIX–XX вв. численность офицеров и генералов регулярных войск Российского Центра составляла ок. 40 тыс. чел., обнаруживая незначительные колебания с 1897 по 1907 гг. К началу 1908 г. в российской армии служило 42,9 тыс. чел. офицеров (без казаков). В среднем, 1 офицер приходился на 24 солдата. После некоторого спада численность офицеров вновь стала возрастать: в 1910 г. их было 42,2 тыс. чел., включая 940 генералов, 6,3 тыс. штаб-офицеров, 35 тыс. обер-офицеров; в 1911 г. соответственно – 47,2 тыс., 1,3 тыс., 8,1 тыс., 37,8 тыс.; в 1912 г. – 48,6 тыс., 1,3 тыс., 8,3 тыс., 39 тыс. Строевые и нестроевые офицерские должности соотносились как 5:1, в том числе

генералы – 0,7:1, штаб-офицеры – 1,5:1, обер-офицеры – 9:1, но в целом, с учетом хозяйственных должностей, в строевых частях это соотношение составляло 3:1¹⁵.

Следует отметить и то обстоятельство, что штатный состав отличался от списочного. С одной стороны, существовал недокомплект обер-офицеров, с другой – ряд генералов и штаб-офицеров занимали должности вне штата офицерских должностей военного ведомства. К тому же 997 офицеров было в Отдельном корпусе жандармов, из них 35 генералов, 407 штаб-офицеров и 555 обер-офицеров; кроме того, почти 200 офицеров служили в Управлении казачьих войск.

Главными причинами перемещения офицеров в российской армии с конца XIX в. и вплоть до 1917 г. были выход в отставку, зачисление в запас и переход в другие ведомства. Соотношение между причинами убыли офицеров показывают следующие данные: с 1897 по 1902 гг. вышли в отставку 3,7 тыс. чел., зачислены в запас – 3,9 тыс. чел., перешли в другие ведомства – 1,3 тыс. чел.

Увольнение в запас было характерным для обер-офицеров, которые не могли уйти в отставку из-за недостаточной выслуги лет для пенсии. Доля генералов и штаб-офицеров среди вышедших в отставку была все эти годы примерно одинаковой и составляла 15–20%, но она в 3 раза превышала аналогичный показатель среди обер-офицеров. Так, в 1907 г. из армии были отчислены 4,4 тыс. офицеров, из них вышли в отставку 2,6 тыс., в запас – 856 чел., перешли в другие ведомства – 246, были уволены по суду – 65, умерли – 656. Причем в отставку вышли 15% генералов, 13% штаб-офицеров и 5% обер-офицеров¹⁶. Что касается перехода в другие ведомства, то речь идет прежде всего о Министерстве финансов, которому подчинялась пограничная стража, и о Министерстве внутренних дел, в ведении которого находились Отдельный корпус жандармов и полиция.

Общая численность убыли офицеров Российского Центра в 1910–1912 гг. составила 8,9 тыс. чел., причем основная масса убывших – по трем названным причинам, незначительное количество составили умершие, разжалованные, исключенные со службы, переименованные в гражданские чины соответственно 1,2 тыс., 22 чел., 121 чел., 73 чел. (прил. 51).

Что касается пополнения армии офицерами, то в начале XX в. лишь небольшое количество лиц сдавало экзамен по программе военных учебных заведений. Пополнение армии офицерами Российского Центра, помимо учебных заведений, в 1897–1902 гг. составило 8,6 тыс. чел.; по годам указанного пятилетия это пополнение было равномерным.

Основная масса будущих офицеров проходила подготовку в военных училищах. Так, из 2,6 тыс. прибывших в армию офицеров в 1907 г. впервые были произведены – 2,2 тыс., возвратились из отставки – 34 чел., из запаса – 264 чел., перешли из других ведомств – 31 чел.

Перед Первой мировой войной пополнение офицерского состава отражают следующие данные: в 1910 г. пришли в армию 3,6 тыс. чел., из них 2,6 тыс. чел. – из военных училищ, остальные – по экзамену, из отставки, из запаса, из других ведомств, из военных чиновников, из разжалованных, из иностранных армий; в 1911 г. соответственно – 2,9 тыс. чел., 2,4 тыс. чел., остальные – из названных источников; в 1912 г. соответственно – 3,5 тыс. чел., 2,5 тыс. чел., остальные – из названных источников¹⁷.

Первая мировая война внесла резкие перемены в офицерский корпус Российской империи. Штатный состав офицерского корпуса Российского Центра в 1914 г. составил 16,8 тыс. чел., включая Военное министерство – 969 чел., военные учебные заведения – 2,1 тыс. чел., военные округа региона: Петербургский – 5,2 тыс. чел., Московский – 5,7 тыс. чел., Казанский – 2,8 тыс. чел. Распределение генералов, штаб-и обер-офицеров по названным местам службы было неравномерным и зависело от количества подразделений в каждом из них (прил. 42).

До конца XIX в. ограничений по возрасту в офицерской службе практически не существовало. Однако уже со второй половины столетия с развитием системы военных учебных заведений в ходе осуществления военной реформы производство в офицеры было упорядочено. В результате замедления процесса чинопроизводства офицерский корпус заметно постарел. Это объясняется главным образом тем, что служба для абсолютного большинства офицеров становилась единственным источником существования.

Срок службы обер-офицеров составлял, как правило, 25–30 лет, командиров рот в армейской пехоте – ок. 20 лет, к тому же в этом роде войск св. 65% капитанов выходило в отставку в возрасте старше 50 лет, не получив очередного звания подполковника. В конце XIX в., к примеру, средний возраст офицеров в пехоте был: для полковников – 50 лет, подполковников – 45, капитанов – 40, поручиков – 30, подпоручиков – 25. Правда, встречались единичные случаи, когда полковник был в возрасте 35 лет, а поручик – 55. В последнем звании полковники служили в среднем 10–15 лет, подполковники – 7–10, капитаны – 12–15, штабс-капитаны – 10–12, поручики – 8–10 и подпоручики – 4–5 лет.

В первые годы XX столетия из общей численности строевых капитанов пехоты, многие из которых были командирами рот, 2% находились в возрасте 25–35 лет, 20% – 35–40, 40% – 40–45, 28% – 45–

50 и 10% – 50–60 лет, из них моложе 30 лет было 5 чел., а старше 55 – 3 чел. Из ротмистров армейской кавалерии 4% командиров эскадронов имели возраст 30–35 лет, 42% – 35–40, 42% – 40–45, 11% – 45–50 и 1% – старше 50 лет. Следует отметить, что командование эскадронам зачастую продолжалось 10–12 лет; это было меньше, чем в пехоте командование ротой.

Среди командиров полков возрастной состав значительно колебался. Это зависело от того, в каких родах войск они раньше служили: офицеры армии становились во главе полка в 45–50 лет, а то и старше, а гвардейцы, перешедшие в армию, – несколько раньше; офицеры Генерального штаба назначались на эту должность в возрасте до 45 лет.

В начале XX в. средний возраст полковников был 50 лет, генерал-майоров – 55, генерал-лейтенантов – 62, полных генералов – 70. При этом средний возраст начальников дивизий составлял 60 лет, однако среди 49 лиц этой категории моложе 45 лет был 1 чел., в возрасте 50–56 лет – 9, 55–60 лет – 20, 60–65 лет – 14 и 65–70 лет – 2. Средний возраст командиров корпусов составлял 60 лет; из 28 чел., занимавших эту должность, моложе 55 лет был 1, 55–60 лет – 8, 60–65 лет – 14, 65–70 лет – 4 и старше 75 лет – 1. Средний возраст командующих войсками военных округов составлял 65 лет¹⁸.

В 1899 г. был введен возрастной ценз, предусматривавший предельный возраст для командира части – 58 лет, начальника дивизии – 63 года и командира корпуса – 67 лет¹⁹. В связи с этим возраст высших и старших офицеров немного снизился; к тому же после окончания Русско-Японской войны многие из них были отправлены в отставку.

В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, офицерство Российского Центра значительно помолодело (прил. 43). Самый молодой состав был в инженерных войсках: до 30 лет – 60%, старше 50 лет – 4%; затем шла кавалерия: соответственно 47% и 6%; далее – казачьи войска: 45% и 7%; наиболее старый состав был в артиллерии: 47% и 8%; пехота занимала промежуточное положение: 60% и 7%.

Семейное положение российских офицеров на рубеже XIX–XX вв. было напрямую связано с условиями их службы, материальным положением и бытом. В это время удельный вес женатых офицеров несколько поднялся, видимо, в силу того, что войны были редки, а условия жизни в местах дислокации воинских частей становились более благоприятными. Однако вплоть до конца XIX в. жалование офицеров не повышалось, а с ростом цен уровень их жизни начал понижаться. Следует иметь в виду, что к этому времени большинство офицерских жен происходили из таких же «служилых» семей скром-

ного достатка, как и сами офицеры, а очень многие были сестрами и дочерьми их товарищей по полку.

Правительство и руководители военного ведомства понимали: нельзя допускать, чтобы молодой офицер при обзаведении семьей впадал в крайнюю бедность, мешавшую вести образ жизни, достойный его общественного положения. Поэтому рядом нормативных актов конца XIX – начала XX в. были введены некоторые ограничения на вступление в брак офицеров, находившихся на службе. Во-первых, офицерам запрещалось жениться ранее 23 лет; во-вторых – до 28 лет они должны были получать разрешение на брак от своего командования и только при условии предоставления гарантии имущественного обеспечения (реверса), принадлежавшего офицеру, его невесте или им обоим. Это правило распространялось практически на всех младших офицеров вплоть до командира роты, исключение делалось лишь для некоторых категорий, в том числе для военных чиновников и врачей.

Среди генералов и полковников Российского Центра в начале XX в. не были женаты ок. 15–20%; вместе с тем, женатые и вдовы среди лиц этой категории имели среднее количество детей: полные генералы – 3,2, генерал-лейтенанты – 2,7, генерал-майоры – 2,5, полковники – 2,7²⁰.

В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, ситуация с семейным положением офицерского состава заметно изменилась: ок. 70% всех офицеров были женатыми (сравним: в середине XIX в. в браке состояло ок. 40% офицеров, во второй половине XIX в. – св. 45%) (прил. 44). Таким образом, доля семейных офицеров увеличилась почти вдвое.

До 1913 г. наибольший удельный вес семейных офицеров был в пехоте, затем в артиллерии, в инженерных войсках, а наименьший – в кавалерии. Причем разрыв между двумя первыми и двумя последними группами был довольно велик – 12–15%. Это объяснялось в значительной мере тем, что в инженерных войсках и кавалерии был более молодой состав офицеров. Кроме того, из таких родов войск чаще всего уходили на гражданскую службу, и многие офицеры, собиравшиеся жениться, откладывали брак до поступления в другое ведомство. Но в целом офицерство продолжало оставаться наиболее «безбрачной» группой населения в социальной структуре Российского Центра того времени.

Как правило, под социальным составом офицеров понимается их социальное происхождение и знак равенства между этими понятиями даже в специальной литературе породил путаницу и вызвал ошибочные утверждения. Российский офицер по своему положению был дворянином, так как личное дворянство приобреталось с первым офицерским званием, для приобретения потомственного дворянства надо

было дослужиться до более высоких чинов. Состав офицеров по происхождению в разных полках мог значительно отличаться. Кроме того, в конце XIX в. офицерство все больше пополнялось выходцами из непривилегированных сословий, доля потомственных дворян стремительно понижалась. Этот процесс начался после принятия закона о всеобщей воинской повинности и расширения сети военных учебных заведений, которые давали армии выпускников недворянского происхождения.

Среди всего состава воспитанников военных учебных заведений Российского Центра в 1897 г. потомственных дворян насчитывалось 52%. Доля выходцев из потомственных дворян всего офицерского корпуса Российской армии в это время выглядела следующим образом: все офицеры – 51%, генералы – 92%, штаб-офицеры – 70%, обер-офицеры – 46%.

Интересны также обобщенные данные о сословном происхождении офицеров, без учета служивших в военных учебных заведениях и управлениях. Согласно этим данным в 1895 г. 50,8% были детьми потомственных дворян, 22,8% – личных дворян, 5,9% – духовенства, 5,6% – почетных граждан, 1,9% – купцов, 7% – мещан, 5,9% – крестьян, казаков, солдатских детей, 0,1% – иностранных подданных²¹.

С начала XX в. вплоть до Первой мировой войны доля потомственных дворян в офицерском корпусе неуклонно падала, включая гвардию (в среднем в армии представителей «высшего» сословия было ок. 40%), что расценивалось правительством как нежелательная тенденция. Принимались меры по привлечению потомственных дворян в военные учебные заведения, в результате их доля в офицерском корпусе несколько повысилась.

Впрочем, в высших слоях офицерства, среди генералов и полковников, доля потомственных дворян всегда была довольно высока. Так, в первые годы XX столетия среди полных генералов их было 98%, генерал-лейтенантов – 96%, генерал-майоров – 85%, полковников – 74%. Правда, представителей титулованной аристократии в их составе в это время было сравнительно немного. Среди всех генералов таковых имелось 71 чел. (5%): 25 князей, 23 графа и 23 барона, в том числе среди генерал-майоров – 23 чел. (3%), среди генерал-лейтенантов – 31 чел. (8%), среди полных генералов – 17 чел. (13%); среди полковников их было 62 чел. (2%). По службе они продвигались несколько быстрее других офицеров – в среднем на 3 года, но среди окончивших академии этой разницы практически не существовало. Титулованные офицеры достигали звания генерал-майора в среднем за 27 лет службы, нетитулованные – за 30 лет²².

Статистика показывает, что доля дворян, почетных граждан и духовенства имела тенденцию к снижению, а доля выходцев из бывших податных сословий – крестьян и мещан – к росту и составляла в 1910–1912 гг. 30% всех офицеров по родам войск (прил. 45).

В 1910 г. в армейской и гвардейской пехоте выходцев из дворян было 44%, в казачьих войсках – 45%, в железнодорожных войсках – 54%, в инженерных войсках – 70%, в артиллерии – 77% и в кавалерии – 80%. Выходцев из крестьян и мещан к этому времени было довольно много. Среди наиболее массового слоя офицеров – пехоты, в том числе гвардейской, в 1911–1912 гг. в обер-офицерских званиях их было ок. 40%, почти столько же, сколько и дворян, – ок. 42%; в казачьих частях выходцы из податного сословия составляли среди обер-офицеров 38–40%, среди штаб-офицеров – 20–22%, тогда как дворян было соответственно 36–38% и 58–60%; среди пехотных штаб-офицеров доля выходцев из податных сословий поднялась в эти годы до 18–20%.

Сведений о национально-этническом составе офицерского корпуса сохранилось очень мало, лишь иногда встречаются данные о родном языке офицера. Понятием, несколько проливающим свет на национальность, является вероисповедание: оно обязательно указывалось во всех документах.

На рубеже XIX–XX вв. большинство офицеров Российского Центра составляли русские, православные; доля немцев прибалтийских губерний оставалась довольно значительной, они являлись преимущественно лютеранами; польские дворяне-католики были также довольно широко представлены в офицерском корпусе. Офицеры армяно-григорианского вероисповедания – это преимущественно армяне; мусульманского – азербайджанцы, горцы Кавказа, часть татар и башкир; грузины, которых насчитывалось довольно много среди офицеров, были православными.

Следует отметить, что в конце XIX – начале XX в. стало переходить в православие все большее количество немцев и поляков, поэтому определить национальную принадлежность по вероисповеданию практически невозможно. Например, большинство протестантов – это немцы и шведы, а католики – поляки, но немало лиц этих национальностей и среди православных. Выявить истину в этом вопросе чрезвычайно сложно, так как у многих русских офицеров от дальних предков сохранились немецкие фамилии; вместе с тем, среди офицеров (с чисто немецкими не только фамилиями, но именами и отчествами), которые являлись этническими немцами, было много православных. Так, среди всех офицеров только с немецкими фамилиями православных оказалось ок. 75%, а с немецкими фамилиями, именами и отчествами – до

40%. Данные о конфессиональной принадлежности некоторых категорий офицерства Российского Центра в начале XX в. представлены в прил. 46.

Необходимо подчеркнуть, что быстрота карьеры у представителей различных конфессий отличалась незначительно, лишь у протестантов в среднем она была немного выше. Православные полные генералы получали первый генеральский чин в среднем за 21 год службы, протестанты – за 20, католики – за 22, мусульмане – данные отсутствуют, армяно-григориане – за 23 года; генерал-лейтенанты соответственно – за 28, 27, 26, 37, 30 лет; генерал-майоры – за 30, 31, 30, 36, 35 лет; полковники – за 26, 25, 27, 28, 27 лет²³.

Доля православного офицерства неуклонно возрастала за счет перехода в православие все большего числа представителей других конфессий. Очевидно, приобщение к русской, славянской культуре лиц других национальностей сказывалось в том, что они стали считать себя русскими по духу, обычаям, традициям, а это в свою очередь влияло на смену их религиозной ориентации.

Данные по национально-этнической и конфессиональной принадлежности офицерства Российского Центра в канун Первой мировой войны мало различались по родам войск (прил. 47). Доля православных и русских была наиболее высока в артиллерии и инженерных войсках – 90–92%, ниже – в пехоте – 85–87% и в кавалерии – 80–82%; в казачьих войсках – 96–98%. В офицерском корпусе в это время были широко представлены и другие народы Российской империи.

Образовательный уровень российских офицеров на рубеже XIX–XX вв. был достаточно высок. Этому способствовала разветвленная сеть специальных военных учебных заведений, открывшихся в результате проведения военной реформы во второй половине XIX в.

В 1896 г. в Российском Центре было много офицеров, окончивших военные училища: в гвардейской артиллерии – 100%, в гвардейской кавалерии – 95%, в гвардейской пехоте – 86%, в армейской артиллерии – 91%, в армейской пехоте – 19%, в инженерных войсках – 98%, в стрелковых частях – 44%, в резервной и крепостной пехоте значительно меньше – соответственно 11% и 8%. В 1898–1901 гг. доля окончивших военные училища повысилась с 51% до 61%, а окончивших юнкерские училища соответственно понизилась с 50% до 40%.

Значительной была численность генералов и старших офицеров, получивших образование в одной из военных академий. Среди полковников в начале XX в. таких насчитывалось 30%. Получение академического образования значительно убыстряло карьеру: если офицеры, не обучавшиеся в академии, получали звание полковника в среднем через

26 лет службы, то окончившие академию – через 20 лет, в том числе Академию Генерального штаба – через 19, юридическую – через 18, артиллерийскую и инженерную – через 22. В начале столетия среди генералов академии окончили 50%; из полных генералов академическое образование имели 60%. Академии окончили ок. 60% командующих войсками военных округов, св. 50% командиров корпусов и ок. 50% начальников дивизий. Следует отметить, что большинство генералов получило многоуровневое военное образование: кадетский корпус, военное училище, академия. Кадетские корпуса (военные гимназии) окончили ок. 50% полных генералов, ок. 60% генерал-майоров и 75% генерал-лейтенантов²⁴.

Однако, имея неплохое образование, часть офицеров не имела достаточного строевого и боевого опыта. Даже среди генералов в войнах участвовали лишь 60%, почти 50% из них имели боевые отличия, ок. 10% были ранены и ок. 10% стали георгиевскими кавалерами; среди полковников участвовали в войнах ок. 52%²⁵.

Итак, ко времени Первой мировой войны уровень военного образования российского офицерства приблизился к оптимальному. К тому времени все юнкерские училища были преобразованы в военные училища, но в армии оставалось еще немало офицеров, окончивших только юнкерские училища.

Говоря о материальном положении российского офицерства на рубеже XIX–XX вв., следует иметь в виду следующее обстоятельство. Если в XVIII – первой половине XIX в. значительная часть офицеров имела земельную и другую собственность и жалованье не представляло для них единственного источника существования, то уже во второй половине XIX в. положение резко изменилось. К сожалению, как в научной литературе, так в популярных и публицистических изданиях встречаются утверждения, что до 1917 г., якобы, большинство офицеров были помещиками.

В указанный период среди всех потомственных дворян Российского Центра помещиками были менее 30%, а среди служивших – значительно меньше. Среди офицеров выходцы из потомственных дворян составляли ок. 50%. Таким образом, несложные подсчеты показывают, что среди всего офицерства помещиков было ок. 10–12%.

В первые годы XX столетия только 15% генерал-лейтенантов были помещиками, если учитывать и собственность их жен; 32–33% полных генералов имели земельную собственность, а среди офицеров лишь единицы обладали какой-либо собственностью, за исключением, пожалуй, гвардейской кавалерии. Достаточно сказать, что среди армейской элиты – генерал-майоров и полковников Генерального штаба не имели

собственности 92%, в том числе среди генералов – 90%, полковников – 95%; при этом среди генералов земельную собственность имели только 8%, а у 2,5% были собственные дома; среди полковников имели землю 4% и 1% – имели собственные дома²⁶. Поэтому проблема жалования для офицеров была важнейшей, определявшей их уровень жизни, бытовые условия и семейное положение.

5.4. Духовенство приходское

К дворянству и чиновничеству по роду занятий и близости к государственной власти примыкало духовенство. Оно представляло собой относительно небольшую, но весьма влиятельную группу населения Российского Центра: православное, инославное (римско-католическое, протестантское, армяно-григорианское) и нехристианских исповеданий, среди которых выделялось мусульманское и иудейское духовенство.

В организацию инославных и нехристианских исповеданий российским законодательством было внесено много элементов государственной церковности. Их священнослужители вели в интересах государства метрические записи о рождении, браке и смерти представителей своих конфессий, осуществляли религиозную регистрацию браков, которая носила обязательный характер. Управление духовными делами инославных и иноверческих исповеданий было сосредоточено в Министерстве внутренних дел по Департаменту духовных дел иностранных исповеданий. Все католическое духовенство получало содержание от казны. Что касается священнослужителей других конфессий, то они, как правило, существовали за счет прихода, для которого их содержание носило обязательный характер.

Однако подлинно государственной религией выступало православие. Православная церковь пользовалась мощной государственной поддержкой и являлась носителем и проводником официальной идеологии, так как фактически находилась на государственной службе Святейшего Синода, своеобразного «министерства духовных дел», нередко осуществляя эту службу совместно с государственными служащими – гражданскими и военными. Православное духовенство имело свою систему рангов (санов) и титулов как частных, так и общих. Духовенство делилось на черное (монашествующее, принимавшее целибат – обет безбрачия) и белое.

Белое духовенство имело следующие саны: протопресвитер, протоиерей, священник (иерей), протодьякон и дьякон. Протопресвитеров на рубеже XIX–XX вв. в Российском Центре было четыре: это звание

давалось главе военного и морского духовенства, главе придворного духовенства (он же возглавлял собор Зимнего дворца, Благовещенский собор в Московском Кремле и был обычно духовником императорской семьи), а также старшим священнослужителям Успенского и Архангельского соборов Московского Кремля. Сан протоиерея давался настоятелям церквей, а сан протодьякона – дьяконам кафедральных соборов и церквей придворного ведомства, но эти же саны могли даваться и просто за заслуги рядовым священникам и дьяконам.

Духовенство (вместе с семьями) составляло особое привилегированное сословие со своей системой прав и обязанностей. Принадлежность к этому сословию была несовместима с принадлежностью к дворянству. По количеству имевшихся привилегий лица духовного звания шли сразу же после дворянства.

На представителей белого православного духовенства, как и их коллег по другим конфессиям, кроме отправления религиозных треб для населения, возлагался ряд функций, выходящих за рамки их сугубо культовых обязанностей, Они вели регистрацию рождений, браков и смертей. Священники преподавали обязательный закон Божий школьникам и богословие студентам (межфакультетская кафедра богословия была обязательной в каждом высшем учебном заведении). Духовенство использовалось правительством для сыска по политическим преступлениям при помощи исповеди; оно увещевало восставших крестьян, сопровождало смертников на эшафот и т.п.

Удельный вес духовенства Российского Центра в начале XX в. от нижних звеньев до самых высших по отношению ко всему населению составлял всего 0,7%, в том числе православного – 0,5%. В относительно большем количестве духовенство было в обеих столицах: в Петербурге – 0,6%, в Москве – 1,2%. Если все духовенство региона принять за 100%, то православного насчитывалось 95,3%, других христианских конфессий – 1,9%, нехристианских конфессий – 2,8%²⁷.

Данные о количестве православных, вероятно, преувеличены, других вероисповеданий – преуменьшены. Например, по некоторым сведениям, сильно была занижена численность старообрядцев и всякого рода сектантов, которые обычно старались избежать переписи или скрывали свое «верование», считая невозможным при существовавших условиях открыто заявлять о своей религиозной принадлежности во избежание преследований. У нерусских народностей, где, порой, проводилась принудительная христианизация, многие местные жители вынуждены были записываться «православными», хотя таковыми не являлись. Так, статистика искусственно завышала численность православных и занижала – представителей других вероисповеданий. Это

обстоятельство проливает свет на соотношение православного духовенства и православных прихожан Российского Центра.

Православного духовенства и примыкавших к нему лиц по своим занятиям в регионе насчитывалось в 1897 г. 211,3 тыс. чел., в том числе священнослужителей – 62,9 тыс. чел., церковнослужителей (певчих, просфорниц и пр.) – 59 тыс. чел., включая 46,8 тыс. мужчин и 12,2 тыс. женщин; чтецов и чтиц по усопшим, сборщиков и сборщиц подаяния на церкви и пр. – 4,3 тыс. чел., включая 1,1 тыс. мужчин и 3,2 тыс. женщин; монахов – 8,5 тыс. чел., монахинь – 12,5 тыс. чел., послушников – 14 тыс. чел., послушниц – 49,7 тыс. чел.

К 1902 г. эти показатели изменились незначительно, сократившись, впрочем, более чем на 20 тыс. чел. и составив 191,8 тыс. чел. Численность священнослужителей, правда, увеличилась, составив 70,2 тыс. чел., количество церковнослужителей, певчих, просфорниц, чтецов и чтиц, сборщиков и сборщиц подаяния и пр. осталось примерно на том же уровне, монахов – 8,4 тыс. чел., монахинь – 11 тыс. чел., послушников – 6,7 тыс. чел., послушниц – 320 тыс. чел. Не принимая во внимание церковный причт и послушников в монастырях, а считая лишь священников и монахов, видим, что один священнослужитель приходился на 1,8 тыс. чел. населения.

Официальная статистика, кроме численности собственно духовенства и причта, дает цифру членов их семей – 92,1 тыс. мужчин и 217,5 тыс. женщин, всего 309,6 тыс. чел., проживавших вместе. Интересно отметить, что у одних только священников членов семей насчитывалось 57,5 тыс. мужчин и 134,9 тыс. женщин, то есть по 3 члена семьи на каждого священнослужителя.

Духовенства других христианских исповеданий насчитывалось 11,3 тыс. мужчин и 301 женщина, в том числе монашествующих – 361 мужчина и 301 женщина. Из них священнослужителей – 3,3 тыс. мужчин, церковнослужителей – 4,6 тыс. мужчин; то есть 1 священнослужитель на 1,5 тыс. чел.

Духовенства нехристианских исповеданий насчитывалось 25,4 тыс. чел., в том числе высших духовных лиц – 17,7 тыс. мужчин и 1 женщина, низших – 7,7 тыс. мужчин и 2 женщины; то есть 1 священнослужитель на 780 чел. – соотношение более благоприятное, чем среди православных, и доказывающее относительную многочисленность духовенства нехристианских исповеданий. К тем, кто обслуживал храмы и другие богослужебные места в качестве разных должностных лиц, отнесены содержатели молелен, начетчики, служители и сторожа при церквях и кладбищах всех исповеданий; их насчитывалось 43,4 тыс. мужчин и 1,3 тыс. женщин²⁸.

Не имея полных данных о духовенстве неправославных конфессий, проанализируем только православное, хотя и его статистические данные в большинстве случаев не полны.

Прежде всего, отметим, что численность духовенства Российского Центра в 1900-х гг. постепенно возрастала, хотя и не так быстро, как население. С 1897 по 1902 гг. численность священнослужителей возросла с 62 тыс. чел. до 70, хотя для черного духовенства отчет обер-прокурора Святейшего Синода, по-видимому, дает уменьшенные цифры сравнительно с теми, какие дала перепись 1897 г. Белого духовенства насчитывалось в 1902 г.: протоиереев – 2,3 тыс. чел., священников – 44,5 тыс. чел., дьяконов – 15 тыс. чел., псаломщиков – 43,5 тыс. чел., всего – 105,3 тыс. чел. К 1908 г. последний показатель вырос до 107 тыс., в том числе священников – св. 48 тыс. (против 44,5 тыс. – в 1902 г.).

Белое духовенство в целом было обеспечено не столь хорошо, как черное, но среди приходских священнослужителей существовал довольно зажиточный слой. Наиболее зажиточной частью белого духовенства было городское; по уровню доходов оно примерно соответствовало верхушке интеллигенции и средних предпринимателей. Сельское духовенство было менее обеспеченным, нежели городское, хотя и было более многочисленным. Это объясняется небольшим размером или полным отсутствием казенного жалования, бедностью крестьянского населения и растущим земельным перенаселением, влиявшим на величину церковных наделов.

Распределение церковной земли между членами причта (священником, дьяконом и псаломщиком) строилось так, что наибольшая часть надела приходилась на долю священника. Чаще всего земля обрабатывалась наемными работниками или отдавалась в аренду, иногда возделывалась самими членами причта. Кроме земли, важным источником дохода духовенства являлась плата за требоисправления (крещение, венчание и пр.). Устанавливались также различные сборы с прихожан.

Низший сельский клир (дьяконы и псаломщики) – наименее обеспеченные слои духовенства – по уровню доходов приближался к среднему крестьянству, доход же сельских священников примерно соответствовал доходам зажиточной части деревенского населения. Такое положение способствовало тому, что в целом сельское духовенство стояло ближе к своей пастве, нежели городское. Этим обстоятельством, а также меньшей общей развитостью крестьянского населения объясняется тот факт, что сельское духовенство, по сравнению с городским, оказывало большее влияние на прихожан. Но в свою очередь и прихожане оказывали влияние на священнослужителей. Однако сре-

ди сельского духовенства стала выделяться верхушка, ставшая на путь активного обогащения.

Значительные различия в правовом и имущественном положении отдельных групп духовенства порождали в нем противоречия. Наиболее сильными были противоречия между черным и белым духовенством, между иерархами, рядовыми священнослужителями и низшим клиром. Традиционная структура русской православной церкви начала испытывать дезинтеграционные процессы.

Вышеприведенные цифры иллюстрируют многочисленность и быстроту прироста русского православного духовенства. Интересно более подробно исследовать экономическую основу существования этого социального слоя. Одним из источников дохода церквей и монастырей, несомненно, являлось их землевладение. И те и другие представляли собой, как известно, собственников-землевладельцев. Для обеспечения их причтов правительство отводило церквям земельные наделы из крестьянских или казенных угодий – от 33 до 99 дес. на каждый причт, смотря по местным условиям, причем усадьба в это число не входила.

Следует отметить, что в общей массе землевладения собственность духовенства была сравнительно небольшой. Церковные земли в Российском Центре составляли 0,8% всей земли, в том числе в Северо-Западном районе их было 0,6%, в Центрально-Промышленном – 1,1%, в Центрально-Земледельческом – 0,8%, в Поволжском – 0,5%. Монастырские земли составляли в регионе в среднем 0,3%, в том числе по названным районам соответственно – 0,4%, 0,2%, 0,3% и 0,2%²⁹. Так же, как и церковные, монастырские земли были рассеяны по всему региону, хотя и в сравнительно небольшом количестве. По удельному весу церковно-монастырское землевладение приближалось к городскому, учрежденческому, но заметно отставало от казенного и удельного.

Таким образом, к 1917 г. церковь сумела при поддержке власти вернуть себе почти то же количество земли, которое было секуляризовано у нее ранее государством. Как и раньше, у отдельных монастырей земельные владения достигали огромных размеров. Монастыри, как и церковь в целом, являлись составной частью социальной структуры общества, поддерживали государственный строй и активно участвовали в общественной жизни страны.

5.5. Духовенство монастырское

Черное духовенство: митрополит, архиепископ, епископ, архимандрит и игумен. Первые три сана – высшие в церковной иерархии – обозначали разные ранги епископского звания. Они могли заменяться также частными титулами: архиерей и владыка. Все названные саны иногда давались просто за личные заслуги (и тогда они были званиями), но чаще они были связаны с занятием определенных должностей. Так, митрополиты обычно возглавляли две главные епархии (церковные округа) Российского Центра: петербургскую и московскую; архиепископы – некоторые другие крупные или важные епархии; епископы – прочие епархии. Архимандриты чаще всего были настоятелями крупных монастырей и ректорами духовных учебных заведений. Игумены возглавляли прочие монастыри. Эти звания могли принадлежать и настоятельницам женских монастырей (игуменьям). Митрополитам, архиепископам и епископам принадлежал также общий титул – владыко.

Черного духовенства числилось в 1902 г. 15,1 тыс. мужчин и 43 тыс. женщин (почти втрое больше женщин, чем мужчин), оно размещалось в 500 монастырях мужских и 362 женских, всего 862 (считая в том числе архиерейские дома и подворья). По отчету обер-прокурора Святейшего Синода выходит, что численность черного духовенства с 1897 по 1902 гг. уменьшилась и это уменьшение становилось еще более очевидным в последующие годы: так, в 1908 г. было 9,3 тыс. монахов и 8,3 тыс. послушников, всего 17,6 тыс. чел.; 12,6 тыс. монахинь и 40,3 тыс. послушниц, всего 52,9 тыс. чел., причем общее количество монастырей равнялось 923. Между тем, в 1903 г. монахов было 17,6 тыс. чел., то есть намного больше³⁰. Впрочем, это замедление и даже прекращение роста мужских монастырей не относится к женским, число которых продолжало увеличиваться вместе с увеличением количества монахинь.

К 1917 г. численность населения 647 православных монастырей Российского Центра составила 74,1 тыс. чел. обоего пола, в том числе монашествующих – 33,1 тыс. чел., послушников 41 тыс. чел. Распределение монастырей и монашествующих по районам выглядело следующим образом. В Северо-Западном насчитывалось: 131 монастырь, 6,6 тыс. чел., населявших их, включая 1,5 тыс. монашествующих и 5,1 тыс. послушников; в Центрально-Промышленном соответственно – 268, 24,2 тыс., 6,5 тыс., 17,7 тыс.; в Центрально-Земледельческом – 157, 33,1 тыс., 22,5 тыс., 10,6 тыс.; в Поволжском – 91, 10,1 тыс., 2,6 тыс., 7,5 тыс. Всего в России в это время насчитывалось 1,2 тыс. мужских и

женских монастырей, 107 тыс. чел. обоого пола, населявших эти монастыри, в том числе 33,6 тыс. монахов и монахинь и 73,5 тыс. послушников и послушниц (прил. 48).

Православное духовенство в монастырях и церквах имело сложную структуру, из которой условно можно выделить высшее, среднее и низшее духовенство. Высшие церковные иерархи приближались по своему социальному и материальному статусу к верхам правящих слоев. Как правило, они происходили из черного духовенства, сосредоточенного, в основном, по монастырям, где накапливались огромные богатства. Некоторые монастыри были настоящими лати-фундистами. Они являлись также крупными лесоторговцами, домовладельцами и рантье. Многочисленные богомольцы, стекавшиеся в наиболее чтимые монастыри, приносили им огромный доход. По своему экономическому строю монастырское хозяйство было однородным с помещичьим хозяйством, претерпевавшим медленный и затяжной процесс эволюции к новым формам.

Монастыри Российского Центра существенно отличались один от другого по своему статусу. Монастыри Русской Православной Церкви подразделялись по культовому рангу (лавры, ставропигиальные монастыри, пэстыни, киновии, скиты, общины); по половому составу (мужские и женские); по штатному положению (штатные, заштатные или сверхштатные); по административному положению (самостоятельные, приписные, подворья, архиерейские дома); по уставному режиму (общежительные и необщежительные); по назначению (обычные и миссионерские); по вероисповеданию (православные, старообрядческие и единоверческие).

Самый многочисленный слой монастырского населения составляли послушники и послушницы – лица, готовившиеся к вступлению в монашество. Однако основным (по значению) слоем были монахи и монахини, составлявшие особое сословие, статус которого определялся как гражданским (светским) законодательством, так и церковной регламентацией. Монашествующие подразделялись на три степени: первоначальные, малосхимники и великосхимники. Степени отличали монашествующих по строгости обетов, которые состояли в добровольном ограничении монашествующего в пище, одежде, постели, количестве молитв и поклонов – земных и поясных.

Основную массу монашествующих и послушничавших в православных монастырях Российского Центра составляли выходцы из крестьян и городской бедноты, преимущественно крестьянки. Если крестьянская девушка до 25-летнего возраста не выходила замуж, то она получала презрительное название «вековуха» и оказывалась вне

нормального течения крестьянской жизни. По-видимому, «вековухи» составляли значительную, если не главную массу монастырских послушниц. Кроме того, в монашество уходили многие бездетные вдовы, судьба которых также была жалкой и беспросветной. Сюда же надо причислить немалое число бесприданниц, которые не хотели идти замуж в чужие бедные семьи и предпочитали монашеское бытие.

Выше было отмечено, сколь невысоким был удельный вес монастырского землевладения в общей массе земель Российского Центра. Однако отдельные монастыри были крупными и крупнейшими земельными собственниками. По закону, монастырям отводилось земли 100–150 дес. и более в соответствии с местными условиями, по одной мельнице, места для рыбной ловли и пр. Впрочем, большинство монастырей имело больше земли, чем указано в законе, так как они получали земельные пожертвования (например, по завещаниям), казенные пожалования, а также увеличивали свои земельные площади посредством покупок, которые могли происходить по закону с согласия императора.

Официальная синодская статистика всячески старалась преуменьшить размеры монастырского землевладения. Следует отметить, что земельные владения архиерейских домов и подворьев, как правило, учитывались как церковные, хотя они принадлежали монастырям.

Далеко не все земельные угодья, находившиеся в собственности монастырей, использовались ими для сельскохозяйственного производства и обеспечения продовольствием монастырского населения. Часть земель монастыри сдавали в аренду окрестным крестьянам за деньги и исполу, а также под складские помещения, промышленные и торговые предприятия.

При изучении структуры землепользования монастырей Российского Центра обращает на себя внимание то обстоятельство, что почти половину земельных угодий сельскохозяйственного назначения (пашни и луга) эти монастыри сдавали в аренду за деньги и исполу. Общая площадь таких земель по региону составляла ок. 10 тыс. дес.

Московские городские монастыри были наделены землей в черте города (усадебные участки), в пригородах и отчасти в уездах Московской губернии. Новодевичий женский монастырь, к примеру, на своих 46 дес. огородной земли в черте города (монастырь считался тогда окраиной Москвы) наладил овощеводство, выгодно сбывая продукцию на городских рынках. Монахинь в монастыре числилось 114; основной рабочей силой были богомолки.

Московский Донской ставропигиальный монастырь располагал такими угодьями: в самой Москве (усадебная, кладбище, огороды) 47 дес., в Ливенском уезде Орловской губернии 117 дес. пашни, в Богородском

уезде Московской губернии 94 дес. покосов и пашни, в Бронницком уезде той же губернии 41 дес. леса, всего 299 дес. Летом монастырь сдавал в аренду огородные участки общей площадью 30 дес. профессиональным овощеводам города³¹.

Наряду с сельским хозяйством, православные монастыри Российского Центра занимались промышленной деятельностью. Производились одежда, обувь, хозяйственный инвентарь, предметы религиозного культа и т.д. Кроме того, все монастыри, располагавшиеся в сельской местности, владели мельницами (и даже многие городские монастыри, у которых земельная собственность была вне городов). Многие монастыри наладили производство кирпича, черепицы, изразцов, керамической плитки. Как правило, эта продукция шла на собственные нужды – строительство храмов, жилых, служебных и хозяйственных зданий и сооружений. На кирпичных заводах работа производилась вручную, с широким и даже преимущественным использованием труда богомольцев.

Некоторые монастыри владели кожевенными заводами, выпускавшими юфть, подошвенный товар, опоек, замшу, лайку. Поскольку официальная статистика не упоминает о продукции монастырской кожевенной промышленности, остается заключить, что она шла на внутренние монастырские нужды, а также на удовлетворение потребностей епархиальной администрации. Отдельные монастыри имели лесопильные установки. Тут дело не ограничивалось удовлетворением собственных нужд в пиломатериалах для строительных работ и производства мебели. Лесопильнями владели монастыри Северо-Западного, Центрально-Промышленного и Центрально-Земледельческого районов, хорошо обеспеченные лесными массивами; они торговали пиленным лесом, сбывая его окрестному населению.

Подавляющее большинство монастырей имели портняжные, сапожные, столярные, слесарные мастерские для обеспечения соответствующих нужд монастырского населения. Крупные монастыри занимались издательской деятельностью и владели типографиями, литографиями, фотографиями, выпуская лубочные картины, многочисленные листовки и брошюры религиозного содержания.

Очень развитой и высокодоходной отраслью монастырской промышленности, носившей мануфактурный, либо индивидуальный ремесленный характер, было золотошвейное рукоделие. Это была отрасль женского труда, требовавшего большого мастерства и исключительного усердия. По данным Л.И. Денисова, рукоделием занималось население 24 женских монастырей, но эти данные, очевидно, не полные. Достаточно сказать, что на I Всероссийской выставке монас-

тырских работ и церковной утвари в 1904 г. в Петербурге были экспонированы произведения рукодельческого искусства 78 женских монастырей центральных губерний. Организатором этой уникальной выставки был Синод. В выставке участвовали 80 монастырей, 110 частных предпринимателей, акционерных обществ и фирм, а также Московский епархиальный свечной завод³².

Выставка показала, что к 1904 г. в России сложилась большая культовая индустрия, производившая церковную утварь в массовом масштабе. Десятки фабрик и мастерских занимались изготовлением икон, лампад, крестов, кадилейниц, хоругвей, парчовых риз, культовых сосудов, подсвечников, свечей, церковного вина, лампадного масла и т.п. В этой отрасли промышленности специализировались 23 предприятия, которые представили свои иконы на выставке. Около 20 предприятий, специализировавшихся в области производства церковной утвари, экспонировали культовые сосуды (чаши, купели), кадила, кресты и т.п. Все монастыри занимались производством икон; некоторые производили их в массовом масштабе, для чего создали специальные мастерские и иконописные школы. Таких монастырей насчитывалось ок. 50.

Высокодоходной отраслью монастырской промышленности было свечное производство. Свечной доход церквей и монастырей превышал 40 млн. руб. в год. Синод получал «свечного сбора» от 8 до 10 млн. руб. ежегодно. Обороты Петербургского и Московского епархиальных свечных заводов в 1908 г. достигали 2 млн. руб.; по провинциальным епархиям ежегодные обороты свечных заводов составляли по 300–500 тыс. руб.³³.

Русские православные монастыри обладали большими денежными средствами и поистине несметными сокровищами – церковной утварью из драгоценных металлов и камней ювелирной работы, часто представлявшей уникальную художественную ценность. Все это хранилось в монастырских церквях. Отметим, что в среднем на каждый монастырь приходилось по две церкви.

Основными источниками денежных доходов монастырей являлись: пособия, выдававшиеся государственным казначейством; доходы от богомольцев, часовен, молебнов, гостиниц, постоялых дворов, других промысловых заведений; вклады разных лиц. Собственные доходы монастырей могут быть определены лишь приблизительно. Так, по данным 1905–1907 гг. в Воскресенском монастыре (Новый Иерусалим) в Московской губернии ежегодные «кружечные» и «тарелочные» сборы с богомольцев составляли 13 тыс. руб.; в Александро-Невской лавре аналогичные сборы давали ок. 200 тыс. руб. в год; Троице-Сергиева лавра лишь от одних молебнов, совершавшихся в храмах

монастыря по заказам богомольцев, получала 12 тыс. руб. в год; Иосифо-Волоколамский монастырь имел от богомольцев ок. 20 тыс. руб. в год. Весьма активными добытчиками денег для монастырей были подворья: их ежегодный доход составлял ок. 10 млн. руб. Иверская часовня Николо-Перервицкого монастыря в Москве в 1905–1907 гг. собирала с богомольцев 300 тыс. руб. в год.

О кладбищенских и погребальных доходах монастырей имеются следующие данные. Место погребения на территории монастыря стоило больших денег. Например, в Александро-Невской лавре могилы подразделялись на пять категорий (разрядов): могила первого разряда стоила 500 руб., второго – 200, третьего – 150, четвертого – 100, пятого – 50. За отпевание покойников здесь были установлены также весьма крупные сборы: за поминание покойника на особо торжественных богослужениях («проскомидия», «вселенская панихида» и др.) в дни его рождения, именин и смерти взималась 1 тыс. руб., за вечное поминание на «проскомидиях» и «литургиях» – 200 руб., за поминание один раз в год – 10 руб. Монахи и монахини постоянно участвовали в погребальных обрядах вне стен монастыря, читали «Псалтырь» над покойником, вносили вклад в организацию «поминальной трапезы» и т.п.³⁴

Денежные доходы монастырей от гостиниц и странноприимных домов составляли весьма значительную сумму. Так, в Троице-Сергиевой лавре ежегодный гостиничный доход составлял 30 тыс. руб. Важной статьёй монастырских доходов были торговые предприятия – лавки и ярмарки. Имеются сведения о ярмарках, которые организовывались при 100 монастырях центральных губерний. Здесь православная церковь пополняла монастырскую казну, укрепляла среди населения популярность монастырей и проповедовала православный культ.

Особое место в монастырских финансах принадлежало так называемым вечным вкладам, которые делались разными лицами и составляли «денежный капитал» монастырей. Точные суммы этих вкладов сохранялись в тайне, но в печать все же проникали некоторые сведения. Ярославские монастыри в начале XX в. имели св. 2,5 млн. руб. вечных вкладов. В конце XIX в. 167 монастырей имели вечных вкладов на 7 млн. руб. К 1917 г. сумма вечных вкладов по всем монастырям региона достигала 20 млн. руб.³⁵ Вкладчиками монастырей были богатые и состоятельные лица всех высших слоев Российского Центра: помещики, предприниматели, чиновники, офицеры; изредка среди жертвователей попадались зажиточные крестьяне, вклады которых носили единичный характер и не были столь значительными.

Экономическую основу монастырей составляла земельная собственность. Однако в тех случаях, когда монастыри налаживали более или менее производительное сельское хозяйство, это было, в сущности натуральное хозяйство: продукты сельскохозяйственного производства реализовывались среди богомольцев, которые являлись их непосредственными производителями. Любопытно, что достижения инженерной и агрономической науки того времени отнюдь не разрушали архаичного строя монастырских хозяйств. Напротив, эти отрасли науки работали на них: они нашли во многих монастырях достаточно хорошую среду для своего развития.

Данное обстоятельство лишний раз показывает, что сам по себе капиталистический общественный строй не полностью и не автоматически ликвидирует устаревшие институты, а лишь более или менее значительно деформирует их. В начале XX в. в православных монастырях Российского Центра появились телефоны, механические двигатели, узкоколейные железные дороги, судостроительные верфи; в соответствии с этим среди населения монастырей получили работу инженеры, механики, мастера и др.

5.6. Интеллигенция массовых профессий

Важнейшей составной частью общего процесса социально-экономического развития Российского Центра на рубеже XIX–XX вв. являлся рост интеллектуального потенциала региона и прежде всего расположенных здесь городов, повышение их роли в качестве культурных центров. Именно в городах были преимущественно размещены «лица свободных профессий» (интеллигенция), служащие, а также значительная часть духовенства; определенная часть их размещалась в селах.

Всех жителей региона, связанных с той или иной интеллектуальной деятельностью, можно распределить по следующим группам: представители духовенства различных конфессий, служащие местной администрации, суда, полиции, общественных и сословных организаций, частной юридической практики; работники почты, телефона и телеграфа; преподавательский состав учебных заведений; медицинские работники, деятели науки, литературы и искусства; банковские служащие, работники общественных кредитных учреждений и коммерческих организаций. Такая группировка в целом отражает основные сферы применения интеллектуального труда на рубеже XIX–XX вв.

Социальный слой интеллигенции вбирал в себя лиц разносословного происхождения, именовавшихся разночинцами, а также представителей городского сословия почетных граждан. К началу XX в. в

Российском Центре в целом разночинцы составляли 0,2% всего населения; это свидетельствует о том, что сословное начало полностью доминировало в обществе. В губернских и столичных городах их было в среднем 1,5%, в прочих городах – 0,7%, в уездах – 0,1%. В целом по региону почетные граждане составляли 1,2% всего населения городов³⁶. Как и другие сословия Российского Центра, сословие почетных граждан состояло из множества социальных групп, характеризовавшихся разным уровнем материального положения и неоднородностью профессиональных занятий.

Служащие, куда входила часть разночинцев и почетных граждан, объединялись в ряд основных групп, связанных с интеллектуальной деятельностью. К началу XX в. в губернских и столичных городах Российского Центра в административных и судебных органах, в полиции, на общественной и сословной службе, в юридической практике их было 38,9%; занимались богослужением – 15,3%, учебно-воспитательной деятельностью – 18,1%, врачебно-санитарной деятельностью – 13,9%, наукой, литературой и искусством – 5%; работали на почте и телеграфе – 6,2%, в коммерческих и кредитных учреждениях – 2,6%.

В то же время в уездных городах региона распределение названных лиц было следующим: администрация, суд, полиция, общественная и сословная служба, юридическая практика – 40,5%, богослужение – 38,5%, учебно-воспитательная деятельность – 7%, врачебно-санитарная деятельность – 8,9%, наука, литература и искусство – 0,4%, почтово-телеграфная служба – 4,1%, коммерческие и кредитные учреждения – 0,6%³⁷.

На первый взгляд, прослеживается парадоксальная тенденция: чем меньше город, тем выше в нем слой лиц, связанных с различными видами интеллектуальной деятельности. Эта особенность, в первую очередь объяснялась весьма ограниченным применением интеллектуального труда в изучаемый период и концентрацией лиц, связанных с такого рода трудовой деятельностью, прежде всего в системе местного управления, а также в сфере отправления религиозных культов. Небольшие уездные города, отличавшиеся низкими темпами роста населения и промышленного развития, выполняли роль административно-религиозных центров прилегавших к ним территорий.

В целом можно отметить, что города Российского Центра являлись местом сосредоточения относительно немногочисленных образованных кадров, которыми в тот период располагал регион. Интеллектуальный потенциал городских центров определялся более высоким уровнем грамотности населения, по сравнению с сельским, концентрацией в городах наиболее образованных социально-профессиональных

групп жителей региона, а также сосредоточением в их пределах всех высших, средних и значительной части начальных учебных заведений.

Вместе с тем, основными областями применения интеллектуального труда продолжали оставаться административная сфера деятельности, а также богослужения различных конфессий. Более скромным по численности был слой лиц, занятых на профессиональной основе в области образования, здравоохранения, науки и художественного творчества. Особенно отчетливо это проявлялось в небольших уездных городах, что, кстати, вполне соответствовало образу уездного захолустья, созданному русской литературой конца XIX – начала XX в.

Роль интеллектуальных центров региона играли столичные и крупные губернские города, сосредоточивавшие в своих пределах наиболее образованную часть населения Российского Центра. Особенно в этом отношении выделялись города, являвшиеся университетскими центрами. Губернские города интенсивно участвовали в общероссийском культурном процессе, а сконцентрированные в них кадры интеллигенции в значительной мере обеспечивали социально-экономическое и культурное развитие региона в изучаемый период.

Подавляющее большинство представителей городской интеллигенции являлось выходцами из дворянского и духовного сословий, а также из среды чиновничества и имело статус государственных служащих.

Образованные кадры Российского Центра на рубеже XIX–XX вв. интенсивно вовлекались в ряды чиновничьей элиты, в административно-хозяйственную и управленческую верхушку. Так, канцелярия Совета министров почти сплошь состояла из дипломированных чиновников, половина из них имела университетское образование. Юрисконсультская часть Министерства юстиции, считавшая себя «аристократией министерства», разрабатывала важнейшие законопроекты, составляла тексты выступлений для министров и товарищей (заместителей) министров. В 1905 г. С.Ю. Витте провел указ о создании Министерства торговли и промышленности, предписывая подбирать в него чиновников с высшим образованием. В 1912 г. таких было ок. 420 из 453 служащих министерства.

Большой спрос на лиц с юридическим образованием (оно было только высшим, средних юридических школ в гражданском ведомстве не имелось) предъявляло Министерство юстиции. В судебных палатах и окружных судах в 1913 г. насчитывалось св. 7,7 тыс. чиновников и сверх того св. 1,3 тыс. штатных чиновников центральных учреждений и «состоящих при министерстве»³⁸. Эта группа в подавляющем большинстве обладала высшим юридическим образованием. Руководящие

должности занимали в основном дворяне, социальный состав остальных был самым разнообразным.

Некоторую часть профессиональной интеллигенции, подготовленную к обслуживанию лесного хозяйства, транспорта, связи, горной промышленности, государство непосредственно обращало в административно-технический персонал разных отраслей хозяйства. Вполне естественно, что во главе хозяйственных учреждений стояли ответственные специалисты.

Масса инженеров наполняла административно-технический аппарат Министерства путей сообщения. Все путейцы считались приписанными к личному составу этого министерства, даже служившие на частных дорогах. В огромном списке его служащих к 1917 г. насчитывалось 2,8 тыс. лиц с инженерным образованием. В центральных учреждениях министерства служили 216, в различных управлениях и отделах – 200, на эксплуатации казенных железных дорог – 257, на частных железных дорогах – 203 инженера. Зато на ответственных постах по постройке и изысканиям новых железнодорожных линий, в том числе и частных, работало 164 инженера, в местных учреждениях водных и шоссейных сообщений – всего 54 инженера. Инженеры-электрики получали работу в государственных учреждениях связи – городских и железнодорожных телеграфных центрах, в телефонной сети городов и т.п.

Вопрос использования технических специалистов частными предприятиями не нашел отражения в промышленной статистике; другие источники также очень скудны. Имеются данные о занятиях инженеров, окончивших Петербургский технологический институт. Из анкет, охвативших 65% выпускников, видно, что далеко не все они работали на производстве, но доля таких постепенно повышалась: в 1893 г. их было 39,9%, а в 1902 г. – 51,8%. Доля занятых на транспорте составляла соответственно 31% и 25%, то есть немного понизилась. Остальные служили в государственных, городских и земских учреждениях, занимали административные должности, преподавали. Ничтожно малая часть инженеров (всего 18 чел.) имела «собственное дело».

Если прежде выпускники Петербургского технологического института в основном работали в металлургической, горной, сахарной и винокуренной промышленности, то с конца XIX в. в связи с появлением новых областей индустрии, петербургские технологи стали вносить свою долю в их развитие. Из их среды вышли организаторы и руководители крупнейших предприятий нефтяной промышленности. В этой отрасли работали 158 чел. Они были заняты также в области электротехники: электрического освещения, трамвайного транспорта, электрификации заводов и т.п. Новому для Российского Центра элева-

торному делу посвятили себя 40 технологов. Петербургские технологи работали и в текстильной промышленности – на 43 фабриках в провинции, а также на постройке мостов, гражданских сооружений, объектов водоснабжения и канализации городов. С конца XIX в. до 1917 г. 240 из них служили фабричными инспекторами.

Имеются данные о деятельности 209 петербургских «политехников» (членов общества, окончивших Петербургский политехнический институт). Из них на производстве работали лишь 63 инженера (31%), на транспорте – 23, в банках и кредитных учреждениях – 24 инженера-экономиста; остальные – чиновниками государственных учреждений (37 чел.), служащими частных предприятий, трестов (13 чел.) и т.п.³⁹.

Агрономические кадры готовились начальными сельскохозяйственными школами и средними специальными земскими училищами, субсидируемыми Департаментом земледелия. К 1917 г. существовало до 70 таких школ. Рост численности агрономического персонала в Российском Центре и соотношение в его среде людей с высшим и средним образованием в 1909–1917 гг. были следующими. В 1909 г. на государственной службе находилось 28,4% специалистов, на службе в общественных организациях – 71,6%, из них с высшим образованием было 24,5% общего числа, со средним – 29,5%. К 1917 г. удельный вес госслужащих этой профессии увеличился до 32,2%, служащих в общественных организациях понизился до 67,8%; доля лиц с высшим и средним образованием также изменилась – она понизилась до 21,7%. При абсолютном увеличении этого персонала почти в 3,6 раза удельный вес лиц с образовательным цензом снизился с 54% до 43,4%: это свидетельствует о дефиците специальности. Земские агрономы были элитой «третьего элемента», то есть той части разночинной интеллигенции, которая служила в различных земских учреждениях.

Количество ветеринарных врачей в регионе трудно установить, так как разные источники дают различные сведения. Отчет Министерства просвещения за 1912 г. указывает на наличие 3,4 тыс. ветеринарных врачей и 3,8 тыс. ветеринарных фельдшеров, а «Российский медицинский список» (официальное издание Министерства внутренних дел) к 1917 г. – 5,2 тыс. врачей, имевших право ветеринарной практики. Во всяком случае, их было крайне недостаточно для нужд огромного региона. По сведениям Ветеринарного комитета Министерства внутренних дел, к 1917 г. не хватало более 5 тыс. ветврачей только на государственных вакансиях, не говоря о земской и городской службах, а также в армии. К примеру, в Симбирской губернии к 1917 г. имелось всего 24 ветврача и 60 фельдшеров⁴⁰.

Перепись 1897 г. насчитала ок.17 тыс. врачей. К ним добавились кадры, выпущенные медицинскими вузами в 1900–1917 гг. По отчету главного врачебного инспектора, в 1912 г. гражданских врачей насчитывалось 22,8 тыс., фельдшеров – 28,5 тыс. «Российский медицинский список», удостоверявший право практики включаемых в него врачей, к 1917 г. содержал более 42,7 тыс. фамилий, в том числе 28,2 тыс. лекарей и докторов медицины, 3,1 тыс. женщин-врачей, 5,3 тыс. провизоров и 112 магистров фармации, 5,8 тыс. дантистов (зубных врачей).

К 1917 г. на 10 тыс. жителей приходилось меньше двух врачей. Преобладающее большинство частнопрактикующих врачей обслуживало состоятельные слои населения. Земские врачи совмещали почти все медицинские специальности. К началу XX в. земские врачи центральных губерний составляли ок. 1/5 гражданских врачей. Количество земских врачебных участков росло: в 1910 г. они составляли 70% всех участков, имевшихся в регионе. Все больше земских врачей работало в деревне. Если в городских пунктах в 1897–1917 гг. численность земских врачей выросла вдвое, то в деревне – в 10 раз; общее их количество увеличилось в 5 раз. Но все же к 1917 г. их не хватало для обслуживания многомиллионной крестьянской России.

Расширение медицинской помощи населению требовало также интенсивной подготовки среднего медицинского персонала. При недостатке дипломированных врачей фельдшеры вели в известной мере самостоятельную работу. В 1910 г. в регионе имелось, наряду с врачебными участками, еще 4,6 тыс. фельдшерских пунктов, в том числе 2,7 тыс. принадлежали земству. В 1895 г. в Российском Центре было 18,4 тыс. фельдшеров, к 1917 г. – 28,5 тыс., в том числе 5,8 тыс. женщин; акушерок насчитывалось до 14,2 тыс. Учебные заведения – фельдшерские и акушерские школы – выпускали в среднем в год более 1,3 тыс. фельдшеров и 2,3 тыс. акушерок разной квалификации⁴¹. Фельдшеры работали, как и врачи, повсюду – в земствах, в школах, на железных дорогах, на фабриках и в армии, где фельдшеров готовили из солдат, обслуживавших военные лазареты. По врачебному уставу фельдшеры являлись лишь помощниками врачей; закон требовал от них оказания медицинской помощи, но запрещал самостоятельную медицинскую практику; на деле они постоянно принимали часть больных, участвовали в борьбе с эпидемиями и т.д.

Учительские кадры также являлись массовой профессиональной группой. Она включала в себя учителей средних школ и начальных училищ. К концу XIX в. в Российском Центре работали ок. 10 тыс. учителей средних школ. Эти кадры в XX столетии частью сменились и дополнились новыми. Рост в регионе кадров учителей с высшим образо-

ванием в средних школах Министерства просвещения в 1900–1917 гг. иллюстрируется следующими данными: в 1900 г. в мужских гимназиях и прогимназиях служило 2,6 тыс. чел., в реальных училищах – 1 тыс. чел.; в 1906 г. соответственно – 3,2 тыс. чел., 1,5 тыс. чел., кроме того, в женских гимназиях и прогимназиях – 7 тыс. чел.; к 1917 г. соответственно – 6 тыс. чел., 3,2 тыс. чел., 11,7 тыс. чел. Эти данные следует считать несколько завышенными, учитывая совместительство многих преподавателей.

К 1917 г. 3,2 тыс. преподавателей с высшим образованием работали в частных учебных заведениях первого разряда и 3,1 тыс. преподавателей общеобразовательных предметов – в коммерческих училищах, то есть в общей сложности до 27,4 тыс. Так называемые «другие предметы» в средних школах Министерства просвещения и специальные предметы в коммерческих училищах к 1917 г. преподавали еще 4,7 тыс. учителей. Кроме того, имелось 2,9 тыс. преподавателей военных и военно-морских учебных заведений, ок. 1,3 тыс. – духовных семинарий, 1,1 тыс. – педагогических учебных заведений. О точности этих данных судить трудно, так как иногда учитывался весь учебный персонал. Обязательным контингентом учебного персонала всех учебных заведений Российского Центра были законоучители. В средних школах Министерства просвещения их было к 1917 г. 3,8 тыс., то есть ок. 13% учебного персонала.

Несмотря на рост кадров учителей в 1900-х гг. – более чем в 3 раза, в средних школах постоянно имелись вакантные места. Так, в мужских гимназиях и прогимназиях недоставало в 1904 г. 156, в 1906 г. – 786, в 1908 г. – 1,2 тыс. учителей⁴².

Как и во многих капиталистических странах, в России на рубеже XIX–XX вв. усиливался процесс феминизации учительских кадров, причем не только начальной, но и средней школы. Окончившие женскую гимназию имели право преподавания в частных мужских и женских школах 2 и 3 разрядов. Только одна классическая женская гимназия С.Н. Фишер (в Москве) давала право преподавания в четырех начальных классах мужских гимназий и во всех классах женских гимназий Министерства просвещения.

В 1901 г. женщины с высшим образованием получили право преподавания в старших классах женских гимназий со всеми служебными и пенсионными правами (последние при наличии звания домашней наставницы и учительницы). В 1906 г. они могли уже преподавать общеобразовательные предметы в четырех начальных, а языки – во всех классах мужских средних учебных заведений, но только по найму. Министерство народного просвещения в 1911 г. предоставило женщи-

нам право держать экзамен на диплом правительственных высших учебных заведений, получать ученые степени магистра и доктора, а также новое звание «учительницы средних учебных заведений». Это звание уравнивало их с учителями в вознаграждении и пенсионном обеспечении (с некоторыми ограничениями).

Если в конце XIX столетия в Центральных губерниях насчитывалось ок. 60 тыс. народных учителей то к 1917 г. это количество выросло более, чем вдвое. Только по ведомству Министерства просвещения в 1906 г. в сельских училищах было 69,2 тыс., в городских – 2,8 тыс. учителей; к 1917 г. соответственно 128 тыс. и 3,5 тыс. (не считая законоучителей). Но этого было крайне мало даже для нужд проекта постепенного введения всеобщего начального обучения (в основном за счет земств).

По данным переписи начальных школ от 18 января 1911 г. среди учителей с высшим образованием было 0,5%, со средним светским образованием – 18,5% (окончившие женские гимназии из малоимущих слоев, которые после школы должны были искать заработок); со средним духовным образованием – 16,5% (окончившие духовные семинарии и епархиальные училища, причем основную массу составляли женщины, преимущественно дочери сельского духовенства); со средним педагогическим образованием – 16,5% (выпускники учительских институтов и некоторых учительских семинарий, а среди женщин – окончившие педагогический (восьмой) класс женских гимназий); с начальным и домашним образованием – 48% (выпускники учительских семинарий и учительских школ, в основном дети крестьян).

Эти статистические данные свидетельствуют о социальном облике народных учителей (высшее и среднее образование было у 52% учителей, ниже среднего – у 48%; среднее образование имели ок. 3/5 учителей). Педагогическую квалификацию имели почти 32% учителей⁴³. Большинство учителей были выходцами из крестьянства, а учительниц – из городских слоев и духовенства. Конечно, не обходилось без случайных элементов, выбрасываемых безработицей из городов.

Довольно компактной, но не менее важной профессиональной группой являлись адвокаты. Выполняемая ими функция защитников права ставила «адвокатское сословие» в ряды профессиональной интеллигенции, но российская действительность вносила свои коррективы в принципы организации этого «сословия». Адвокатов было мало (в конце XIX в. ок. 2,9 тыс., преимущественно в столицах). Организация самоуправления адвокатуры в форме советов присяжных поверенных ограничилась столичными округами судебных палат. Но так как население Российского Центра остро нуждалось в юридическом обслу-

живании, то правительство дало право ведения дел помощникам присяжных поверенных и даже «частным поверенным»; для последних не требовалось юридического образования, они вербовались из бывших судебных канцеляристов, писцов, приставов, то есть это были «ремесленники» судопроизводства. Поэтому при исчислении адвокатской группы интеллигенции принимать их в расчет не следует, хотя они составляли ок. 1/3 всей адвокатуры (5,4 тыс. чел.). К 1917 г. в Российском Центре имелось 6 тыс. присяжных поверенных и 5,8 тыс. помощников, то есть 11,8 тыс. дипломированных адвокатов. Большая часть их работала в столицах (в Петербурге – 1,9 тыс., в Москве – более 2,4 тыс.) и крупных городах (в восьми их них – св. 2,9 тыс.)⁴⁴.

Такими были численность и состав представителей интеллигенции массовых профессий.

5.7. Интеллигенция научная и творческая

На рубеже XIX–XX вв. довольно малочисленными были группы научной и творческой интеллигенции. Научных учреждений, не связанных с высшей школой, в Российском Центре было немного. В этом отношении Академия наук занимала привилегированное положение, обладая базой для научной работы. К 1917 г. Академия располагала ценнейшей научной библиотекой, имела пять лабораторий, две обсерватории – Астрономическую и Главную физическую, пять богатых музеев, в том числе музей антропологии и этнографии, зоологический музей. В ее ведении находились также Пушкинский Дом, Кавказский музей и Кавказский историко-археологический институт. Но по существу Академия была небольшим коллективом – всего 47 действительных членов, работавших по индивидуальным планам в соответствии с уставом. По новому штату 1912 г. персонал академии определялся в 152 чел., но к 1917 г. в ней было всего 109 научных работников. До 1912 г. музеи Академии довольствовались штатом из одного – двух ученых-хранителей, кабинеты и лаборатории имели по одному лаборанту.

В начале XX в. продолжали свою деятельность и возникали новые научные общества, создававшие вокруг конкретных наук атмосферу общественного интереса, способствовавшие популяризации специальных знаний. Их существование было неотъемлемым условием научной жизни региона.

Из многочисленных научных обществ при университетах следует назвать наиболее крупные (по отчету Министерства просвещения за 1900 г.): Московское общество испытателей природы (503 действите-

льных члена), Петербургское юридическое общество (348 действительных членов и 97 членов-сотрудников), Казанское физико-математическое общество (255 действительных членов) и др. Активно работало Русское библиографическое общество при Московском университете. В 1897–1917 гг. его членами были 484 чел. Московское психологическое общество к началу 1910 г. насчитывало 210 членов. Новое философское общество при Петербургском университете, учрежденное в 1897 г., в конце 1900 г. имело 185 членов. С начала XX в. работал кружок философии права профессора Л.И. Петражицкого; в 1910 г. он имел 126 членов. Русское историческое общество, имевшее почетным председателем Николая II, в 1901–1917 гг. пополнилось 35 членами (к 1900 г. их было всего 40). Историческое общество при Петербургском университете в конце XIX в. имело 162 члена, а к 1917 г. – 180, в том числе несколько женщин⁴⁵.

Творческая и организационная работа по развитию научных исследований и передаче научных знаний велась вузовской наукой. К концу XIX в. численность преподавательского персонала вузов центральных губерний России составляла ок. 3 тыс. чел. В изучаемый период учет научных сил становится сложнее. По множеству вновь возникших вузов и научных учреждений статистические данные отсутствуют или колеблются из года в год в зависимости от неизвестных современным исследователям критериев научной квалификации. Ежегодные отчеты разных вузов дают отрывочные и часто несопоставимые сведения. Кроме того, учебные отделы пользовались разными методами учета: то выделяли профессорско-преподавательский состав, то смешивали его со средним учебным персоналом и даже с вспомогательно-техническими кадрами.

Так, по данным за 1902 г. во всех университетах, не входивших в ведение Министерства просвещения, работало ок. 830 чел.; по данным же Министерства просвещения за 1901 г. университетский персонал достигал 1 тыс. чел. В 1905 г. Академический союз, объединявший учебный персонал высших учебных заведений и научных учреждений, насчитывал 1,6 тыс. членов, что составляло примерно 2/3 всего наличного профессорско-преподавательского состава, который, таким образом, исчислялся примерно в 2,5 тыс. чел.

По мнению А.Н. Куломзина, в 1912 г. количество учебного персонала в вузах составляло 6,8 тыс. чел., в том числе 2,3 тыс. профессоров и приват-доцентов в университетах, тогда как в отчете Министерства просвещения к 1917 г. последних было всего 1,3 тыс., современные источники называют цифру – 1,9 тыс.⁴⁶. Эти данные не учитывают совместительских должностей, поэтому они, вероятно, несколько завышены.

Подсчитав и сопоставив данные нескольких источников об учебном персонале высших учебных заведений Российского Центра, получим такое распределение профессорско-преподавательского состава в 1897–1917 гг. (прил. 49). Как видим, в университетах было занято более всего преподавателей. И хотя доля их несколько уменьшилась с 1897/1898 учебного года к 1916/1917 – с 46% до 33,7%, все же она преобладала в числе других вузов. За университетами шли технические вузы: доля преподавателей здесь несколько возросла и составила соответственно – 19,4% и 29,1%; за техническими вузами следовали творческие, духовные, военные и сельскохозяйственные – со значительно меньшим удельным весом учебного персонала; прочие учебные заведения занимали последние места.

Анализ данных о социально-сословном составе профессорско-преподавательского контингента двух групп учебных заведений – университетов и вузов Министерства народного просвещения, а также технических институтов, училищ, политехникумов к 1917 г. – дают следующую картину. Потомственные дворяне преобладали в обеих группах – соответственно 33,4% и 26,4%. Личные дворяне, чиновники и офицеры были представлены примерно поровну в той и другой группах. Доля выходцев из духовенства резко контрастировала: в университетах она составляла значительно большую массу преподавателей, чем в технических институтах, – 16,2% и 4,8%. Вместе с тем, мещане и цеховые (более 1/5 всего персонала) служили в технических вузах и менее 10% – в университетах. Представители прочих сословий составляли ничтожно малую часть среди преподавателей названных групп учебных заведений.

Вопрос о социальном составе научной интеллигенции Российского Центра в исследуемый период в значительной мере утрачивал прежнее значение. Для тех, у кого выбор специальности сочетался с наличием глубоких научных интересов, со способностью к самоотверженному труду, особенности социального происхождения в значительной мере нивелировались. Однако представляется важным, что различия в жизненных путях формировавшихся ученых еще сохранялись. Для первых поколений интеллигенции, пробивавшихся к интеллектуальному труду из неимущих общественных слоев, профессия ученого, требовавшая большого напряжения сил, была трудна и почти недоступна; вторым и дальнейшим поколениям интеллигенции путь в науку был значительно облегчен и давал возможность блестящего расцвета талантов и способностей.

Кадры преподавателей вузов готовились путем подготовки способных выпускников к профессорскому званию и защите диссертации. По

всем университетам региона таких лиц, включая не окончивших срок, было: в 1906 г. – 206, в 1907 г. – 231, в 1911 г. – 353, к 1917 г. – 465. По их количеству на первом месте стоял Петербургский университет, затем Московский: к 1917 г. за ними числилось 83,4% всех выпускников. При технических вузах Министерства просвещения числилось: в 1907 г. – 9, в 1911 г. – 27, к 1917 г. – 9 выпускников. Московский коммерческий институт имел к 1917 г. 7 таких лиц. Военно-медицинская академия ежегодно оставляла для подготовки к званию профессора 10 врачей по конкурсу, в котором могли участвовать все слушатели, окончившие курс «с отличием»⁴⁷.

К литературным работникам в Российском Центре следует причислить не только писателей разных жанров – драматургов, поэтов, публицистов, критиков, литературоведов, переводчиков и т.д., но и многочисленных, часто безымянных, специалистов журнального, газетного и издательского дела – редакторов, обозревателей, рецензентов, библиографов и т.п.

О численности литераторов региона изучаемого периода можно судить по составу альманахов и сборников, широко распространявшихся с начала XX в. Выпуск альманахов далеко превзошел их среднегодовое число в конце XIX в.: если к 1900 г. вышло 973 названия, то в 1900–1917 гг. – 1,1 тыс. названий. Подсчет участников литературных сборников дает довольно полное представление о кадрах художественной литературы этого времени. Так, в 1900–1911 гг. в 556 альманахах участвовали 3,6 тыс. авторов, в 1912–1917 гг. – 3,4 тыс. авторов. Среди них находим знаменитых писателей и поэтов, начинающих и безвестных, пробующих силы в печати.

Контингент писателей-публицистов разных специальностей может быть отчасти выяснен по содержанию журналов «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство», «Мир божий», «Образование» и др. В 1896 – 1905 гг. в указанных журналах были опубликованы статьи 1,9 тыс. публицистов, литературных критиков и других специалистов; в 1906–1910 гг. – 687 авторов. Многие имена повторялись но можно считать, что общая численность авторов приближалась к 2,5 тыс. Эти подсчеты показывают, что работники пера составляли значительную профессиональную группу.

В журналах либерального и буржуазно-демократического направлений, привлекавших массу подписчиков, обычно сосредоточивались наиболее квалифицированные и многочисленные литературные кадры. Так, в «Русском богатстве» в 1893–1911 гг. сотрудничало св. 880 авторов. При этом значительно возросла численность авторов публицистических и научных статей (до 400). В «Мире божьем» в 1892–1901 гг.

участвовало св. 450 авторов, а в следующее пятилетие – до 280. В либеральном журнале «Русская мысль» в 1900–1904 гг. печаталось 460 авторов. В биографическом списке сотрудников либеральной газеты «Русские ведомости», составленном к 1917 г., находим св. 430 авторов.

В мире литературного труда было закономерно, что отвечавшие запросам широких кругов органы печати набирали большие тиражи и имели обильные авторские ресурсы. Журналы замкнутых элитарных направлений, субсидируемые своими сторонниками, подписчиков имели мало и ограничивались самыми узкими авторскими коллективами. Так, журнал символистов «Весы» (1905–1917 гг.) в лучшие времена (1908 г.) набрал всего 1,7 тыс. подписчиков, а его авторы, выдающиеся писатели и поэты, скрывали свою малочисленность множеством псевдонимов.

Материальные условия литераторов улучшались в связи с ростом массы читателей, их образовательного уровня, расширением рынка для литературной продукции. Реализовывалась возможность не только безбедного существования на литературный заработок, но и быстрого выдвижения и признания талантов. Однако сотрудники провинциальной периодической печати, вследствие административных гонений, закрытия газет, редакционных конфликтов имели весьма низкий заработок, а 75% из них к 1917 г. не имели постоянного заработка и жили только на гонорары⁴⁸.

В начале XX в. появилось множество писательских кружков, широко отражавших борьбу разнообразных философских, эстетических, этических позиций, исканий и вкусов своего времени. Литературные кружки и собрания прочно входили в быт, привлекая различные группы интеллигенции, превращаясь в подобие общественных клубов. Наиболее известным стал Московский литературно-художественный кружок, учрежденный в 1898 г.; в 1901 г. он имел 234 действительных члена (в том числе 86 учредителей). Члены кружка делились на основную группу (почетных членов, действительных и кандидатов в действительные) и членов-соревнователей – из богатых предпринимателей; они не пользовались правом голоса, но приносили кружку необходимые средства. К 1917 г. кружок объединял 790 чел. Почти половина основной группы – 226 из 464 чел. – состояла из литераторов, ученых, журналистов.

Основанное еще во второй половине XIX в. Общество русских драматических писателей (позже к нему присоединились оперные композиторы) к 1917 г. насчитывало 1,2 тыс. членов – авторов, композиторов, либреттистов, переводчиков, включая 334 наследника умерших членов. В начале XX столетия из общества выделился Союз драма-

тических и музыкальных писателей; с 1906 по 1910 гг. союз увеличил численность своих членов с 228 до 508.

Иной характер имел Литературный фонд, основанный еще в конце XIX в. Это была общественно-благотворительная организация, собиравшая и распределявшая средства для помощи нуждающимся литераторам и ученым. Однако численность членов фонда значительно снизилась: в 1893 г. их было 781, к 1917 г. – 440, причем остались почти одни петербуржцы⁴⁹.

Говоря об организациях, выступавших за свободу печати, следует упомянуть Союз русских писателей, основанный в конце 1896 г. в форме разрешенного законом Общества взаимопомощи при Русском литературном обществе. С 1896 по 1900 гг. численность его членов выросла вдвое: с 246 до 482. Среди них были не только писатели, но и профессора, педагоги, адвокаты. На выборных постах союза находилась элита буржуазно-демократической и либерально-народнической интеллигенции.

Революция 1905–1907 гг. резко размежевала либеральное и революционно-демократическое направления в мире работников литературы. Политические противоречия привели к выделению из Союза российских писателей, созданного в 1905 г., более радикального Союза журналистов. Начало Союзу писателей было положено на съезде 150 столичных и провинциальных журналистов в Петербурге в марте 1905 г. Однако журналисты социал-демократы (31 чел.) покинули съезд и создали Союз журналистов-марксистов. Идейные разногласия еще ярче обнаружились на съезде в апреле 1905 г. в Петербурге, где был основан Союз писателей. На съезде были 110 представителей газетных и журнальных редакций и литературных организаций и 30 приглашенных деятелей. Как сообщалось в информации «От бюро Союза российских писателей», 74 делегата апрельского съезда (из 110) образовали Союз российских писателей на основе принятой политической платформы. Центральное бюро союза из 10 членов и 5 кандидатов состояло почти сплошь (за исключением 3 членов из провинции) из влиятельных петербургских журналистов – либеральных народников и кадетов, которые должны были представлять Союз писателей в Союзе союзов. Однако 27 членов съезда отказались от вступления в Союз российских писателей. По инициативе петербургских журналистов сразу после съезда началась подготовка Союза сотрудников периодических изданий, стоявшего на более демократических позициях⁵⁰.

Определить, хотя бы очень приближенно, численность работников изобразительных искусств в Российском Центре довольно сложно. Конечно, не поддаются учету ни мастера народного творчества, ни

художники-любители. Можно использовать только один признак – наличие профессионального звания, обычно соединенного с соответствующим обучением, хотя условность его очевидна; за его пределами остается гораздо больше не имевших звания, не окончивших обучения и самоучек. На основе данных С.Н. Кондакова, в 1894–1917 гг. звание художника получили: живописцы – 272 мужчины и 23 женщины, скульпторы и медальеры – 26 мужчин и 4 женщины, архитекторы – 255 – только мужчины, всего – 553 мужчины и 27 женщин. Среди них значительное количество выпускников Московского училища живописи, ваяния и зодчества, которое по уставу 1896 г. получило право самостоятельно присуждать звание художника. Только в 1909–1917 гг. училище выпустило: живописцев – 81 мужчина и 4 женщины, скульпторов – 4 мужчины и 2 женщины.

Имеются также сведения о лицах, бесспорно принадлежавших к художественным профессиям, но формально не имевших званий. К ним относились многие выдающиеся деятели искусства. К 1917 г. они составляли: живописцы – 76 мужчин и 7 женщин, скульпторы – 6 мужчин, архитекторы – 7 мужчин. Включая их в общие итоги, суммируем: живописцы – 348 мужчин и 30 женщин, скульпторы – 32 мужчины и 4 женщины, архитекторы – 262 мужчины, итого – 642 мужчины и 34 женщины. Художников, имевших звание академика, можно выделить особо. Некоторые из них получили это звание без предварительных ступеней. К 1917 г. их насчитывалось: живописцы – 191 чел., скульпторы – 32 чел., архитекторы – 137 чел., всего – 360 чел.

Как уже отмечалось, художников было мало в Российском Центре. Но далеко не все труженики этой профессии могли найти себе творческую работу. Художники-педагоги, работавшие в художественных училищах, исчислялись немногими десятками. По штатам Академии художеств, в 1902–1917 гг. профессоров и преподавателей насчитывалось 17–22 чел.⁵¹. Широким спросом пользовались учителя рисования. Основную массу учителей готовили художественные училища в Казани, Пензе и столичные училища технического рисования бар. А.Л. Штигица и Строгановское.

На рубеже XIX–XX столетий возникли и действовали различные творческие объединения художников. К концу XIX в. из 60 членов Товарищества художников передвижных выставок в нем оставалось 42 чел. В 1900–1917 гг. периодические выставки устраивало Московское общество любителей художеств; численность его членов колебалась от 36 до 40 чел. Кроме того, насчитывалось ок. 55 художников-профессионалов театрально-декоративного искусства. Новая эпоха в развитии декоративной живописи началась с деятельности Мамонтов-

ского кружка художников, Мамонтовской частной оперы и Московского Художественного театра.

На I съезде русских зодчих в Петербурге в декабре 1892 г. присутствовали 219 членов и 44 делегата от 40 учреждений преимущественно столичных архитекторов и инженеров-строителей. На II съезде в Москве в феврале 1895 г. было 363 члена и 123 делегата от 66 учреждений. На V съезде в Москве в декабре 1913 г. присутствовало 618 чел. Съезды носили деловой характер, их интересовали вопросы строительной техники, строительного законодательства, обсуждалось также отношение к памятникам древнего зодчества, истории и т.п. В Петербурге в декабре 1911 – январе 1912 г. состоялся II Всероссийский съезд художников и любителей. В нем участвовало 1,2 тыс. чел., среди них представители 77 учреждений и организаций (в том числе – 30 организаций художников)⁵². Среди прочих вопросов съезд утвердил Устав Всероссийского союза взаимопомощи и взаимозащиты русских художников.

При выяснении вопроса о численности профессиональных актеров в Российском Центре речь может идти лишь о некоторых примерных подсчетах, потому что их учета не велось. Списки, составлявшиеся Российским театральным обществом, носили случайный служебный характер, а «Словарь современных деятелей сцены», выпускавшийся журналом «Театр и искусство», был далеко не полным и вскоре его прекратили издавать.

Во всех императорских театрах Петербурга и Москвы в сезон 1891/1892 г. работали 1,2 тыс. чел., в том числе в драматических труппах – 192 чел., в оперных – 333 чел., из них солистов – 84 чел., артистов хора – 249 чел., в балетных труппах – 349 чел., оркестровых музыкантов – 361 чел.; в сезон 1911/1912 г. – соответственно 1,1 тыс. чел., 167 чел., 341 чел., 122 чел., 219 чел., 341 чел., 265 чел. Как видим, за десятилетие почти все показатели несколько снизились, за исключением солистов оперных театров; кроме того, основную массу составляли оркестранты, балет и хор в оперных труппах, 20–25% – драматические актеры и певцы оперных трупп. В балете преобладали женщины, в оркестре были только мужчины (кроме арфисток).

Подготовкой музыкальных кадров в системе Русского музыкального общества занимались местные отделения, консерватории, музыкальные училища и музыкальные школы. Существовало также немало хороших частных курсов. Воспитанники консерваторий способствовали расширению музыкально-вокальных кадров. Они создавали местные отделения Российского музыкального общества (РМО) и музыкальные училища в Казани, Калуге, Тамбове и других городах. Число студентов консерваторий непрерывно росло. В Петербурге в

1897/1898 учебном году было 620 чел., в 1907/1908 учебном году – 1,4 тыс., к 1917 г. – 2,5 тыс. чел. В Москве в 1890/1891 учебном году было 386 чел., в 1904/1905 учебном году – 626 чел. Петербургская консерватория до 1912 г. выпустила 2 тыс. музыкантов (в том числе 1,4 тыс. с дипломами), а всего к 1917 г. – ок. 2,5 тыс. Московскую консерваторию к 1900 г. окончили 500 чел., из них 139 с медалью (больше всего было пианистов). Только в 1906–1907 гг. профессора подготовили ок. 227 пианистов; в то же время были выпущены 46 скрипачей, 11 виолончелистов, 7 арфисток по классу духовых инструментов – 59, по теоретическому отделению – 16 чел. К 1917 г. Московская консерватория выпустила 52 «свободных художника» и 46 педагогов (преимущественно женщин)⁵³.

Такова была профессиональная структура научной и творческой интеллигенции, численность ее отдельных групп. Профессиональные группы интеллигенции, вырастая количественно, постепенно превращались в массовые кадры. Масштаб этой массовости не совпадает с нынешними критериями, но для своей эпохи работа этих кадров имела огромное значение, становилась необходимой частью развивавшейся материальной и духовной культуры Российского Центра, делая ее доступной все более широким социальным слоям.

6. КРУПНЫЕ И СРЕДНИЕ СОБСТВЕННИКИ

6.1. Дворянство поместное

Говоря о численности и составе поместного дворянства Российского Центра, следует прежде всего отметить наиболее важные черты аграрного строя страны на рубеже XIX–XX вв.

Одной из отличительных черт частного землевладения в изучаемый период было изменение его структуры, выражавшееся в падении в нем доли дворянского землевладения и росте удельного веса землевладения других сословий. Однако чем крупнее было дворянское землевладение, тем меньше теряло оно земли, тем, следовательно, оно было устойчивее. Указанные тенденции в эволюции дворянского землевладения (сокращение земельных площадей) не наблюдались только там, где преобладали капиталистические формы хозяйствования. Таким образом, рационализм в системе ведения крупных дворянских хозяйств придавал последним большую устойчивость. Но в этом случае устойчивость дворянского землевладения не являлась устойчивостью дворянского землевладения как такового, а была устойчивостью землевладения, ведомого по капиталистическим приемам¹.

Во всех губерниях Российского Центра имели место все виды землевладения, какие были распространены в Европейской России: помещичье, надельное, казны, удела, учреждений, церкви и монастырей, а также частное крестьянское. К началу XX в. на долю частных владельцев – дворян, купцов, мещан, духовенства и др. – приходилось в среднем 39,5% от общего количества земли, в том числе значительная часть этой доли принадлежала дворянам².

Столыпинская буржуазная перестройка деревни способствовала развитию мобилизации земли. В результате был сделан значительный шаг в движении землевладения от сословности к бессословности, к уменьшению удельного веса дворянского землевладения в общей массе земель и увеличению доли других сословий.

Правда, на рубеже XIX–XX вв. оставался еще ряд сословных ограничений в землевладении в виде майоратов и т.д. Но главные препятствия в мобилизации дворянских земель были устранены. Формально остатки дореформенного земельного законодательства, препятствовавшие изживанию сословности в частном землевладении, охватывали не более 10% площади дворянских имений Российского Центра. Еще меньше владельцев могли ими пользоваться. В результате дворянский земельный фонд начал быстро таять.

Этот процесс принял вскоре такие масштабы, что стал предметом серьезного беспокойства правительства и дворянских обществ. Уступая настоятельным ходатайствам последних, власть пошла на учреждение Государственного Дворянского земельного банка. Действия его распространялись на губернии Европейской России; пользоваться им могли только потомственные дворяне, которые имели теперь возможность получать ссуды под залог имений на самых льготных условиях. Однако все эти меры не могли остановить убыль дворянского землевладения. Начавшееся со второй половины XIX в. интенсивное обезземеливание старого помещного дворянства продолжалось вплоть до 1917 г., знаменитое его «оскудение» – термин, с легкой руки С.Н. Терпигорева вошедший в научную и публицистическую литературу по дворянскому вопросу³.

Сокращение дворянского земельного фонда отразилось на численности и составе помещного дворянства, на структуре дворянского землевладения (прил. 50).

Из приведенных данных видно, что в 1897–1907 гг. некоторый рост числа имений был достигнут исключительно за счет увеличения числа мелкопоместных владений. Общее сокращение численности помещного дворянствахватило и эту категорию владельцев, но тем не менее численность мелкопоместных дворян и в 1907 г. оставалась большей, чем в 1897 г. По всем остальным группам владений отмечалось неуклонное сокращение числа имений и площадей земли.

Итак, колебания в численности помещного дворянства в значительной мере обуславливались изменением численности мелкопоместных владельцев. Погубернские данные земельных переписей показывают, что к началу XX в. из великорусских губерний сравнительно высоким удельным весом мелких владельцев выделялись Новгородская, Костромская, Ярославская, Курская, Рязанская, Тульская губернии.

Такая география в основном совпадает с размещением исторически сложившихся групп в составе «высшего» сословия. Значительная часть мелкопоместных дворян была потомками «служилых» дворян бывших сторожевых линий. Эти районы дали главный прирост их численности, за исключением губерний Центрально-Промышленного района, в которых к началу XX в., наоборот, наблюдалось сокращение числа мелких владений. Прирост этот обуславливался рядом факторов: включением в состав сословия «новых» дворян, дроблением передававшихся по наследству имений, появлением новых владельцев из выслужившихся чиновников.

Как уже отмечалось, численность мелкопоместных дворян после 1897 г. заметно сократилась. Однако их удельный вес в общей массе

поместного дворянства постоянно увеличивался: 57,8% в 1897 г. и 58,9% в 1907 г. Доля принадлежавших им земель также несколько возросла – с 3,2% до 3,4%, но по-прежнему продолжала оставаться мизерной. В абсолютном исчислении площадь мелкопоместных владений сократилась к 1907 г. на 16,4%, а средний размер имения – примерно на 12%.

Среднепоместное дворянство Российского Центра размещалось более равномерно, но все же половина его была сосредоточена в Центрально-Промышленном и Центрально-Земледельческом районах. В целом численность этой группы сократилась на 8%, а удельный вес в общей массе помещиков – с 25,4% в 1897 г. до 25,3% в 1907 г., задержавшись примерно на одном уровне. За это время площадь их землевладения уменьшилась с 13,4% до 13,3%, то есть почти пропорционально числу владений. В результате средний размер имений почти не изменился, даже несколько увеличился к 1907 г. Практически не изменилась и доля принадлежавших им земель, по-прежнему составляя довольно небольшую часть дворянского земельного фонда.

подавляющая часть земель сосредоточивалась в руках крупных и особенно крупнейших владельцев. Отличительной чертой частного землевладения в Российском Центре было наличие латифундий. В начале XX в. в руках таких владельцев было сосредоточено св. 3/4 всего частного землевладения. Подавляющая часть таких владений (почти 2/3) и земельной площади (св. 70%) принадлежала латифундистам из дворян. Главными районами их размещения были Центрально-Земледельческий и Поволжский. На их долю приходилось более половины всей стоимости земель крупных владельцев.

Следует иметь в виду, что численность этой группы помещиков менее всего соответствовала числу имений, так как именно среди них было больше многопоместных дворян. В 1897 г. в рассматриваемом регионе насчитывалось 16,8% принадлежавших им всех дворянских владений и 83,4% всей дворянской земли. В последующее десятилетие наблюдалось неуклонное, хотя и незначительное, сокращение числа имений этой группы и сосредотачиваемой ею земли: удельный вес имений стал равным 15,8%, а земельная площадь сократилась до 83,3%.

Менее всего сокращение затронуло группу имений в 500–1000 дес.: доля владений – с 8,4% до 7,9%, принадлежавших им десятин – с 12,4% до 11,8%. Затем следуют имения в 1–5 тыс. дес.: доля владений – с 7,3% до 6,8%, земли – с 30,5% до 28,3%. В относительных показателях земельная площадь уменьшилась несколько больше, чем число имений, и как результат – средний размер владения повысился, но весьма незначительно. Сильнее всего оказалась затронутой общим процессом

мобилизации дворянского землевладения число крупнейшей группы (св. 5 тыс. дес. на имение) – удельный вес владений остался неизменным – 1,1%, зато земельные владения увеличились с 40,5% до 43,2%; средний размер имений повысился с 17,6 тыс. до 18,3 тыс. дес. В этой группе наиболее устойчивыми оказались огромные латифундии (размером в несколько десятков тысяч десятин), сохранившиеся почти полностью⁴.

Установлено, что 155 крупнейших земельных собственников в Российском Центре (102 семьи), владевших св. 50 тыс. дес. каждый, располагали в совокупности 16,1 млн. дес., то есть ок. 30% всего дворянского земельного фонда на 1907 г. Подавляющее большинство их принадлежало к потомственному дворянству, а более половины являлись представителями старинной титулованной знати. Отметим, что в дореформенную эпоху сложилось 85% наследственного землевладения крупнейших помещиков региона⁵. Уже одно это наводит на мысль, что по своему характеру крупнейшее землевладение в начале XX в. сохранило тесные связи с феодальной эпохой.

В целом, в 23 губерниях Российского Центра, согласно рассмотренным выше данным, удельный вес землевладельцев, принадлежавших к «высшему» сословию, составлял в общей массе этого сословия ок. 40% в 1897 г. и ок. 30% в 1907 г. Причем сокращение почти в равной степени коснулось всех групп владельцев. Таким образом, относительно общей массы помещиков разорившиеся и обезземелившиеся дворяне составляли сравнительно небольшую группу, утратившую имения в силу экономической несостоятельности, проявившейся в общей задолженности помещиков казне и банкам, из-за неумения и нежелания приспособиться к новым условиям и в результате неудачных попыток заняться предпринимательством, столь колоритно обрисованных С.Н. Терпигоревым⁶.

Показательно, что с 1907 по 1917 гг. число дворянских владений не только не сократилось, как это было в предшествующее десятилетие, но, наоборот, выросло. Очевидно, дело тут не в одном дроблении имений в результате семейных разделов, так как этот процесс, несомненно, шел и раньше, а в возвращении части дворян к сельскому хозяйству после того, как закончился мировой сельскохозяйственный кризис, хлебные цены поднялись и прекратилась паника 1905–1907 гг., заставившая многих помещиков продать землю.

Данные из отчетов Дворянского банка показывают, что помещики выступали не только в качестве продавцов, но и покупателей значительных площадей земли. В 1907–1917 гг. из проданных дворянами Российского Центра земель, заложенных в этом банке, перешло: к по-

томственным дворянам – 34,7%, к Крестьянскому банку – 22,3%, к крестьянам – 31,3%, к мещанам – 1,5%, к купцам – 3,1%, к прочим сословиям и учреждениям – 7,1%⁷. Как видим, 1/3 проданных дворянами площадей перешла к представителям этого же сословия. Характерно, что дворяне купили земли в 10 с лишним раз больше, чем купцы. Некоторые крупные помещики вели скупку земли в больших масштабах. В результате мобилизации средний размер дворянских имений Российского Центра уменьшился с 496 дес. в 1907 г. до 368 дес. в 1917 г. Однако этот размер даже в среднем исчислении весьма велик и, по сути дела, близок к латифундальному владению. Следовательно, к началу Первой мировой войны дворянское землевладение оставалось в массе своей крупным.

Наибольший урон понесло землевладение дворян в Нижнем Поволжье и Заволжье, особенно в губерниях, где наблюдалось наиболее мощное крестьянское движение. В Саратовской губернии дворяне из 1311 тыс. дес. потеряли 573 тыс. дес., в Самарской – из 926 тыс. дес. 334 тыс. дес., в Пензенской, пограничной губернии Поволжья и Центрально-Земледельческого района, – из 787 тыс. дес. 292 тыс. дес. Большой урон понесли районы с преобладанием отработочной системы – Средневожский и Заволжье, север и юг Центрально-Земледельческого района. Так, в Орловской губернии соответствующие показатели 1907 и 1917 гг. были 845 и 648 тыс. дес., в Рязанской – 683 и 521 тыс., в Воронежской – 996 и 700 тыс. дес. и т.д.⁸. Этими данными подтверждается меньшая устойчивость землевладения с отработочными формами хозяйства.

Однако, несмотря на значительные потери, дворянство Российского Центра к 1917 г. держало в своих руках в целом по региону значительную часть земельного фонда, причем удельный вес дворянского землевладения в общей массе частновладельческой земли по губерниям и районам колебался в среднем от 35% до 50%⁹. Подавляющую часть земли по-прежнему составляли крупные латифундии. Крупнейшие помещики Российского Центра имели владения во всех губерниях великорусского центра. Это укрепляло связи и способствовало сближению интересов помещиков всех губерний и районов региона.

Из среды крупных помещиков Российского Центра император назначал министров и высших чиновников государства. Так, богатейший помещик гр. А.А. Бобринский, длительное время возглавлявший Совет объединенного дворянства, в годы Первой мировой войны был товарищем (заместителем) министра внутренних дел, а затем – министром земледелия. Другой председатель Совета объединенного дворянства А.П. Струков состоял членом Государственного совета. Крупный поме-

щик П.А. Столыпин несколько лет занимал губернаторские посты, а в 1906–1911 гг. был председателем Совета министров и министром внутренних дел. Другой землевладелец – А.Д. Самарин в 1908–1915 гг. являлся московским губернским предводителем дворянства, а затем был назначен обер-прокурором Святейшего Синода.

Обширные имения в Российском Центре принадлежали дворянам Треповым. Из этой семьи вышел петербургский генерал-губернатор Ф.Ф. Трепов; его брат А.Ф. Трепов в 1916 г. стал председателем Совета министров. Должность министра внутренних дел и начальника отдельного корпуса жандармов в 1915–1916 гг. занимал крупный землевладелец, председатель фракции правых в IV Государственной Думе А.Н. Хвостов. Его сменил на этом посту октябрист А.Д. Протопопов – товарищ (заместитель) председателя IV Думы, владелец 5 тыс. дес. земли в Симбирской губернии, являвшийся одновременно крупным предпринимателем. Товарищем (заместителем) министра внутренних дел в 1915 г. был крупный помещик кн. В.М. Волконский. Даже из этого краткого перечня лиц, занимавших высшие посты в Российской империи, ясно видно, в руках какого социального слоя находилась государственная власть.

Помимо помещиков-дворян, как уже отмечалось, к потомственному дворянству относились и беспоместные дворяне, доля которых в разных губерниях и районах Российского Центра в начале XX в. колебалась от 60% до 70%¹⁰. Некоторая их часть находилась на государственной службе, другие, как и значительная часть мелкопоместных дворян, имели довольно низкий образовательный и культурный уровень.

В конце XIX – начале XX в. далеко зашла экономическая дифференциация среди дворян Российского Центра. Многочисленный слой их относился к мелкопоместному дворянству с 20–50 дес. земли и даже меньше. Дворяне, владевшие участком менее 20 дес., практически находились уже вне социального слоя помещиков. Их участки в среднем по 7–10 дес. были меньше тех, которые считались недостаточными и для крестьян. Многие владельцы имений в 20–100 дес. часто, не выдерживая конкуренции крупных и зажиточных крестьянских хозяйств, разорялись¹¹.

Несмотря на уменьшение поместного землевладения и увеличение буржуазной земельной собственности, в Российском Центре поместное землевладение по-прежнему продолжало господствовать среди частного землевладения других социальных групп. Уровень концентрации земельной собственности здесь превышал общероссийский; крупнейшие помещики-дворяне держали в своих руках большую часть земли всех дворян.

6.2. Купечество

Категории «предприниматель», «капиталист», «буржуа» являются социальными синонимами, но в историко-онтологическом смысле подобную тождественность можно применять лишь условно. С конца XIX в. в публицистике и литературе стало утверждаться универсальное определение «капиталист», для характеристики всех тех, кто являлся носителем капиталистических отношений, выступал владельцем средств производства и творцом новой буржуазной реальности. Однако вплоть до 1917 г. наиболее употребительным социальным определением отечественных «капитанов бизнеса» было понятие «купец».

В социально-экономическом отношении купец и купечество истари в России являлись олицетворением предпринимателя. Вместе с тем, купеческое звание было не только бытовым определением общественной группы, но указывало на место в социальной структуре общества, на принадлежность к конкретному сословному разряду в рамках существовавшей сословно-иерархической системы. Понимание взаимосвязи и различия между социально-экономическими и законодательно-нормативными признаками чрезвычайно важно при рассмотрении истории российских предпринимателей.

Понятие «купец» первоначально обозначало почти исключительно предпринимателя-торговца. По мере расширения масштабов, усложнения форм хозяйственной деятельности и изменения российского законодательства, регулировавшего социальный статус купечества, эта сословная группа начала объединять представителей всех форм и видов предпринимательства. Вплоть до конца XIX в. занятие торговлей или другим промыслом в сколько-нибудь крупном масштабе законодательно соединялось с купеческим сословным состоянием. Лишь после принятия в 1898 г. Закона о государственном промысловом налоге положение стало меняться.

С этого времени прекратилась прямая связь между приобретением промысловых свидетельств для предпринимательских занятий и получением гильдейских купеческих документов. Сам же гильдейский сбор из основного промыслового налога превратился в сбор за принадлежность к купеческому сословию. Приобретение гильдейских сословных свидетельств стало добровольным, а на вступление в купечество, как и раньше, не требовалось согласия купеческого общества¹². Как заметил один из предпринимателей П.А. Бурьшкин, законом 1898 г. «купеческое сословие было обречено на несомненное умирание»¹³.

Прекращение подобной взаимосвязи сразу же привело к резкому сокращению количества купцов: в 1899 г. по сравнению с 1898 г. их

численность уменьшилась почти наполовину; произошли и качественные изменения: купечество покинули многие крупнейшие предприниматели. Этот процесс начался еще во второй половине XIX в. и к началу XX в. проявился вполне отчетливо. Общее количество купеческих сословных документов в Российском Центре в 1899–1900 гг. составляло всего 4% от числа промысловых свидетельств, приобретаемых ежегодно, а к 1901–1902 гг. оно сократилось до 3,5%.

Согласно переписи населения 1897 г., на территории региона проживало купцов (вместе с членами семей) ок. 0,2% всего населения. Основная часть купечества концентрировалась в районах, отличавшихся высоким уровнем развития торговли и промышленности. Так, в Московской губернии проживало 23,4 тыс. лиц купеческого звания (в Москве – 19,5 тыс.); в Петербургской – 20 тыс. (в Петербурге – 17,4 тыс.); в других губерниях численность купечества не достигала и 10 тыс. чел. Однако на рубеже XIX–XX вв. численность этой сословной группы далеко не всегда находилась в прямой взаимосвязи со степенью торгово-промышленного развития, что особенно было характерно для некоторых окраинных районов и губерний, где сословные градации исторически не имели широкого распространения. Это прежде всего относится к Северо-Западному району (Олонецкая губерния), а также к Нижнему Поволжью (Астраханская губерния).

Сравнение данных 1897 г. с материалами последующих городских переписей выявляет одну устойчивую тенденцию: значительное уменьшение численности купцов в крупнейших городских центрах, а следовательно, и в общем составе населения региона. Так, в 1902 г. численность купечества в Москве сократилась почти на 1 тыс. и составила 18,5 тыс. чел. Перепись Петербурга в 1910 г. зарегистрировала купцов вместе с членами семей в 13,6 тыс. чел., что по сравнению с 1897 г. показывает сокращение более чем на 20%¹⁴.

К началу XX в. купеческая корпоративная организация объединяла узкий социальный слой имущих лиц, многие из которых не были связаны с предпринимательством. В этом сословии оставались носители фамилий, традиционно, на протяжении нескольких поколений, имевших купеческое звание, или те (в первую очередь представители «низших сословий» и национальных меньшинств), кто посредством приписки к этому городскому сословию получал возможность уменьшить административные притеснения.

Получило распространение приобретение купеческих сословных свидетельств «для звания», что объяснялось социальной психологией имущих слоев, формировавшейся в условиях строгой иерархической структуры общества. Количество подобных «условных» купцов было

довольно значительным (особенно 2 гильдии). Так, в 1911 г. звание московского купца 1 гильдии получили 159 лиц еврейской национальности, из них 35 чел. (более 20%) стали купцами «для звания». Для 2 гильдии этот показатель был еще выше¹⁵.

В купеческое сословие, разделенное на две гильдии, вступали, приобретая корпоративные свидетельства, при одновременной покупке промысловых: для 1 гильдии – на торговые предприятия 1 разряда, на промышленные – первых трех разрядов или на пароходные предприятия, за содержание которых уплачивалось св. 500 руб. в год основного промыслового налога. Для 2 гильдии необходимо было получить патент на торговое предприятие 2 разряда, на промышленные – 4–5 разрядов, или на пароходные, за содержание которых уплачивалось от 50 до 500 руб. основного промыслового налога в год. Купечество было единственным сословием, вступление в которое зависело исключительно от ежегодной уплаты определенного денежного взноса.

Хотя стоимость самих гильдейских документов была сравнительно невысокой: 50 руб. для 1 гильдии и 20 – для 2 (в 1906 г. она была повышена соответственно до 75 и 30 руб.), однако вместе с платежами за промысловые свидетельства и различными сопутствующими сборами эта сумма достигала весьма внушительных размеров и была доступна только состоятельным лицам. Так, накануне Первой мировой войны, чтобы пользоваться правами петербургского купца 1 гильдии, надо было заплатить ок. 1 тыс. руб. в год. Значительной была стоимость купеческих званий и в других крупных торгово-промышленных центрах: в Москве для приобретения прав купца 1 гильдии надо было ежегодно вносить ок. 800 руб.¹⁶.

На вступающих в состав купечества распространялись сословные права и льготы. К концу XIX в., после введения всеобщей воинской повинности и отмены подушной подати, корпоративные «сословные преимущества» носили главным образом декоративный характер. Среди них, право визита ко двору, ношения шпаги и губернского мундира, награждение некоторыми орденами и медалями и т.п. Данные сословные привилегии распространялись почти исключительно на лиц первогильдейского купечества, которое, согласно закону, составляло «особый класс почетных людей в государстве». Носившие эти звания не менее 12 лет могли получать «по уважению особенных заслуг в распространении торговли» звания коммерции-советников, а за «отличия по мануфактурной промышленности» – мануфактур-советников. Носители этих почетных званий, как и купцы, награжденные одним из орденов или находившиеся в 1 гильдии не менее 20 лет,

имели право на высшее городское сословное звание потомственного почетного гражданина¹⁷.

Единственным реальным преимуществом, распространявшимся в конце XIX – начале XX в. на все купечество, была так называемая паспортная льгота, избавлявшая от необходимости приписки, обязательной для лиц крестьянского и мещанского сословий. Лицам еврейской национальности получение купеческих свидетельств давало право на жительство вне черты оседлости, в центральных губерниях. Кроме того, некоторые виды профессиональной деятельности законодательно были соединены с определенным сословным состоянием. Так, должности биржевых маклеров могли занимать исключительно лица купеческого и мещанского сословий¹⁸.

Купечество Российской Империи имело свою корпоративную организацию на местах в лице собраний выборных и сословных старшин, а два крупнейших купеческих общества – Петербурга и Москвы – находились в ведении купеческих управ. Права и обязанности этих сословных организаций были законодательно закреплены и их деятельность протекала под неусыпным надзором государственной власти. До конца 1905 г. они подчинялись Министерству внутренних дел, а затем – Министерству торговли и промышленности.

Оценку различных социально-экономических показателей купеческого сословия дают материалы гильдейского учета Петербургской и Московской купеческих управ. В 1899 г. сословные купеческие свидетельства 1 и 2 гильдий в Петербурге получило св. 2 тыс. чел. Из всех столичных купцов 1 гильдии – 55 чел. имели постоянное место жительства вне Петербурга, в 26 городах страны. Подавляющее большинство всех неместных купцов постоянно проживало в западных и северо-западных губерниях России, их доля из центральных и южных губерний была незначительной.

Около 24% получателей купеческих свидетельств имели высшее городское сословное звание – потомственных почетных граждан, но не порывали связей с купечеством в силу традиционных семейно-сословных связей. Это были в большинстве своем наиболее состоятельные и влиятельные представители делового мира. Группа потомственных почетных граждан-купцов составляла ту солидную основу, благодаря которой институт купеческой сословности сохранил определенное социально-экономическое положение.

В числе первогильдейского купечества значилось 7 личных почетных граждан, 9 – коммерции-советников, 4 – мануфактур-советника, 7 являлись действительными статскими советниками, а 1 – надворным советником. Только 25 чел. имели промышленные предприятия, а

остальные занимались исключительно торговлей, посредничеством, либо получили гильдейские свидетельства «для звания». Среди петербургских купцов 1 гильдии выделялась группа лиц, производивших операции с ценными бумагами: этой деятельностью занимался каждый девятый – 31 чел.¹⁹.

К 1912 г. численность петербургского купечества в целом и перво-гильдейского в особенности увеличилась, хотя общее количество выдававшихся управой промысловых и сословных свидетельств осталось почти без изменений – ок. 6 тыс. в год. Для 2 гильдии увеличение выразилось в 30%, а для 1 – почти в 50%. Такой рост был характерен исключительно для Петербурга, в то время как в других районах и губерниях Российского Центра численность купечества в 1899–1912 гг. почти повсеместно уменьшилась. Рост петербургского купечества происходил в первую очередь за счет лиц, проживавших в других районах, что объяснялось высокой социальной конъюнктурой. Еще в 1898 г. столичная казенная палата признала, что в Петербурге и уездных городах числилось значительное количество лиц, приписанных к купечеству, но не содержавших никаких торгово-промышленных заведений и даже не проживавших в местах приписки. Общее количество иногородних купцов с местом жительства в 40 городах и прочих населенных пунктах Российского Центра и за границей достигло 1/3 всего купечества²⁰.

К Петербургу, в первую очередь, тяготели западные и северо-западные губернии: Варшава – 15 чел., Лодзь – 11, Рига – 10 и т.д. В то же время петербургские перво-гильдейские купцы появлялись в других районах: Уфе, Кишиневе, Андижане, Перми, Владивостоке и т.д. Примечательным для характеристики регионального размещения петербургского купечества было то, что среди «пришлых» подавляющее большинство проживало в Москве (32 чел., или св. 20%). Между тем, в 1899 г. только 4 жителя Москвы носили звание петербургских купцов 1 гильдии.

Подобные изменения отражали возрастание роли Петербурга – крупнейшего города России, основного административного и ведущего финансово-экономического центра, где были сосредоточены важнейшие элементы российской торговли и кредита, главная фондовая биржа, правления крупнейших компаний и основных коммерческих банков. Не случайно, что среди разного рода занятий купечества 1 гильдии количественно выделялась группа лиц (ок. 70 чел.), имевшая основным промысловым занятием различные финансовые операции: продажу и покупку процентных и дивидендных бумаг, учет векселей и т.п.

В 1912 г., наряду с ростом численных показателей петербургского купечества, изменились и многие качественные характеристики. Уменьшился удельный вес потомственных почетных граждан, хотя общее их число несколько увеличилось; ряды купечества частично пополнились за счет видных еврейских предпринимателей. Однако подобного рода лиц крупного масштаба было сравнительно немного. Значительно сократилась численность «степенных» купцов, состоявших в гильдии 20 лет и более: в 1899 г. их было 77 чел. (23%), а в 1912 г. – только 53 чел., или ок. 10% от общего количества. Среди купцов числилось 5 чел. личных почетных граждан, 17 чел. коммерции-советников, 1 чел. имел чин статского советника, по 3 чел. – действительного статского и тайного советников.

Общая численность лиц, записанных в московские купеческие гильдии в 1899 г., составляло ок. 2,5 тыс. чел.²¹. Сословная статистика свидетельствует о том, что купечество «первопрестольной» в значительной степени комплектовалось из местных уроженцев, а иногородних было сравнительно немного. При этом звание московского купца 1 гильдии к 1912 г. не пользовалось уже особой «популярностью» за пределами столицы. Общее количество неместных составляло всего 38 чел., представлявших 22 населенных пункта страны.

Кроме того, резко сократилось общее количество купцов и особенно 1 гильдии, так как с конца XIX в. наблюдался процесс неуклонного сокращения числа выдававшихся в Москве сословных свидетельств, в первую очередь 1 гильдии. В 1898 г. их было приобретено 881, а к 1902 г. их количество уменьшилось более чем вдвое; к началу 1910 г. численность московских купцов 1 гильдии не достигала 300. Если в 1899 г. звание московских купцов 1 и 2 гильдий получили ок. 2,5 тыс. чел., то к 1912 г. общее количество московских купцов едва достигало 2 тыс. В 1914 г. купеческие свидетельства в Москве получили лишь 1,7 тыс. чел. (227 из них – 1 гильдии).

Доминировали в 1 гильдии лица, состоявшие в этом звании продолжительное время. Если в 1899 г. показатель «степенных» купцов со стажем 20 и более лет не превышал 16% (95 чел.), то к 1912 г. он возрос почти до 30% (71 чел.) и практически ограничивался контингентом потомственных почетных граждан. Все эти лица из числа потомственных почетных граждан носили престижные звания коммерции-советников, имели те или иные чины и ордена (так называемые «орденские кавалеры»), в большинстве своем полученные за службу в общественных и сословных организациях. Согласно существовавшим в России правилам чинопроизводства, лица, занимавшие должности по выборному купеческому сословному управлению, пользовались правами

классных чиновников: старшина сословия считался в чине VI класса (коллежский советник), а члены управы – в чине VII классе (надворный советник).

Среди московского купечества 1 гильдии к началу XX в. значилось 12 личных почетных граждан, 38 чел. были владельцами промышленных предприятий, 87 отмечены как «неторгующие» и лишь 15 чел. занимались финансовыми операциями²². Купеческое звание не носили представители многих старых торгово-промышленных династий, которые еще до конца XIX в. получили более высокий социальный статус и юридически перестали быть купцами.

Процесс социально-сословной диффузии, характерный для петербургского купечества, в рассматриваемый период в Москве не получил развития. Купеческое сословие «первопрестольной» за 12 лет сократилось более чем вдвое и состояло главным образом из представителей местного территориально-экономического района. Этому в немалой степени способствовала и политика правительства. В 1899 г. Министерство финансов по поручению Особого совещания при Комитете министров, разработало процентную норму численности купцов-евреев в разрядах московского первогильдейского купечества и с этого времени прием неместных уроженцев был сильно ограничен.

Накануне Первой мировой войны у этой группы предпринимателей проявлялись явные признаки социально-демографической стагнации. Резко сократилась общая численность не только «именитого московского купечества», но и отдельных социальных групп, входивших в сословие. Количество владельцев предприятий упало до 24 чел., а лиц, специализировавшихся на финансовых операциях, уменьшилось до 10. Перед войной ок. 50% московских купцов 1 гильдии были старше 60 лет, в то время как в конце XIX в. этот показатель не превышал 25%. Однако, несмотря на общее старение и сокращение состава, в 1900-х гг. наблюдались отдельные случаи, когда некоторые крупные предприниматели в силу определенных общественно-политических причин получали сословные документы²³.

В 1912 г. в двух столичных губерниях было выдано ок. 25% всех сословных купеческих свидетельств, что примерно соответствовало отношению промысловых свидетельств различных видов, выданных в этих губерниях, к суммарному их количеству в России; общее число сословных свидетельств в это время не превышало 1,7% промысловых. Примерно лишь один из десяти человек, имевших право на гильдейское звание и приобретающих свидетельства первых пяти разрядов на промышленные и первых двух – на торговые предприятия,

вступал в купечество (в крупнейших городах этот показатель был несколько выше).

Количественное сокращение и качественное «измельчание» сословия были характерным явлением в начале XX в. практически для всех районов и губерний Российского Центра, за исключением Петербурга. По данным промысловой статистики, с 1899 по 1912 гг. группа купцов 1 гильдии в регионе сократилась на 15%, а 2 – почти на 30%. К 1917 г. общее количество лиц, состоявших в двух гильдиях, продолжало уменьшаться. Согласно данным учетных книг Петербургской и Московской купеческих управ, средняя численность одной купеческой семьи составляла в это время 5–6 чел. Учитывая, однако, что существенная часть гильдейских документов (по отдельным районам и губерниям от 10% до 15%) приобреталась «для звания», можно утверждать, что в предвоенные годы реальная доля купеческого сословия (с членами семей) в городах региона не превышала 1,4%, в том числе в губернских – 1,5%, в уездных – 1,2%²⁴. В то же время общественное значение и влияние архаичной купеческой сословной организации значительно превышали реальную экономическую роль социальных элементов, которых она объединяла.

Соотношение общего количества промысловых документов и купеческих свидетельств, полученных в Петербурге и Москве в 1907–1910 гг., представлено в прил. 51. Анализ этих данных показывает, что общая численность купцов уменьшалась, а удельный вес среди лиц, занимавшихся торгово-промышленной деятельностью, сократился. Сословные учреждения, являясь по своей природе, организационной структуре и характеру деятельности историческим анахронизмом, были мало пригодны для выражения интересов крупных предпринимателей еще со второй половины XIX в.; особенно это стало заметно в начале XX в., когда роль главных представительных организаций крупнейших предпринимателей перешла к биржевым обществам и различным съездам промышленников и торговцев. По справедливой оценке Министерства юстиции, органы купеческого сословного управления представляли интересы преимущественно мелкой и средней торговли и промышленности. Между тем, несмотря на очевидную для всех архаичность купеческой сословной организации, она просуществовала до конца 1917 г. Ни императорская власть, ни Временное правительство не пошли на упразднение этой отжившей социальной структуры, хотя вопрос об этом поднимался неоднократно (в частности, Московским биржевым комитетом).

Носители купеческих званий теряли свое влияние в деловой среде и практически не играли никакой заметной роли в общегосударствен-

ной деятельности крупных предпринимателей. Так, из 100 членов образованного в декабре 1905 г. учредительного комитета Союза промышленных и торговых предприятий России было всего 5 купцов, а среди 150 участников состоявшегося в апреле 1906 г. Общероссийского учредительного съезда представителей промышленности и торговли, принадлежавших к числу крупнейших предпринимателей, звание купца было лишь у 3 чел. К 1917 г. в руководящем составе Московского купеческого банка, бывшего когда-то «бастионом» российского «именитого купечества», лишь 2 члена совета из 20 имели гильдейские документы.

Процесс социально-экономической эволюции Российского Центра способствовал тому, что в рассматриваемый период купеческое звание не только уже не являлось показателем определенных промысловых занятий, но часто вообще не заключало в себе конкретного социально-экономического содержания. В начале XX в. развитие количественных и качественных показателей купечества региона шло по нисходящей линии. Постепенное превращение купеческого звания лишь в атрибут предпринимательской традиции приводило к тому, что именно крупнейшие дельцы прекращали приобретать гильдейские свидетельства или вообще развивали свою деятельность вне купеческого сословного института. Сословные границы размывались, а занятие различными видами предпринимательской деятельности теряло определенную сословную окраску. В то же время само существование купеческого сословия в известной степени тормозило процесс всесословной консолидации российских предпринимателей.

6.3. Промышленники и финансисты

В начале XX в. в России купечество и предпринимательство в целом объединяло довольно разнородные социальные элементы. Причем, действительно крупномасштабных предпринимателей в составе купечества оставалось довольно мало и большинство дельцов не имели никаких отношений с купеческой корпорацией. О социально-сословной структуре и занятиях предпринимателей обеих столиц в канун Первой мировой войны дают представление прил.52–53. Как видим, больше половины предпринимателей Петербурга и Москвы не принадлежали к купеческому сословию – соответственно 53,7% и 63,8%, причем лидирующее положение среди прочих сословий занимали крестьяне и мещане – соответственно 22,8%, 25,8%; 10,3%, 16,7%. Дворяне, чиновники, лица свободных профессий (интеллигенция) находились примерно на одном уровне по удельному весу в общем составе предпринимателей; несколько больше было почетных граждан – соответ-

ственно 6,2% и 4,7%, хотя их абсолютные показатели были достаточно высокими и шли сразу за показателями купцов. Из отраслей производства, в которых были заняты представители всех социальных слоев Петербурга и Москвы, лидировала торговля – соответственно 50,3% и 61,6% всех занятых, далее шла сфера обслуживания – 17,4% и 11,4% и только потом промышленность (в Москве) и финансы (в Петербурге). Остальные отрасли занимали куда более скромное место в предпринимательской деятельности разных слоев общества.

Семьи известных предпринимателей перешли в разряд потомственных почетных граждан еще до XX в. – Прохоровы, Гучковы, Морозовы, Крестовниковы, Четвериковы, Солодовниковы, Варгунины, Вишняковы, Найденовы, Рябушинские и др. При этом лишь небольшая часть сохраняла связи с купеческим сословием. В начале XX в. из всех семей потомственных почетных граждан, проживавших в Москве, лишь 10% имели гильдейские свидетельства²⁵.

Одним из характерных атрибутов общественной жизни в России была чиновная система, сформировавшаяся в XVIII – начале XIX в. Петровская «Табель о рангах» по мере общественного развития распространилась и на мир капитала. В деловом мире с конца XIX в. имелось значительное число лиц – носителей различных гражданских, военных и придворных званий. Это особенно было характерно для крупнейших предпринимателей, собственников и распорядителей акционерно-паевых ассоциаций, среди которых было множество фигур, имевших классные чины, в первую очередь гражданские.

Однако, далеко не каждый из владельцев высших званий принадлежал к чиновничеству как таковому, то есть занимал определенную должность в системе государственного управления по назначению и получал содержание от казны. Среди них имелись две основные группы. В первую входили те, кто на протяжении определенного времени, иногда в течение нескольких десятилетий, действительно состоял на госслужбе и часто занимал крупные посты в государственном управлении. После выхода в отставку, или уйдя с классной должности, но формально оставаясь на службе в качестве «причисленных» к различным ведомствам, то есть превратившись в чиновников «сверх штата», они занимали высокооплачиваемые посты в сфере частного предпринимательства. Иногда в расписание штатов отдельных министерств входили должности в правлениях определенных компаний; к примеру, управляющие частными железнодорожными обществами числились по штату Министерства путей сообщения²⁶.

Вторая группа представлена традиционными предпринимателями, которые, участвуя в деятельности различных сословно-представи-

тельных, государственных и благотворительных организаций (в их числе купеческие общества, комитеты торговли и мануфактур, биржевые комитеты, учетно-ссудные комитеты Государственного банка, различные попечительские советы, комитеты и т.д.) или иным путем получая чины, не имели, либо не пользовались казенным жалованьем. Вся эта деятельность регулярно поощрялась чинами и подобное производство было одним из важнейших путей перехода крупных предпринимателей в состав дворянского сословия (конечно, лишь в том случае, если у них имелись побудительные мотивы для этого).

Интерес чиновничества к предпринимательской деятельности стал проявляться с самого начала акционерного учредительства, но особенно усилился после вступления России на путь капиталистического развития; этот интерес был сугубо материального свойства. Доходы в сфере частного предпринимательства были во много раз выше того содержания, которое получали верхи бюрократии. В качестве примера можно сослаться на историю С.Ю. Витте, который долго колебался, прежде чем покинуть пост управляющего одной из железных дорог с годовым доходом в 50 тыс. руб. и перейти на должность директора Департамента железнодорожных дел Министерства финансов с окладом в 16 тыс. руб.²⁷

Бурные процессы экономического развития Российского Центра на рубеже XIX–XX вв., охватившие предпринимательские круги, затронули и чиновничество. Появился тип дельца-чиновника, который, занимая видное место в бюрократической среде, смыкался с деловым миром и его прямые служебные обязанности становились придатком к деятельности в сфере частных интересов. Одним из таких лиц в этом ряду, несомненно, был директор Горного департамента Министерства государственных имуществ К.А. Скальковский, который имел деловые связи с парижскими Ротшильдами, о чем знали правящие круги. После выхода в отставку «с пенсией» он быстро стал одной из крупнейших фигур нарождавшейся финансовой олигархии России²⁸.

Одним из наиболее ярких примеров совмещения высших должностей в государственном управлении и коммерческих интересов являлся генерал-адъютант гр. И.И. Воронцов-Дашков, который входил в число крупнейших латифундистов Российского Центра и у которого существовали близкие отношения с некоторыми ведущими финансовыми дельцами. Бывший министр императорского двора, в начале XX в. занимавший должности наместника на Кавказе, главнокомандующего войсками Кавказского военного округа, совмещая их с членством в Государственном совете, одновременно активно вел предпринимательскую деятельность. Владея различными промышленными предприя-

тиями, созданными в своих обширных имениях (крахмальные, винокуренные, лесопильные, маслобойные заводы, мельницы и т.д.), гр. И.И. Воронцов-Дашков выступал также как крупный нефтепромышленник, организовавший с помощью нефтяной корпорации «Бранобель» добычу нефти на пожалованных ему землях. Большая часть добытой нефти приобреталась этой корпорацией, и в данном случае гр. И.И. Воронцов-Дашков являлся контрагентом указанной финансово-промышленной группы. Кроме того, перед Первой мировой войной этот чиновник занимал должности председателя правления в четырех крупных уставных сахаропроизводящих товариществах²⁹.

Отмеченные случаи тесного сотрудничества бюрократии и делового мира относились к разряду несанкционированных и возникали де-факто. Основная часть верхов чиновничества занимала доходные места в правлениях капиталистических компаний после ухода с классовых должностей в системе государственного управления, что особенно было характерно для чиновников экономических министерств. В годы предвоенного финансово-промышленного подъема, многие тайные и действительные статские советники занимали прочное место в высшем предпринимательском эшелоне, обосновавшись в правлениях крупнейших компаний и коммерческих банков. В их числе: А.И. Вышнеградский (вице-директор Особенной канцелярии по кредитной части); Л.Ф. Давыдов (директор того же подразделения Министерства финансов); А.К. Дрейер (чиновник Министерства финансов и член комитета Управления железнодорожных дел Министерства путей сообщения); Е.Э. Картавцов (управляющий Дворянским земельным и Крестьянским поземельным банками); В.И. Ковалевский (директор Департамента торговли и мануфактур, товарищ (заместитель) министра финансов); Д.Е. Куриленко (директор Государственного банка); Н.Н. Кутлер (товарищ (заместитель) министра внутренних дел и министра финансов, а затем главноуправляющий земледелием и землеустройством); кн. С.В. Кудашев (чиновник Министерства внутренних дел и Главного управления уделов); А.И. Путилов (директор Общей канцелярии Министерства финансов, товарищ (заместитель) министра финансов и управляющий Дворянским земельным и Крестьянским поземельным банками); В.И. Тимирязев (товарищ (заместитель) министра финансов и дважды министр торговли и промышленности); Я.И. Утин (директор одного из Департаментов Министерства юстиции); М.М. Федоров (редактор «Вестника финансов, промышленности и торговли» и «Торгово-промышленной газеты», управляющий отделом торговли Министерства финансов и управляющий Министер-

ством торговли и промышленности); С.С. Хрулев (товарищ (заместитель) прокурора Петербургской судебной палаты) и др.

Известный российский публицист Н.А. Рубакин в 1912 г. констатировал очевидное общественное явление – массовое участие высшей бюрократии в делах крупнейших акционерных компаний. Дворянско-бюрократические «сферы» превратились в один из важнейших социальных источников пополнения рядов деловой элиты Российского Центра³⁰.

Интерес, проявлявшийся представителями деловых кругов к различным жалованным атрибутам иерархической системы, был обусловлен их желанием повысить свой социальный престиж, так как само наличие чинов и званий никаких конкретных выгод предпринимательской деятельности не приносило. Наивысшей формой поощрения, несомненно, было возведение «в потомственное Российской империи дворянское достоинство». Для крупнейших чиновников, переходивших в сферу частного предпринимательства, подобной «проблемы» не существовало. В подавляющем большинстве они были дворянами по рождению, или приобрели его на государственной службе. В исключительных случаях успехи предпринимателей-дворян поощрялись пожалованием им родовых титулов.

Другое дело традиционные, или «исконные», предприниматели из купцов и потомственных почетных граждан. Случаи пожалования дворянства за успехи на предпринимательском поприще были вообще не часты. Однако тот факт, что «уходили» в дворянство семьи крупнейших дельцов, представители деловой элиты (число таких родов в Российском Центре вообще было невелико), придавал такому событию особую значимость, речь шла о том, как в условиях Российской империи «просто» богатые становились сословно-привилегированными.

Необходимо учитывать, что далеко не все предприниматели, даже из числа тех, кто имел формальные основания для этого, пользовались возможностью для получения прав «высшего» сословия. Так, семьи крупных предпринимателей, известных коллекционеров и меценатов Морозовых, Щукиных, Третьяковых и Бахрушиных вопрос о потомственном дворянстве не поднимали, хотя, например, А.А. Бахрушин и П.И. Щукин имели чины «статских» генералов. Те же, кто получал дворянский статус, порывали традиционные сословные связи, хотя им не всегда удавалось добиться признания дворянскими обществами.

К началу XX в. целый ряд известных российских предпринимательских фамилий принадлежал к потомственному дворянству, которое они получили по чину, ордену, или «высочайшим пожалованием за выдающиеся заслуги». В их числе Боткины, Губонины, Коншины, Пер-

ловы, Поляковы, Прозоровы, Рукавишниковы, Сапожниковы, Солдатенковы, Солодовниковы и др. Переход в дворянство отдельных предпринимательских фамилий из числа наиболее крупных дельцов продолжался и в дальнейшем. В начале XX в. «одворянились» семьи Крестовниковых, Елисеевых, Якунчиковых, Башкировых, Прохоровых и некоторые другие. Большинство получило новый сословный статус «высочайшим пожалованием» по представлению министров, главным образом министра финансов и министра торговли и промышленности.

Перечисление имен «нового» дворянства свидетельствует о том, что они были широко известны в деловом мире Российского Центра. Представители этих семей владели крупными промышленными и торговыми предприятиями, входили в правления ведущих коммерческих банков, страховых обществ и прочих компаний, имели крупную недвижимость в городах и земельные владения вне городских поселений. Основная их часть, приобретая права потомственного дворянства, не порывала своих предпринимательских занятий и продолжала сохранять позиции в ведущей группе предпринимателей.

Другие (таких было меньшинство) во втором или в третьем поколении полностью отходили от дел и целиком порывали не только сословные, но и профессиональные связи с деловой средой. Конечно, получение потомственного дворянства было лишь одним из факторов, обуславливавших, но отнюдь не определявших подобное развитие. Одним из примеров служит история семьи известного железнодорожного подрядчика, крупного предпринимателя и землевладельца, тайного советника П.И. Губонина, зачисленного «высочайшим именованным указом» в потомственное дворянство. Два его сына, получившие после смерти отца многомиллионное наследство, ничем себя в предпринимательской области не зарекомендовали, быстро прожили большую часть состояния, и по их делам была учреждена «администрация». Внук П.И. Губонина с чином надворного советника занимал должность делопроизводителя в Департаменте полиции.

Дети другого «нового» дворянина Л.С. Полякова продолжали выступать в качестве «функционирующих» предпринимателей вплоть до 1917 г., несмотря на то, что дела отца в начале XX в. «пришли в полное расстройство», а сам он умер, имея многомиллионные долги казне. Из шести сыновей Л.С. Полякова – пять самостоятельно действовали в области частного предпринимательства в тех предприятиях, учреждение и деятельность которых была неразрывно связана с именем их отца³¹.

Важным фактором указанных социальных превращений было установление общности экономических интересов между различными

элементами, находившимися на верху «социальной пирамиды» из числа тех, кому принадлежали реальные рычаги государственного управления или основные средства производства. На рубеже XIX–XX вв. этот процесс проявился со всей очевидностью.

Определение численности предпринимателей Российского Центра, тех, кто относился к лидерам этого социального слоя, к средним и мелким собственникам, а также разделение на группы всех предпринимателей весьма сложно и точно установить в социальной иерархии, где начинается одна группа и заканчивается другая, практически невозможно. Надежным ориентиром здесь могли бы служить два основных показателя – размер собственности и величина дохода. Установить собственника, особенно крупного, очень трудно, так как распространение акционерных и других коллективных и обезличенных форм собственности и организации хозяйственной деятельности приводило к тому, что на авансцене предпринимательства фигурировали далеко не всегда крупнейшие дельцы, многие из которых оставались в тени. Чем выше была степень развития капитализма и сложнее характер предпринимательства, тем многообразнее формы участия собственников в процессе расширенного воспроизводства, тем труднее установить все каналы и источники получения прибыли и выявить группу крупнейших доходополучателей.

Эти общие явления усугублялись в Российском Центре некоторыми своеобразными чертами. Здесь не было подходящего налогообложения, данные которого являлись основой для социальной дифференциации общества; единственная Всеобщая перепись населения 1897 г. почти не касалась профессионально-промысловых занятий, и совсем не затрагивала имущественное положение отдельных лиц; для последующего времени общеимперских материалов о профессиональной группировке населения вообще нет. При всей условности сословного ранжирования, для начала XX в. отсутствуют сводные данные о распределении собственности и доходов населения по сословному признаку. Однако существуют некоторые другие источники, позволяющие достаточно точно определить численность предпринимателей. В процессе подготовительных работ по введению подоходного налога в России дважды проводились обследования групп потенциальных плательщиков; итоговые данные этой работы были опубликованы. Они дают более полное представление об имущих слоях общества в целом и предпринимателей, в частности.

В общей сложности 56,9% юридических и физических лиц, получавших доходы от 1 до 2 тыс. руб., имели 20,9% от общей суммы доходов в Российском Центре в 1909–1910 гг. Кроме того, 31% владельцев с

доходами в 2–5 тыс. руб. имели 25% от общей суммы доходов, а 7,5% с доходами в 5–10 тыс. руб. получали 13,6% всех доходов. Удельный вес собственно предпринимателей можно определить, выделив тех, кто имел доход, превышавший 10 тыс. руб. в год. Этот рубеж в условиях Российского Центра представляется логически обусловленным и им уже пользовались отечественные исследователи³².

Во всех группах таких лиц было 4,6%, им принадлежало 40,5% общей суммы поступлений. Лидирующее положение в среднем объеме доходов по группам занимали владельцы торгово-промышленных предприятий – 32,4%; далее шли представители высокооплачиваемого личного труда, к которым можно отнести высших чиновников, «лиц свободных профессий» – 28,7%; землевладельцам принадлежали 15,6% доходов; владельцам денежных капиталов – 12,9%; собственникам городского недвижимого имущества – 10,4%. Однако, если из всех групп выделить крупных доходополучателей (св. 10 тыс. руб.), собственно предпринимательские слои, то получится следующая картина. Анализ приведенных сведений показал одну характерную закономерность: чем выше был доход, тем малочисленнее была группа получателей, тем значительнее часть национального дохода, которым они распоряжались.

Среди землевладельцев лиц с высокими доходами было 49%; несомненно, что в данную группу входили крупные и крупнейшие латифундисты. Среди собственников городского недвижимого имущества крупнейших доходополучателей было 43,3%, эта группа собственников комплектовалась как из числа предпринимателей, так и из верхов дворянства. В предыдущих группах под единицей доходополучателя подразумевались главным образом реальные, или так называемые «физические лица». В третьей группе собственников (владельцы торгово-промышленных предприятий) положение было иным: в нее включались как индивидуальные предприниматели («физические лица»), так и ассоциированные («юридические лица»). Последние делились на две категории: неотчетные фирмы (торговые дома) и предприятия, обязанные публичной отчетностью, или уставные и акционерно-паевые компании. Общий удельный вес «физических» и «юридических лиц» с доходами св. 10 тыс. руб. составил 63,9%.

В группу рантье входили получатели доходов от процентных и дивидендных бумаг, вкладов в кредитные учреждения, ссуд под заклад движимого и недвижимого имущества. Доля лиц, имевших более 10 тыс. руб. годовых поступлений, здесь составило 34,6%; концентрация средств в этой группе была не менее впечатляющей, чем в предыдущих. Так, чтобы получить 10 тыс. руб. в год от государственной ренты, надо было вложить в процентные бумаги не менее 200 тыс. руб.

Группа получателей доходов «от личного труда» была укомплектована исключительно «физическими лицами». Здесь следует выделить четыре вида занятий: государственная служба, общественная служба, личные промысловые занятия, «свободные профессии». Численность чиновников была абсолютно точно известна. В сумму их доходов вносилось не только служебное содержание, но и квартирные, прогонные, столовые и другие платы. Данные о размерах годового вознаграждения лиц на госслужбе раскрывают имущественную дифференциацию среди них. Только 332 чиновника (0,07%) получали доходы св. 10 тыс. руб. В эту малую группу входили ведущие деятели бюрократии; их вряд ли можно отнести к буржуазным элементам общества. Следовательно, эти показатели можно не принимать во внимание, как и данные о получателях доходов от земской и городской службы (всего 4 чел.).

Среди группы личных промысловых занятий основная часть приходилась на служащих в торгово-промышленном производстве. Учесть таких лиц в отчетных предприятиях было сравнительно легко, благодаря обязательной ежегодной уплате ими личного промыслового налога. Доходы занятых в неотчетных предприятиях зафиксировать было значительно труднее. Здесь к группе получателей были отнесены экспедиторы, биржевые маклеры, нотариусы, агенты, коммивояжеры, приказчики 1 класса в торговых предприятиях 1 разряда и в промышленных 1–3 разрядов. По оценке Министерства финансов, в общей сложности 912 чел. в группе личных промысловых занятий имели доходы, превышавшие 10 тыс. руб.

Если суммировать полученные результаты по отдельным категориям, то можно заключить, что в Российском Центре в 1909–1910 гг. предпринимательская верхушка включала 4,6% владельцев 40,5% общей суммы доходов. Для 1910–1917 гг. каких-либо сводных данных о контингенте доходополучателей нет. Чтобы определить их долю, примем за основу показатели 1909–1910 гг. и, с учетом коэффициента роста, который в период высокой экономической конъюнктуры был выше, чем в первое десятилетие XX в., получим к 1917 г. ок. 1% населения региона, которое имело значительную часть дохода – 40,5% от общей суммы, получавших не менее 1 тыс. руб. в год³³.

Итак, доля крупных и крупнейших предпринимателей несколько снизилась, однако их доходы остались на том же уровне, что свидетельствует о концентрации капиталов. Вместе с тем, объем и доходность средних и мелких предпринимательских слоев сохранились прежними.

7. МЕЛКИЕ СОБСТВЕННИКИ И ЛИЦА НАЕМНОГО ТРУДА

7.1. Кустари и ремесленники

В Российском Центре к началу XX в. широкое распространение получили ремесла и кустарные промыслы¹.

В городской кустарной промышленности Российского Центра на рубеже XIX–XX вв. преобладающее значение имело изготовление предметов быта, одежды – 30,4%, обработка животных продуктов – 17,2%, дерева – 14,1%, металлов – 14%; более скромное место занимала обработка минеральных веществ – 6,6%, производство пищевых продуктов – 10,1%, парикмахерские услуги – 1,9% и прочие ремесла – 5,7%. Сельская кустарная промышленность по отраслям производства распределялась следующим образом: переработка растительного волокна и шерсти – 37%, древесины – 19%, кожи – 13%, минералов – 4%, металлов – 3%. На остальные отрасли приходилось значительно меньшее число работников. Профессиональный состав кустарей и ремесленников региона, занятых в городской и сельской мелкой промышленности в 1912–1917 гг., был следующим: обработка волокна – 39%, древесины – 23%, кожи и других материалов животного происхождения – 14%, продуктов питания – 12%².

Наиболее развитой отраслью кустарной промышленности по числу занятых работников являлась текстильная. В ткацком и портняжном производствах были заняты ок. 40% кустарей и ремесленников. Четвертая часть всех занятых трудилась в ремесленных мастерских по обработке дерева. Особенно широко в этой отрасли были представлены профессии экипажников, мебельщиков, ремесленников по изготовлению колес, бочек, плетению корзин и лаптей, изготовлению деревянной посуды и игрушек. Около 15% кустарей и ремесленников были заняты изготовлением овчин, шуб и других кожаных изделий в кожевенном и обувном производстве.

Особенно много мелких заведений было в пищевой промышленности: обработкой продуктов питания занимались св. 10% работников, причем подавляющая их часть трудилась в мукомольном, крупяном и пекарном производствах. В металлообрабатывающей кустарной промышленности была занята десятая часть всех работников мелкой промышленности, особенно в слесарных и кузнечных мастерских. Мелкая промышленность играла ведущую роль в ряде производств региона: в изготовлении обуви, одежды, предметов домашнего обихода, экипажей и различной металлической утвари (посуды, замков, ножей) и т.д.

К сожалению, статистика не дает точных и достаточно полных сведений по социальному слою кустарей и ремесленников. По сводным материалам земской статистики можно определить их примерную численность в Российском Центре в конце XIX – начале XX в. (прил. 54). Эти данные получены на основании сводных материалов местных обследований, проведенных в разное время в 23 губерниях региона, и касаются 50 кустарных производств, сведенных в 7 основных групп.

Расположив изучаемые 23 губернии по промышленным районам, получим примерные контуры «промышленной территории» Российского Центра. На северо-западе она ограничена Петербургской, Новгородской, Псковской и Олонецкой губерниями; на юго-западе – Калужской, Орловской, Курской и Воронежской губерниями; на востоке – Костромской, Казанской, Самарской губерниями; на юго-востоке – Саратовской и Астраханской.

Наибольшая концентрация «промышленников» наблюдалась в губерниях Центрально-Промышленного района – 547,6 тыс. чел.; в примыкавших к нему губерниях Центрально-Земледельческого района промышленная плотность в целом понижалась до 340,5 тыс. чел.; в губерниях Поволжья, находившихся от предыдущего района к востоку и юго-востоку, численность кустарей и ремесленников падала до 180 тыс. чел.; а в губерниях Северо-Западного района, находившегося на границе с Центрально-Промышленным, работников этих отраслей насчитывалось 102,3 тыс. чел.

Распределение кустарей и ремесленников по отраслям производства, в районах и губерниях было также весьма неравномерным. Так, в Северо-Западном районе более половины их было занято в промыслах по обработке дерева – 53,1 тыс. чел., почти пятая часть – в промыслах по обработке волокон – 18,1 тыс. чел., выделкой изделий из кожи занимались более десятой части – 12,1 тыс. чел. и почти 8 тыс. чел. составляли группу занятых в разных промыслах, из которых 5,8 тыс. чел. приходилось на Петербургскую губернию. Металлообработкой в районе занимались 7,4 тыс. чел., обработкой минеральных веществ (глина, керамика, стекло) – 3,5 тыс. чел., а обработкой рога и кости – всего 13 чел. (исключительно в Олонецкой губернии).

В Центрально-Промышленном районе около половины «промышленников» было занято в обработке волокнистых веществ – 244,7 тыс. чел., четвертая часть – в деревообработке – 134,5 тыс. чел., по 60 тыс. с лишним – в обработке кожи и металла, в обработке минералов – 11,4 тыс. чел., в разных производствах – 30,8 тыс. чел., в обработке рога и кости – 2,6 тыс. чел.

В Центрально-Земледельческом районе почти половина кустарей и ремесленников работала в мастерских по обработке волокнистых веществ – 160,1 тыс. чел., четвертая часть – в обработке древесных материалов – 83,6 тыс. чел., почти восьмая часть – в обработке кожи и меха – 43,2 тыс. чел., более чем по 20 тыс. чел. – в обработке металлов и разных промыслах, в обработке минералов – только 9,9 тыс. чел., а в обработке рога и кости всего 383 чел.

В Поволжье обработкой дерева занимались 72,6 тыс. чел., волокнистых веществ – 45,6 тыс. чел., кожи и меха – 22,4 тыс. чел., рога и кости – 132 чел., минералов – 8,2 тыс. чел., металлов – 12 тыс. чел., в разных производствах было занято 19,1 тыс. чел. Таким образом, в сопоставлении с Северо-Западным районом отрасли кустарного производства трех других районов региона были более разнообразными.

Выделим городских и сельских кустарей и ремесленников. Данные о городских ремесленниках получены по материалам обследования ремесленной промышленности в 1916 г.; количество сельских «промышленников» подсчитано по данным А.А. Рыбникова и А.Г. Рашина; все названные исследователи отмечали недостатки этих данных, в частности, разновременность сбора материалов, неполноту учета занятых в сельской мелкой промышленности ряда губерний³. Добавим, что они не позволяют также отделить наемных работников от работников, занятых в собственных производствах. Тем не менее, других, более полных и достоверных данных не имеется. При общем преобладании сельских кустарей численность работников мелкой промышленности в целом и соотношение занятых в сельской и городской промышленности в различных районах региона была неодинаковой. Хотя это соотношение не вполне точно, так как по городской мелкой промышленности учтены лишь наемные работники, а по сельской, кроме того, лица, занятые на своих предприятиях (то есть удельный вес первых занижается), определенные тенденции такое сопоставление выявить помогает.

Общая численность кустарей и ремесленников Российского Центра составляла 1460,7 тыс. чел., в том числе в городах – 217,8 тыс. чел., в селах – 1242,9 тыс. чел. По численности работников мелкой городской и сельской промышленности впереди шел Центрально-Промышленный район – соответственно 80,4 тыс. чел. и 560,6 тыс. чел.; за ними шли Центрально-Земледельческий, Поволжский и Северо-Западный районы – соответственно 389,8 тыс. чел., 251 тыс. чел., 178,7 тыс. чел. Однако соотношение численности и занимаемых мест в этих районах было разным. За Центрально-Промышленным районом по численности кустарей и ремесленников в городах шли Северо-Западный,

Центрально-Земледельческий и Поволжский районы – соответственно 74,1 тыс. чел., 34 тыс. чел., 29,3 тыс. чел., а в селах – Центрально-Земледельческий, Поволжский и Северо-Западный районы – соответственно 355,9 тыс. чел., 221,7 тыс. чел., 104,6 тыс. чел.

Наибольший разрыв был между численностью городских и сельских кустарей и ремесленников в Центрально-Промышленном районе – 480,2 тыс. чел., в Центрально-Земледельческом – 321,9 тыс. чел., несколько меньшим – в Поволжском – 192,4 тыс. чел. и значительно меньшим – в Северо-Западном – 30,6 тыс. чел. Северо-Западный район, имевший по сравнению с остальными наименьшую численность занятых в мелкой промышленности, отличался тем, что удельный вес городских ремесленников был гораздо более высоким, чем в других районах, составляя 34%. При этом в Петербургской губернии численность ремесленников в городах составляла 41,4% общего числа ремесленников в районе.

Правда, удельный вес городских ремесленников в Центрально-Промышленном районе был несколько выше, чем в Северо-Западном, составляя 36,9% общей численности городских ремесленников региона. Но, учитывая, что разрыв в абсолютных показателях между городскими и сельскими ремесленниками в этом районе был наивысшим, доля первых не представляется больше доли Северо-Западного района. Кроме того, доля кустарей и ремесленников в городах по отношению к селам в Центрально-Промышленном районе была в пределах 12,5%. В Центрально-Земледельческом районе доля ремесленников-горожан составляла 15,6% от общей в регионе, а кустарей и ремесленников в селах – 28,6%. Соотношение «промышленников» в городах и селах в этом районе составило 8,7%. Соответствующие показатели в Поволжском районе были следующими – 13,4%, 17,8% и 11,7%. Общее соотношение доли в городах и селах составило 17,5%. Наконец, общая доля городских и сельских кустарей и ремесленников по районам составляла: в Центрально-Промышленном – 43,9%, в Центрально-Земледельческом – 26,7%, в Поволжском – 17,2%, в Северо-Западном – 12,2%⁴.

В прил. 55 приведены сведения о возрастном-половом составе, использовании наемного труда и распределении кустарей и ремесленников региона по видам производства. Анализ этих данных свидетельствуют о том, что кустари и ремесленники, с целью рациональной организации производства, прежде всего использовали труд мужчин своей семьи, а затем – труд женщин и подростков. Мужской труд преобладал в металлообрабатывающей, кожевенной, деревообрабатывающей, гончарной отраслях, составляя в целом 90–100% занятых работников. Труд женщин и подростков широко использовался в мало-

доходных или не требующих физической силы и длительного обучения промыслах, испытывавших сильную конкуренцию со стороны крупной промышленности. Это были все отрасли текстильного промысла, кроме портняжного, веревочного, канатного, пимокатного, войлочного, где широко применялся мужской труд. Труд женщин и подростков в значительных размерах использовался в корзинном, лапотном, ложкарном, рогожном и кулеткацком промыслах.

Следует также отметить, что низкооплачиваемые промыслы, не требовавшие высокой квалификации, чаще всего были распространены в деревне. И наоборот, в городах были представлены ремесла, требовавшие длительной выучки и поэтому сравнительно высокооплачиваемые. Наемный труд использовался в наиболее капиталоемких отраслях (слесарном, жестяном, овчинно-скорняжном), или в отраслях с наибольшим влиянием скупщиков (сапожном, пимокатном).

Источники пополнения кустарей и ремесленников, сведения об их семейном положении показывают данные переписи 1897 г. Среди работников этой профессиональной группы был низок удельный вес лиц, состоявших в браке; он был значительно ниже, чем у рабочих крупной фабрично-заводской промышленности. Из всех перечисленных профессий в среднем 70–80% работников были обречены на одинокое существование, что свидетельствует об их тяжелом материальном положении. У ремесленников была слабая связь с землей и их пополнение в основном шло за счет членов их семей⁵.

Труд кустарей и ремесленников в большинстве случаев был поставлен в неблагоприятные условия: кустари, приобретая материал для производства, не имели свободного капитала, дешевого и легко получаемого кредита; кроме того, они были почти лишены технических знаний, вследствие чего их изделия оценивались низко и были рассчитаны, в основном, на самого скромного потребителя, и, наконец, кустари почти никогда не имели возможности вступать в непосредственные отношения с потребителем или рынком. Поэтому кустари и ремесленники обычно попадали в полную кабалу к посредникам – скупщикам, которые доставляли им сырье по дорогой цене, запутывали их всевозможными кредитными тонкостями и за бесценок скупали у них изделия, при этом расплачиваясь за товар не наличными деньгами, а дорогими предметами обихода или продуктами.

Оценивая социальную природу кустарей и ремесленников, необходимо учитывать то обстоятельство, что в Российском Центре довольно развитые отрасли кустарной промышленности были организованы, как правило, на принципах товарного производства. Встречалось иногда применение наемного труда.

С началом Первой мировой войны и последующими мобилизациями в армию численность ремесленников и кустарей по стране и в регионе сократилась. Вместе с тем, некоторые мастерские, сумевшие приспособить свое производство к нуждам обороны, значительно укрепились. По объемам выпускаемой продукции, численности работников, применению машин они достигли уровня фабрично-заводских предприятий. Значение кустарных промыслов возрастало таким образом за счет выполнения ими военных заказов. Наиболее квалифицированным ремесленникам в период войны предоставлялись отсрочки от призыва в армию.

7.2. Рабочие

Размещение наемных рабочих на территории Российского Центра определялось своеобразием развития в отдельных районах и губерниях промышленности, транспорта, торговли, капиталистических или традиционных форм ведения сельского хозяйства. Оно показывает социальный облик и особенности как промышленного развития всего региона, так и того, которое было характерно для различных категорий наемных рабочих.

Кратко проанализируем крупнейшие промышленные районы Российского Центра, сосредоточивавшие на своих предприятиях подавляющее число наемных рабочих⁶. Изменения численности рабочих на предприятиях, подчиненных фабричной инспекции в 1900–1917 гг., показаны в прил. 56. В нем прослеживается динамика численности фабрично-заводских рабочих за 17 лет по всем губерниям региона. Как видим, в 1900 г. в Российском Центре имелось 7,7 тыс. предприятий, подчиненных надзору фабричной инспекции; на них было занято 994,2 тыс. рабочих. В 1913 г. число предприятий уменьшилось на 986, а численность рабочих увеличилась на 288,2 тыс. чел.; в конце 1917 г. число предприятий несколько увеличилось (на 100), численность рабочих также немного поднялась (на 672 чел.). Уменьшение числа предприятий произошло за счет закрытия ряда мелких фабрик и заводов в связи с усилившимся процессом концентрации промышленного производства.

Сокращение общей численности рабочих в ряде губерний произошло вследствие мобилизации мужчин призывных возрастов в действующую армию, однако численность их по отдельным районам региона несколько поднялась в начале войны, особенно ощутимым был рост численности с 1900 по 1917 гг.

Среднегодовая численность и размещение по районам и губерниям региона рабочих ряда профессий в 1897–1917 гг. показаны в прил. 57. Анализ статистических данных выявляет интересные закономерности, связанные с размещением железнодорожников. Если не принимать во внимание масштабы территорий губерний, то протяженность сети железных дорог и соответственно численность рабочих и служащих были больше, во-первых, в промышленных губерниях, таких как Московская, во-вторых, в сельскохозяйственных губерниях, дававших товарную сельскохозяйственную продукцию, например Саратовской, Самарской, Тамбовской, Курской и др.

Это обстоятельство, наряду с территориальными размерами районов, сказалось на общей численности железнодорожников в каждом из них. Самой большой она была в Центрально-Земледельческом районе – 102,5 тыс. чел., затем следовал Центрально-Промышленный – 70,9 тыс. чел. и Поволжский – 57,1 тыс. чел. Относительно меньшая численность железнодорожников была в Северо-Западном районе – 43,9 тыс. чел., что можно объяснить как меньшей величиной территории, так и незначительной протяженностью железных дорог в Олонецкой, Псковской и Новгородской губерниях.

Вместе с тем, известно, что Петербург и Москва являлись крупнейшими железнодорожными узлами страны. Из губерний, концентрировавших наибольшую численность фабрично-заводских рабочих, в самом выгодном положении оказывались Петербургская и Московская: здесь находились также крупнейшие группы железнодорожников – соответственно 15,1 тыс. и 18,1 тыс. чел. В то же время сосредоточение значительной численности железнодорожников в сельскохозяйственных губерниях способствовало их влиянию на общую численность и удельный вес рабочих в целом. Там они представляли нередко основную группу индустриальных рабочих.

Региональные и районные данные о размещении по губерниям строительных и торговых рабочих, чернорабочих и поденщиков, а также сельскохозяйственных рабочих содержит лишь один источник – перепись населения 1897 г. Наибольшая численность строительных рабочих сосредоточивалась в Центрально-Промышленном, Центрально-Земледельческом и Северо-Западном районах, в первую очередь – в промышленно развитых губерниях. Особенно выделялись в этом отношении Петербургская и Московская губернии. Много строителей насчитывалось также во Владимирской, Костромской, Нижегородской губерниях. В то же время большое количество рабочих-строителей было сосредоточено в сельскохозяйственных губерниях, откуда, очевидно, они направлялись на заработки (следует учесть, что перепись 1897 г. проводилась зимой, когда

большая часть сезонников возвращалась в деревню). Таковы губернии Рязанская, Калужская, Курская и др. Местами выхода строителей были также Владимирская и Костромская губернии.

О распределении строительных рабочих по местам выхода разные источники называют следующие направления. Можно предположить, что в известной мере это были места их работы. Основными районами выхода были Северо-Западный, Центрально-Промышленный, Центрально-Земледельческий, дававшие наибольшее число отхожих рабочих-строителей, в меньшей степени – Поволжский район.

В еще большей степени тенденция к размещению рабочих преимущественно в экономически развитых губерниях видна на примере чернорабочих и поденщиков. По их наибольшему количеству районы располагались так: Поволжский, Центрально-Промышленный, Северо-Западный, Центрально-Земледельческий. По численности этой профессиональной группы губернии следовали в таком порядке: Петербургская, Московская, Новгородская, Тверская, Нижегородская, Ярославская. Сосредоточение чернорабочих в промышленно развитых губерниях не подлежит сомнению. В то же время большая часть их трудилась в сельскохозяйственных губерниях: Астраханской, Саратовской, Самарской, Воронежской, Орловской и др.

Что касается размещения рабочих, занятых в торговле, то здесь отчетливо проявляется прямая зависимость их численности от степени промышленного развития районов и губерний. Самое большое количество работников торговли сосредоточивалось в Центрально-Промышленном и Северо-Западном районах, затем в Центрально-Земледельческом и Поволжском. Наибольшее количество занятых в торговле приходилось на Петербургскую и Московскую губернии. Много их было в Ярославской, Тамбовской, Саратовской, Тверской губерниях.

К началу Первой мировой войны указанные соотношения в определенной мере изменились, ибо темпы роста рабочих разных категорий и отраслей были неодинаковы в различных районах и губерниях. Тем не менее эти изменения едва ли могли существенным образом повлиять на общую картину, отражавшую различие районов по указанному соотношению.

На социально-экономическое развитие рабочих определенное влияние оказывало размещение их в городах и вне городов. Наиболее массовые статистические данные о размещении рабочих были собраны и разработаны в начале XX в. А.В. Погожевым. Помимо предприятий, подчиненных фабричной инспекции, им были учтены крупные казенные заводы, железнодорожные мастерские, металлургические и горнодобывающие предприятия⁷.

Данные о распределении предприятий в городах и вне городов по производствам касаются лишь крупнейших заведений, имевших св. 1 тыс. рабочих. По удельному весу городских рабочих выделялись занятые обработкой животных продуктов – 100%, бумагоделательным и полиграфическим производствами – 60,3%, добычей нефти – 100%. Из рабочих, обрабатывавших волокнистые вещества, вне городов находились 63%, металлы – 70,5%, минеральные вещества – 82,7%, продукты питания – 61,5%, дерево – 61,4%; занятых в химическом производстве – 63,5%. В целом, в обрабатывающей промышленности вне городов трудились 65,6% рабочих, а в горной – 92,1%⁸.

Сведения о размещении предприятий в городах и вне городов по губерниям и районам региона касаются всех учтенных заведений. Анализируя их, можно прийти к выводу о том, что городские фабрики, особенно более крупные, преобладали в Петербургской губернии. Но эти заключения носят слишком общий характер.

В удельном весе рабочих в городах по районам и губерниям Российского Центра в 1902 г. обнаруживались некоторые колебания. Наиболее высоким удельным весом городских рабочих отличался Северо-Западный район – 40,2%, а в нем губернии – Петербургская, Олонецкая и Псковская соответственно – 83,9%, 41,9%, 31,3%. В Центрально-Земледельческом районе городские рабочие составляли 36,7%, причем для большинства губерний района было характерно равномерное распределение городских рабочих. Средние показатели имели Центрально-Промышленный и Поволжский районы. Однако по удельному весу городских рабочих выделялись Ярославская, Московская, Владимирская, Самарская, Саратовская, Казанская губернии. В Центрально-Земледельческих губерниях большинство рабочих трудились вне городов.

Ниже средних показателей был удельный вес городских рабочих в Новгородской, Нижегородской, Симбирской губерниях. Доминирующее положение текстильной промышленности сказалось на высоком удельном весе негородских рабочих в некоторых губерниях. Выше среднего показателя доля городских рабочих была в Московской, Рязанской и особенно в Ярославской губерниях.

Материалы промышленного обследования 1908 г. свидетельствуют о том, что 1/4 всех фабрично-заводских рабочих Российского Центра была сосредоточена в шести городах с высокой численностью рабочих (Петербург, Москва, Иваново-Вознесенск, Орехово-Зуево, Тверь, Ярославль). Здесь концентрировалась также значительная часть строителей, рабочих торговли, чернорабочих и т.д. Особенно выделялись по концентрации различных групп рабочих Петербург, где по переписи

1910 г. насчитывалось 504 тыс. рабочих (с пригородами), и Москва, сосредоточившая 445 тыс. рабочих⁹. Вместе с тем, вне городов находилась значительная часть не только фабрично-заводских, но и строительных рабочих, чернорабочих и поденщиков, не говоря уже о сельскохозяйственных рабочих.

С конца XIX в. и по 1917 г. наиболее крупные предприятия создавали тип совершенно оторванного от земледелия потомственного рабочего, из поколения в поколение передававшего свое занятие фабрично-заводским трудом. В 1900 г. 85% фабрично-заводских рабочих региона считались постоянными; средние показатели по районам несколько колебались, но были достаточно высокими: в Северо-Западном районе – 85%, в Центрально-Промышленном – 89%, в Центрально-Земледельческом – 86%, в Поволжском – 79%. Особенно много постоянных рабочих было в таких промышленных губерниях, как Петербургская, Московская, Владимирская, Нижегородская, Самарская, Саратовская.

В распоряжении исследователей имеются материалы Министерства финансов по группам производств об удельном весе постоянных, временных, годовых и сезонных фабрично-заводских рабочих Российского Центра в 1900–1913 гг. (учтены предприятия с 50 и более рабочими), при этом постоянными считались рабочие, занятые круглый год. Данные о годовых и сезонных рабочих за 1913 г. имеются в материалах промышленной и профессиональной переписи 1918 г. Они относятся к тем предприятиям фабрично-заводской промышленности, по которым были получены сведения за 1913 и 1918 гг. К годовым рабочим при обработке переписи были отнесены не только те лица, которые нанимались на год, но и рабочие несезонных производств, а также те рабочие сезонных производств, работа которых продолжалась вне сезонного периода. К сезонным отнесены все рабочие, занятые работами только в производственный сезон. Если понятия «постоянные» и «годовые», по существу идентичны, то в термины «временные» и «сезонные» можно вкладывать различный смысл. Исходя из сказанного, следует сохранить ту терминологию, которая использована в источниках.

Данные за 1900–1901 и 1913 гг. не вполне сопоставимы, однако определенные тенденции в процессе образования кадров постоянных рабочих они, безусловно, отражают (прил. 58). Совершенно очевиден общий высокий удельный вес постоянных рабочих, достигавший по всем производствам 96–97%; кроме того, с 1900 по 1913 гг. наблюдается рост доли постоянных рабочих практически по всем производствам (за исключением деревообрабатывающей промышленности). Эти данные

показывают особенно высокую долю постоянных рабочих в одних и тех же производствах: в металлообработке, в химической промышленности, на хлопкообрабатывающих предприятиях, в производстве бумаги. По сведениям за 1913 г., высоким удельный вес годовых рабочих был в следующих производствах: полиграфическом, художественной промышленности, по обработке льна и шерсти, по изготовлению одежды.

На предприятиях горнодобывающей и горнозаводской промышленности процесс создания постоянных рабочих кадров протекал более медленно, годовых рабочих было меньше, особенно в каменноугольной (74,5%), чем в фабрично-заводской, а сезонные составляли более 1/4. При этом нефтяная, а также железорудная и железоделательная промышленность превосходили каменноугольную по удельному весу годовых рабочих, а в остальных отраслях их доля была еще ниже. Тем не менее абсолютный и относительный рост постоянных рабочих происходил и здесь.

Кроме того, данные 1918 г. выявляют ряд закономерностей, которые прослеживаются и по сведениям 1900 г. Так, особенно высоким удельным весом годовых рабочих выделялись Петербургская, Олонецкая, Владимирская, Тульская, Орловская губернии. Наименьшие показатели были характерны для Астраханской, Псковской, Курской губерний. В то же время ряд губерний, которые в 1900 г. по удельному весу рабочих стояли ниже среднего уровня, по данным 1918 г. отличались очень высокими показателями (Рязанская, Саратовская, Тамбовская). Учитывая приведенные сведения, а также дальнейшее развитие промышленности в начале XX в., рост ее концентрации и механизации, можно утверждать, что численность постоянных рабочих к началу Первой мировой войны возросла не только абсолютно, но и относительно. Отрасли и губернии, где удельный вес постоянных рабочих был наибольшим, анализируемые материалы выявляют довольно точно.

Определить численность железнодорожных рабочих практически невозможно, так как статистика приводила лишь общие данные о рабочих и служащих железнодорожного транспорта. Рабочие и служащие железных дорог делились на постоянных, временных и поденных. Доля постоянных с 1900 по 1913 гг. возросла с 55–58,7% до 60% от численности всех железнодорожников. Остался на прежнем уровне удельный вес временных работников – с 3,8–7% до 6%, в то время как доля поденных сократилась с 37,5–38% до 34%. Наибольшим удельный вес постоянных работников в 1913 г. был в управлении (91,4%) и службе движения (86,4%). В службе путей и строений их было 50,1%, а в службе тяги и подвижного состава – всего 37,7%. В последней особенно велика была доля поденных рабочих.

К этим же категориям в службе тяги относили не только мастеровых, но и помощников машинистов, в службе ремонта путей – слесарей, каменщиков, маляров, столяров, плотников. В службе движения постоянными рабочими считались лишь заведующие кондукторскими бригадами и сцепщики. Кондукторы и обер-кондукторы относились к временным рабочим. До начала XX в. железнодорожники пополнялись главным образом из крестьян. В рассматриваемый период, когда темпы строительства железных дорог в целом несколько сократились, источником пополнения этой профессиональной группы рабочих, кроме службы ремонта путей, являлись семьи железнодорожников.

Наиболее массовые сведения о связи фабрично-заводских рабочих с землей дала перепись 1918 г. Содержащиеся в ней данные о рабочих Российского Центра, имевших до 1917 г. землю (свою или своей семьи), и о рабочих, ведущих хозяйство при помощи членов своей семьи, представлены в прил. 59. Согласно переписи, из всех учтенных рабочих имели землю 31,3%, вели хозяйство с помощью членов семьи 20,9%, тогда как для остальных 10,4% связь с деревней носила формальный характер. Следует отметить, что эти показатели могут быть завышены вследствие того, что перепись учла значительное количество текстильщиков, наиболее тесно связанных с землей, в то время как рабочие машиностроительной и металлургической промышленности не были охвачены ею полностью. Известно также, что в годы Первой мировой войны состав рабочих существенно пополнился выходцами из деревни, что увеличивало общий показатель связи с землей.

Связь с землей была наиболее заметна у рабочих горной (44,4% имели землю), пищевой – 38,1% и текстильной промышленности (особенно в производствах по обработке шелка – 41,4% и шерсти – 37%); заметна в машиностроительной – 24,1%, полиграфической – 17,5% и некоторых других отраслях. При этом вели хозяйство с помощью членов семьи значительно меньшее количество рабочих: в машиностроительной промышленности всего 13,9%, полиграфической – 9,8%, хлопкообрабатывающей – 20,4%, пищевой – 29,2%.

Выявленные тенденции в известной мере условно могут быть использованы для характеристики отношения рабочих к земле в предвоенный период. Существовали семейные, родственные, хозяйственные (земля, дом), общинные (необходимость платить налоги) связи. Однако нередко многие из них не играли особой роли и не оказывали принципиального влияния на показатели, определявшие социальный облик рабочего, такие как квалификация, стаж работы и др. Даже наличие земли, обрабатывавшейся родными, свидетельствовало о своеобразном разделении труда в семье. Проявлением наиболее прочной

связи с сельским хозяйством являлся уход на полевые работы, который, с одной стороны, отражался на работе предприятия, с другой – в большей мере обуславливал специфические интересы рабочих.

Менее всего были связаны с землей рабочие Северо-Западного и Поволжского районов, где имели землю и вели хозяйство при помощи членов семьи соответственно 16,5%, 11% и 21%, 9,6% рабочих. Наименьшая связь с землей из губерний этих районов имела в Петербургской – 8,7%, Астраханской – 4,8% и Казанской – 1,5%. В столице имели землю 17,2% рабочих, но лишь 9,9% сами или с близкими родственниками участвовали в обработке земли и только 0,9% постоянно уходили на полевые работы. Из крестьян – жителей Петербурга в 1910 г. уходили на летние работы 13%; связь с землей была выше в их среде за счет того, что переписью 1910 г. учитывались рабочие мелких заведений, а также чернорабочие и прислуга, еще не прочно осевшие в городе.

Более тесные связи рабочих с землей наблюдались в Центрально-Промышленном и Центрально-Земледельческом районах, где доля имевших землю рабочих составляла соответственно 28,7% и 37,7%, а вели хозяйство – 21,3% и 27,9%. В данном случае следует учитывать не только отраслевые особенности промышленности, но и факт расположения значительного числа предприятий вне городов, а также тесную связь с местным рынком рабочей силы. Вместе с тем, в наиболее развитых губерниях Центрально-Промышленного района, особенно в крупных промышленных центрах, связь рабочих с землей была весьма незначительной. В Московской губернии в 1908 г. в фабрично-заводской металлообрабатывающей промышленности уходили на полевые работы всего 2,4% рабочих, а в хлопчатобумажной – 4,2%. В Москве, по переписи 1918 г., имели землю 32,4% фабрично-заводских рабочих, но вели на ней хозяйство с помощью семьи всего 18,4%. Согласно переписи населения Москвы 1912 г., примерно 25% учтенных рабочих имели связь с сельским хозяйством (как и в Петербурге, эта доля повышалась за счет других категорий рабочих, кроме фабрично-заводских), но конкретная помощь ему оказывалась часто за счет заработков¹⁰.

Рабочие достаточно высокоразвитых в промышленном отношении Ярославской и Тульской губерний были слабо связаны с землей: вели хозяйство при помощи членов семьи соответственно 10,1% и 15,8%, а участвовали в полевых работах – 1% и 2,2% рабочих. Это объяснялось не только наличием здесь машиностроительных, металлообрабатывающих и металлургических предприятий, но и тем, что производство, в том числе текстильное, сосредоточивалось в основном в городах. В Иваново-Вознесенском районе более тесная связь с землей (35,7% рабочих имели землю и 22,6% вели на ней хозяйство) наблюдалась за

счет предприятий, расположенных в сельской местности. Однако в обработке земли в 1907 г. участвовал всего 1% иваново-вознесенских ткачей. Несмотря на специфику формирования рабочих кадров в Российском Центре, связь рабочих с землей носила здесь в большинстве случаев формальный характер, а работа в промышленности являлась единственным источником существования.

Вопрос о семейном положении и особенно о рабочих, живших в своих семьях, представляет несомненную значимость в изучении поставленной проблемы. Анализ статистических материалов свидетельствует о степени и масштабах оседания рабочих с семьями по месту работы главы семьи и таким образом раскрывает процесс образования кадров постоянных рабочих. Как правило, такие семьи окончательно порвали связь с землей.

Доля числа фабрично-заводских рабочих, состоявших в браке и не живших в своих семьях составляла 79%, а накануне войны, по данным переписи 1918 г., имели свою землю или землю своей семьи только 31,3% рабочих. Это, конечно, несравнимые данные, но они показывают темпы «раскрестьянивания» рабочих – вчерашних крестьян. Отметим также, что если в 1897 г. с землей были связаны ок. 70% рабочих полиграфического производства, то в 1917 г. – всего 17,4%, рабочих металлообрабатывающей промышленности – соответственно 55% и 29,3%, деревообрабатывающей – 54% и 28,5%. Большинство рабочих в этих отраслях в 1897 г. жило в своих семьях; наибольшее количество рабочих, состоявших в браке, насчитывалось в горной и текстильной отраслях промышленности. Казалось, они должны были бы сохранять наименьшую связь с землей; в действительности, из-за того, что эти предприятия чаще всего были расположены в сельской местности, а также из-за особенностей землепользования, рабочие этих отраслей в течение всего изучаемого периода имели наибольшую связь с землей.

Рабочие транспорта и связи отличались высоким удельным весом лиц, состоявших в браке, даже превышавшим средний показатель брачности населения страны (64%). Однако высокий удельный вес брачности не означал, что все состоявшие в браке транспортные рабочие жили в своих семьях. Так, на железных дорогах в своих семьях проживало лишь 13% рабочих. На сухопутном транспорте главную профессиональную группу составляли извозчики, они почти постоянно были оторваны от своих семей. По данным переписи 1897 г., довольно высоким оказался удельный вес живших в своих семьях рабочих водного транспорта (25%), так как перепись производилась зимой, когда навигация прекратилась и часть судорабочих, находившихся не у дел, оказалась дома.

О слабой связи с землей строительных рабочих и чернорабочих свидетельствуют данные об их семейном положении. В 1897 г. ок. 65% строителей имели семьи. Но даже по завышенным данным переписи, когда в зимнее время многие сезонные строительные рабочие находились дома, а не на строительных работах, лишь 20% жили в семье. Более 50% поденщиков и чернорабочих состояли в браке, однако характер работы не позволял подавляющему большинству их жить в своих семьях. Почти круглый год, мигрируя в поисках заработка, они жили отдельно от своих семей. В январе 1897 г. в своих семьях жило лишь 23% всех рабочих этой профессиональной группы.

Анализ данных о семейном положении батраков свидетельствует о том, что во всех группах доля состоявших в браке батраков была ниже, чем названные выше доли брачности всего населения региона или даже фабрично-заводских рабочих. Удельный вес состоявших в браке среди батраков был выше в лесных промыслах (67%) и ниже в животноводстве, где большая часть мужчин, особенно пастухов, из-за молодого возраста (16–19 лет) еще не состояла в браке. Среди батраков преобладали лица, жившие не в своих семьях. Самый высокий показатель живших в своих семьях составляли батраки, занятые в животноводстве (27%). Это были семьи конюхов, скотников и скотниц, работавшие у помещиков и в хозяйствах зажиточных крестьян. Менее всего жило в своих семьях батраков, занятых лесоводством и лесными промыслами (12%).

Изучение данных о семейном положении прислуги и о численности, прислуги, жившей в своих семьях, свидетельствует о том, что по брачности прислуга была наиболее одинокой категорией среди лиц наемного труда. Так, лишь 1/5 домашней прислуги состояла в браке. Среди других групп прислуги доля брачности была довольно высока, достигая 60%. Прислуга не жила в своей семье – она прислуживала в чужих семьях, на фабриках, в усадьбах и в учреждениях. В своих семьях жило всего 3–5% всей прислуги. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что прислуга, особенно домашняя, в подавляющем большинстве была обречена на одинокое существование.

Таким же неблагополучным и неустроенным было семейное положение рабочих, занятых в торговле. Данные о брачности и проживании в своих семьях рабочих всех отраслей торговли утверждают, что показатель брачности у торговых рабочих достигал 32–37%, причем в своих семьях жило всего 4–10%. В питейной торговле, правда, эта цифра достигала 15%, но в этой отрасли была занята весьма незначительная часть рабочих торговли¹¹.

К 1917 г. большие изменения произошли не только в общей численности и профессиональном составе фабрично-заводских рабочих

Российского Центра, но также и в составе рабочих по полу (прил. 60). В 1900 г. 82% всех рабочих обрабатывающей промышленности составляли мужчины, а женщин насчитывалось всего ок. 1/5 от общего числа рабочих. Женщины были заняты главным образом в текстильной промышленности, на прядильных и ткацких, а также хлопкообрабатывающих предприятиях, где они составляли 81% рабочих; ок. 13% женщин трудились в силикатной промышленности, св. 37% – в бумажной; в остальных отраслях промышленности женщины были представлены крайне слабо.

В последующие годы применение женского труда в обрабатывающей промышленности значительно возросло, к 1917 г. женщины составляли уже 22% всех рабочих. Особенно увеличилось применение женского труда в текстильной, пищевой, силикатной и химической отраслях промышленности и лишь в металлообрабатывающей, в связи с ростом в крупнейших центрах машиностроения, металлообработки и электротехнической промышленности, где в основном применялся мужской труд, удельный вес женщин в целом по региону несколько сократился.

Статистика приводит сведения об использовании труда малолетних, детей и подростков в обрабатывающей промышленности Российского Центра в 1897–1917 гг. Несмотря на то, что используемые источники для определения удельного веса детского труда в общей численности рабочих обрабатывающей промышленности не вполне сопоставимы, так как перепись 1897 г. учитывала численность рабочих на всех предприятиях, а «Свод отчетов... за 1917 г.» – лишь на предприятиях, подведомственных надзору фабричной инспекции, они свидетельствуют о продолжавшемся сокращении в связи с введением в обрабатывающей промышленности надзора со стороны фабричной инспекции за применением труда малолетних в указанный период на крупных предприятиях и росте его применения на мелких предприятиях. В это время наблюдалось значительное увеличение применения труда подростков в обрабатывающей промышленности. К 1917 г. они составляли в среднем 8,8% рабочих во всех отраслях, а в полиграфической – даже 18%¹².

Итак, рост применения женского и детского труда в исследуемый период на предприятиях Российского Центра объясняется его дешевизной. Кроме того, происходил рост численности потомственных кадровых рабочих, живших в городе вместе с семьями и порвавших связь с землей. Наконец, рабочий со средним заработком один не мог содержать семью, о чем убедительно свидетельствуют бюджетные обследования рабочих и другие источники.

7.3. Крестьяне

В конце XIX – начале XX в. капиталистические отношения все более ощутимо вторгались в жизнь крестьянства. Они деформировали этот социальный слой, формируя новые социальные типы в деревне. Степень и глубина социального расслоения деревни были неодинаковы в отдельных районах. В зоне торгового зернового земледелия процесс дифференциации крестьянства достиг стадии возникновения безземельных крестьян и владельцев крупных зажиточных хозяйств; в губерниях Центрально-Земледельческого района – зоне преобладания помещичье-буржуазной аграрной эволюции – происходило образование кабально зависимых мелких товаропроизводителей и торговоростовщических групп населения.

В российской деревне в начале XX в. наблюдался рост социальных противоречий как между помещиками и всем крестьянством, так и внутри крестьянства – между низшими группами и зажиточными крупными хозяйствами. Развивавшиеся капиталистические отношения приводили к формализации, а затем к исчезновению коллективистских тенденций в общине, что являлось одним из признаков ее кризиса и разложения. Отходничество также способствовало разрыву связей крестьян с общиной. О кризисных явлениях в общине свидетельствовали распад патриархальной большой семьи и возрастание удельного веса семейных разделов, что усиливало остроту земельного кризиса в деревне.

Индивидуалистические черты крестьянина-собственника отчетливо обнаруживались при распределении земли, купленной общинами или товариществами у Крестьянского поземельного банка. Например, во многих губерниях Российского Центра шел процесс концентрации купленной земли у зажиточных хозяев, хотя земля не переставала формально считаться коллективной собственностью. Подобные явления наблюдались при уплате налогов и выкупных платежей. Разложение общины достигло такой степени, отмечал А.М. Анфимов, когда коллективная ответственность пришла в непримиримое противоречие с глубоко укоренившимся индивидуалистическим строем крестьянского хозяйства, с интересами зажиточных и средних крестьян, не желавших платить сборы за разоренную бедноту и отсутствующих в деревне домохозяев-отходников¹³.

Процесс дифференциации крестьянства протекал интенсивнее в степных районах Российского Центра, где формировались хозяйства фермерского типа, использовавшие капиталистические методы привлечения труда сельскохозяйственных рабочих. Сельские предпринимате-

ли стремились занять и упрочить господствующие позиции в деревне. Объективно они были заинтересованы в ликвидации помещичьего землевладения, в расширении своих экономических и политических прав.

Если в низовом административном аппарате управления высшие группы крестьян могли путем подкупа занимать должности сельских старост, волостных старшин, писарей и мировых судей, что давало им право решать в свою пользу многие вопросы, касавшиеся землепользования, налогов и сборов, а также штрафовать крестьян на сумму до 1 руб., сажать под арест сроком до двух дней без суда и следствия, посылать на ремонт дорог, путей, мостов, то в уездных земских собраниях большинство мест, как правило, принадлежало дворянам, поэтому гласные от крестьянской курии практически не могли влиять на решение многих вопросов. Но, несмотря на проявления определенного недовольства засильем дворянства в экономическом и политическом строе, в целом, взгляды зажиточных верхов деревни продолжали оставаться консервативными¹⁴.

Распределение земли у крестьян Российского Центра в 1905 г. показано в прил. 61. Оказывается, 5698,1 тыс. крестьянских дворов региона располагало 55481,7 тыс. дес. земли, в среднем, на каждый двор приходилось по 13,5 дес. Конечно, порайонные и погубернские показатели значительно отличались друг от друга, но то, что их сближало, – это было острое малоземелье крестьян, располагавших в среднем 5–8 дес. земли на одно хозяйство, особенно в Центрально-Промышленном, Центрально-Земледельческом и в большинстве губерний Поволжского районов. Исключение представляли Северо-Западный район, особенно Новгородская и Олонецкая губернии, где в среднем на двор приходилось от 13,5 до 65,1 дес., а также Поволжье, где в Самарской и Астраханской губерниях каждое крестьянское хозяйство в среднем имело по 19,8 и 28,4 дес. соответственно.

Отсюда средние наделы на один крестьянский двор в этих районах – 24,4 дес. в Северо-Западном и 14,6 дес. – в Поволжском, тогда как в Центрально-Промышленном районе средний показатель составлял 8,1 дес., а в Центрально-Земледельческом – 7 дес. В Российском Центре было сосредоточено 47,4% крестьянских дворов Европейской России и 44,7% земли, в то время как средний статистический показатель земельной площади на одно хозяйство в рассматриваемом регионе был выше аналогичного показателя Европейской России – соответственно 13,5 и 10,2 дес.

Разумеется, полное экономическое значение этих различий в наделах можно установить только при учете угодий, а также почвенных,

климатических и рыночных условий в разных губерниях, что не является задачей данной работы. Однако анализ приведенных статистических данных выясняет центры малоземелья, проливает свет на распределение разных социальных групп крестьянства, показывает процесс социальной дифференциации деревни Российского Центра, соответственно чему получают освещение приводимые в дальнейшем данные в тексте и приложениях.

Структура крестьянского землевладения региона и социальный состав самого крестьянства имели черты, характерные для постепенного перехода от старых традиционных, полуфеодальных отношений к новым капиталистическим. В систему старого устройства общества входило наделное землевладение. Надел являлся своеобразной натуральной заработной платой крестьянина. Он воспроизводил там свою рабочую силу, содержал скот, инвентарь. Пользуясь тем же наделом, крестьянин выполнял и другие натуральные и денежные повинности – платил налоги и т.д. В изучаемый период сохранялись значительные остатки старой социальной системы на селе, включая наделное землевладение, последнее в значительной мере перестраивалось вместе с развитием капитализма. Большая и лучшая часть наделных земель все больше сосредоточивалась в руках зажиточного крестьянства. У низов земля обычно была худшего качества из-за худшей ее обработки, отсутствия удобрений и т.п., в результате чего деревенские низы постепенно лишались своих наделных земель. Этот процесс особенно усилился в Российском Центре с проведением столыпинской земельной реформы, которая форсировала укрепление части наделных земель в личную собственность и вовлечение их в товарооборот.

Росла личная крестьянская земельная собственность и собственность обществ и товариществ, в которых, как правило, основную роль играли зажиточные крестьяне. Структура крестьянского землевладения Российского Центра в 1905 г. отражена в следующих данных. Наделные земли в регионе составляли 83,4%, личная собственность крестьян – 8,9%, собственность крестьянских обществ – 2,5%, собственность крестьянских товариществ – 5,2%, собственность смешанных товариществ разных сословий практически отсутствовала на территории региона. Наделное землевладение преобладало в таких губерниях, как Олонецкая (97,8%), Астраханская (98,6%), Казанская (95,8%), Воронежская (90,9%); меньше наделных земель было в Новгородской (63%), Псковской (66,1%), Тверской (69,9%); в остальных губерниях доля наделных земель держалась в пределах 70–80%. В 1905 г., накануне столыпинской аграрной реформы, в 23 губерниях Российского Центра формально владели землей на общинном праве 76,7%

крестьянских дворов, вместе с казаками – 77,2%; общинной земли числилось по отношению ко всей наделной земле 81,4%, вместе с казачьей – 83,4%; остальная земля числилась на подворном праве¹⁵.

О землепользовании основных категорий крестьян по районам дают представление следующие показатели (прил.62). По количеству дворов основную массу составляли бывшие владельческие, то есть помещичьи, и бывшие государственные крестьяне. Помещичьи крестьяне особенно многочисленными были в Северо-Западном районе – 56,5% и Центрально-Промышленном – 66,6%. Бывших государственных, в целом, было немного. Относительно больше их было в Центрально-Земледельческом и Поволжском районах соответственно 54,9% и 50,6%. Другая категория крестьян, удельные, составляла по региону всего 5%, а в отдельных районах от 1,4% до 9,8%.

По количеству земли государственные крестьяне лидировали в регионе – им принадлежало 50,3% земли; наибольшим количеством такой земли отличались Центрально-Земледельческий и Поволжский районы – соответственно 67,2% и 52,8%. Владельческим в среднем принадлежало 40,8% земли в регионе, тогда как наибольший удельный вес земли у этой категории крестьян был в Центрально-Промышленном районе – 60,2%. Менее всего земли принадлежало удельным крестьянам – 4,6% по региону, хотя наибольшим удельным весом в этом отношении отличались крестьяне этой категории в Поволжье – 8,9%.

Среди трех названных категорий крестьян Российского Центра в среднем на один двор приходилось 9,4 дес. земли, по районам этот средний показатель колебался незначительно – от 7,8 до 11 дес. В то же время среди бывших владельческих крестьян этот показатель равнялся 7,5 дес., по районам – от 5,1 до 9,9 дес.; среди бывших государственных – соответственно 11,5 и от 9,2 до 13,9 дес.; среди бывших удельных – 9,3 и от 8,5 до 10,1 дес. Таким образом, процесс социального расслоения по-разному протекал в различных районах. Это видно из данных о размерах крестьянских наделов на один двор. По губерниям эти размеры варьировались от 3,8 до 65,1 дес. на двор. Но надо, конечно, учесть большое различие в производительности труда на землях разных районов региона. Например, государственные земли были преимущественно в Северо-Западных губерниях с менее плодородными почвами, владельческие – в более благоприятных для ведения сельского хозяйства районах – Центрально-Земледельческом и Поволжском.

Несмотря на обилие традиционных отношений в деревне, на все особенности разных групп крестьянства, в основном все они в той или иной форме вовлекались в капиталистическое развитие. Из деревен-

ских верхов выделялись энергичные крупные хозяева, а из низов – батраки и сельскохозяйственные рабочие, трудившиеся по найму в помещичьих и больших крестьянских хозяйствах на месте и в других районах и губерниях, а также уходившие на заработки на фабрики и заводы, на транспорт и постепенно превращавшиеся в рабочих капиталистических предприятий.

Развивавшееся капиталистическое хозяйство унаследовало большое имущественное неравенство от прежнего уклада, что ускоряло процесс буржуазного расслоения деревни. Дифференциация по надельному землевладению как преддверие капиталистического расслоения выразительно показано в данных о распределении надельной земли по основным группам крестьянства Российского Центра в 1905 г. (прил. 63). Как видим, расслоение по надельной земле зашло далеко: на одном полюсе образовалось огромное количество бедноты, на другом – крупных землевладельцев.

Крупного, богатого крестьянства больше было в Нижнем Поволжье и Заволжье и частично в южной части Центрально-Земледельческого района. Беднота и мелкое крестьянство преобладали в Центрально-Промышленном и большей части Центрально-Земледельческого районов. На базе этого расслоения постепенно складывалась капиталистическая кооперация, тем более что расслоение по надельной земле дополнялось и углублялось тем, что зажиточные слои начинали приобретать купчую землю в индивидуальную собственность. Земля, как было отмечено, также скупалась обществами и товариществами. Верхушка деревни увеличивала свое землепользование также путем аренды земель у своих односельчан и у помещиков. Как велика была, в дополнение надельной, крестьянская земельная собственность, видно из прил. 64.

Среди крестьян было много мелких личных собственников, владевших до 10 дес. на двор; их насчитывалось 60% всех владельцев, но имели они всего 9% земли. Крупные покупатели, сосредоточивая более 10 тыс. дес. на владение, составляли 0,2% всех собственников; они концентрировали в своих руках 17,5% земли, при этом 10 чел. имели св. 10 тыс. дес. на владение, то есть были фактически владельцами латифундий.

Такое сосредоточение большого количества земли в руках ограниченного количества владельцев, «по паспорту» числившихся крестьянами, являлось одним из показателей того, как капитализм, постепенно «раскрестьянивая» крестьян, не только способствовал их пауперизации, а затем превращал в рабочих, но также приводил к выделению мелких, средних и даже крупных земельных собственников из сословия крестьян. Новые собственники, купившие землю, вынуждены

были платить колоссальную ренту бывшим владельцам этой земли, а также огромные суммы банковскому капиталу, который выступал как посредник в скупке и продаже земель помещиков новым собственникам. Это задерживало развитие капитализма в крестьянском хозяйстве, но база для его развития была широкой.

В статистике 1905 г. по обществам и товариществам не приведены данные о количестве входивших в них членов и их предшествующей обеспеченности землей. Это затрудняет анализ данных о покупателях. Но, как показала статистика, эти покупатели являлись представителями деревенских верхов. Что же касается безземельных покупателей, то, как видно из данных Крестьянского поземельного банка, они были выходцами отнюдь не из деревенских низов, а из живших в деревне торговцев, лавочников, сидельцев в винных лавках, которые закреплялись на земле¹⁶.

Часто от имени общества землю покупали более зажиточные крестьяне с последующим распределением купленной земли по дворам. Следует отметить, что при покупке больших земельных массивов обществами земля обходилась относительно дешевле, чем при покупке более мелкими участками отдельными крестьянами. Это сплошь и рядом заставляло зажиточных крестьян организовывать товарищества, чтобы земля обошлась дешевле. К тому же до 1905 г. правительство, поддерживавшее тогда общину, предпочитало продавать через Крестьянский поземельный банк больше обществам и товариществам и меньше в индивидуальные владения. Лишь с началом проведения столыпинской аграрной реформы был взят курс преимущественно на индивидуальных покупателей, притом с разбивкой купленной земли на хутора и отруба, что далеко не во всех районах было удобным для крестьян, особенно из-за водоснабжения, дорожной сети и т.п.

Многие общества и товарищества покупали всего по несколько десятин. В такие товарищества по покупке отрезанных ранее у крестьян в пользу владельцев земель входили не только средние группы крестьян, но иногда и низшие. Этим объясняется то, что многие общества приобретали столь малые участки земли. Некоторые земельные общества и товарищества покупали по 10 тыс. дес. и более. Как бы ни было велико в таких товариществах количество членов, главными покупателями были зажиточные крестьяне, а не представители средних групп и тем более низших. Так, покупка крестьянами земли у крупных землевладельцев усиливала расслоение деревни.

Для обработки земли многие крестьянские хозяйства держали рабочий скот (главным образом лошадей, реже – волов). Однако немало хозяйств были безлошадными, как правило, это малоземельные

и безземельные дворы. Прил. 65 показывает для каждой из 23 губерний Российского Центра количество надельной пашни на крестьянский двор, удельный вес безземельных и безлошадных дворов на рубеже XIX–XX вв. Неравенство в надельной земле и рабочем скоте обуславливало имущественное неравенство крестьянства в целом.

Анализ приведенных данных показывает, что безземельных дворов в регионе было 6%, а безлошадных – 26,2%, что было несколько ниже, чем в Европейской России – соответственно 7 и 29,3%. Конечно, по районам и губерниям эти показатели значительно расходились. Самым безземельным и безлошадным районом был Центрально-Промышленный – соответственно 8,6 и 30,3%. Кстати, здесь же был самый низкий показатель распределения пахотной земли на один двор – 6,4 дес. Менее всего безземельных и безлошадных крестьянских хозяйств имелось в Северо-Западном районе – 5,1 и 20,8%. Еще меньше безземельных дворов было в Центрально-Земледельческом районе – 3,4%, однако безлошадных дворов здесь наблюдалось почти столько же, сколько в Центрально-Промышленном. Среднее положение занимало по этим показателям Поволжье: безлошадных там было 24,8%, а безземельных – 6,7%. Соотношение, как видим, неравномерное, тем более средние показатели наличия земли на каждый двор не всегда совпадали с удельным весом безземельных. Самый высокий средний показатель в этом отношении имело Поволжье – 11,2 дес., далее шел Северо-Западный район – 9,8 дес.; менее всего эти показатели были в Центрально-Земледельческом – 7,4 дес. и в Центрально-Промышленном – 6,4 дес.

С началом столыпинской аграрной реформы интенсифицировалось землеустройство крестьян Российского Центра. Степень интенсивности землеустроительных работ по губерниям региона к 1916 г. показана в прил. 66. Совершенно очевидно, что укрепляли землю в личную собственность крупные и средние зажиточные хозяйства, а мелкие и беднейшие приобретали ее в общинное или общественное владение сравнительно небольшими участками. На основе приведенных данных подсчитаем удельный вес домохозяев, получивших землю в единоличное, общинное или общественное владение, к числу домохозяев, обратившихся с ходатайствами по этому вопросу.

В целом в Российском Центре получили землю 40,8% домохозяев, из них 15,7% – в личное владение, 25,1% – в общественное (ср. с Европейской Россией, где эти показатели были равны соответственно 38,2%, 19,8% и 18,4%, то есть личные и общественные владельцы здесь распределялись примерно поровну, хотя их общий удельный вес несколько уступал общему показателю по Российскому Центру). Что касается отдельных районов Российского Центра, то распределение

общего удельного веса получивших землю домохозяев здесь примерно равное, за исключением Поволжья, имевшего несколько более высокие показатели. В этом районе 45,5% получивших землю к числу обратившихся, в том числе 20,6% – в личное пользование, 24,9% – в общественное. Почти равная доля домохозяев, получивших землю, была в Центрально-Промышленном и Северо-Западном районах – 40,3% и 40,2%, хотя соотношение единоличных и коллективных владельцев здесь было неодинаковым. В первом из них доля личных хозяев была самой низкой во всем регионе – 9,9%, доля коллективных составляла 30,4%; во втором районе соответственно – 26,6% и 13,6%. В Центрально-Земледельческом районе удельный вес хозяев, получивших землю, составил 37,5%, в том числе единоличников – 14,1%, коллективных собственников – 23,4%.

Из проведенного выше анализа можно заключить, что к 1917 г. в Российском Центре меньше половины домохозяев, обратившихся с ходатайством о приобретении земли в личную или общественную собственность, получили ее. К тому же, из числа получивших больший удельный вес приходился на домохозяев в лице крестьянских обществ и товариществ и меньший – на единоличников, за исключением Северо-Западного района, где крестьян-единоличников, получивших землю, было в 2 раза больше. Общий массив земли, полученной крестьянскими обществами и товариществами, был больше площади, полученной крестьянами в личное пользование, за исключением названного района. Однако общинное землепользование при пересчете на каждый крестьянский двор было незначительным в отличие от единоличного, которое характеризовалось более высокой концентрацией земли.

Итак, высшие и средние группы крестьян по-прежнему концентрировали в своих руках значительно большие площади, а низшие группы располагали малыми наделами. Кроме того, верхи деревни принимали участие в покупке общинной и товарищеской земли, как более дешевой, и присоединяли ее к своим владениям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ численности и демографического состава населения Российского Центра на рубеже XIX–XX вв. позволил обосновать следующие наблюдения и выводы. Будучи крупнейшим регионом в стране, он являлся своеобразным срезом российского государства и общества.

Все приведенные данные и подсчеты свидетельствуют о складывании в довоенный период постоянного населения городов, проживавшего там со своими семьями. Различия в численности мужчин и женщин в городах стали менее значительными. В ряде крупных городов в более интенсивном темпе по сравнению с общим ростом всего населения происходило увеличение численности детей в возрастной структуре.

Демографическая ситуация была типичной для традиционного способа воспроизводства населения. Однако в исследуемый период появились признаки демографического перехода к современному типу воспроизводства населения.

В течение всего изучаемого периода на огромной территории региона при разнообразии социально-экономических и санитарно-бытовых условий определились весьма значительные различия показателей естественного движения населения отдельных территорий. Наряду с местностями, в которых показатели естественного движения населения оставались в целом устойчивыми, имелись такие территории, где происходило некоторое снижение показателей рождаемости и смертности.

С 1900-х гг. до начала Первой мировой войны в Российском Центре наблюдалась определенная тенденция к снижению уровня брачности, сокращению доли ранних браков и росту среднего возраста вступления в брак. Однако, за исключением городского населения ряда губерний, эти изменения происходили медленно. Справедливости ради надо отметить, что изменения социально-экономических институтов в стране были слишком слабы, чтобы воздействовать на брачность, эти изменения требовали определенного времени. Тем не менее, изменения в социальных нормах имели место, что, в частности, выражалось в постепенном увеличении числа разводов.

В этот период традиционные формы миграционной подвижности (колонизация, отходничество) значительно интенсифицировались, кроме того, появились новые направления миграционных потоков, в частности, переселение в города, которое стало набирать темп с конца XIX в.

Аграрное перенаселение достигло в земледельческих губерниях Центра огромных масштабов. Это показывает, что решающую роль в заселении новых территорий сыграли наиболее освоенные и охваченные аграрным перенаселением районы Российского Центра. Среди внутренних мигрантов преобладали русские, немало было жителей Поволжья; участие уроженцев Северо-Западного и Центрально-Промышленного районов в этом процессе было невелико.

В годы Первой мировой войны и революции социально-демографическая ситуация в стране резко изменилась. Война явилась значительным ударом по уровню рождаемости в Российском Центре. Все это в скором времени выразилось в снижении этого показателя. В годы войны уровень рождаемости сократился наполовину. Падение ее происходило непрерывно из года в год.

Одной из главных причин подобной динамики рождаемости являлись миграционные процессы. В первую очередь отметим значительную военную мобилизацию мужчин, которая повлекла за собой длительный разрыв супружеских связей и вызвала сильную диспропорцию полов, что предопределило во многом динамику другого фактора рождаемости – брачность.

Первая мировая война резко изменила положение широких слоев населения. Уровень питания значительно снизился, жилищные условия городского населения ухудшились, медицинское обслуживание стало еще менее удовлетворительным.

Однако, в отличие от рождаемости, существенных изменений в смертности гражданского населения Российского Центра в годы войны не отмечалось, несмотря на указанные негативные факторы. Ее уровень несколько снизился в сельской местности, что было связано со снижением детской смертности в результате падения рождаемости, и несколько повысился в городах, где сосредоточивались беженцы и войска. Кроме того, уровень заболеваемости детскими инфекционными болезнями понизился.

Обычно война в сельской местности больше, чем в городах влияет на численность населения. Для городов характерны концентрация военнослужащих, система «брони» для мужчин, работавших на военных предприятиях и в некоторых гражданских учреждениях. В селах же все мужчины призывного возраста, за исключением единиц, подлежали мобилизации.

Первая мировая война деформировала возрастную-половую структуру населения Российского Центра. Повышенная смертность мужчин, вызванная потерями на фронтах, меньшей сопротивляемостью инфек-

ционными болезням, существенно изменила соотношение полов в общей численности населения в пользу женщин.

Значительные изменения в соотношении возрастных групп и полов оказывали влияние на общую демографическую ситуацию в регионе, негативно воздействуя прежде всего на численность и состояние работоспособных и репродуктивных слоев населения.

В годы Первой мировой войны практически каждый четвертый житель Российского Центра оказался мигрантом. Структура миграционных потоков определялась особенностями военного времени и, в отличие от довоенных лет, коренным образом изменилась. Почти прекратились отход крестьян на заработки и организованные переселения их в многоземельные районы Сибири и Дальнего Востока.

Одним из основных видов миграции была значительная военная мобилизация. В 1917–1918 гг. массовое дезертирство и стихийная демобилизация придали перемещениям военнослужащих неконтролируемый характер.

Реакция гражданского населения на военно-хозяйственный кризис и революционные события 1917 г. выразилась в многочисленном и разнообразном по направлениям и причинам движении беженцев. В период войны в глубь Российского Центра двигалась огромная масса эвакуированных и выселенцев из оккупированных и прифронтовых районов. Они направлялись преимущественно в города и вместе с воинским контингентом увеличивали долю городского населения в общей численности населения региона.

Изменился характер эмиграции. Экономическая эмиграция сменилась оттоком из страны тех, кто не принял Октябрьской революции. Многочисленными и важными по последствиям были и другие эмигрантские потоки, в частности, взаимобратные потоки военнопленных и репатриантов (бывших беженцев) в государства, образованные на территории бывшей Российской империи.

Итак, в данной монографии раскрывается общая картина социально-демографического состава населения Российского Центра на рубеже XIX–XX вв. Полученные данные, выводы и наблюдения позволили воссоздать общую картину населения, углубить наши представления о крупнейшем регионе России.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1. См.: Семенов П.П. Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1863–1886. Т.1–6; Он же. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России: Губернии Центральной земледельческой области. СПб., 1890. Вып.1; Он же. Характерные выводы из Первой всеобщей переписи // Известия Русского географического общества. СПб., 1897–1898. Т.33; Семенов-Тянь-Шанский В.П. Город и деревня Европейской России: Очерк по экономической географии. СПб., 1910; Он же. Торговля и промышленность Европейской России по районам. СПб., 1911; Россия: Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1899–1902. Т.1, 2, 3, 6.

2. Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России // Календарь для врачей всех ведомств на 1916 г. Пг., 1916; Он же. Основы демографической и санитарной статистики. М., 1929; Он же. Демография и статистика: Избранные произведения. М., 1978; Он же. Вопросы демографической и санитарной статистики. М., 1958; Он же. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916; Он же. К вопросу о понижении смертности и рождаемости в России. СПб., 1914; Он же. О различиях в смертности городского и сельского населения Европейской России // Общественный врач. 1911. №4; Он же. Война и естественное движение населения // Общественный врач. 1915. №1; Новосельский С.А., Паевский В.В. Таблицы смертности населения Ленинграда за 1910–1911, 1920 и 1923 гг. // Материалы по статистике Ленинграда и Ленинградской губернии. Л., 1925. Вып.6; Уипль Д.Г., Новосельский С.А. Основы демографической и санитарной статистики. М., 1929; Каминский Л.С., Новосельский С.А. Потери в прошлых войнах (1756–1918 гг.). М., 1947; Каминский Л.С. Медицинская и демографическая статистика: Избранные произведения. М., 1974; Биншток Б.И., Каминский Л.С. Санитарное состояние населения в 1914–1918 гг. и военные потери России // Медицинская и демографическая статистика. М., 1968; Куркин П.И. Статистика движения населения в Московской губернии в 1883–1897 гг. М., 1902; Он же. Детская смертность в Московской губернии и ее уездах в 1883–1897 гг. М., 1902; Он же. Смертность и рождаемость в капиталистических государствах Европы. М., 1938; Он же. Смертность грудных детей: Статистический очерк. М., 1925; Он же. Санитарно-статистические таблицы: Объяснительный текст и числовые сведения. М., 1910; Чупров А.И. Статистика народонаселения. М.,

1910; Турчанинов Н.В. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 год (включительно). СПб., 1910; Турчанинов Н.В., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. (включительно). Пг., 1916; Глебовский С.А., Гребенщиков В.И. Детская смертность в России: Общественное и частное призрение в России. СПб., 1907; Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Смертность в России и борьба с ней. СПб., 1901; Птуха М.В. Очерки по статистике населения. М., 1960; Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909; Квиткин О.А. Население городов в Европейской части РСФСР по переписи 1897, 1917, 1920 и 1923 года // Бюллетень ЦСУ. 1923. №77; Лубны-Герцык Л.И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926; Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930 и др.

3. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Статистические очерки. М., 1956; Писарев И.Ю. Народонаселение СССР: Социально-экономический очерк. М., 1962; Он же. Население и труд в СССР. М., 1966; Урланис Б.Ц. Проблемы динамики населения СССР. М., 1974; Он же. Статистика населения. М., 1971; Он же. Войны и народонаселение Европы: Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. М., 1960; Он же. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963; Он же. Избранное. М., 1985; Он же. Народонаселение: Исследования, публицистика. М., 1976; Он же. Эволюция продолжительности жизни. М., 1978; Яцунский В.К. Изменения в размещении населения Европейской России в 1724–1916 гг. // История СССР. 1957. №1 и др.

4. Историческая демография: Проблемы, суждения, задачи. М., 1989.

5. Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX в.: По материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М., 1978; Кабузан В.М. Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996; Он же. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М., 1998; Бескровный Л.Г., Водарский Я.Е., Кабузан В.М. Миграции населения в России в XVII – начале XX в. // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980. Вып.2; Кабузан В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX в. (1795–1917 гг.) // История СССР. 1979. №3; Он же. Естественный прирост, миграция и рост населения Европы и Российской империи в XVIII – начале XX века // Отечественная история. 2001. №5; Брук С.И., Кабузан В.М. Этнический состав населения России //

Советская этнография. 1980. №6; Они же. Динамика и расселение русского этноса (1678–1917 гг.)// Советская этнография. 1982. №4; Они же. Миграция населения в России в XVIII – начале XX века// Численность, структура, география// История СССР. 1984. №4; Они же. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX в. – 1917 г.)// История СССР. 1980. №3 и др.

6. Миронов Б.Н. Социальная мобильность и социальное расслоение в русской деревне XIX – начала XX в.// Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. Тарту, 1972; Он же. Социальное расслоение русского крестьянства под углом зрения социальной мобильности // Проблемы аграрной истории (XIX в. – 30-е годы XX в.). Минск, 1978. Ч.2; Он же. Грамотность в России 1797–1917 годов// История СССР. 1985. №4; Он же. Развитие грамотности в России и СССР за 1000 лет, X–XX вв.// Студия Хуманистика. 1996. Исследования по истории и филологии. СПб., 1996; Он же. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). 2-е изд., испр. СПб., 2000. Т.1–2; Он же. «Сыт конь – богатырь, голоден – сирота»: Питание, здоровье и рост населения в России второй половины XIX – начала XX века// Отечественная история. 2002. №2 и др.

7. Шелестов Д.К. Демография: История и современность. М., 1983; Он же. Историческая демография. М., 1987; Данилов В.П. Динамика населения СССР за 1917–1929 гг.// Археографический ежегодник за 1968 г. М., 1970; Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977; Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979 и др.

8. Социально-классовая структура и демографические процессы в России и СССР: Вопросы комплексного изучения. М., 1990.

9. Поляков Ю.А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967; Он же. Советская страна после окончания Гражданской войны: Территория и население. М., 1986; Он же. Наше непредсказуемое прошлое: Полемические заметки. М., 1995; Он же. Историческая наука: Люди и проблемы. М., 1999; Он же. Гражданская война: Начало и эскалация// Гражданская война в России: Перекресток мнений. М., 1994; Он же. Гражданская война: Взгляд сквозь годы // Там же; Он же. Поиски новых подходов в изучении истории Гражданской войны в России// Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994; Он же. Воздействие государства на демографические процессы в СССР (1920–1930-е годы)// Вопросы истории. 1995. №3; Он же. «Воскресить минувший век во всей его истине»// Свободная мысль. 1999. №6; Он же. Двадцатый век в череде столетий// Новая и новейшая история. 1999. №5; Он же. Человек в повседневности (исторические аспекты)// Отечественная история. 2000. №3; Он же. Глава V. Население России в годы Граж-

данской войны: Демографические последствия голода 1921–1922 гг. // Население России в XX веке. М., 2000. Т.1; Он же (в соавторстве). Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996; Он же (в соавторстве). Население России в XX веке // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1996. №2; Он же (в соавторстве). Численность и национальный состав населения России в 1917 г. // Вопросы истории. 1980. №6 и др.

10. Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг.: Проблемы социальной структуры. М., 1988; Она же. После революционных бурь: Население России в первой половине 20-х годов. М., 1996; Она же (в соавторстве). Полвека под грифом «секретно» ...; Она же. Демографическая история России в 1930-е годы: Взгляд в неизвестное. М., 2001; Она же. Демографическая дифференциация и социально-имущественное расслоение российского крестьянства в 1920-е годы // Народонаселение: Современное состояние и перспективы развития научного знания. М., 1997; Она же. Занятия населения Москвы в 1900–1920-е годы // Проблемы региональной истории России. Липецк, 1997. Ч. II; Она же. Особенности демографического развития народов России в 20-е годы XX века // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. М., 1999; Она же. Глава VII. Население России в 1920-е годы: Демографическая характеристика, демографические процессы // Население России в XX веке ... Т.1; Она же. Глава XVII. Население России в 1930-е годы: Демографическая характеристика // Там же и др.

11. Вербицкая О.М. Российское крестьянство: От Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг. М., 1992; Она же. Новые источники по учету населения в СССР // Население России и СССР: Новые источники и методы исследования. Екатеринбург, 1993; Она же. Крестьянская семья в 1920–1950-е гг. // Население России в 20–50-е гг. М., 1994; Она же. Эволюция крестьянской семьи в России за 60 лет (1897–1959 гг.) // Дискуссионные вопросы Российской истории: Материалы Третьей научно-практической конференции. Арзамас, 1998; Она же (в соавторстве). Глава III. Крестьянская семья в 1897–1917 гг. // Население России в XX веке ... Т.1; Араловец Н.А. Заболеваемость и смертность городского населения России, конец XIX в. – 1920-е годы // Народонаселение: Современное состояние и перспективы развития научного знания ...; Она же. Городская семья в России, конец XIX века – начало XX века: Тип, размер, особенности смертности // Дискуссионные вопросы Российской истории: Материалы Третьей научно-практической конференции...; Она же. Межнациональные браки в России в 1920-е годы // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений...; Она же. Разводимость городского населения РСФСР в

1920-е гг. // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте Российской и мировой истории XIX–XX вв. Новосибирск, 1999; Она же. Глава II. Городская семья в конце XIX – начале XX века // Население России в XX веке ... Т.1; Она же. Глава VIII. Городская семья, 1914–1930 гг. // Там же; Она же. Семейные отношения городских жителей России в контексте повседневности (90-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в.) // Семья в ракурсе социальных знаний: Сборник научных статей. Барнаул, 2001 и др.

12. Сенявский А.С. Российский город в 1960–80-е годы. М., 1995; Он же. Роль урбанизации в российском историческом процессе // История России, XX век. М., 1996. Гл.5; Он же. Российская урбанизация: Универсальные закономерности и национальная специфика // История. 1997. №24; Он же. Российская урбанизация: Социально-демографические процессы и развитие городов // История. 1997. №27; Он же. Российская урбанизация: Урбанизация и тоталитаризм // История. 1997. №28; Он же. Урбанизация и демографические процессы в Российской Федерации (1960–1980-е гг.) // История. 1998. №4; Он же. Российская урбанизация: Некоторые историко-методологические проблемы // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М., 1999; Он же. Особенности российской урбанизации // Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. М., 2000; Минаев В.В. (в соавторстве). Демографическое развитие СССР в период социализма // Историческая демография: Проблемы, суждения, задачи. М., 1989. Разд. II. Гл.1. С.91–109; Он же. Демографические факторы обострения экономического кризиса в годы Гражданской войны (на примере Сибири и Дальнего Востока) // Новый исторический вестник: Научный журнал (СПб). 2001. № 1 и др.

13. Репинецкий А.И. Демографический состав работников промышленности Поволжья (1945–1965 гг.). Самара, 1996; Он же. Работники промышленности Поволжья: Демографический состав, образовательный и профессиональный уровень, 1946–1965 гг. Самара, 1999 и др.

14. Население России в XX веке. М., 2000. Т.1.

15. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001; Гриф секретности снят: Потери вооруженных сил СССР. М., 1993.

16. См., например: Россия в конце XIX века. СПб., 1900; Гурвич И.А. Экономическое положение русской деревни. М., 1896; Дедюлин С.А. К вопросу о причинах физического вырождения русского народа (Составлено по отчетам Государственного Контроля в диаграммах и таблицах): Доклад высочайше утвержденному Обществу для содействия русской промышленности и торговли 25 марта 1899 г. СПб.,

1900; Поленов А.Д. Исследование экономического положения Центрально-Черноземных губерний: Труды особого совещания. М., 1901; Челинцев А.Н. Сельскохозяйственные районы России как стадии сельскохозяйственной эволюции и культурный уровень сельского хозяйства в них. СПб., 1910; Карышев Н. Труд, его роль и условия приложения в производстве. СПб., 1897; Кауфман А.А. Формы хозяйства в их историческом развитии. М., 1910; Винер В.В. Проект организации порайонного изучения сельского хозяйства. СПб., 1908; Рихтер Д.И. Опыт разделения Европейской России на районы по естественным и экономическим признакам. СПб., 1898; Он же. Попытки разделения России на районы по естественно-историческим и экономическим признакам. СПб., 1904; Скворцов А.И. Хозяйственные районы Европейской России. СПб., 1914. Вып.1; Бажаев В.Г. К вопросу о хозяйственных районах. Киев, 1915; Воейков А.И. Распределение населения и земли в зависимости от природных условий и деятельности человека. СПб., 1909. Вып.1; Вихляев П.А. Очерки из русской сельскохозяйственной действительности. СПб., 1901; Вебер М. История хозяйства: Очерк всеобщей социальной и экономической истории. Пг., 1923; Прокопович С. Война и народное хозяйство. М., 1918; Рожков Н.А. Город и деревня в русской истории: Краткий очерк экономической истории России. Пг., 1919 и др.

17. См.: Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966; Он же. Статистика и экономика. М., 1979; Хромов П.А. Экономическое развитие России в XIX–XX веках. М., 1950; Он же. Экономика России периода промышленного капитализма. М., 1963; Карнаухова Е.С. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма (1860–1914 гг.). М., 1951; Немчинов В.С. Избранные произведения. М., 1967; Яцунский В.К. Изменение в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII в. до Первой мировой войны// Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961; Он же. Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв.: Избранные труды. М., 1973; Першин П.Н. Аграрная революция в России. М., 1966. Кн. 1–2; Лившиц Р.С. Размещение промышленности в дореволюционной России. М., 1955; Вайнштейн А.Л. Народное богатство и народнохозяйственное накопление в предреволюционной России. М., 1960; Он же. Народный доход России и СССР: История, методология исчисления, динамика. М., 1969; Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: Источники и методы изучения. М., 1982; Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII –

начала XX века: Опыт количественного анализа. М., 1974; Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства в эпоху капитализма: Источники и методы исследования. М., 1988; Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX–XX веков: Опыт многомерного количественного анализа// История СССР. 1979. №1; Воронкова С.В. Российская промышленность начала XX века: Источники и методы изучения. М., 1996; Бовыкин В.И. Формирование финансового капитала в России. Конец XIX в. – 1908 г. М., 1984; Он же. Россия накануне великих свершений: К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988; Китанина Т.М. Война, хлеб и революция: Продовольственный вопрос в России, 1914 – октябрь 1917 г. Л., 1985; Тарновский К.Н. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы Первой мировой войны. М., 1958; Он же. Советская историография российского империализма. М., 1964; Он же. Социально-экономическая история России начала XX в.: Советская историография середины 50–60-х годов. М., 1990; Белоусов Р.А. Экономическая история России: XX век. М., 1999. Кн.1–2 и др.

18. См.: Любимов С.В. Предводители дворянства всех наместничеств, губерний и областей Российской империи, 1777–1910. СПб., 1911; Милорадович Г.А. Списки губернских предводителей дворянства Российской империи, 1785–1895. Чернигов, 1895; Васильевич С. Титулованные роды Российской империи. СПб., 1910. Т.1–2; Лукомский В., Тройницкий С. Списки лицам, высочайше пожалованным дипломами с гербами на дворянское достоинство Всероссийской империи и Царства Польского. СПб., 1911; Трегубов М.И. Алфавитные списки дворянских родов Владимирской губернии. Владимир, 1905; Савелов Л.М. Воронежское дворянство: Случайные заметки любителя-генеалога. М., 1895–1896. Вып.1–2; Виноградов А.И. Московское дворянство: Справочник по учреждениям Московского дворянства. М., 1914; Зеленецкий М.А. Исторический сборник о нижегородских губернских предводителях дворянства, 1785–1896. Н.-Новгород, 1902; Ребровский Н.Д. Список дворянским родам, внесенным в дворянскую родословную книгу Нижегородской губернии и утвержденным в дворянском достоинстве. Н.-Новгород, 1902; Голицын П.П. Список дворянских родов Новгородской губернии, внесенных в дворянскую родословную книгу с 1787 г. по 1-е января 1910 г., с приложением списка губернских и уездных предводителей дворянства 1767 года. Новгород, 1910; Акулов Н.И. Список гг. предводителей дворянства Псковской губернии. Псков, 1916; Лихарев М.П. Алфавитный список дворянских родов Ря-

занской губернии, внесенных в дворянскую родословную книгу по 1-е января 1893 года. Рязань, 1893; Он же. Дополнительный алфавитный список дворянских родов Рязанской губернии, внесенных в дворянскую родословную книгу с 1 янв. 1893 г. по 1 янв. 1901 г. с приложением списка гг. губернского и уездных предводителей и секретарей дворянства, бывших в XVIII и XIX столетиях. Рязань, 1901; Поливанов В.Н. Материалы к истории симбирского дворянства, 1871–1909. Изд. 2-е, доп. Симбирск, 1909; Норцов А.Н. Материалы для истории тамбовского, пензенского и саратовского дворянства. Тамбов, 1902. Т.1; Чернопятов В.И. Дворянское сословие Тульской губернии. М., 1908–1912. Т.1 (10) –12(21); Ельчанинов И.Н. Материалы для генеалогии ярославского дворянства. Ярославль, 1909–1916. Вып.1–5, 7–9; Тихвинский П.А. Список гг. губернских и уездных предводителей и депутатов дворянства Ярославской губернии. Ярославль, 1898; Карнович Е.П. Русское чиновничество в былое и настоящее время. СПб., 1897; Редигер А.Ф. Комплектование и устройство вооруженных сил. СПб., 1892; Режепо П.А. Офицерский вопрос. СПб., 1909; Он же. Статистика генералов. СПб., 1903; Он же. Статистика полковников. СПб., 1905; Рубакин Н.А. Россия в цифрах: Страна. Народ. Сословия. Классы. СПб., 1912; Он же. Российское дворянство в цифрах: Из этюдов о чистой публике //Трудовой путь. 1907. №11–12; Он же. Много ли в России чиновников?// Вестник Европы. 1910. №1; Он же. Военная бюрократия в цифрах: Статистика генералов и адмиралов // Русская мысль. 1907. №1; Он же. Архив государственной мудрости или злачное место, идеже государственные руки зимуют: Опыт статистического исследования Государственного совета по официальным данным. СПб., 1906 и др.

19. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979; Он же. Дворянство в пореформенной России (1861–1904 гг.) // Исторические записки. М., 1971. Т.87; Он же. Дворянство и торгово-промышленное предпринимательство в пореформенной России (1861–1904 гг.) // Исторические записки. М., 1978. Т.102; Буганов В.И. Российское дворянство// Вопросы истории. 1994. №1; Дубенцов Б.Б. Попытка преобразования государственной службы в конце XIX в.: Из практики Министерства финансов// Проблемы Отечественной истории. М.; Л., 1976. Ч.1; Он же. Численность российского чиновничества в конце XIX – начале XX в.// Россия в девятнадцатом веке: Политика. Экономика. Культура. СПб., 1994; Он же. Высшее чиновничество России в конце XIX – начало XX в.// Крупные аграрии и промышленная буржуазия России и Германии в конце XIX – начале XX века: Сборник

научных трудов. М., 1988; Дубенцов Б.Б., Куликов С.В. Социальная эволюция высшей царской бюрократии во второй половине XIX – начале XX в.: Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб., 1999; Куликов С.В. Социальный облик высшей бюрократии России накануне Февральской революции// Из глубины времен. СПб., 1995. Вып.5; Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986; Он же. Русская армия и флот в XIX в.: Военно-экономический потенциал России. М., 1973; Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий: 1881–1903 гг. М., 1973; Он же. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978; Он же. Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998; Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917–1920 гг. М., 1988; Шацилло К.Ф. Россия перед Первой мировой войной: Вооруженные силы царизма в 1906–1914 гг. М., 1974; Шепелев Л.Е. Отмененные историей... Чины, звания и титулы в Российской империи. Л., 1977; Он же. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л., 1991; Он же. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб., 1999; Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993 и др.

20. См., например: Заломанов Н.П. Дворянское землевладение и меры к его сохранению и развитию: Историческая справка. М., 1900; Дроздов И.Г. Судьбы дворянского землевладения в России и тенденции к его мобилизации. Пг., 1917; Чернышев И.В. Аграрный вопрос в России от реформы до революции (1861–1917): Материалы и комментарии. Курск, 1927 и др.

21. Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX века). М., 1969; Он же. Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 1962; Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX века. М., 1971; Кочешков Г.Н. Российские землевладельцы в 1917 году. Ярославль, 1994; Проскурякова Н.А. Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX – начале XX в. // История СССР. 1973. №1 и др.

22. Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975.

23. Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1890. Вып.1; Любинецкий Н.А. Землевладение церквей и монастырей в Российской империи. СПб., 1900; Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908 и др.

24. См.: Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.): Критические очерки. М., 1967; Русское православие: Вехи истории. М., 1989; Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921 гг.). М., 1975; Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984; Он же. Русские монастыри и монашество в XIX – начале XX в. М., 1999; Никольский Н.М. История русской церкви. 3-е изд. М., 1983; Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.

25. Загряцков М.Д. Земская служба и третий элемент. Пг., 1914; Куломзин А.Н. Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования. СПб., 1912; Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М., 1912; Паначин Ф.Г. Учительство и революционное движение в России, XIX – начало XX в.: Историко-педагогические очерки. М., 1986; Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991; Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России. Л., 1983; Ососков А.В. Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917 гг.). М., 1982 и др.

26. Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. М., 1964; Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. Л., 1973 и др.

27. См. например: 1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеческих родов. М., 1995; Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века. М., 1997. Т.1–2; Боханов А.Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.). М., 1992; Он же. Деловая элита России, 1914 г. М., 1994; Он же. Предпринимательская элита России в начале XX века // Крупные аграрии и промышленная буржуазия России и Германии в конце XIX – начале XX века. М., 1988; Он же. Торговые дома в России в конце XIX – начале XX в. (Численность, структура, состав владельцев) // История СССР. 1990. №4 и др.

28. Иванов И.М. Русские кустари. СПб., 1902; Голицын Ф.С. Значение кустарных промыслов в России. СПб., 1905; Он же. Кустарное дело в России. СПб., 1904–1913; Полферов Я.Я. Кустарная промышленность в России: Опыт экономических обследований. СПб., 1913; Денисюк Н. Кустарная Россия. Пг., 1918; Пономарев Н.В. Подсобные к земледелию промыслы и производства: Высочайше учрежденное Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. СПб., 1903; Рыбников А.А. Кустарная промышленность и сбыт кустарных изделий. М., 1913; Он же. Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства. М., 1922; Он же. Мелкая промышленность России: Сельские ремесленно-кустарные промыслы

до войны. М., 1923; Он же. Очерки организации сельского кустарно-ремесленного хозяйства. М., 1926 и др.

29. Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М., 1995.

30. Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. Л., 1924–1925. Т.2–3; Дементьев Е.М. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М., 1897; Погожев А.В. Учет численности и состава рабочих в России: Материалы по статистике труда. СПб., 1906; Прокопович С.Н. К рабочему вопросу. СПб., 1906; Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1922; Флеровский Н. Положение рабочего класса в России. М., 1938; Рабочий класс в России от зарождения до начала XX века. М., 1989; История рабочего класса СССР: Рабочий класс в первой российской революции 1905–1907 гг. М., 1981; История рабочего класса СССР: Рабочий класс России, 1907 – февраль 1917 г. М., 1982; Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия России... ; Антонова С.И. Влияние столыпинской аграрной реформы на изменение в составе рабочего класса. М., 1951; Рашин А.Г. Формирование промышленного пролетариата в России. М., 1940; Он же. Формирование рабочего класса России: Историко-экономические очерки. М., 1958; Гапоненко Л.С. Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970; Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (Конец XIX – начало XX в.). М., 1979; Он же. Рабочие в России на рубеже XIX–XX веков // Отечественная история. 1997. №4; Крузе Э.Э. Положение рабочего класса в России в 1900–1914 гг. Л., 1976; Она же. Условия труда и быта рабочего класса России в 1900–1914 гг. Л., 1981; Иванова Н.А. Структура рабочего класса России, 1910–1914 гг. М., 1987; Она же. Промышленный центр России, 1907–1914 гг.: Статистико-экономическое исследование. М., 1995; Пушкарева И.М. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М., 1975; Она же. Рабочее движение в России в период реакции, 1907–1910 гг. М., 1989. и др.

31. См.: Свавицкая З.М., Свавицкий Н.А. Земские подворные переписи, 1880–1913: Поуездные итоги. М., 1926; Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975; Анфимов А.М. Российская деревня в годы Первой мировой войны... ; Он же. Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961; Он же. Крестьянское хозяйство Европейской России, 1881–1904. М., 1980; Он же. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России, 1881–1904 гг. М., 1984; Он же. Новые собственники: Из итогов столыпинской аграрной реформы// Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. М., 1996; Анфимов А.М., Зырянов П.Н. Некоторые черты эволюции рус-

ской крестьянской общины в пореформенный период (1861–1914 гг.) //История СССР. 1980. №4; Качоровский К.Р. Русская община: Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие? (Опыт цифрового и фактического исследования). СПб., 1906. Т.1; Лосицкий А.Е. Распадение общины: Распадение общины до указа 9 ноября 1906 г. Укрепление наделов в личную собственность. Выходы на хутора и отруба. СПб., 1912; Он же. К вопросу об изучении степени и форм распада общины. М., 1916; Никольский А. Земля, община и труд: Особенности крестьянского правопорядка. СПб., 1902; Огановский Н.П. Закономерности аграрной эволюции: Население. Переселенческий вопрос. М., 1914. Т.3. Вып.1; Он же. Революция наоборот: Разрушение общины. Пг., 1917; Щапов А.П. Сельская община// Соч. СПб., 1906. Т.1; Тютчев А.П. Семейные разделы у крестьян. СПб., 1912; Колесников В.А. Причины крестьянских семейных разделов. Ярославль, 1898; Он же. Крестьянское хозяйство большой и малой семьи. Ярославль, 1903; Маслов П.П. Перенаселение русской деревни. М.; Л., 1930; Чайнов А.В. Влияние состава и величины семьи на ее хозяйственную деятельность// Труды Вольного экономического общества. 1912. №1–2; Он же. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925; Тюкавкин В.Г. Аграрное перенаселение в России в эпоху империализма// Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX в.) Таллин, 1986; Он же. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001; Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века: Взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России. М., 1983; Он же. К определению размеров аграрного перенаселения в России на рубеже XIX–XX вв.// Социально-экономическое развитие России. М., 1986; Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998; Островский А.В. О региональных особенностях аграрного перенаселения капиталистической России (1862–1914) //Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып.2; Зырянов П.Н. Земельно-распределительная деятельность крестьянской общины в 1907–1914 гг. // Исторические записки. М., 1988. Т.116; Он же. Крестьянская община Европейской России, 1907–1914 гг. М., 1992; Чернобаев А.А. Комбеды Советской России. М., 1972; Он же. Продотряд. М., 1975; Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: Население, землепользование, хозяйство, М., 1977; Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997 и др.

32. См., например: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1897–1905. Вып.1–8; Первая всеобщая пе-

репись населения Российской империи 1897 г.: Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т.1–2; Всеобщий календарь на 1890–1917 гг. СПб.; Пг., 1889–1916; Русский календарь на 1890–1916 гг. СПб.; Пг., 1890–1917; Сборник сведений по России за 1890, 1896 гг. СПб., 1891–1897; Вся Россия: Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи на 1895, 1897, 1899, 1900, 1902 гг. СПб., 1895–1902; Статистический ежегодник России 1904–1916 гг. СПб.; Пг., 1905–1918; Вся Россия: Русская адресная и справочная книга фабрик, заводов, торговли, промышленности и администрации. Адрес-календарь на 1912 г. М., 1912; Россия, 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995; Население России за 100 лет (1897–1997): Статистический сборник. М., 1998 и др.

33. Народное хозяйство за 1908–1916 гг. СПб.; Пг., 1910–1922; Свод отчетов фабричных инспекторов за 1900–1914 гг. СПб., Пг., 1900–1915; Фабрично-заводская промышленность Европейской России в 1910–1912 гг. Пг., 1914–1915. Вып.1–13; Фабрично-заводская промышленность в период 1913–1918 гг. // Труды ЦСУ. М., 1926. Т.26. Вып.1–2 и др.

34. Статистические сведения по земельному вопросу в Европейской России. СПб., 1906; Сельское хозяйство России в XX веке: Сборник статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. М., 1923; Статистический справочник по аграрному вопросу. М., 1917. Вып.1–2; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год первый – десятый. СПб.; Пг., 1907–1917; Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1906. Вып.1–7, 12, 20–26, 28, 30–32, 35, 37–39; Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Пг., 1916. Вып.1 и др.

35. Свавицкая З.М., Свавицкий Н.А. Земские подворные переписи, 1880–1913: Поуездные итоги. М., 1926.

36. См., например: Обзор Владимирской губернии за 1896–1914 гг. Владимир, 1897–1915; Обзор Воронежской губернии за 1897–1915 гг. Воронеж, 1898–1916; Статистический обзор Калужской губернии за 1892–1914 гг. Калуга, 1893–1915; Обзор Костромской губернии за 1893–1903, 1905, 1907–1914 гг. Кострома, 1894–1915; Обзор Курской губернии за 1890–1915 гг. Курск, 1891–1916; Обзор Московской губернии за 1899–1914 гг. М., 1900–1915; Обзор Нижегородской губернии за 1899–1914 гг. Н.-Новгород, 1900–1915; Памятная книжка Пензенской губернии за 1891–1911 гг. Пенза, 1891–1911; Обзор Пензенской губернии за 1899–1914 гг. Пенза, 1900–1915 и др.

37. См., например: Справочная книга Ярославской губернии на 1890–1916 гг. Ярославль, 1890–1916; Памятная книжка Тульской губернии на 1890–1917 гг. Тула, 1890–1917; Адрес-календарь Тверской губернии на 1895–1916 гг. Тверь, 1895–1916; Адрес-календарь и справочная книжка Тамбовской губернии на 1894–1914 гг. Тамбов, 1894–1914; Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1895–1915 гг. СПб., Пг., 1894–1914; Памятная книжка Рязанской губернии на 1898–1914 гг. Рязань, 1898–1914 и др.

38. См., например: ГАРФ. Ф.А-374 – Совет Министров РСФСР; Ф. А-482 – Наркомздрав РСФСР; Ф.351 – Министерство продовольствия Временного правительства; Ф.4100 – Министерство труда Временного правительства; Ф.4265 – Статистический совет Временного правительства; РГАЭ. Ф.1562 – Центральное статистическое управление СССР; Ф.4372 – Госплан СССР; Ф.478 – Наркомзем РСФСР; Ф.1052 – Отдел динамики промышленности ЦСУ СССР; РГВИА. Ф.499 – Главное интендантское управление Военного министерства; Ф.369 – Особое Совецание по обороне государства; Ф.12564 – Главный комитет Всероссийского земского союза (ВЗС); Ф.12593 – Главный комитет Всероссийского союза городов (ВСГ); Ф.13251 – Центральный военно-промышленный комитет; РГИА. Ф.23 – Министерство торговли и промышленности; Ф.395 – Отдел сельскохозяйственной экономики и сельскохозяйственной статистики; Ф.1298 – Управление Главного врачебного инспектора МВД; Ф.32 – Совет съездов представителей промышленности и торговли и др.

39. См., например: РГИА. Ф.91 – Вольное экономическое общество; Ф.1284 – Департамент общих дел МВД; Ф.1290 – Центральный статистический комитет МВД; Ф.1405 – Министерство юстиции; Ф.1281 – Совет министра внутренних дел; Ф.1282 – Канцелярия МВД; Ф.391 – Переселенческое управление МВД; Ф.563 – Министерство финансов; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26 – А.Г. Рашин; ЦГА РТ. Ф.1 – Канцелярия Казанского губернатора; Ф.359 – Казанский губернский статистический комитет; Ф.1153 – Фабричный инспектор Казанской губернии; ГАПО. Ф.5 – Канцелярия Пензенского губернатора; Ф.9 – Пензенский губернский статистический комитет; Ф.177 – Старший фабричный инспектор Пензенской губернии; ГАСамО. Ф.1. Самарский губернский статистический комитет; Ф.224 – Старший фабричный инспектор Самарской губернии; ГАСарО. Ф.1 – Канцелярия Саратовского губернатора; Ф.20 – Старший фабричный инспектор Саратовской губернии; Ф.421 – Саратовский губернский статистический комитет; ГАУО. Ф.48 – Симбирский губернский статистический комитет; Ф.76 – Кан-

целярия Симбирского губернатора; Ф.195 – Старший фабричный инспектор Симбирской губернии и др.

40. См., например: РГИА. Ф.20 – Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов; Ф.1233 – Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности; Ф.398 – Департамент земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ; Ф.592 – Крестьянский поземельный банк; Ф.593 – Государственный дворянский земельный банк; Ф.408 – Комитет по землеустроительным делам Государственного управления по землеустройству и земледелию; Ф.396 – Министерство земледелия; ЦГА РТ. Ф.2 – Казанское губернское правление; Ф.1062 – Заводоуправление Казанского порохового завода; ГАСамО. Ф.4 – Самарское губернское присутствие; Ф.700 – Сергиевский Самарский завод; Ф.701 – Самарский трубочный завод; ГАСарО. Ф.316 – Саратовский машиностроительный и котельный завод «Сотрудник»; Ф.624 – Главная контора мукомольной мельницы В.В.Богословского; ГАУО. Ф.120 – Государственный контроль по строительным сооружениям Волго-Бугульминской железной дороги; Ф.127 – Управление по строительству Волго-Бугульминской железной дороги и др.

41. РГАДА. Ф.1290 – Юсуповы; Ф.1273 – Орловы-Давыдовы; Ф.1277 – Самарины; РГИА. Ф.1291 – Земский отдел МВД; ОР РГБ. Ф.58 – И.И. Воронцов-Дашков; Ф.265 – Самарины; Ф.358 – Н.А. Рубакин; ЦГА РТ. Ф.81 – Казанская губернская земская управа; ГАПО. Ф.158 – Оценочно-статистический отдел Пензенской губернской земской управы; ГАСамО. Ф.327 – Инспектор сельского хозяйства Самарской губернии; Ф.5 – Самарская губернская земская управа; Ф.817 – Оценочное бюро Самарского губернского земства и др.

42. См.: Судебные уставы за пятьдесят лет. Пг., 1914. Т. I–II; Уложения о наказаниях. СПб., 1913; Закон о раздельном жительстве супругов // Женское дело. 1914. №8; Григоровский С.П. О браке и разводе, о детях внебрачных, узаконении и усыновлении и о метрических документах: Сборник гражданских и церковных законов, с дополнениями и разъяснениями на основании циркулярных указов и сепаратных определений Святейшего Синода, с отдельной статьей о родстве и свойстве и с приложением графических таблиц степеней родства. СПб., 1910; Он же. Сборник церковных и гражданских законов о браке и разводах и судопроизводстве по делам брачным. СПб., 1910; Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ). М., 1918–1920. №33, 47, 93; Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I.

43. См., например: Вестник общественной гигиены. 1904. №9; Общественный врач. 1911. №4; 1922. №1; Медицинская беседа. 1904. №2; Женское дело. 1910. №37–38; 1914. №8; Известия Народного комиссариата здравоохранения. 1920. №1–2; Военный сборник. 1902. №3; Трудовой путь. 1907. №11–12; Народное хозяйство. 1920. №18; Русское богатство. 1893. №11; 1897. №3; Русские ведомости. 1911. 23 февраля; 1913. 30 ноября; 1915. 13 февраля; Вестник Европы. 1909. №11; 1910. №1; 1915. №12; Кустарный труд. 1912. №3, 4, 14, 18, 20; 1913. №4, 9, 12, 15; Вестник финансов. 1901. №39; 42–43; Вестник финансов, промышленности и торговли. 1912. №16; 1915. №17; 1916. №23–24; Церковные ведомости. 1917. №9–15; Новгородские губернские ведомости. 1906. №14, 23, 24; 1915. №9, 14, 17; Московские губернские ведомости. 1906. №14, 35, 37–41; 1915. №9, 11, 13–18; Рязанские губернские ведомости. 1907. №26, 29, 30; 1916. №7, 8, 9; Саратовские губернские ведомости. 1906. №8, 10, 29; 1915. №11, 13, 19; История СССР. 1957. №1; 1973. №1; 1985. №4; Отечественная история. 1996. №4; 1997. №6; 2001. №5; Вопросы истории. 1956. №12; 1976. №10; 1977. №7; 1980. №6; 1986. №4; Военно-исторический журнал. 1989. №9; 1993. №2, 4; 1998. №1, 5; 1999. №3 и др.

44. См.: Бурыйшкін П.А. Москва купеческая. Нью-Йорк, 1954; Телешов Н.Д. Записки писателя: Воспоминания и рассказы о прошлом. М., 1980; Терпигорев С.Н. Оскудевшие: Очерки помещичьего разорения. СПб., 1881; Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т.1.

45. См.: Шелестов Д.К. Демография: История и современность. М., 1983; Он же. Историческая демография. М., 1987; Боярский А.Я. Население и методы его изучения. М., 1975 и др.

1. Территория и население Российского Центра на рубеже XIX–XX вв.

1. Подсчитано по: Россия, 1913 год ... С.11–13; Население России за 100 лет ... С.18–97; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–30.

2. Там же.

3. Там же.

4. Подсчитано по: Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 гг. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903. Ч.1. Табл.ХІ. С.88.

5. См.: Там же. Ч.1. Табл.ХVІ. С.134–135; Сборник Саратовского земства. 1894. №6. С.189–199; РГИА. Ф.571. Оп.9. Д.8; Ф.573. Оп.6. Д.73. Л.30, 34–35.

6. См.: Анфимов А.М. Земельная аренда в России ...; Он же. Крупное помещичье хозяйство Европейской России ... С.360–331; Он же. Крестьянское хозяйство Европейской России ... С.54–190; Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России ... С.71–195; Чернышев И.В. Аграрный вопрос в России ... С.13–48, 77–88; Кочешков Г.И. Указ.соч. С.5–19; Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России ... С.17–72, 198–261; Белоусов Р.А. Экономическая история России ... Кн.1. С.19–228; Торговля и промышленность Европейской России по районам: Общая часть и приложения. СПб., 1900. С.1–2; Временник Центрального Статистического комитета. СПб., 1898. №45. С.54.

7. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Населенные места Российской империи в 500 и более жителей с указанием всего наличного в них населения и числа жителей, преобладающих вероисповеданий. СПб., 1905. С.21; Торговля и промышленность Европейской России по районам. СПб., 1909. Вып. I. С.91; Население России в XX веке ... Т.1. С.31–46; РГИА. Ф.573. Оп.3. Д.4641. Л. 7 об. –8, 26 об. –27; Оп.18. Д.27678. Л.2–3, 12–13; Ф.1291. Оп.3. Д.107. Л.9; Д.139, 145, 162; Д.165. Л.5–6 об., 13–14 об.; Д.202. Л. 2 об., 3 об., 4; Оп.53. Д.23. Л.4, 43; Д.225. Л.4 об., 5, 14, 24 об., 26, 28.

8. Подсчитано по: Весь Петербург на 1897–1902 год. СПб., 1897–1902; Френкель З.Г. Петроград периода войны и революции. М., 1923. С.151–155.

9. Подсчитано по: Распределение населенных мест Российской империи по численности в них населения. СПб., 1902. С.3–33; Первая всеобщая перепись населения: Российской империи 1897 года: Уезды империи с показанием населения по переписи 28 января 1897 года. СПб., 1897. С.3–25; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Города и поселения в уездах, имеющие 2000 и более жителей. СПб., 1905. С.3–108; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Населенные места Российской империи в 500 и более жителей ...С.3–120.

10. Подсчитано по: РГИА. Ф.1287. Оп.38. Д.66. Л.81, 29, 110; Д.462. Л.1, 114 об., 120–121 об.; Д.85. Л.2–14 об., 34–41, 33–23 об., 24–26 об.; Д.1501. Л.4–5, 8–9; Д.306. Л.31, 94, 134; ; Д.1819. Л.29–29 об., 83–84; Д.1911, 1712. Л.2, 11 об., 3–3 об.; Д.1955. Л.2–2 об., 34, 40, 41 об., 56; Д.3439. Л.3, 4, 8, 10, 28, 30, 34; Д.3445. Л.4.

11. Подсчитано по: РГИА. Ф.1287. Оп.38. Д.3380. Л.309 об.; Д.3439. Л.100, 108 об., 109–110.

12. Подсчитано по: РГИА. Ф.1291. Оп.3. Д.165. Л.5–6 об.; 13–14 об.; Оп.53. Д.23. Л.4, 43; Д.225. Л.28.

13. Там же.

14. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т.1. С.9–90; Т.2. С.8–91; РГИА. Ф.1290. Оп.2. Д.967. Л.1–27.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же.
18. Подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. С.160–161; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–73.
19. Статистический временник Российской империи. СПб., 1896. С.ХХ; Семенов П.П. Указ. соч.; Семенов-Тянь-Шанский В.П. Указ. соч.; Чупров А.И. Статистика народонаселения ... С.325.
20. Население России в XX веке ... Т.1. С.7–73.
21. Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России ... С.26; Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов ... С.19.
22. Подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. С.IV; Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1897–1902 год. М., 1897–1902; Обзор по г. Москве за 1905 год. М., 1907. С.3–118.
23. Там же.
24. Подсчитано по: Движение населения в Европейской России за 1890–1898 гг. СПб., 1900. С.21–25; Федоров А.В. Закон о всеобщей воинской повинности 1874 г. и крестьянство // Исторические записки. Т.46. С.189; РГИА. Ф.1290. Оп.2. Д.58. Л.22–25.
25. Подсчитано по: Общий свод по империи... Т.1. С.160–161; Уишль Д.Г., Новосельский С.А. Основы демографической и санитарной статистики ... С.479; Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Смертность в России и борьба с ней ... С.19–90; Глебовский С.А., Гребенщиков В.И. Детская смертность в России ... С.7–19; Вестник общественной гигиены. 1904. №9. С.1451; Тольц М.С. Брачность населения России в конце XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР ... С.138–153.
26. Подсчитано по: Вопросы демографической и санитарной статистики ... С.73–74; Движение населения в Европейской России за 1897–1902 год. СПб., 1900–1905. Вып.50–66.
27. Там же.
28. Там же.
29. Подсчитано по: Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии: Статистические материалы подворной переписи по губернии. Воронеж, 1897. С.252–254.

30. Подсчитано по: Весь Петербург на 1897–1902 год ...; Уипль Д.Г., Новосельский С.А. Указ. соч. С.517–518.

31. Там же.

32. Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России ... С.179.

33. Движение населения в Европейской России за 1897–1905 год ... Вып.50–66; Новосельский С.А. Демография и статистика: Избранные произведения ... С.119; Каминский Л.С. Медицинская и демографическая статистика: Избранные произведения . С.164–165; Население России в XX веке. Т.1. С.7–73.

34. См.: Отчет медицинского департамента МВД за 1892 г. СПб., 1896. С.1.

35. Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1905 г. СПб., 1907. С.V.

36. Подсчитано по: Движение населения в России за 1908, 1909 и 1910 гг. СПб., 1910. С.19–91; Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Указ. соч. С.30; Глебовский С.А., Гребенщиков В.И. Указ. соч. С.271–274.

37. Подсчитано по: Весь Петербург на 1897–1905 год ...; Материалы по статистике Петрограда. Пг., 1915. С.19; Уипль Д.Г., Новосельский С.А. Указ. соч. С.517–518.

38. Куркин П.И. Детская смертность в Московской губернии ... С.181.

39. Подсчитано по: Новосельский С.А. К вопросу о понижении смертности и рождаемости в России ... С.15–16.

40. Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Указ.соч. С.30.

41. Подсчитано по: Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии ... С.252–254; Общий свод по империи ... Т.1–2; Материалы высочайше учрежденной 16 января 1901 г. Комиссии ... Ч.3. С.126–127.

42. Подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. С.160–161; Россия, 1913 год... С.16–17; Новосельский С.А. О различиях в смертности городского и сельского населения Европейской России // Общественный врач. 1911. №4. С.44; Он же. Смертность и продолжительность жизни в России ... С.144–145; Население России в XX веке... Т.1. С.7–73.

43. Подсчитано по: Движение населения в России за 1908, 1909 и 1910 гг. ... С.19–91; Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Указ. соч. С.30; Глебовский С.А., Гребенщиков В.И. Указ. соч. С.271–274.

44. См., например: Новосельский С.А. К вопросу о понижении смертности и рождаемости в России ... С.15–16 и др.

45. Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России... С.169–170; ГРАЭ. Ф.1562. Оп.1. Д.15. Л.25; РГИА. Ф.1290. Оп.1. Д.12. Л.15–17.

46. Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии ... 1987. С.252–254; Куркин П.И. Указ. соч. С.83; Он же. Статистика движения населения в Московской губернии ... С.183.

47. Птуха М.В. Очерки по статистике населения ... С.371–381.

48. Подсчитано по: Движение населения в Европейской России за 1897–1905 год ... Вып.50–66; Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России ... С.16–91; РГИА. Ф.1290. Оп.2. Д.56. Л.12–19.

49. Подсчитано по: Там же; Отчет о народном здравии за 1892 г. СПб., 1894. С.2–3, 23–25.

50. Подсчитано по: Рашин А.Г. Население России за 100 лет ... С.164.

51. Семенов П.П. Указ.соч.; Семенов-Тян-Шанский В.П. Указ.соч.

52. Подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. С.260–261; Статистика Российской империи: Движение населения в Европейской России за 1900 год. СПб., 1906. Т.ХII. С.88–98; Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии ... Ч.3. С.126–127; РГИА. Ф.1290. Оп.1. Д.21. Л.52–56; Ф.1291. Оп.1. Д.25. Л.5–15; Воронов И. Народное хозяйство и народное здоровье// Медицинская беседа. 1904. №2. С.34–36.

53. Там же.

54. Там же.

55. Подсчитано по: Куркин П.И., Чертов А.А. Естественное движение населения г. Москвы и Московской губернии. М., 1927. С.27–92.

56. Подсчитано по: Врачебно-санитарный обзор Костромской губернии. Кострома, 1912. Вып. IV. С.12; Обзор Костромской губернии за 1897–1904 год. Кострома, 1898–1904; Иванов И.И. Опыт санитарного исследования гор. Костромы // Материалы для статистики Костромской губернии. Кострома, 1891. Вып.IV. С.172.

57. Подсчитано по: Материалы по статистике г. Саратова. Саратов, 1921. Вып.I. С.4–5; Статистический обзор Саратовской губернии за 1897–1903 год. Саратов, 1898–1904.

58. Подсчитано по: Шефер А. Обзор Самарской губернии за 1893–1903 год. Самара, 1894–1904; Город Куйбышев: Очерки истории Самары-Куйбышева. Куйбышев, 1940. С.83; Обзор Нижегородской губернии за 1897–1903 год. Н.Новгород, 1898–1904; Общий свод по империи... Т.1–2; Наличное население обоего пола по уездам и городам, с указанием преобладающих родных языков. СПб., 1905. С.3–60; РГАЭ. Ф.1562. Оп.1. Д.15. Л.25–55.

59. См.: Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России ... С.V и др.

60. Подсчитано по: Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России ... С.36–37.

61. Подсчитано по: Движение населения в Европейской России за 1890–1900 год ... Вып.33–62; РГИА. Ф.1290. Оп.2. Д.56. Л.12–19.

62. См.: Куркин П.И. Статистика движения населения в Московской губернии ... С.512.

63. Там же.

64. Материалы для оценки земель Владимирской губернии: Суздальский уезд. Владимир, 1902. Т.VIII. Вып.III. С.14–15; Обзор Владимирской губернии за 1896, 1901–1903 год. Владимир, 1897, 1902–1904.

65. Чупров А.И. Указ. соч. С.353.

66. Подсчитано по: Общий свод по империи... Т.1–2; Вестник общественной гигиены. 1904. №9. С.1451; РГИА. Ф.1290. Оп.2. Д.56. Л.12–19.

67. Подсчитано по: Статистика Российской империи: Движение населения в Европейской России за 1900 год ... С.88–89; РГИА. Ф.1290. Оп.1. Д.21. Л.52–56; Ф.1291. Оп.1. Д.25. Л.5–15.

68. Подсчитано по: Покровский В.И. Влияние колебаний урожая и хлебных цен на естественное движение населения// Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. СПб., 1897. Т.2. С.182; Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографической и санитарной статистике России// Календарь для врачей всех ведомств на 1916 г. Пг. 1916. Ч.2. С.14–94.

2. Демографическое развитие региона в 1900–1913 гг.

1. Подсчитано по: Статистический ежегодник России 1904–1913 гг. СПб., 1905–1914; Население России за 100 лет ... С.18–97; Россия, 1913 год ... С.11–26; Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России ... С.36–37; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–73; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.1, 4, 6, 7, 11, 23, 26, 36, 37, 51, 62, 63, 71.

2. Подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. С.6–7; Табл. XXI, XXII; Статистический ежегодник России 1913 г. СПб., 1914. С.19–91; Население России за 100 лет ... С.18–97; РГАЭ. Ф.1562. Оп.197. Д.1. Л.1–6; РГИА. Ф.433. Оп.1. Д.58. Л.1–4; Ф.1290. Оп.2. Д.967. Л.1–27; Новосельский С.А. Указ. соч. С.36–37; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–73.

3. Подсчитано по: РГАЭ. Ф.1562. Оп.116. Д.187, 189, 201, 306.

4. Подсчитано по: Россия, 1913 год ...; Ямзин И.Л., Воцинин В.П. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926. С.47; Покшишевский В.В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951. С.172–174; Турчанинов Н.В. Указ. соч. С.3–85; Турчанинов Н.В., Домрачев А. Указ. соч. С.3–

81; Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России ... С.168–202; Он же. Русские в мире ... С.183–205.

5. См.: Покшишевский В.В. Указ. соч. С.172–174.

6. Подсчитано по: Ямзин И.Л., Вошинин В.П. Указ. соч. С.47.

7. Подсчитано по: РГИА. Ф.391. Оп.2. Д.31. Л.1–26; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.96; Кокшайский И.И. Эволюция хозяйственной жизни Ставропольской губернии за время 1880–1913 гг. Саратов, 1915. С.2–3; Семенов-Тян-Шанский В.П. Указ. соч.

8. Телешов Н.Д. Записки писателя: Воспоминания и рассказы о прошлом. М., 1980. С.121.

9. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов. СПб., 1905. С.19–29; Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. С.15–51; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.10, 13, 16, 29, 30, 47, 50, 75, 76, 77, 78, 102, 233.

10. Подсчитано по: РГИА. Ф.560. Оп.41. Д.88; Ф.1290. Оп.2. Д.1819; Оп.4. Д.35–91; Оп.5. Д.12–19; Оп.6. Д.37, 39; Оп.11. Д.18, 19.

11. Подсчитано по: Новосельский С.А. Указ. соч. С.36–37; Семенов-Тян-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России ... С.74–77; О пределах возможных поправок и уточнений данных городского населения можно судить по следующим соображениям. В.П.Семенов-Тян-Шанский считал необходимым при определении численности городского населения обязательно учитывать те населенные пункты, которые официально не относились к городским селениям, но являлись торгово-промышленными. На основании ряда подсчетов он писал, что городское население в указанных территориальных пределах (Европейская Россия с Предкавказьем, но без зауральских городов и Финляндии) считалось в 1897 г. достигшим 13% всего населения; им же установлено – 15%. Таким образом, если принять эту поправку В.П. Семенова-Тян-Шанского, то удельный вес городского населения по отношению к общей численности всего населения Центральной России будет составлять на 1 января 1914 г. не 15,3%, а 17,3%.

12. Подсчитано по: Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. С.15–51; РГАЭ. Ф.1562. Оп.5. Д.1, 2; Оп.9. Д.18–27; Оп.11. Д.1; Оп.13. Д.18–22; Оп.15. Д.1; Оп.19. Д.9–19; Оп.20. Д.8–11; Оп.21. Д.8–19; Оп.31. Д.7–26; РГИА. Ф.433. Оп.1. Д.58. Л.1–24; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.49, 54; ЦГА РТ. Ф.359. Оп.1. Д.428, 429, 431, 432, 460, 461, 482. Л.1–26; Д.641. Л.1–10; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–73.

13. Подсчитано по: Население городов Европейской части РСФСР по переписи 1897, 1917 и 1923 годов // Бюллетень Центрального ста-

статистического управления, 1923. Всероссийская городская перепись. М., 1923. С.49.

14. Подсчитано по: Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов ... С.19–29; Статистический ежегодник России 1914 г. ... С.15–51; Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. Пг., 1922. С.19–92; Статистический ежегодник 1918–1920 гг. М., 1922. Вып. II. С.3; Френкель З.Г. Петроград периода войны и революции ... С.151–155; Современное хозяйство города Москвы. М., 1913. С.14; Пригороды и поселки Московской губернии: Экономико-статистический сборник. М., 1913. Вып. VI. С.59; Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. М., 1927. Вып. II. С.9; Михайловский В.Г. Записки о будущем населении Москвы и его распределении // Материалы к проектированию III очереди канализации г. Москвы. М., 1926. Вып. II. С.55–57; Города России в 1904, 1910 году. СПб., 1906–1914; Россия, 1913 год ... С.11–23, 376–380; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.10, 16, 20, 27, 32, 77, 78, 102, 233.

15. Там же.

16. Там же.

17. Там же.

18. Подсчитано по: Новосельский С.А. Указ. соч. С.26. Свавицкая З.М., Свавицкий Н.А. Указ. соч. С.19–26, 62–95, 126–196; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.7, 63.

19. Подсчитано по: Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов ... С.19–29; Статистический ежегодник России 1914 г. ... С.15–51; Города России в 1904, 1910 году ...; Россия, 1913 год ... С.11–23, 376–380; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.10, 16, 20, 27, 32, 77, 78, 102, 233.

20. Подсчитано по: Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии ... С.3; Петроград по переписи 15 декабря 1910 года ... С.51; Материалы по статистике Петрограда ... Вып. IV. С.9–10; Города России в 1904, 1910 году ...; Россия, 1913 год ... С.11–23, 376–380; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.10, 16, 20, 27, 32, 77, 78, 102, 233.

21. Подсчитано по: Главнейшие предварительные данные переписи Москвы 31 января 1902 г.: Возрастной состав населения Москвы и ее пригородов ... Вып. III. С.90; Статистический ежегодник города Москвы ... Вып. IV. С.11–13; Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии: Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. ... Вып. II. С.92; Города России в 1904, 1910 году ...; Россия, 1913 год ... С.11–23, 376–380; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.10, 16, 20, 27, 32, 77, 78, 102, 233.

22. Подсчитано по: Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства ... Т.2. С.191; Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1900–1910 гг. СПб., 1911–1912. С. I–II; Россия, 1913 год ... С.303–324; Новосельский С.А. Указ. соч. С.36–37; Покровский В.И. Влияние колебаний урожая и хлебных цен на естественное движение населения. СПб., 1914. С.14–92; РГИА. Ф.395. Оп.2. Д.3451-в,3577-г; Ф.433. Оп.1. Д.58; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.48, 120, 121, 123, 176, 182, 183, 184, 185, 186, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 225, 226, 228, 235, 236, 237.

23. См.: Куркин Л.И. Рождаемость и смертность в капиталистических государствах Европы ... С.8–11.

24. Подсчитано по: Вишневский А.Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в СССР // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР ... С.131.

25. Подсчитано по: Захаров С.В. Эволюция региональных особенностей воспроизводства населения России: Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. М., 1990. С.18.

26. Подсчитано по: Вишневский А.Г. Указ. соч. С.131.

27. Движение населения в Европейской России за 1900–1910 год ... Вып.62–93; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.19, 20, 27, 67; Россия, 1913 год ... С.303–324.

28. Там же.

29. Подсчитано по: Миронов Б.Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX века // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР ... С.96; Он же. Социальная история России периода империи Т.1. С.158–218.

30. Подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1–2.

31. Подсчитано по: Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии ... С.13–14; Материалы по статистике Петрограда... Вып. I. С.19; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.20, 27, 236.

32. Подсчитано по: Статистика Российской империи: Движение населения в Европейской России за 1910 год. Пг., 1916. С.249; То же, за 1900 год. СПб., 1906. С.231; Статистический временник Российской империи. СПб., 1900. С.190; Хаджнал Д. Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость и семья за три века... С.14–70; Коул А. Снижение рождаемости в Европе со времени французской революции до второй мировой войны // Там же. С.71–97; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.18.

33. Жбанков Д.Н. Влияние отхожих заработков на движение населения. СПб., 1895. С.9.

34. Зеленин Д.К. Восточно-славянская этнография. М., 1991. С.329; Караханов М.К. Демографические процессы в Средней Азии во второй половине XIX столетия // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР С.191–213; Коран. М., 1990. С.510–511.

35. Настольный энциклопедический словарь/ Т-ва Бр. А. и И. Гранат и К°. 5-е изд. доп. М., 1901. С.1042-а–1043-а.

36. Вишневский А.Г. Указ. соч. С.133.

37. Подсчитано по: Миронов Б.Н. Традиционное демографическое поведение крестьян ... С.96.

38. Согласно последней редакции «Уложения о наказаниях» (1913 г.), беременная женщина, умышленно произведшая изгнание своего плода, подвергалась лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение, заключению в тюрьму на срок от 4 до 5 лет.

39. Шадурская З. Сомнения и думы // Женское дело. 1910. №37–38. С.6.

40. Гран И.В. Аборт – преступление или операция: Доклад, сделанный на Двенадцатом Пироговском съезде. М., 1914. С.77.

41. Генс А.Б. Проблема аборт в СССР. М., 1929. С.90; Зейдлер П. Разбор показаний к искусственному выкидышу// Архив судебной медицины и общественной гигиены, издаваемый медицинским департаментом. 1899. №2 (июль). С.2–8; Коул А. Указ. соч. С.71–97; Мартынов В. Выкидыш при фосфорных отравлениях// Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1890. Апрель. С.673–676; Новосельский С.А. Указ. соч. Ч.2. С.91; Соколов П. Аборт как общественное бедствие // Саратовский вестник здравоохранения. 1929. №5–6. С.25–31; Хуснадзе Е.С. Случай попыток к изгнанию плода (экспертиза по делу акушерки Лысой) // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1909. Февраль. С.230–234.

42. Подсчитано по: Хаджнал Д. Указ. соч. С.14–70; Коул. А. Указ. соч. С.71–97.

43. Лубцы-Герцык Л.И. Земельный вопрос в связи с проблемой населения. М., 1917. С.41.

44. Подсчитано по: Новосельский С.А. Указ. соч. С.65–66.

45. Подсчитано по: Новосельский С.А., Паевский В.В. Таблицы смертности населения СССР// Паевский В.В. Вопросы демографической и медицинской статистики. М., 1970. С.290.

46. Подсчитано по: Куркин П.И. Указ. соч. С.8–11.

47. См.: Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России ... С.207; Смертность и продолжительность жизни населения СССР 1926–1927 гг.: Таблицы смертности. М.; Л., 1929. С.92.

48. Подсчитано по: Уипль Д.Г., Новосельский С.А. Основы демографической и санитарной статистики ... С.517–518; Россия, 1913 год... С.376–380; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.20, 236.

49. Там же.

50. Подсчитано по: Современное хозяйство города Москвы...С.14; Пригороды и поселки Московской губернии...Вып.IV. С.59; Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии ... Вып.II. С.9; Михайловский В.Г. Указ. соч. Вып.II. С.55–57; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.27, 32, 42, 46, 154.

51. Там же.

52. См., например: Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистики России ... Ч.2. С.91; Он же. О различиях в смертности городского и сельского населения в Европейской России // Общественный врач. 1911. №4. С.33; Птуха М.В. Очерки по статистике населения ... С.459 и др.

53. Статистический материал по вопросу о высокой смертности в России. Пг., 1914. С.16.

54. Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее. М., 1982. С.287; Дробижев В.З. Из истории изучения воспроизводства населения в СССР// Прошлое и настоящее демографии. М., 1980. С.58–68; Жбанков Д.Н. Сборник по городскому врачебно-санитарному делу в России. М., 1915. С.15.

55. Лосский Н.О. Характер русского народа// Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1991. С.273.

56. Георгиевский П. Смертность младенцев в возрасте от рождения до одного года в 1909, 1910 и 1911 годах в Европейской России. СПб., 1914. С.IV.

57. Подсчитано по: Куркин П.И. Указ. соч. С.84.

58. Новосельский С.А. Указ. соч. Ч.2. С.91.

59. См.: Зыбелин С.Г. Избранные произведения. М., 1954. С.217; Новосельский С.А. О тесноте связи между рождаемостью и детской смертностью // Советская демография за 70 лет. М., 1987. С.18–28, 24–25; Шестакова. Детская смертность в России. СПб., б.г. С.342; Зеленин Д.К. Указ. соч. С.551; Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1904. Май. С.666; Одиннадцатый Пироговский съезд. Петербург, 21–28 апреля 1910 г. Пг., 1910. Вып.2. С.173–174; Птуха М.В. Указ. соч. С.459; Гофштейн А.С. Рационализация материнства// Врачебное дело. 1927. №9. С.1402–1406; Томилин С.А. Демография и социальная гигиена. М., 1973. С.311.

60. Георгиевский П. Указ. соч. С.IV; Куркин П.И. Смертность грудных детей: Статистический очерк. М., 1925. С.27, 28–29; Соколов Д.А.,

Гребенщиков В.И. Указ. соч. С.30; Глебовский С.А., Гребенщиков В.И. Указ. соч. С.271–274.

61. Пресса Р. Народонаселение и его изучение. М., 1966. С.444.

62. Подсчитано по: Обзор С.-Петербургской губернии за 1900–1912 год. СПб., 1901–1913; Обзор Московской губернии за 1900–1914 год. М., 1901–1915; Статистический обзор Саратовской губернии за 1900–1903, 1905–1906, 1911, 1913 год. Саратов, 1901–1914; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.20, 27, 32, 236; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–83; Уиппль Д.Г., Новосельский С.А. Указ. соч. С.608; Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С.11–12; Система знаний о народонаселении. М., 1991. С.79.

63. Сифман Р.И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР ... С.80–81.

64. Подсчитано по: ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.5, 9, 12, 14, 43, 64, 65, 73, 74, 211, 212, 213, 214; Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России ... С.36–37.

65. Там же.

66. Там же.

67. Подсчитано по: Движение населения в Европейской России за 1900–1910 год ... Вып.63–93; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.18.

68. Подсчитано по: Уиппль Д.Г., Новосельский С.А. Указ. соч. С.479.

69. Подсчитано по: Движение населения в Европейской России за 1900–1910 год ... Вып.63–93; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.18.

70. Подсчитано по: Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР ... С.19.

71. Там же.

72. Щербаков А.В. Естественное движение населения Гиблицкой волости за 100 лет, 1825–1925 гг. Рязань, 1930. С.27.

73. Подсчитано по: Переписи населения Санкт-Петербурга 1890, 1900, 1910 годы. СПб., 1892–1912; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.20,32, 42, 46, 67, 152, 194, 233, 236.

74. Подсчитано по: Уиппль Д.Г., Новосельский С.А. Указ. соч. С.480.

75. Закон о раздельном жительстве супругов // Женское дело. 1914. №8. С.2.

3. Население Российского Центра в годы Первой мировой войны

1. Декреты Советской власти. М., 1957. Т.1. С.247–249.
2. См.: Лубны-Герцык Л.И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926; Дробижев В.З. У истоков Советской демографии. М., 1987.
3. См.: Кауфман А.А. По поводу Второй всероссийской переписи. СПб., 1913; Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографической и санитарной статистике России // Календарь для врачей на 1916 г. Пг., 1916. Ч.2.
4. Поляков Ю.А. Советская страна после окончания Гражданской войны: Территория и население. М., 1986. С.105–106.
5. См.: Россия, 1913 год... С.11–26; Население России в XX веке... Т.1. С.31–82, 143–190; Жиромская В.Б. После революционных бурь... С.6–25.
6. Подсчитано по: ГАРФ. Ф.4265. Оп.2. Д.28–31; РГАЭ. Ф.1562. Оп.197. Д.1. Л.1–6; РГИА. Ф.440. Оп.1. Д.1252; Ф.442. Оп.2. Д.2737, 2747, 2754, 2761, 2763, 2766, 2767, 2769, 2794; Ф.796. Оп.442. Д.2707. Л.14; Ф.1290. Оп.2. Д.877. Л.55; Оп.4. Д.672, 680, 692, 708, 709, 715, 718, 719, 720; Ф.1298. Оп.1. Д.2851. Л.2–4; Д.2858. Л.71–75; Ф.1562. Оп.196–197.
7. Подсчитано по: ГАРФ. Ф.1562. Оп.10. Д.20; Оп.32. Д.1–15; Оп.197. Д.1. Л.143; Оп.201. Д.1. Л.6–12; Оп.249. Д.14; Ф.4265. Оп.1. Д.1–27; РГИА. Ф.433. Оп.1. Д.57. Л.1–47; Д.58. Л.1–4; Ф.1290. Оп.1. Д.126–129, 131, 132, 138–141, 154–155; Оп.4. Д.455. Л.163; Д.755. Л.1–450; Оп.6. Д.3. Л.1–32; Оп.11. Д.1–2823; Ф.1298. Оп.1. Д.2851. Л.2–4; Д.2858. Л.71–76; Д.2881. Л.2–4; Д.3840. Л.1–2, 9–35.
8. Подсчитано по: Дробижев В.З. Указ.соч. С.65,67; ГАРФ. Ф.А-482. Оп.10. Д.1–24, 3500–3622; РГАЭ. Ф.478. Оп.106. Д.378; Ф.1562. Оп.5, 6, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 27, 28, 31, 324, 332; Оп.19. Д.132; Оп.31. Д.1; Оп.84. Д.94; Оп.116. Д.187; Ф.3429. Оп.30. Д.476; Ф.4382. Оп.6. Д.103; РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.2. Л.143.
9. См., например: Гуркин В.В., Гуров О.Г. Цена агрессии // Военно-исторический журнал. 1989. №9. С.197; Фоменко Б.П. Медицинский отчет петроградских родильных приютов на 1917 г. // Журнал акушерства и женских болезней. 1925. №3. Т.36. С.141 и др.
10. Подсчитано по: Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (В цифрах). М., 1924. С.108; РГВИА. Ф.504. Оп.17. Д.26. Л.4 об., 5–6, 17; Ф.507. Оп.2. Д.72. Л.30, 40, 51, 57 об., 58 об., 60–63, 65.
11. Тренин-Петушков И.Г. Корни и истоки хозяйственного учета и возникновение статистики на Руси. М., 1970. С.54.
12. Генс А.Б. Проблема аборта в СССР. М., 1929. С.58.

13. См.: Майер А.И. Влияние войны на женщину //Врачебное дело. 1926. №6. С.528–533; Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916. С.19; Уиппль Д.Г., Новосельский С.А. Основы демографической и санитарной статистики. М., 1929. С.608.

14. См.: Волков Е.З. Указ.соч. С.252; Тарасевич Л.А. Эпидемии последних лет в России //Общественный врач. 1922. №1. С.45–46; Сысин А.Н. Санитарное состояние России в настоящем и прошлом //Социальная гигиена. 1923. №2. С.35–39; Георгиевский А.С., Гаврилов О.К. Социально-гигиенические проблемы и последствия войн. М., 1975. С.82; Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Нью-Йорк, 1952. Т.1. С.398.

15. Подсчитано по: Новосельский С.А., Паевский В.В. Таблицы смертности населения Ленинграда за 1910–1911, 1920 и 1923 гг. //Материалы по статистике Ленинграда и Ленинградской губернии. Л., 1925. Вып.6. С.163.

16. Подсчитано по: Уиппль Д.Г., Новосельский С.А. Указ.соч. С.608; Три года борьбы с голодом: Краткий отчет о деятельности Народного комиссариата продовольствия за 1918–1920. М., 1920. С.84; Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918–1923 гг. М., 1924. С.19–24; Итоги борьбы с голодом за 1912–22 гг. //Сборник статей и отчетов. М., 1922. С.460; Труды ЦСУ СССР: Состояние питания городского населения за 1919–24 и 1926 гг. М., 1927. Т.30. Вып.1. С.19–27; То же: Состояние питания сельского населения за 1920–1924 гг. М., 1927. Т.30. Вып.2. С.19–24; Дубенецкий Н. Опыт исчисления населения РСФСР и УССР на 1922 г.// Бюллетень ЦСУ. 1923. №72. С.92; Поляков Ю.А. Указ.соч. С.82–128.

17. Подсчитано по: ГАРФ. Ф.А-390. Оп.4. Д.42, 262, 264; Оп.7. Д.158, 160; Ф.А-482. Оп.4. Д.29. Л.1–94; Д.43. Л.1–56; Оп.10. Д.23. Л.69, 70, 71, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81–163; Д.25. Л.1, 2, 4, 5, 6; Д.292, 355, 679, 739; Д.2167. Л.12, 13, 15, 17, 21, 22, 25, 26, 34, 39, 42–42 об., 44, 45, 47–47 об., 49; Д.2491. Л.1; РГИА. Ф.733. Оп.226. Д.166. Л.5; Д.173. Л.7; Ф.1287. Оп.19. Д.2464. Л.1–2.

18. Подсчитано по: Георгиевский А.С., Гаврилов О.К. Указ.соч. С.42; Прокопович С.Н. Указ.соч. С.398; Горбунов А.В. Влияние мировой войны на движение населения Европы// Русский Евгенистический журнал. 1920. Т.1. Вып.1. С.43.

19. Там же.

20. Подсчитано по: Новосельский С.А. Естественное движение населения в Петрограде. Пг., 1916. С.103.

21. Подсчитано по: Биншток Б.И., Каминский Л.С. Санитарное состояние населения в 1914–1918 гг. и военные потери России... С.116–127; Кольцов Н.К. Потери в составе населения Европы в годы мировой войны 1914–1917 гг. // Русский Евгенистический журнал. М., 1924. С.233; Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы ... С.567; Поляков Указ. соч. С.82–128; Михайловский В.Г. Введение к итогам переписи 1920 г.// Труды ЦСУ. М., 1922. Т.1. Вып.3. С.4; ГАРФ. Ф.А-482. Оп.10. Д.1–54, 95–97. Оп.2. Д.8–14, 37, 65, 66–77; РГАЭ. Ф.1562. Оп.116. Д.187.

22. Там же; Россия и СССР в войнах XX века... С.91–109.

23. Россия и СССР в войнах XX века... С.106–109.

24. См.: Поляков Ю.А. Указ.соч. С.82–128; Население России в XX веке... Т.1. С.74–82; Россия и СССР в войнах XX века... С.91–105 и др.

25. Подсчитано по: Поляков Ю.А. Указ.соч. С.82–128; Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918–1923 гг. М., 1924. С.19–24; Ульрих В. Военные трибуналы// Пять лет Верховного суда РСФСР, 1918–1923. М., 1924. С.6; Мельгунов С.П. Красный террор в России. М., 1990. С.87; Россия и СССР в войнах XX века... С.98–105.

26. Подсчитано по: Россия и СССР в войнах XX века... С.98–105.

27. Подсчитано по: Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. История населения СССР, 1920–1959 гг.// Экспресс-информация. Серия «История статистики». М., 1990. Вып.3–5. Ч.1. С.199; Россия и СССР в войнах XX века... С.90–105.

28. Подсчитано по: Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. Отд.1. С.1–25, 33–57; Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Пг., 1916. Вып.1. С.3–702; Статистический справочник по аграрному вопросу. М., 1917. Вып.1–2; Поляков Ю.А. Указ.соч. С.128–150; Население России в XX веке... Т.1. С.74–133.

29. Там же; Жиромская В.Б. Указ.соч. С.6–46.

30. Подсчитано по: Статистический ежегодник, 1921. М., 1922. С.2, 3. Табл.1; Сборник статистических сведений. М., 1924. С.2–3, 6–7, 8–9, 18, 19, 22–23; Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Нью-Йорк, 1952. Т.1. С.398; Уипль Д.Г., Новосельский С.А. Основы демографической и санитарной статистики ... С.608; Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны. М., 1923. С.110; Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923 гг. М., 1924. С.19–24; Георгиевский А.С., Гаврилов О.К. Указ.соч. С.42.

31. Подсчитано по: Статистический ежегодник ... С.2, 3. Табл.1; Сборник статистических сведений ... С.6–7, 8–9, 18, 19, 20–21.

32. Подсчитано по: Сборник статистических сведений... С.10–11, 21–23; Поляков Ю.А. Указ.соч. С.82–150.

33. Подсчитано по: Итоги переписи населения 1920 года. М., 1928. С.5, 10–11.

34. Подсчитано по: Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Пг., 1916–1917. Вып.1–3; ГАРФ. Ф.1562. Оп.10. Д.20; Оп.32. Д.1–15; Оп.197. Д.1. Л.143; Оп.201. Д.1. Л.6–12; Оп.249. Д.14; Ф.4265. Оп.1. Д.1–27; РГИА. Ф.433. Оп.1. Д.57. Л.1–47; Д.58. Л.1–4; Ф.1290. Оп.6. Д.3. Л.1–32; Оп.10. Д.126–129, 131, 132, 138–141, 154–155; Ф.1298. Оп.1. Д.3840. Л.1–2, 9–35.

35. Подсчитано по: РГИА. Ф.1290. Оп.11. Д.1–2823; Ф.1298. Оп.1. Д.2851. Л.2–4; Д.2858. Л.71–76; Д.2881. Л.2–4.

36. Подсчитано по: РГИА. Ф.1290. Оп.4. Д.455. Л.163; Д.755. Л.1–450; Ф.1298. Оп.1. Д.2851. Л.2–4; Д.2858. Л.71–75.

4. Миграции населения

1. Подсчитано по: Движение населения в Европейской России за 1895–1905 год ... Вып.45–84; Россия, 1913 год ... С.24–25; Турчанинов Н.В. Указ. соч. С.3–85; Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX в. С.78–97.

2. Подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1–2; РГИА. Ф.1290. Оп.2. Д.50. Л.2–22.

3. Подсчитано по: Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России ... С.101–157; Он же. Русские в мире ... С.122–176.

4. Подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. Табл.VI. С.91, 104; Турчанинов Н.В. Указ. соч. ... С.3–85.

5. Подсчитано по: РГИА. Ф.391. Оп.4. Д.943, 1083, 1094, 1208, 1751; Оп.6. Д. 60, 88, 108, 682, 978–980; Оп.11. Д.10; Ф.395. Оп.2. Д.3451-в, 3577-г.

6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. ... Псковская губерния. СПб., 1900. Вып.34. С.IV.

7. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов. СПб., 1905. Вып.5. С.3–48; Распределение населенных мест Российской империи по численности в них населения. СПб., 1902. С.3–33.

8. Подсчитано по: Перепись Москвы 1902 г. М., 1904. Ч.I. С.19–91.

9. Главнейшие данные переписи Москвы 31 января 1902 г.: Население Москвы по занятиям. М., 1907. Вып.VI. С.44–47.

10. Подсчитано по: Главнейшие данные переписи Москвы ... С.44–47.

11. Подсчитано по: Главнейшие предварительные данные переписи Москвы 13 января 1902 г.: Население по семейному состоянию и условиям. М., 1904. Вып.IV. С.32–92.

12. Подсчитано по: Петроград по переписи 15 декабря 1910 г.: Население. Пг., 1914. Ч.I. С.290.

13. См., например: Кауфман А.А. Переселения и колонизация. СПб., 1905; Любавский М.К. Историческая география России с колонизацией. М., 1909; Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990; Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России ... С.158–202; Он же. Русские в мире ... С.177–216 и др.

14. Подсчитано по: РГИА. Ф.391. Оп.4. Д.943, 1083, 1094, 1208, 1751; Оп.6. Д.60, 88, 108, 682; Оп.11. Д.10; Ф.395. Оп.2. Д.3451-в, 3577-г; ОРФ ИРИ РАН. Ф. 26. Оп.1. Д.41, 96, 189, 190.

15. Подсчитано по: Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов ... С.19–29; Статистический ежегодник России 1914 г. ... С.15–51; Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России ... С.36–37; РГАЭ. Ф.1562. Оп.197. Д.1. Л.1–6; РГИА. Ф.433. Оп.1. Д.58. Л.1–4; Ф.1290. Оп.2. Д.967. Л.1–27.

16. См.: Введенский Р.М. Методика анализа паспортной статистики России первой половины девятнадцатого века // Источниковедение Отечественной истории. 1981. М., 1982. С.167–177.

17. Полный свод законов Российской империи ... Т.ХХIV. Ст.24701.

18. Подсчитано по: Население России за 100 лет ... С.18–97; Россия, 1913 год ... С.24.

19. Подсчитано по: Меншиков А.А. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области: Новоселы, наделенные по душевой норме. Владивосток, 1914. Т.IV. С.37, 38, 43; Сычевский Е.П. К в опросу о формировании рабочего класса в Приамурье // Сборник статей по истории Дальнего Востока. М., 1958. С.224.

20. Подсчитано по: Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии ... С.1–2, 13–14; Статистический ежегодник города Москвы. Год II. 1907–1910. М., 1910. Вып.I; То же, год V. 1911–1913. М., 1916. Вып.IV; Отчет о состоянии народного здоровья за 1896–1914 гг. СПб.; Пг., 1905–1916. Табл.I; РГИА. Ф.1290. Оп.4. Д.755. Л.163–164.

21. Подсчитано по: Население С.-Петербурга по переписи 15 декабря 1900 г. С.13; Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии ... С.3; Петроград по переписи 15 декабря 1910 года ... С.13; Материалы по статистике Петрограда... Вып.IV. С.9–10.

22. Подсчитано по: Переселенческое движение на окраины в прямом и обратном направлениях в 1896–1916 гг. // Статистический ежегодник России 1916 г. Пг., 1918. Вып. I. С. 94–103; Яцунский В. К. Изменение в размещении населения Европейской России в 1724–1916 гг. // История СССР. 1957. № 1. С. 212–213; Турчанинов Н. В. Указ. соч. С. 3–85; Турчанинов Н. В., Домрачев А. Указ. соч. С. 3–81; Ставровский Я. Ф., Алексеев В. П. Переселения в Сибирь. СПб., 1906. С. 85–90; РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 755. Л. 1–387; ОРФ ИРИ РАН. Ф. 26. Оп. 1. Д. 20, 32, 42, 46.

23. См.: Китанина Т. М. Демографические процессы в России в период Первой мировой войны и их социально-экономические последствия для русской деревни // Социально-экономические процессы в российской деревне (XVI–начало XX в.). Таллин, 1986. С. 226.

24. Подсчитано по: Складов Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. С. 113.

25. Там же.

26. Подсчитано по: Анфимов А. М. Методика изучения социальной структуры деревни // Социально-экономические проблемы российской деревни. Ростов-на-Дону, 1980. С. 227; Островский А. В. О региональных особенностях аграрного перенаселения капиталистической России // Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып. 2. С. 175–181; Кабузан В. М. Русские в мире ... С. 183–188; Он же. Эмиграция и реэмиграция в России ... С. 168–173.

27. Там же.

28. Там же.

29. Подсчитано по: Платунов Н. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 г.). Томск, 1976. С. 283; Россия в мировой войне 1914–1918 гг. ... С. 20; Биншток Б. И., Каминский Л. С. Указ. соч. С. 118; Поляков Ю. А. Указ. соч. С. 82–204; Жиромская В. Б. Указ. соч. С. 6–46.

30. Подсчитано по: Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг. М.; Пг., 1923. С. 35, 38; РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 943, 1083, 1094, 1208, 1751; Оп. 6. Д. 60, 88, 108, 682, 978–980; Оп. 11. Д. 10; Ф. 395. Оп. 2. Д. 3451-в. Л. 1–15; Д. 3577-г. Л. 1–99; Ф. 1290. Оп. 2, 4, 5, 6, 11.

31. Большаков М. А. Задачи и перспективы колонизации // На новых путях. М., 1923. С. 484.

32. Подсчитано по: Квиткин О. А. Население городов в Европейской части РСФСР по переписи 1897, 1917, 1920 и 1923 года // Бюллетень ЦСУ. 1923. № 77. С. 12; Фицпатрик Ш. Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х годов // Вопросы истории.

1990. №8. С.17; Поляков Ю.А. Указ.соч. С.82–127; Население России в XX веке... Т.1. С.74–165.

33. Подсчитано по: Итоги борьбы с голодом в 1921–22 гг. // Сборник статей и отчетов. М., 1922. С.468; Большаков М.А. Указ.соч. С.485.

34. Подсчитано по: Сборник статистических сведений по Союзу ССР... С.19–24; Социалистическое строительство в СССР. М., 1934. С.496. Прилож. С.124; Большаков М.А. Указ.соч. С.485; Котов А. Основные причины деколонизации Западной Сибири в 1922–24 годах // Северная Азия. 1926. №3. С.5–30.

35. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. 2-е изд. М., 1986. С.25–26; Мухачев Ю.В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982. С.35–37; Население России в XX веке... Т.1. С.134–142.

36. Подсчитано по: Поляков Ю.А. Население Советской России в 1917–1920 гг. (Историография и источники)// Проблемы русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С.177; Он же. Советская страна после окончания Гражданской войны... С.82–127; Население России в XX веке... Т.1. С.74–165; Россия и СССР в войнах XX века ... С.91–109; Михайловский В.Г. Введение к итогам переписи 1920 г.// Труды ЦСУ. М., 1922. Т.1. Вып.3. С.5; Максудов С. Потери населения СССР. М., 1989. С.185; Жданов Н. Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. М., 1929. С.3, 145, 282, 286; РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.3. Л.280–281; Ф.2620. Оп.2. Д.19. Л.120, 478; Д.68. Л.282, 337–338.

37. Подсчитано по: Лубны-Герцык Л.И. Указ.соч. С.23–24; РГИА. Ф.391. Оп.4. Д.943, 1083, 1094, 1208, 1751; Оп.6. Д.60, 88, 108, 682, 978–980; Оп.11. Д.10; Ф.1298. Оп.1. Д.2840; ОР РГБ. Ф.855. К.1. Д.1. Л.6 об.; Д.2. Л.1; Д.31; Д.32. Л.3–3 об., 6 об., 9 об., 14 об., 18, 28 об., 36–36 об., 53; Д.33. Л.17; Д.35. Л.1.

38. Подсчитано по: Кабузан В.М. Русские в мире... С.228, 229, 339, 340.

39. Подсчитано по: Кабузан В.М. Указ.соч. С.229, 230; Марчайтис А. Литовская Советская социалистическая республика // Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С.226; Пуллат Р.Н. История Таллина, 1860–1970. Таллин, 1972. С.41.

40. Подсчитано по: Максудов С. Потери населения СССР... С.203; ГАРФ. Ф.5. Оп.1. Д.2754. Л.1, 8; Ф.130. Оп.1. Д.24. Л.1, 65; Д.36. Л.1–5; Д.45. Л.34–35; Оп.2. Д.9; Д.256. Л.25, 26; Оп.11. Д.5. Л.48; Ф.1943. Оп.1. Д.936. Л.11–11 об.; Ф.3429. Оп.1. Д.6. Л.50; Д.33. Л.18–27; Оп.57. Д.1.

Л.124; РГАЭ. Ф.5. Оп.1. Д.2683. Л.19; Д.2684. Л.22–22 об.; Ф.478. Оп.1. Д.62. Л.5; Ф.3429. Оп.1. Д.6; РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.2. Л.143.

41. См.: Поляков Ю.А. Советская страна после окончания Гражданской войны... С.117–119; Максудов С. Указ. соч. С.202; Кабузан В.М. Указ. соч. С.230; Через Константинополь проехало 190 тыс. чел. эмигрантов, в Польшу до 1 июля 1921 г. прибыло 570 тыс. чел., на Дальний Восток в 1922 г. въехало 150 тыс. чел. и т.д.

42. Подсчитано по: Статистический ежегодник 1914 г. Пг., 1915. Ч.II. С.13; Сельское хозяйство в России в XX веке. М., 1925. С.12–19; Большаков М.А. Указ.соч. С.483; РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.3. Л.280–281; Ф.2620. Оп.2. Д.19. Л.120, 478; Д.68. Л.282, 337–338.

43. Подсчитано по: Население городов Европейской части РСФСР по переписям 1897, 1917, 1920 и 1923 годов// Бюллетень ЦСУ. 1925. №77. С.10; Материалы по статистике Петрограда. М., 1920. Вып.1. С.10; Перепись беженцев в Петрограде. Пг., 1916. С.6, 71.

44. Подсчитано по: Материалы по статистике Петрограда ... Вып.1. С.10; Перепись беженцев в Петрограде. Пг., 1916. С.6, 71.

45. Подсчитано по: Большаков М.А. Указ.соч. С.483, 485–488; Сельское хозяйство в России... С.12–19, 19–25.

5. Служилые сословия

1. Свод законов Российской империи... Т.IX. Ст.968.

2. Блосфельдт Г.Э. Сборник законов о Российском дворянстве. СПб., 1901. С.324.

3. Подсчитано по: Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России... С.23–44.

4. См.: Рубакин Н.А. Российское дворянство в цифрах... №11. С.50–51.

5. Свод законов Российской империи... Т.IX. Ст.968.

6. Там же.

7. См., например: Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1915 г. Казань, 1915. С.709; Памятная книжка Самарской губернии на 1915 г. Самара, 1915. С.3 и др.

8. Корелин А.П. Указ.соч. С.87–105.

9. Подсчитано по: РГИА. Ф.536. Оп.21. Д.489. Л.74; Ф.1200. Оп.1. Д.1. Л.8 об.; Ф.1283. Оп.1. Д.5. Л.9, 13, 25, 32, 62, 519–521; Д.218. Л.31, 32, 33; Ф.1343. Оп.57. Д.585. Л.3.

10. Подсчитано по: Корелин А.П. Указ.соч. С.87–105; Гончаренко Л.Н. Города Среднего и Нижнего Поволжья во второй половине XIX века: Социально-экономическое исследование. Чебоксары. 1994. С.43–64.

11. Корелин А.П. Указ.соч. С.76–105; Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена... С.74–158.

12. Подсчитано по: РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.276. Л.11; Ф.1283. Оп.1. Д.60. Л.2–4.

13. См.: Рубакин Н.А. Архив государственной мудрости или злчное место, идеже государственные руки зимуют: Опыт статистического исследования Государственного совета по официальным данным. СПб., 1906.

14. Корелин А.П. Указ.соч. С.160–164.

15. Подсчитано по: Военно-статистический ежегодник армии за 1910 г. СПб., 1911. С.39; То же за 1911 г. СПб., 1912. С.54–55; То же за 1912 г. СПб., 1914. С.54–55; Режепо П.А. Офицерский вопрос... С.4–6.

16. Подсчитано по: Военно-статистический ежегодник армии за 1910 г. ... С.306–307; То же за 1911 г. СПб., 1912. С.360–361; То же за 1912 г. СПб., 1914. С.172–173; Режепо П.А. Офицерский вопрос... С.13–15.

17. Подсчитано по: Столетие Военного министерства... Т.4. Ч.3. Кн.1. С.70, 73, 80; Военно-статистический ежегодник армии за 1910 г. ... С.111; То же за 1911 г. С.88; То же за 1912 г. С.88; Режепо П.А. Указ.соч. С.27; Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (В цифрах). М., 1925. С.31.

18. Подсчитано по: Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов ... С.24–27; Военно-статистический ежегодник армии за 1910 г. ... С.173, 199, 225; То же за 1911 г. С.173, 177, 215, 241, 266; То же за 1912 г. С.229, 271, 296–297, 322.

19. Подсчитано по: Режепо П.А. Статистика полковников... С.10, 25; Он же. Статистика генералов... С.6, 9.

20. Там же; Исторический очерк деятельности военного управления в России... Т.4. С.535.

21. Подсчитано по: Военно-статистический ежегодник армии за 1910 г. ... С.172, 198, 224; То же за 1911 г. С.173, 177, 215, 241, 266; То же за 1912 г. С.229, 233, 270, 322; Режепо П.А. Статистика полковников... С.26; Он же. Статистика генералов... С.27.

22. Подсчитано по: РГВИА. Ф.304. Оп.1. Д.61; Ф.307. Оп.1. Д.168; Ф.855. Оп.1. Д.10–12; Ф.1483. Оп.1. Д.169–171; РГИА. Ф.1283. Оп.1. Д.9. Л.3; Д.22. Л.24–28; Д.167. Л.66–68; Д.170. Л.17 об., 18–19; Ф.1200. Оп.1. Д.1. Л.727 об.

23. Подсчитано по: Режепо П.А. Статистика полковников... С.19–20; Он же. Статистика генералов... С.20–21.

24. Подсчитано по: Военно-статистический ежегодник армии за 1910 г. ... С.173, 199, 225; То же за 1911 г. С.174–175, 178–179, 215, 241, 266; То же за 1912 г. С.230–231, 234–235, 271, 323.

25. Подсчитано по: Режепо П.А. Статистика полковников... С.12–13; Он же. Статистика генералов... С.12–16, 23.

26. Там же.

27. Подсчитано по: Общий свод по империи... Т.1. Приложение. С.62; Пругавин А. Старообрядчество во второй половине XIX в. М., 1904. С.9–19; Рубакин Н.А. Россия в цифрах... С.76–77; Церковный вестник. 20 января, 26 мая 1905 г., 19 января, 16 марта, 1 июня, 15 июля 1906 г.; Церковные ведомости. 2 апреля 1905 г., 7 января, 2 декабря 1906 г.; Русское богатство. 1914. №3; Слово. 24 ноября 1905 г.; РГИА. Ф.796. Оп.209. Д.2241. Л.420–421; Ф. 797. Оп.75. Д.177. Л.7–8 об.; Д.461. Л.1; Оп.76. Д.10. Л.563; ОР РГБ. Ф.234. П.7. Д.1. Л.76 об.

28. Подсчитано по: Всеподданнейший Отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. С.71, 100. Приложения. С.5, 7, 9, 155, 173; Рубакин Н.А. Указ. соч. С.78–80; Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России... С.20–44; Русское православие: Вехи истории ... С.380–385, 551–561; Церковный вестник. 27 октября, 10 ноября 1905 г.; Церковные ведомости 29 октября 1905 г., 7 января, 9 сентября 1906 г.; Русское богатство. 1910. №11; РГИА. Ф.516. Оп.2. Д.136. Л.56 об.–57; Ф.797. Оп.75. Д.28. Л.82–84, 91–97.

29. Подсчитано по: Отчет обер-прокурора Синода за 1914 г. СПб., 1916. С.117; Дервиз В.Д. К вопросу об экономическом положении бывшей Троице-Сергиевой лавры в 1917 г. Сергиев-Посад, 1926. С.6–8; Русское православие ... С.501–561; Зыбковец В.Ф. Указ.соч. С.28–35; Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи... С.10–19, 19–90, 193–195, 346–359; ГАРФ. Ф.125. Оп.7. Д.13. Л.7-об.; Ф.393. Оп.27. Д.1389. Л.231; РГАЭ. Ф.478. Оп.18. Д.54. Л.9, 122–126; РГИА. Ф.776. Оп.1. Д.14. Л.48; Д.38. Л.6; Д.40. Л.39–40; Оп.10. Д.1182. Л.4; Ф.777. Оп.4. Д.44. Л.2; Д.78. Л.75, 179; Д.81. Л.17; Д.137. Л.24 об.; Д.149. Л.2 об.–3; Оп.5. Д.211. Л.1; Д.253; Оп.10, 11; Ф.796. Оп.445. Д.394. Л.78–79 об.

30. Подсчитано по: Миссионерское обозрение. 1914. №1, 7–8; РГИА. Ф.772. Оп.1. Д.1398–1399; Д.4011. Л.20; Д.5722. Л.1; Ф.776. Оп.1. Д.18. Л.30–30 об.; Ф.797. Оп.94. Д.245. Л.2; Ф.807. Оп.2. Д.1324. Л.151; ОР ГРБ. Ф.174. К.92. Д.73. Л.2 об.; Ф.230. П.10802. Д.5. Л.33; Д.29. Л.19.

31. Подсчитано по: ГАРФ. Ф.478. Оп.18. Д.54. Л.9, 122–126; РГИА. Ф.796. Оп.440. Д.990. Л.238; Д.965–1027; Ф.797. Оп.80. Д.3. Л.2, 4, 12, 14, 21, 24, 38, 47, 67, 82, 112, 176; Оп.86. Д.31. Л.1, 16; Д.61. Л.1, 2, 4, 6, 7–9, 10, 13, 14, 48.

32. Петербургский листок. 1904. №54.

33. Подсчитано по: Вестник Всероссийской выставки монастырских работ и церковной утвари. СПб., 1904. №6. С.8; Отчет обер-прокурора Синода за 1913 г. Пг., 1915. С.107. Приложения. С.17, 18; Мельгунов С. Церковь и государство в России. М., 1909. С.232; Зыбковец В.Ф. Указ. соч. С.13–44, 113–204.

34. Подсчитано по: Мельгунов С. Указ.соч. С.243, 247–250; Кильчевский В. Богатства и доходы духовенства. М., 1907. С.6; Зыбковец В.Ф. Указ. соч. С.13–44, 113–204.

35. Подсчитано по: ГАРФ. Ф.1235. Оп.7. Д.13; РГИА. Ф.796. Оп.440, 442; Ф.797. Оп.96. Д.237. Л.16–16 об., 17, 18; Ф.815. Оп.14. Д.209. Л.48–48 об.

36. См.: Свод законов Российской империи... Т.IX. Ст.496, 554, 576, 577, 578, 581–585; Общий свод по империи... Т.2. Тетрадь I. С.151–161; РГИА. Ф.1290. Оп.2. Д.278. Л.78; Ф.1317. Оп.1 Д.1. Л.119, 120.

37. Там же.

38. Подсчитано по: Список чинам канцелярии Совета Министров на 1 августа 1916 г. Пг., 1917. С.9–19; Список личного состава центральных учреждений Министерства торговли и промышленности. СПб., 1912. С.9–12; Список чинам ведомства Министерства юстиции: Центральные учреждения. СПб., 1913. С.9–13; Там же: Губернские учреждения. СПб., 1913. С.9–13; Судебные уставы за пятьдесят лет. Пг., 1914. Т.I. С.450–452; Русское богатство. 1905. №3; Современный мир. 1912. №10; ГАРФ. Ф.518. Оп.1. Д.15. Л.40; Д.27; Д.36. Л.1–1 об., 18–19 об., 34; Д.66. Л.7; Ф.539. Оп.1. Д.149; Д.1024. Л.1, 4–4 об., 5; Ф.680. Оп.1. Д.938.

39. Подсчитано по: Список личного состава Министерства путей сообщения: Центральные и местные учреждения. Пг., 1915. С.15–19; Крокау А. Автобиографии окончивших курс в Электротехническом институте, 1889–1904 гг. СПб., 1908. С.9–18; Технологический институт... Л., 1928. Т.II. С.147, 152–156, 255; Отчет о деятельности Общества окончивших Петербургский политехнический институт за 1914–1915 отчетный год. Б.м., б.г. С.14–15; ГАРФ. Ф.518. Оп.1. Д.47. Л.9–10 об., 13 об., 24, 25; Д.80. Л.3, 4 об., 7–8; Ф.579. Оп.1. Д.2718. Л.1.

40. Подсчитано по: Загряцков М.Д. Земская служба и третий элемент... С.8; Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912). Пг., 1914. С.394; Местный агрономический персонал, состоящий на правительственной и общественной службе на 1 января 1914 г.: Справочник. Пг., 1914. С.14–19; Коропов В.М. Ветеринарное образование в СССР. М., 1949. С.95; Симбирское губернское земство, 1864–1914. Симбирск, 1914. С.40; Русская мысль. Март 1903 г.; ГАРФ.

Ф.518. Оп.1. Д.27. Л.17; Д.75. Л.25, 105, 107, 116, 138–138 об.; Д.76. Л.10–14; Ф.812. Оп.1. Д.96, 124.

41. Мицкевич С.И. Записки врача-общественника, 1888–1918. М.; Л., 1941. С.157; Юбилейный земский сборник. СПб., 1914. С.414; Калинин П.А. Профдвижение среднего медицинского персонала в России. М., 1927. С.6–9; Френкель З.Г. Очерки земского врачебно-санитарного дела. СПб., 1913. С.125; ГАРФ. Ф.518. Оп.1. Д.47. Л.13–об., 24, 25; Ф.579. Оп.1 Д.2718. Л.1.

42. Подсчитано по: Куломзин А.Н. Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования... С.29; Исторические записки. Т.88. С.120; Календарь для учителей на 1914/15 учебный год. СПб., 1914. Ч.II. С.14–19; Лига образования: Первый общий очередной съезд 2–31 декабря 1908 г. Б.м., б.г. С.2, 9; Однодневная перепись начальных школ Российской империи... Вып.ХVI. С.15–19; Положение народного образования во Владимирской губернии по исследованию 1910 года: Учителя и учительницы в земских школах. Владимир, 1911. Вып.2. С.8–13.

43. Подсчитано по: Северный вестник. 1897. №10; Русская мысль. 1915. Кн.2; Русь. 1905. №239; Русские ведомости. 23 февраля 1911 г.; ГАРФ. Ф.518. Оп.1. Д.15. Л.45; Д.29. Л.17–17 об., 67; Д.76. Л.53; Ф.579. Оп.1. Д.2699; ОР РГБ. Ф.44. Д.7. Л.295; Д.14. Л.13.

44. Подсчитано по: Судебные уставы за пятьдесят лет... Т.II. С.260; Юридический календарь М.Острогорского на 1916 год. Пг., 1916. С.16–19; ГАРФ. Ф.518. Оп.1. Д.15. Л.45; Д.76. Л.53.

45. Подсчитано по: История Академии наук СССР. М.; Л., 1964. Т.2. С.450, 461; Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. Пг., 1917. Ч.I. С.17–19; Клюжев И.С. Неиспользованные богатства. СПб., 1909. С.9–19; Орлов Н.Н. 35 лет деятельности Русского библиографического общества при Московском университете, 1889–1924. М., 1925. С.127–128; Вопросы философии и психологии. М., 1910. Кн.102. С.194; Кн.103. С. 207–223, 234–262; Список членов философского общества при С.-Петербургском университете. СПб., 1900; Шульговский Н.Н. Кружок философии права проф. Л.И. Петражицкого при С.-Петербургском университете за 10 лет существования. СПб., 1910. С.10–19; Владыченко С.Д. Отчет о деятельности психиатров в С.-Петербурге за 50 лет его существования (1862–1912). СПб., С.12–19; Личный состав Московского археологического общества к 27 марта 1915 г. М., 1915. С.15–19; Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С.172, 205; Русское историческое общество, 1866–1916. Пг., С.16–19; Историческое обозрение. Пг., 1915. Т.20. С.188–221.

46. Подсчитано по: Куломзин А.Н. Опытный подсчет современного состояния народного образования... С.12–19; ГАРФ Ф.518. Оп.1. Д.29. Л.17–17 об.

47. Подсчитано по: Список учебных заведений Ведомства Министерства народного просвещения за 1914 год ... С.14–19; Статистические сведения о состоянии учебных заведений Министерства народного просвещения за 1915 год. Пг., 1916. С.16–19; Списки личного состава Министерства путей сообщения. СПб., 1915. С.15–19; Список членов Главного управления землеустройства и земледелия по учебной части. СПб., 1914. С.14–19; Памятная книжка Константиновского межевого института. М., 1916. С.16–19; Именной список ректорам и инспекторам духовных академий. Пг., 1917. С.17–19; Куломзин А.Н. Указ.соч. С.12–19; Ежегодник газеты «Речь» на 1914 год. М., 1915. С.314.

48. Подсчитано по: Современный мир. 1909. Кн.12. С.3–12; 400 лет русского книгопечатания: Русское книгопечатание до 1917 года. М., 1964. С.469–498; Русское богатство. 1897. №3. С.90; То же. 1901. №3. С.1–21; Статистика произведений печати, вышедших в России в 1915 году. Пг., 1916. С.16–19; Литературно-художественные альманахи и сборники: Библиографический указатель. М., 1957. Т.1–2; Указатель журнальной литературы. М., 1911–1913. Вып.1–2; Труды Первого Всероссийского съезда издателей и книгопродавцов 30 июня – 5 июля 1909 г. СПб., 1909. С.164; Указатель статей, помещенных в «Русском богатстве». СПб., 1911; Содержание журнала «Мир божий» за 1892–1901 гг. СПб., 1901; То же за 1902–1906 гг. СПб., 1906; К 25-летию «Русской мысли»: Указатель статей с 1900 по 1904 г. включительно. М., 1905; Сотрудники «Русских ведомостей» // Русские ведомости. М., 1915. Стб.1–219; Литературное наследство. 1976. Т.85. С.273; Перцов П.П. Литературные воспоминания. М.; Л., 1932. С.39; Вестник Второго Всероссийского съезда писателей. 1910. №10. С.65–69.

49. Посчитано по: Стернин Г.Ю. Художественная жизнь России на рубеже XIX–XX вв. М., 1970. С.268; Отчет Московского литературно-художественного кружка за 1915–1916 год. М., 1916. С.16–19; Обзор деятельности Общества русских драматургических писателей и оперных композиторов за 25-летие его существования. М., 1899. С.101–113; Союз драматических и музыкальных писателей: Отчет за 1904–1910. СПб., 1910; Теарт и искусство. 1907. №19; Вестник Европы. 1909. №11. С.376–377; Отчет Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым («Литературного фонда»). Пг., 1916; Современник. 1913. №4. С.257–260; Вопросы литературы. 1980. №1. С.148–155; Российские партии, союзы и лиги. СПб., 1906. С.181; Устав профессионального союза сотрудников периодических изданий. Б.м., б.г.; Новая жизнь. 1905. №5;

Обзор деятельности Общества деятелей периодической печати и литературы за 4-летие 1907–1911. М., 1912; Журналист. 1927. №5. С.18–22; Отчет о деятельности Всероссийского литературного общества за 1912–1913 гг. СПб., 1913–1914; ГАРФ. Ф.539. Оп.1. Д.1109.

50. Там же.

51. Подсчитано по: Труды Всероссийского съезда художников в Петрограде. Декабрь 1911 – январь 1912. Пг., 1915. Т.III. С.99; Мясоедов Г.Г. Письма. Документы. Воспоминания. М., 1972. С.187; Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. Л., 1971. Т.I. С.138; Жевержеев Л.И. Опись моего собрания памятников русского театра. Пг., 1915. С.83–102; Давыдова М.В. Очерки истории русского театрально-декорационного искусства XVIII – начала XX века. М., 1974. С.19–74; Труды I съезда русских зодчих в Москве. М., 1899; Дневник V съезда русских зодчих. М., 1913. №1–8.

52. Там же.

53. Подсчитано по: Архив Дирекции императорских театров. СПб., 1892. Вып.I. Отд.III. С.23–133; Зограф Н.Г. Малый театр в конце XIX – начале XX в. М., 1966. С.19, 368; Московский Малый театр. 1824–1924. М., 1924. С.665–708; Альтшуллер А.Н. Театр прославленных мастеров: Очерки истории Александринской сцены. Л., 1968. С.85–86; 20-летие театра им. А.С. Суворина. Пг., 1915; Московский художественный театр, 1898–1938. М., 1938. С.583–594; Петровская И.Ф. Источниковедение истории русского дореволюционного драматического театра. Л., 1971. С.60; Отчет Русского театрального общества за 1901 г. СПб., 1902; Труды Первого Всероссийского съезда сценических деятелей 9–23 марта 1897 г. в Москве. СПб., 1898. Ч.I. С.26–41; Ч.2. С.200; Устав Всероссийского союза сценических деятелей. М., 1906; Всероссийский союз сценических деятелей. М., 1907. С.23–40; Труды Первого Всероссийского съезда режиссеров 1908 года. М., 1908; Кремлев Ю. Ленинградская консерватория, 1862–1937. М., 1938. С.46, 95; Московская консерватория, 1866–1966. М., 1966. С.191, 642–688; Пузыревский А.М., Саккетти Л.А. Очерк 50-летия деятельности С.-Петербургской консерватории. СПб., 1912. С.173–174; 100 лет Ленинградской консерватории: Исторический очерк, 1862–1962. Л., 1962. С.63–64, 122, 217–281; Манькин-Невструев Н.А. Краткий очерк Московского отделения Русского музыкального общества. 1860–1900. М., 1900. С.41–47; Теляковский В.А. Воспоминания. М.; Л., 1965. С.269; ГАРФ. Ф.518. Оп.1. Д.71. Л.1–1 об.

6. Крупные и средние собственники

1. Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России... С.4.

2. Дубровский С.М. Указ.соч. С.71–132, 268–296; Анфимов А.М. Указ. соч. С.22–47, 80–188, 289–316; Корелин А.П. Указ.соч. С.52–75; Кочешков Г.Н. Указ. соч. С.5–26.

3. Терпигорев С.Н. Указ. соч. С.2–4, 71.

4. Подсчитано по: Проскурякова Н.А. Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России... №1. С.72; Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России... С.13–21, 48, 55–67, 75–76, 82, 110–112; РГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.2592. Л.47–58; Д.2605. Л.51–56; Д.2606. Л.30–34; Ф.1290. Оп.5. Д.999; Д.1081. Л.13; Д.1084; РГИА. Ф.515. Оп.1. Д.121. Л.402 об., 403, 403 об.; Ф.560. Оп.26. Д.891; Ф.573. Оп.25. Д.81. Л.17, 21 об., 125, 146; Ф.587. Оп.33. Д.881. Л.114, 114 об.; Д.887. Л.15, 17, 45 об.–46, 70, 82; Д.888. Л.9; Оп.39. Д.1906. Л.2–2 об.; Ф.593. Оп.1. Д.19. Л.6, 7, 137; Д.76. Л.84–86 об., 133–136; Ф.1088. Оп.2. Д.19. Л.2; Ф.1276. Оп.2. Д.402. Л.31, 138; Ф.1282. Оп.2. Д.1163. Л.13, 50; Ф.1283. Оп.1 Д.6. Ч.1. Л.214; Оп.1. Д.288. Л.259–260; Оп.1 Д.13. Л.16; Ф.1664. Оп.1. Д.126. Л.213 об.; ОР РГБ. Ф.95. П.3. Д.11. Л.6.

5. Подсчитано по: Рашин А.Г. Население России за 100 лет... С.47; Цифровые данные о поземельной собственности в Европейской России. СПб., 1897. С.18–97; Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1907. С.97–107; РГИА. Ф.1283. Оп.1. Д.12. Л.71; Минарик Л.П. Указ.соч. С.75–76.

6. Терпигорев С.Н. Указ.соч.; Бодиско Д. Впечатление современной деревни // Гражданин. 1897. №8, 87; Русская мысль. 1905. Январь. С.59; Анфимов А.М. Земельная аренда в России... С.15, 149–150.

7. Подсчитано по: Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России... С.346.

8. См.: Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России... С.22–188.

9. Подсчитано по: Статистический сборник за 1913–1917 гг. // Труды ЦСУ. М., 1921–1922. Т.VII. Вып.1–2. С.103; Статистика долгосрочного кредита в России. Пг., 1917. Вып.1. С.12–14; Сельское хозяйство России в XX веке. М., 1923. С.55–56; Проскурякова Н.А. Указ.соч. С.72; Минарик Л.П. Указ.соч. С.48, 55–67, 82, 110–112; Мозжухин И. Аграрный вопрос в цифрах и фактах действительности. М., 1917. С.17–19; Рихтер Д.И. Государственные земельные банки в

России и их дальнейшая судьба. Пг., 1917. С.13; Немчинов С.В. Сельскохозяйственная статистика с основами общей теории. М., 1945. С.19–45; ГАРФ. Ф.102. Оп.229. Д.988. Л.1, 4–4 об.; Оп.230. Д.550. Л.24; Ф.434. Оп.2. Д.29. Л.35, 36, 39, 39 об.; РГИА. Ф.1283. Оп.1. Д.5. Л.11; Д.6. Л.214; Д.13. Л.15,16; Д.78. Л.6; ГАСамО. Ф.430. Оп.1. Д.1593. Л.10; Ф.663. Оп.1. Д.75. Л.1–1 об., 34–34 об.; ОР РГБ. Ф.265. П.123. Д.13. Л.20 об.–21; К.116. Д.1. Л.5–6.

10. Корелин А.П. Указ.соч. С.131; Дроздов И.Г. Судьбы дворянского землевладения в России... С.23–29.

11. Дроздов И.Г. Указ.соч. С.23–29; ГАРФ. Ф.1562. Оп.2. Д.80. Л.7; РГАДА. Ф.1252. Оп.1. Д.581. Л.7 об., 9 об.; Д.585. Л.22; Д.810. Л.9; Д.2584. Л.7; Д.2596. Л.1–25; Ф.1262. Оп.1. Д.2584. Л.7; Д.2596. Л.1–25; Ф.1273. Оп.1. Д.2592. Л.27–27 об., 47–58; Д.2605. Л.51–56; Д.2606. Л.30–34; Ф.1277. Оп.1. Д.433. Л.9; Д.467. Л.41, 44 об.; Д.514. Л.18 об.–19; Д.568. Л.8 об.–9; Д.587. Л.28 об., 60–62; Ф.1290. Оп.5. Д.4575. Л.25; РГИА. Ф.396. Оп.4. Д.304. Л.2, 5, 8, 10; Д.1302. Л.21, 16, 30; Ф. 556. Оп.1. Д.915. Л.98 об.; Д.968. Л.129 об.; Ф.573. Оп.20. Д.2348. Л.442; ОР РГБ. Ф.114. К.3. Д.10. Л.2.

12. Свод законов Российской империи... Т.IX. Ст.531.

13. Бурышкин П.А. Москва купеческая. Нью-Йорк, 1954. С.88.

14. Подсчитано по: Главнейшие предварительные данные переписи г. Москвы 31 января 1902 г. ... Вып.IV. С.18; Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 г. ... Ч.1. Отд.2. С.12; РГИА. Ф.23. Оп.2. Д.327. Л.7–8 об.; Ф.229. Оп.10. Д.2546; Ф.381. Оп.41. Д.27129. Л.326; Ф.1162. Оп.6. Д.25. Л.19–21 об.; Д.139; Ф.1200. Оп.16. Д.198, 199; Ф.1409. Оп.9. Д.24, 231, 244.

15. Подсчитано по: Стенограммы заседаний совещания по пересмотру положения о государственном промысловом налоге. СПб., 1908. Ч.1. С.6.

16. Свод законов Российской империи... Т.IX. Ст.532–533; Справочник С.-Петербургского купеческого общества на 1912 г. СПб., 1911. С.88.

17. Свод законов Российской империи... Т.IX. Ст.552, 554.

18. Свод законов Российской империи... Т.II. Ч.2. Ст.694.

19. Подсчитано по: ГАРФ. Ф.109. Оп.1. Д.1666. Л.2; Ф.677. Оп.1. Д.140. Л.20, 151, 233; РГИА. Ф.40. Оп.1. Д.24. Л.26–28; Ф.1290. Оп.5. Д.178. Л.36–36 об.; ОР РГБ. Ф.261. К.18. Д.5. Л.7; Ф.327. К.4. Д.15; Ф.332. К.3. Д.4. Л.2.

20. Подсчитано по: РГИА. Ф.40. Оп.1. Д.17. Л.30; Д.33. Л.17; Ф.557. Оп.1. Д.1416. Л.1–14; Ф.1290. Оп.5. Д.178. Л.29 об.–30; ОР РГБ. Ф.261. К.18. Д.5. Л.14; Ф.342. К.54. Д.2.

21. Подсчитано по: РГИА. Ф.20. Оп.2. Д.1120. Л.13; Ф.37. Оп.5. Д.2052. Л.35, 36, 50–63; Оп.65. Д.2140. Л.2–3, 7–8, 14, 47, 51, 81, 88, 103, 131–133; Оп.72. Д.10. Л.38; Д.123. Л.4; Ф.892. Оп.1. Д.1632. Л.1–2, 15–16, 33–34; ОР РГБ. Ф.332. К.61. Д.1.

22. Подсчитано по: РГИА. Ф.229. Оп.10. Д.975. Л.10–10 об.; Ф.1093. Д.338. Л.7; Ф.1639. Оп.1. Д.200. Л.1; ОР РГБ. Ф.332. К.5. Д.1. Л.7; Д.13. Л.1–2; Д.16. Л.2; К.10. Д.43. Л.1; Д.67. Л.1–2; К.37. Д.21. Л.1–2; К.61. Д.2; Д.6; К.68. Д.52; К.76. Д.13.

23. Подсчитано по: РГИА. Ф.20. Оп.9. Д.540. Л.4–5; Ф.40. Оп.1. Д.51. Л.168–168 об.; Д.67. Л.134–135, 136–146, 190 об.; Ф.299. Оп.19. Д.1726. Л.2–2 об.; Ф.1290. Оп.5. Д.178. Л.1–2 об., 29 об.–30, 36–36 об.; Ф.1343. Оп.39. Д.731, 833, 2442, 3193, 3194, 3272, 3962–3968, 4207, 4564, 5355.

24. Подсчитано по: ГАРФ. Ф.455. Оп.1. Д.585. Л.1–2; РГИА. Ф.23. Оп.1. Д.67. Л.298; Д.226. Л.37; Оп.23. Д.389. Л.1–4; Ф.37. Оп.52. Д.2760. Л.8–8 об.; Ф.1343. Оп.40. Д.1–6216; Ф.1409. Оп.16. Д.36. Л.73; ОР РГБ. Ф.58. Оп.1. П.74. Д.3. Л.15 об.; Ф.218. П.505. Д.3. Л.408; Ф.259. Оп.1. П.21. Д.30. Л.1–3.

25. Подсчитано по: РГИА. Ф.40. Оп.1. Д.51. Л.107–107 об.; Д.636. Л.88–88 об.; Д.645. Л.5–5 об.; Ф.472. Оп.45. Д.10. Л.121; Ф.476. Оп.45. Д.106. Л.289; Ф.1162. Оп.7. Д.1224. Л.10, 41; Ф.1102. Оп.1. Д.474. Л.72; Ф.1343. Оп.36. Д.20725. Л.1, 19; ОР РГБ. Ф.58. Оп.1. П.28. Д.6. Л.29 об.; П.74. Д.3. Л.19 об.

26. См.: Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи...; Общее расписание классовых должностей в империи. СПб., 1910. Т.4. Ч.1. С.19; Т.4. Ч.2. С.54; РГИА. Ф.23. Оп.23. Д.389. Л.1–4; Ф.1343. Оп.23. Д.52. Л.25; Д.150. Л.1, 36; Оп.35. Д.19791. Л.3 об.; Оп.36. Д.19791. Л.1–64; Д.19789. Л.1–95; Ф.1409. Оп.16. Д.2. Л.144; Д.43-а–44, 59–63; Д.407. Л.3 об.–4, 6; Д.1894. Л.129; ОР РГБ. Ф.58. П.57. Д.18. Л.5 об.

27. Витте С.Ю. Воспоминания ... Т.1. С.497.

28. См. подробнее: Фурсенко А.А. Материалы о коррупции царской бюрократии (по бумагам К.А. Скальковского) // Исследования по отечественному источниковедению. М., 1964. С.156.

29. См.: Бовыкин В.И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967. С.218; Монополистический капитал в нефтяной промышленности в России. М., 1961. Т.2. С.672; РГИА. Ф.23. Оп.23. Д.65. Л.5, 13; Д.244. Л.1–2; Д.540. Л.29–30, 35; Д.946. Л.1, 11–11 об., 12 об.; Ф.40. Оп.1. Д.50. Л.21–22; Ф.1102. Оп.1. Д.474. Л.72; Ф.1343. Оп.35. Д.1182. Л.4; Д.5559. Л.1–17; Д.6769. Л.1–1 об.; Ф.1409. Оп.36. Д.36. Л.241.

30. Рубакин Н.А. Россия в цифрах... С.111.

31. Биржевые ведомости. 8 апреля, 11 декабря 1911 г.; 22 апреля, 24 апреля 1912 г.; 20 января, 13 апреля 1913 г.; 1 января, 5 марта 1914 г.; Торгово-промышленная газета. 1 мая, 11 декабря 1911 г.; 5 января, 22 апреля 1912 г.; 8 марта, 21 марта, 1 мая 1913 г.; Ежегодник Министерства финансов. Пг., 1917. Вып.46; РГИА. Ф.23. Оп.1. Д.67. Л.43; Ф.630. Оп.1. Д.49. Л.25–26; Ф.1343. Оп.35. Д.6769. Л.1–1 об.; Д.8285. Л.24; Д.8295. Л.24; Оп.39. Д. 731, 833, 2442, 3193–3194, 3272, 3962–3968, 4207, 4564, 5355; Оп.40. Д.1–6216; Ф.1409. Оп.16. Д.43-а–44, 59–63; Д.407. Л.6; ОР РГБ. Ф.58. Оп.1. Д.3. Л.15 об., 19 об.; Д.6. Л.29 об.

32. Подсчитано по: Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам в России. СПб., 1906; Подоходный налог. Ожидаемое число плательщиков, их доход и сумма налога по исследованию, произведенному податными инспекторами и казенными палатами в 1909–1910 гг.: Материалы к проекту положений о государственном подоходном налоге. СПб., 1910; Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. С.7; Мосина И.Г., Рабинович Г.Х. Буржуазия Сибири в 1907–1914 гг. // Из истории буржуазии в Сибири. Томск, 1982. С.111; Рабинович Г.Х. Малоизученные источники по истории буржуазии в России: (Некоторые вопросы методологии и методики исследования) // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1972. Вып.7–8; Боханов А.Н. Крупная буржуазия России... С.245–256.

33. Подсчитано по: Опыт приблизительного исчисления народного дохода... С.VII, XII, XVI, XXI, XXII, XXIV, XXV, XXXV; Подоходный налог... С.IV, V–VI; Вся Россия. Киев, 1911. Т.1. Стлб.19, 47, 51, 74, 94, 100, 108, 133, 157, 212, 216.

7. Мелкие собственники и лица наемного труда

1. Главное управление землеустройства и земледелия дало следующее определение кустарной промышленности и ее отличий от ремесленной: 1) кустарная промышленность предполагала непременно участие в производстве самого кустаря, даже при наличии наемных работников; 2) в отличие от ремесленного производства кустарь, в том числе работая и на скупщика, изготавливал изделия для сбыта впрок, неопределенному покупателю; 3) в то время, как ремесленные заведения создавались преимущественно в определенном месте для удовлетворения спроса местного населения именно в данном ассортименте изделий (обувь, одежда, мебель и др.), кустарные часто охватывали значительный район (гончарное производство, ткачество, изготовление деревянных или металлических изделий и др.), где в силу наличия

сырья и других причин почти все его население было занято производством одних и тех же изделий.

2. Подсчитано по: Россия... Т.3.С.172–177; Кустарные промыслы в Озерной области // Кустарный труд. 1912. №18. С.2; Кустарная промышленность России: Промыслы по обработке дерева. СПб., 1913. С.332, 420.

3. Рыбников А.А. Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства... С.29, 31, 32, 47; Слобожанин М. Кустарная промышленность в России и условия ее развития // Ежегодник кустарной промышленности. 1912. СПб., 1912. Т.1. Вып.1. С.13–14; Россия... Т.3. С.185–188.

4. Подсчитано по: Рыбников А.А. Указ. соч. Прил.5. С.145; РГИА. Ф.395. Оп.1. Д.1265. Л.23.

5. Отчеты и исследования... III. С.76; V. С.169; XI. С.371–372; Кустарный труд. 1912. №4. С.1; Россия... Т.2. С.247–250.

6. См.: Иванова Н.А. Структура рабочего класса России... С.34–158; Она же. Промышленный центр России... С.13–126, 194–237; Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России... С.18–165; Гапоненко Л.С. Рабочий класс России... С.33–123; ГАРФ. Ф.4100. Оп.1. Д.84. Л.5, 12, 13, 14, 15; РГВИА. Ф.369. Оп.9. Д.14. Л.64–66; Д.70. Л.15, 16; Д.75. Л.13 об.; Д.77. Л.31–32; РГИА. Ф.23. Оп.16. Д.313. Л.78–79; Д.318. Л.7–32, 54–55, 56–58; Ф.1290. Оп.2. Д.967. Л.13; ГАСамО. Ф.171. Оп.1. Д.492. Л.2–5 об.; Ф.224. Оп.1. Д.127. Л.78–84 об.; Ф.700. Оп.5. Д.28. Л.40; Ф.701. Оп.1. Д.888-а. Л.28, 94, 95 об.; Д.891; Д.1719. Л.1–1 об., 126; ГАСарО. Ф.20. Оп.1. Д.1142. Л.18 об.; Д.1188. Л.2; Д.1190. Л.19, 28, 29, 37; Д.1205. Л.65; Д.1210. Л.7–7 об., 12, 14, 24–24 об., 28, 31–31 об., 40 об.; Д.1211. Л.39; Д.1282. Л.108; Д.1288. Л.65, 67, 68, 73, 79, 165, 167; Д.1292. Л.3; Д.1294. Л.1; Д.1298. Л.32; Д.1314. Л.1; Д.1318. Л.3; Д.1323. Л.1; Д.1324. Л.5; ГАУО. Ф.195. Оп.1. Д.2. Л.14 об.; Д.898. Л.57–61; Д.917. Л.130.

7. См.: Погожев А.В. Учет численности и состава рабочих в России... Приложение. Табл.І. С.2–17; РГВИА. Ф.369. Оп.9. Д.70. Л.107; Д.93. Л.14; РГИА. Ф.23. Оп.16. Д.318. Л.7–32, 38, 56–58, 78–79; Оп.27. Д.476. Л.43–46; Д.805. Л.55–56; Ф.37. Оп.58. Д.875. Л.32, 42, 57, 64–75; Д.894. Л.1–1 об.; Ф.126. Оп.1. Д.23. Л.21–64; Д.57. Л.18.

8. Подсчитано по: Финансовое обозрение. 1913. №13; ГАРФ. Ф.4100. Оп.2. Д.23. Л.264; РГАЭ. Ф.3984. Оп.1. Д.88. Л.15 об.-51; РГВИА. Ф.369. Оп.21. Д.154. Л.60–61, 69; Ф.504. Оп.2. Д.1443. Л.1 об., 2 об., 3; Оп.42. Д.36. Л.116; РГИА. Ф.23. Оп.16. Д.318. Л.41–42, 43–45; Оп.27. Д.338. Л.31; Ф.37. Оп.58. Д.894. Л.1–2; Ф.150. Оп.2. Д.47. Л.29; ГАСамО. Ф.700. Оп.1. Д.40. Л.233, 304–305; Д.154, 155; Ф.701. Оп.1.

Д.894-а. Л.1–3 об.; Д.1211. Л.1, 2–11 об.; ГАСарО. Ф.20. Оп.1. Д.1124. Л.55; Д.1151. Л.1; ГАУО. Ф.195. Оп.1. Д.814. Л.2–2 об., 3, 5; Д.921. Л.5, 27, 37.

9. Подсчитано по: Вестник банков и промышленности. 1917. №7–8; РГВИА. Ф.369. Оп.9. Д.70. Л.115; Оп.21. Д.154. Л.61; РГИА. Ф.23. Оп.16. Д.23; Д.318. Л.15; Оп.19. Л.357; Оп.20. Д.53. Л.150–151; Д.361; Ф.37. Оп.58. Д.324. Л.246–300; Ф.150. Оп.1. Д.497. Л.36; ГАСарО. Ф.20. Оп.1. Д.1188. Л.5 об.; ГАСамО. Ф.700. Оп.1. Д.41. Л.92–92 об., 93; Д.49. Л.207–207 об.; Д.110. Л.49; Ф.701. Оп.1. Д.1674. Л.6, 7, 12, 14, 16, 18–18 об., 19, 25, 38, 39, 54, 59, 60.

10. Подсчитано по: Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 г.// Фабрично-заводская промышленность в период 1913–1918 гг.: Труды ЦСУ. М., 1926. Т.ХХVI. Вып.2. С.118–119; РГИА. Ф.37. Оп.58. Д.320. Л.5–7; Д.342. Л.5 об.–7; Ф.120. Оп.2. Д.764. Л.54–56; Д.804. Л.2; Ф.150. Оп.1. Д.668. Л.25; Д.705. Л.163–171; Ф.616. Оп.5. Д.752. Л.1–8; ГАСарО. Ф.20. Оп.1. Д.1207. Л.3, 7, 8, 11, 12, 20, 26, 30, 32, 44, 46, 54, 55, 56; Д.1210. Л.12, 14, 28, 31, 32, 40 об.; Д.1227. Л.118; Д.1286. Л.1–72 об.; Д.1288. Л.73, 214–306.

11. Подсчитано по: РГВИА. Ф.504. Оп.42. Д.20. Л.59 об.; Д.37. Л.170–173; РГИА. Ф.23. Оп.16. Д.107. Л.1–2, 12 об.–13, 20–21, 23–24, 36–37, 52–53, 79–80; Д.109. Л.1–22; Ф.32. Оп.1. Д.1866. Л.50–51; Д.1948. Л.18–24, 25–25 об., 26; Ф.150. Оп.1. Д.497. Л.36; Ф.1276. Оп.1. Д.50. Л.97–97 об.; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.114, 125, 151, 153, 167, 168, 241, 255; ГАСамО. Ф.224. Оп.1. Д.148. Л.29–29 об.; Ф.700. Оп.1. Д.15. Л.285; Д.52. Л.84; Д.398. Л.5; Оп.5. Д.269. Л.339; Д.289. Л.566, 567; Ф.701. Оп.1. Д.1674. Л.4–4 об.

12. Подсчитано по: РГВИА. Ф.504. Оп.42. Д.21. Л.1; Д.24. Л.13 об.; РГИА. Ф.37. Оп.58. Д.346. Л.1, 11, 18; Д.401. Л.15–16; Д.463. Л.1, 19, 45-в, 45-д; Д.718. Л.234, 243, 267, 341–341 об., 354; ГАСамО. Ф.701. Оп.1. Д.1108. Л.152; Д.1682. Л.24; Д.1515. Л.15, 94, 96; Д.1535. Л.32; ГАУО. Ф.195. Оп.1. Д.830. Л.1, 1 об. –2, 3, 4; Д.857. Л.1–42, 43–101; Д.952. Л.6–10, 2–27, 28–32; ГАСарО. Ф.20. Оп.1. Д.1136. Л.1, 13; Д.1206. Л.2, 3, 4, 6–6 об.; Д.1211. Л.24–24 об., 26, 30.

13. См.: Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России... С.101; РГИА. Ф.593. Оп.9. Д.2018. Л.16; Ф.1233. Оп.1. Д.79. Л.30; Д.81. Л.122 об., 124 об.

14. См.: Ниякий В.В. Нижегородская деревня: Облик и настроения классов в Первой российской революции. Горький, 1981. С.15 и др.

15. Подсчитано по: Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1907. С.155–159, 174–175; Хозяин. 1901. №39; Земледельческая газета. 1901. №46; Вестник сельского хозяйства. 1905. №43; 1909. №47; Саратовская

земская неделя. 1902. №10; 1905. №4; ГАРФ. Ф.102. Оп.168. Д.51. Л.92; РГИА. Ф.573. Оп.8. Д.9580. Л.5–5 об.; Ф.1291. Оп.43. Д.452. Л.1, 2 об.; ЦГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.3587. Л.19, 20; Ф.81. Оп.11. Д.137. Л.37, 45; Д.138. Л.21; Д.142. Л.61; ГАСарО. Ф.421. Оп.1. Д.3220. Л.2, 4; ГАСамО. Ф.3. Оп.233. Д.1281. Л.1–30; Ф.276. Оп.1. Д.281. Л.1, 2, 25; Ф.322. Оп.2. Д.380. Л.7–20; Д.384. Л.106 об.; Д.431. Л.14; Д.505–592, 600–637, 644–666, 1204–1208, 1410–1418; Ф.372. Оп.1. Д.309. Л.1–4; Ф.430. Оп.1. Д.1512. Л.6, 64 об.; ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.7252. Л.20; Ф.196. Оп.1. Д.2782. Л.5.

16. См.: Россия в мировой войне... С.21; Погубернские итоги... С.50–54; Поуездные итоги... С.1–193; Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России... С.114; Анфимов А.М. Российская деревня в годы Первой мировой войны... С.190, 195–196; ГАРФ. Ф.3891. Оп.1. Д.8. Л.10 об.; Ф.351. Оп.1. Д.177. Л.2–6, 8–12; РГВИА. Ф.369. Оп.9. Д.9. Л.10–11; Ф.2000. Оп.3. Д.2433. Л.152, 155 об.; Д.2507. Л.332; Д.2509. Л.23; РГИА. Ф.395. Оп.2. Д.2873. Л.10, 42, 44, 45 об., 46, 49 об., 50–50 об., 76, 103; Д.2875. Л.10; Ф.433. Оп.3. Д.73. Л.1, 11–16, 200–211, 212–215, 216–229, 230–240, 241, 242, 243, 245, 246, 247, 273–275; Ф.573. Оп.20. Д.425. Л.3; Д.4257. Л.4; Д.2358. Л.91; Ф.1276. Оп.14. Д.1003. Л.1; Ф.1291. Оп.51. Д.151. Л.33–33 об.; Оп.54. Д.12; ЦГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2995. Л.26; Д.3655. Л.22; Д.3908. Л.27–28; Ф.2. Оп.1. Д.1807. Л.31 об.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Численность, состав и размещение населения
Российского Центра в 1897 г., тыс. чел.*

Губернии и районы	Численность		
	городское	сельское	всего
1.Петербургская	1423,4	684,3	2107,7
2.Псковская	72,6	1063,9	1136,5
3.Новгородская	87,5	1305,4	1392,9
4.Олонецкая	25,6	341,1	366,7
Итого: Северо-Западный (Озерный) район	1609,1	3394,7	5003,8
5.Московская	1128,0	1305,4	2433,4
6.Владимирская	187,5	1383,2	1570,7
7.Калужская	97,9	1087,8	1185,7
8.Тверская	153,6	1659,2	1812,8
9.Ярославская	144,5	928,0	1072,5
10.Костромская	94,1	1335,1	1429,2
11.Нижегородская	144,6	1455,7	1600,3
Итого: Центрально-Промышленный район	1950,2	9154,4	11104,6
12.Курская	202,8	2193,8	2396,6
13.Орловская	231,6	1823,2	2054,8
14.Тамбовская	229,4	2486,1	2715,5
15.Воронежская	176,6	2369,7	2546,3
16.Пензенская	139,2	1352,0	1491,2
17.Рязанская	137,9	1689,6	1827,5
18.Тульская	168,0	1264,7	1432,7
Итого: Центрально-Земледельческий район	1285,5	13179,1	14464,6
19.Казанская	187,0	2004,1	2191,1
20.Самарская	159,5	2604,0	2763,5
21.Саратовская	319,9	2100,0	2419,9
22.Симбирская	109,2	1440,3	1549,5
23.Астраханская	134,5	860,3	994,8
Итого: Поволжский район	910,1	9008,7	9918,8
Всего: Российский Центр	5754,9	34736,9	40491,8
Всего: Европейская Россия	12027,0	82188,4	94215,4

*Составлено и подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т.1. С.6–7, Табл. XXI, XXII; Население России за 100 лет (1897–1997): Статистический сборник. М., 1998. С.19–98; Россия, 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С.16–17; Население России в XX веке. М., 2000. Т.1. С.7–30.

Приложение 2

Распределение населения Москвы по месту рождения
и продолжительности пребывания в 1902 г.*

Место и продолжительность	Тыс. чел.	%
I. Родившиеся в Москве	301,8	27,5
II. Родившиеся вне Москвы и прожившие в ней, лет:		
0–1	115,3	10,6
1–2	110,1	10,1
3–5	126,2	11,6
6–10	135,6	12,4
11–15	84,3	7,7
16–20	76,8	7,0
21 и более	136,1	12,5
неизвестно сколько	6,2	0,6
Итого:	790,6	72,5
Всего: (I+II)	1092,4	100,0

*Составлено и подсчитано по: Перепись Москвы 1902 г. М., 1904. Вып. II. Ч. I. С.19,24–27.

Приложение 3

Распределение населения Москвы с пригородами
по месту рождения и сословиям в 1902 г.*

Сословия	Численность, тыс. чел.			% родившихся в Москве
	родившиеся в Москве	родившиеся вне Москвы	итого	
Дворяне	22,6	37,0	59,6	37,9
Духовенство	4,6	6,0	10,6	43,4
Почетные граждане	21,6	19,1	40,7	53,1
Купцы	10,1	8,4	18,5	54,6
Мещане и цеховые	121,7	105,9	227,6	53,5
Крестьяне	130,7	658,6	789,3	16,6
Прочие	11,0	17,4	28,4	9,4
Всего:	322,3	852,4	1174,7	27,5

*Составлено и подсчитано по: Перепись Москвы 1902 г. М., 1904. Вып. II. Ч. I. С.19, 24–27.

Соотношение мужского и женского населения
Российского Центра в 1897 г., чел.*

Губернии и районы	На 100 мужчин приходилось женщин
1.Петербургская	88
г.Петербург	88
2.Псковская	108
3.Новгородская	110
4.Олонецкая	112
В среднем: Северо-Западный (Озерный) район	125
5.Московская	99
6.Владимирская	120
7.Калужская	126
8.Тверская	125
9.Ярославская	133
10.Костромская	123
11.Нижегородская	113
В среднем: Центрально-Промышленный район	120
12.Курская	103
13.Орловская	107
14.Тамбовская	106
15.Воронежская	102
16.Пензенская	109
17.Рязанская	114
18.Тульская	113
В среднем: Центрально-Земледельческий район	108
19.Казанская	105
20.Самарская	104
21.Саратовская	105
22.Симбирская	110
23.Астраханская	95
В среднем: Поволжский район	104
В среднем: Российский Центр	114
В среднем: Европейская Россия	104

*Составлено и подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. Табл. XX–XXV. С.12–19; Россия, 1913 год... С.16–17; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–30.

Рождаемость у женщин ряда губерний Российского Центра
в возрасте 15–50 лет в 1896–1897 гг., %*

Губернии	Губернские города	Прочие города	Села, деревни
1.Воронежская	13,4	29,0	26,0
2.Пензенская	15,5	22,6	23,1
3.Орловская	13,9	11,9	23,5
4.Рязанская	13,5	15,9	22,6
5.Симбирская	16,7	20,3	22,2
6.Калужская	13,8	16,2	21,6
7.Казанская	13,6	18,1	31,4
8.Владимирская	13,7	17,7	20,7
9.Костромская	13,2	15,5	19,3
10.Псковская	16,2	13,7	19,0
11.Олонецкая	14,8	13,2	18,9
12.Новгородская	10,7	14,6	18,3
13.Ярославская	16,2	14,9	16,1
14.Петербургская	10,7	17,5	15,6
В среднем: Российский Центр (14 губерний)	14,0	17,2	21,3
В среднем: Европейская Россия (26 губерний)	12,4	15,7	20,6

*Составлено и подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1–2; Вестник общественной гигиены. 1904. №9. С.1451; Движение населения Европейской России за 1896–1897 год ... Вып.11–24; РГИА. Ф.1290. Оп.2. Д.56. Л.12–19; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–30.

Приложение 6

Средняя продолжительность предстоящей жизни населения
Российского Центра в 1892–1901 гг., лет*

Районы и города	Мужчины	Женщины	Оба пола
Северо-Западный (Озерный)	30,4	34,5	32,5
Центрально-Промышленный	27,1	31,4	29,3
Центрально-Земледельческий	27,3	28,7	28,0
Поволжский	26,6	28,0	27,3
Российский Центр	27,9	30,7	29,3
Петербург	30,6	36,4	33,5
Москва	27,0	31,1	29,1
Столицы	28,8	33,8	31,3
В среднем:	28,4	32,3	30,4

*Составлено и подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1–2; Статистика Российской империи: Движение населения в Европейской России за 1900 год. СПб., 1906. Т.ХII. С.88–89; Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916. С.179; Птуха М.В. Очерки по статистике населения. М., 1960. С.362; Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С.18–19; Куркин П.И. Рождаемость и смертность в капиталистических государствах Европы. М., 1938. С.84; Население России в XX веке... Т.1. С.7–30.

Приложение 7

Воспроизводство населения ряда губерний Российского Центра
с наиболее высокой смертностью в 1892 г., %*

Губернии	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1. Астраханская	54,2	78,4	–24,2
2. Самарская	47,4	66,2	–18,8
3. Саратовская	46,0	60,1	–14,1
4. Воронежская	43,5	56,8	–13,3
5. Симбирская	42,9	52,3	–9,4
6. Казанская	38,1	46,6	–8,5
7. Тверская	34,6	38,7	–4,1
8. Пензенская	46,5	50,5	–4,0
9. Тамбовская	42,7	42,9	–0,2
В среднем: Российский Центр (9 губерний)	44,0	54,7	–10,7
В среднем: Европейская Россия (18 губерний)	44,8	54,5	–9,6

*Составлено и подсчитано по: Отчет о народном здравии за 1892 г. СПб., 1894. С.2–11.

Воспроизводство населения ряда городов Российского Центра
с наиболее высокой смертностью в 1892 г.*

Города	Численность, чел.	Родилось, чел.	Умерло, чел.	Баланс естественного прироста, чел.	Смертность, %
1.Сердобск Саратовской губернии	7826	231	2258	-2027	28,8
2.Бугуруслан Самарской губернии	11669	828	1452	-624	12,5
3.Царицын Саратовской губернии	40063	2594	4640	-2056	11,6
4.Астрахань	103299	4241	8977	-4736	8,7
5.Острогожск Воронежской губернии	7094	473	615	-142	8,7
6.Симбирск	39723	1431	3070	-1639	7,7
7.Курск	49325	3078	3779	-701	7,7
8.Пенза	46884	2336	3555	-1219	7,6
9.Самара	96085	3218	6989	-3771	7,3
10.Саратов	118067	4517	8178	-3661	6,9
11.Воронеж	56107	2330	2931	-601	5,2
12.Казань	134359	4170	6794	-2624	5,1
13.Нижний Новгород	70476	3240	3431	-191	4,9
Всего: Российский Центр (13 городов)	780977	32687	56669	-23982	9,5
Всего: Россия (19 городов)	1073198	42901	75949	-33048	8,7

*Составлено и подсчитано по: Отчет о народном здравии за 1892 г. ... С.4-11.

Численность и размещение населения Российского Центра
в 1897–1914 гг.*

Губернии и районы	Численность, тыс.чел.		Прирост с 1897 по 1914 гг.	
	1897 г.	1914 г.	тыс. чел.	%
1.Петербургская	2112,0	3136,5	1024,5	48,5
2.Псковская	1122,3	1425,1	302,8	27,0
3.Новгородская	1367,0	1671,5	304,5	22,2
4.Олонецкая	364,2	465,8	101,6	27,8
Итого: Северо-Западный (Озерный) район	4965,5	6698,9	1733,4	31,4
5.Московская	2430,6	3591,3	1160,7	47,3
6.Владимирская	1515,7	2027,0	511,3	33,0
7.Калужская	1132,8	1476,6	343,8	30,3
8.Тверская	1769,6	2394,1	624,6	35,3
9.Ярославская	1071,4	1297,2	225,8	21,1
10.Костромская	1387,0	1822,6	435,6	31,4
11.Нижегородская	1584,8	2066,8	482,0	30,5
Итого: Центрально-Промышленный район	10891,9	14675,6	3783,7	32,7
12.Курская	2371,0	3256,6	885,6	37,8
13.Орловская	2033,8	2781,7	747,9	35,4
14.Тамбовская	2684,0	3530,0	846,0	31,5
15.Воронежская		3630,9	1099,6	
16.Пензенская	2531,3	1911,6	441,1	43,2
	1470,5	6	971,7	30,0
17.Рязанская	1802,2	2773,9	466,7	53,8
18.Тульская	1419,5	1886,2		32,8
Итого: Центрально-Земледельческий район	14312,3	19770,9	5458,6	37,8
19.Казанская	2170,7	2867,0	696,3	32,1
20.Самарская	2751,3	3800,8	1049,5	38,0
21.Саратовская	2405,8	3269,3	863,5	35,9
22.Симбирская	1527,8	2067,8	540,0	35,3
23.Астраханская	1003,5	1315,9	312,4	31,1
Итого: Поволжский район	9859,1	13320,8	3461,7	34,5
Итого: Российский Центр	40028,8	54466,2	14437,4	34,1
Итого: Европейская Россия	93442,9	127776,5	34333,6	36,7

*Составлено и подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. С.6–7, 98. Табл. XXI, XXII; Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. Отд. I. С.1–25, 33–57; Россия, 1913 год... С.11–26; Население России в XX веке... Т.1. С.7–30.

Численность населения губернских городов Российского Центра
в 1897–1914 гг., тыс. чел.*

Города	Численность		ррост на ... с 1897 по 1914 гг.
	1897 г.	1914 г.	
1.Петербург	1264,9	2118,5	853,6
2.Москва	1038,6	1762,7	724,1
3.Саратов	137,1	235,3	98,2
4.Казань	130,0	194,2	64,2
5.Астрахань	112,9	154,5	41,6
6.Самара	90,0	143,8	53,8
7.Тула	114,7	139,7	25,0
8.Нижний Новгород	90,1	111,6	21,5
9.Ярославль	71,6	111,2	39,6
10.Орел	69,7	96,2	26,5
11.Воронеж	80,6	93,7	13,1
12.Курск	75,7	87,8	12,1
13.Пенза	60,0	78,9	18,9
14.Тамбов	48,0	71,2	23,2
15.Кострома	41,4	68,7	27,3
16.Тверь	53,5	63,9	10,4
17.Калуга	49,5	56,3	6,8
18.Симбирск	41,7	55,2	13,5
19.Рязань	46,1	49,4	3,3
20.Псков	30,5	34,1	3,6
21.Владимир	28,5	32,7	4,2
22.Новгород	25,7	28,2	2,5
23.Петрозаводск	12,5	16,4	3,9
Всего:	3713,3	5804,2	2090,9

*Составлено и подсчитано по: Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов. СПб., 1905. Вып.5. С.3–48; Статистический сборник 1914 г. Пг., 1915. Отд. I. С.1–25, 33–57; Россия, 1913 год ... С.11–26; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–30.

Плотность населения Российского Центра
в 1897–1914 гг., чел.*

Губернии и районы	Плотность на 1 кв. версту	
	1897 г.	1914 г.
1.Петербургская	53,9	80,0
2.Псковская	29,6	37,5
3.Новгородская	13,2	16,0
4.Олонецкая	3,2	4,1
В среднем: Северо-Западный (Озерный) район	25,0	34,4
5.Московская	83,1	122,8
6.Владимирская	35,4	47,3
7.Калужская	41,7	54,3
8.Тверская	31,3	42,1
9.Ярославская	34,3	41,6
10.Костромская	18,8	24,7
11.Нижегородская	35,2	45,9
В среднем: Центрально-Промышленный район	40,0	54,1
12.Курская	58,1	79,8
13.Орловская	49,5	67,3
14.Тамбовская	45,9	60,3
15.Воронежская	43,7	62,7
16.Пензенская	43,1	56,0
17.Рязанская	48,9	75,3
18.Тульская	52,2	69,3
В среднем: Центрально-Земледельческий район	48,8	67,2
19.Казанская	38,8	51,2
20.Самарская	20,1	28,6
21.Саратовская	32,4	44,0
22.Симбирская	35,1	47,5
23.Астраханская	5,3	6,3
В среднем: Поволжский район	26,3	35,5
В среднем: Российский Центр	35,0	47,8
В среднем: Европейская Россия	36,4	49,8

*Составлено и подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1--2; Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. Отд. I. С.1–25, 33–57; Россия, 1913 год ... С.11–26; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–30.

Возрастно-половая структура населения Петербурга
в 1900–1910 гг., %*

Возраст, лет	1900 г.			1910 г.		
	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины	оба пола
0–9	13,4	16,7	14,9	16,1	18,1	17,1
10–19	20,1	16,4	18,4	19,2	17,5	18,4
20–29	30,0	23,6	27,1	27,4	24,6	26,1
30–39	18,5	17,5	18,0	19,2	16,6	18,0
40–49	10,5	11,6	11,0	10,7	10,6	10,7
50–59	4,8	7,2	5,9	4,9	6,4	5,7
60–69	2,0	4,5	3,1	1,8	3,9	2,8
70–79	0,6	2,0	1,2	0,5	1,7	1,1
80 и выше	0,1	0,5	0,3	0,1	0,4	0,2
Всего:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

*Составлено и подсчитано по: Весь Петербург на 1900–1910 год. СПб., 1900–1910; Статистический ежегодник России 1900–1910 гг. СПб., 1901–1911; Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии 1922 г. Пг., 1922. С.3.

Рождаемость населения Российского Центра
в 1896–1913 гг., %*

Губернии и районы	1896– 1900 гг.	1901– 1905 гг.	1906– 1910 гг.	1911– 1913 гг.	В среднем: 1896– 1913 гг.
1.Петербургская	32,8	33,4	31,3	29,3	31,7
2.Псковская	45,2	42,5	41,5	39,1	42,1
3.Новгородская	41,6	40,4	41,1	42,0	41,3
4.Олонецкая	45,3	44,5	45,9	45,8	45,4
В среднем: Северо-Западный (Озерный) район	41,2	40,2	40,0	39,1	40,1
5.Московская	39,7	39,2	40,7	39,6	39,8
6.Владимирская	47,1	45,9	43,1	40,2	44,1
7.Калужская	52,6	53,8	46,9	46,5	50,0
8.Тверская	45,0	45,0	42,1	40,1	43,1
9.Ярославская	37,6	39,6	38,0	36,4	37,9
10.Костромская	47,6	46,8	45,5	45,1	46,3
11.Нижегородская	52,8	51,2	49,8	46,0	50,0
В среднем: Центрально-Промышленный район	46,1	45,9	43,7	42,0	44,4
12.Курская	51,4	50,9	44,3	46,4	48,3
13.Орловская	52,7	52,1	47,5	44,8	49,3
14.Тамбовская	50,1	49,7	49,2	47,2	49,1
15.Воронежская	56,6	54,3	50,8	48,8	52,6
16.Пензенская	54,7	52,5	52,5	48,7	52,1
17.Рязанская	50,2	47,3	44,5	40,6	45,7
18.Тульская	56,9	51,4	47,9	44,0	50,1
В среднем: Центрально-Земледельческий район	53,2	51,2	48,1	45,8	49,6
19.Казанская	48,3	47,5	45,2	42,8	46,0
20.Самарская	57,6	58,3	55,4	55,0	56,6
21.Саратовская	55,9	53,1	49,0	47,2	51,3
22.Симбирская	52,4	53,8	53,8	49,5	52,4
23.Астраханская	–	52,8	55,7	54,1	54,2
В среднем: Поволжский район	53,6	53,1	51,8	49,7	52,1
В среднем: Российский Центр	48,5	47,6	45,9	44,2	46,6
В среднем: Европейская Россия	49,5	47,7	45,8	43,9	46,7

*Составлено и подсчитано по: Общий свод по империи... Т.1–2; Движение населения в Европейской России за 1896–1910 год. СПб.; Пг., 1891–1915. Вып.11–93; Статистический ежегодник России 1904–1913 гг. СПб., 1905–1914; Россия, 1913 год... С.21–26; Население России за 100 лет... С.19–98; Население России в XX веке... Т.1. С.7–30.

Количество рождений на каждый заключенный брак
Российского Центра в 1910 г., чел. *

Губернии и районы	Количество рождений
1. Петербургская	5,1
2. Псковская	5,2
3. Новгородская	5,6
4. Олонецкая	5,1
В среднем: Северо-Западный (Озерный) район	5,3
5. Московская	6,1
6. Владимирская	6,0
7. Калужская	5,1
8. Тверская	5,9
9. Ярославская	4,9
10. Костромская	5,2
11. Нижегородская	6,6
В среднем: Центрально-Промышленный район	5,7
12. Курская	5,8
13. Орловская	5,5
14. Тамбовская	6,7
15. Воронежская	6,3
16. Пензенская	6,7
17. Рязанская	6,1
18. Тульская	6,8
В среднем: Центрально-Земледельческий район	6,3
19. Казанская	5,4
20. Самарская	6,1
21. Саратовская	5,8
22. Симбирская	6,1
23. Астраханская	5,5
В среднем: Поволжский район	5,8
В среднем: Российский Центр	5,8
В среднем: Европейская Россия	5,3

* Составлено и подсчитано по: Движение населения в Европейской России за 1910 год ... Вып.88–93; Россия, 1913 год ... С.16–17; Население России за 100 лет ... С.19–98; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–73.

Соотношение рождаемости городского и сельского населения Российского Центра
в 1911–1913 гг.*

Губернии и районы	Города, %	Села, %	Рождаемость в селах к рождаемости в городах, %
1.Петербургская	28,5	31,5	110,6
2.Псковская	36,4	39,3	108,0
3.Новгородская	40,1	42,1	105,0
4.Олонецкая	37,8	46,4	123,0
В среднем: Северо-Западный (Озерный) район	35,7	39,8	111,7
5.Московская	35,4	44,0	124,3
6.Владимирская	38,1	37,7	99,0
7.Калужская	36,4	47,1	129,4
8.Тверская	33,2	40,5	122,0
9.Ярославская	38,8	35,9	92,6
10.Костромская	51,9	44,7	86,2
11.Нижегородская	37,3	45,0	120,7
В среднем: Центрально-Промышленный район	38,7	42,1	110,6
12.Курская	37,5	47,1	125,6
13.Орловская	34,6	46,5	134,4
14.Тамбовская	38,6	47,7	123,6
15.Воронежская	32,2	49,6	154,1
16.Пензенская	45,0	48,9	108,7
17.Рязанская	39,0	40,6	104,3
18.Тульская	38,2	44,6	117,0
В среднем: Центрально-Земледельческий район	37,9	46,4	124,0
19.Казанская	34,8	43,5	125,0
20.Самарская	69,7	54,1	77,7
21.Саратовская	36,8	49,1	133,5
22.Симбирская	46,5	49,6	106,7
23.Астраханская	39,0	35,8	92,0
В среднем: Поволжский район	45,4	46,4	107,0
В среднем: Российский Центр	39,4	43,7	113,3
В среднем: Европейская Россия	33,1	43,9	132,6

*Составлено и подсчитано по: Статистический ежегодник России 1911–1913 гг. СПб., 1912–1914; Россия, 1913 год ... С.21–26; Население России за 100 лет ... С.19–98; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–73.

Смертность населения Российского Центра в 1896–1913 гг., %*

Губернии и районы	1896– 1900 гг.	1901– 1905 гг.	1906– 1910 гг.	1911– 1913 гг.	В среднем: 1896– 1913 гг.
1.Петербургская	26,6	26,6	26,2	22,3	25,4
2.Псковская	30,5	30,3	26,2	24,4	27,9
3.Новгородская	28,9	29,9	28,6	28,0	28,9
4.Олонецкая	33,1	34,8	33,7	33,9	33,9
В среднем: Северо-Западный (Озерный) район	29,8	30,4	28,7	27,2	29,0
5.Московская	31,9	30,3	30,4	28,0	30,2
6.Владимирская	34,3	31,3	29,7	26,3	30,4
7.Калужская	39,2	40,3	34,1	29,3	35,7
8.Тверская	31,7	33,0	30,1	26,6	30,4
9.Ярославская	28,3	30,2	28,4	25,1	28,0
10.Костромская	33,2	33,3	31,5	29,5	31,9
11.Нижегородская	38,3	35,5	33,8	30,7	34,6
В среднем: Центрально-Промышленный район	33,8	33,4	31,1	27,9	31,6
12.Курская	34,5	30,9	28,1	28,4	30,5
13.Орловская	37,0	34,5	32,2	27,6	32,8
14.Тамбовская	32,2	31,6	30,4	28,5	30,7
15.Воронежская	36,0	33,3	33,7	28,7	32,9
16.Пензенская	37,8	35,3	33,6	30,8	34,4
17.Рязанская	32,1	31,1	28,1	23,5	28,7
18.Тульская	41,2	35,9	33,1	29,1	34,8
В среднем: Центрально-Земледельческий район	35,8	33,2	31,3	28,1	32,1
19.Казанская	33,2	31,4	30,7	29,9	31,3
20.Самарская	38,5	38,6	38,0	34,7	37,5
21.Саратовская	38,3	34,7	32,4	30,6	34,0
22.Симбирская	36,3	35,5	34,1	32,1	34,5
23.Астраханская	–	35,3	38,4	33,2	35,6
В среднем: Поволжский район	36,6	35,1	34,7	32,1	34,6
В среднем: Российский Центр	34,0	33,0	31,5	28,8	31,8
В среднем: Европейская Россия	32,1	31,0	29,5	27,1	29,9

*Составлено и подсчитано по: Общий свод по империи... Т.1–2. Движение населения в Европейской России за 1896–1910 год. Вып.11–93; Статистический ежегодник России 1904–1913 г. СПб., 1905–1914; Россия, 1913 год... С.21–26; Население России за 100 лет... С.19–98; Население России в XX веке.. Т.1. С.7–30.

Соотношение смертности городского и сельского населения
Российского Центра в 1911–1913 гг. *

Губернии и районы	Города, %	Села, %	Смертность в селах к смертности в городах, %
1.Петербургская	22,3	22,6	101,4
2.Псковская	28,1	24,1	86,0
3.Новгородская	32,6	27,7	85,0
4.Олонецкая	31,5	34,1	108,3
В среднем: Северо-Западный (Озерный) район	28,6	27,1	95,2
5.Московская	26,4	29,7	112,6
6.Владимирская	26,7	26,2	98,2
7.Калужская	29,7	29,2	98,5
8.Тверская	25,6	26,6	104,0
9.Ярославская	29,6	24,2	82,0
10.Костромская	36,6	30,0	82,0
11.Нижегородская	28,1	30,9	110,0
В среднем: Центрально-Промышленный район	29,0	28,1	98,2
12.Курская	26,5	28,5	107,6
13.Орловская	23,1	28,1	122,0
14.Тамбовская	28,3	28,5	101,0
15.Воронежская	23,8	28,9	121,5
16.Пензенская	33,4	30,5	91,5
17.Рязанская	28,0	23,1	82,5
18.Тульская	29,2	29,1	99,7
В среднем: Центрально-Земледельческий район	27,5	28,1	103,7
19.Казанская	29,0	30,0	104,0
20.Самарская	57,0	33,6	59,0
21.Саратовская	27,4	31,1	113,6
22.Симбирская	36,8	31,6	86,0
23.Астраханская	31,4	20,8	66,4
В среднем: Поволжский район	36,3	29,4	91,7
В среднем: Российский Центр	30,4	28,2	97,2
В среднем: Европейская Россия	23,9	26,5	110,8

*Составлено и подсчитано по: Статистический ежегодник России 1911–1913 гг. СПб., 1912–1914.; Россия, 1913 год ... С.21–26; Население России за 100 лет ... С.19–98; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–73.

Инфекционные заболевания населения Москвы в 1902–1907 гг.*

Полицейские части	Среднегодовая численность населения, чел.	Среднегодовая численность больных, чел.	Коэффициент больных, %
Тверская	64967	858	13,2
Городская	18319	297	16,2
Арбатская	44256	729	16,5
Пречистенская	44945	752	16,7
Лефортовская	86622	1419	16,4
Сретенская	52469	987	18,8
Басманная	46835	947	20,2
Яузская	35110	771	22,0
Хамовническая	73079	1634	22,4
Рогожская	99073	2348	23,7
Пятницкая	72320	1729	23,9
Якиманская	56770	1392	24,5
Пресненская	86786	2193	25,3
Мещанская	130604	3394	25,9
Серпуховская	44754	1202	26,9
Суцевская	118921	3199	26,9
Мясницкая	55242	1913	34,6
Всего:	1131272	25764	22,8

*Составлено и подсчитано по: Главнейшие предварительные данные переписи Москвы 31 января 1902 г. М., 1903. Вып. III. С.19–93; Обзор по г. Москве за 1905 год. М., 1907. С.3–118; Современное хозяйство г. Москвы. М., 1913. С.3–654; Статистический атлас города Москвы. М., 1911. С.3–66.

Младенческая и детская смертность Российского Центра в 1896–1910 гг., %*

Губернии и районы	1896–1897 гг.		1908–1910 гг.	
	Возраст, лет			
	0–1	1–5	0–1	1–5
1.Петербургская	34,1	41,0	26,7	40,3
2.Псковская	29,8	41,8	26,6	39,3
3.Новгородская	31,2	43,1	29,9	40,3
4.Олонецкая	32,1	43,6	32,1	44,4
В среднем:				
Северо-Западный (Озерный) район	31,8	42,4	28,8	41,1
5.Московская	36,6	51,6	29,9	43,6
6.Владимирская	36,3	50,3	30,5	43,5
7.Калужская	34,8	50,3	30,4	47,1
8.Тверская	32,8	45,2	30,7	46,8
9.Ярославская	30,6	42,6	28,0	40,0
10.Костромская	34,1	45,9	31,4	42,4
11.Нижегородская	41,0	53,8	34,0	44,6
В среднем:				
Центрально-Промышленный район	35,2	48,5	30,7	44,0
12.Курская	28,5	41,4	28,6	41,1
13.Орловская	31,9	47,5	29,4	43,5
14.Тамбовская	31,4	48,4	27,7	41,2
15.Воронежская	30,9	50,3	27,6	45,5
16.Пензенская	36,6	51,8	30,5	42,4
17.Рязанская	29,2	45,4	26,2	39,8
18.Тульская	32,0	52,4	27,5	44,4
В среднем:				
Центрально-Земледельческий район	31,1	48,2	28,2	42,6
19.Казанская	28,1	44,3	23,6	38,2
20.Самарская	31,5	50,3	29,7	48,2
21.Саратовская	37,7	51,6	28,7	46,5
22.Симбирская	34,0	49,4	30,8	46,3
23. Астраханская	29,8	50,7	25,3	42,3
В среднем: Поволжский район	32,2	49,3	27,6	44,3
В среднем: Российский Центр	32,6	47,1	28,8	43,0
В среднем: Европейская Россия	27,4	43,2	25,3	38,9

*Составлено и подсчитано по: Движение населения Европейской России за 1896–1910 гг. ... Вып.50–93; Россия, 1913 год... С.21–26; Население России за 100 лет ... С.19–89; Соколов Д.А., Гребенчиков В.И. Смертность в России и борьба с ней. СПб., 1901. С.19; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–73.

Структура младенческой и детской смертности по возрасту, конфессиям и типам населенных пунктов Российского Центра в 1900–1904 гг., %*

Вероисповедания и типы населенных пунктов	Возраст, лет				
	0–1	1–2	2–3	3–4	4–5
Православные	26,3	9,4	5,4	3,2	2,2
Протестанты	16,1	6,0	3,3	2,3	1,7
Католики	15,1	6,7	3,8	2,5	1,7
Мусульмане	15,8	8,8	6,5	5,0	3,7
Иудеи	11,6	6,0	2,8	1,7	1,3
Губернские города	26,7	9,1	4,1	2,4	1,8
Прочие города	22,2	8,0	4,2	2,6	2,0
Села, деревни	24,9	9,1	5,0	3,2	2,3

*Составлено и подсчитано по: Движение населения Европейской России за 1900–1904 г. ... Вып.63–74; Россия, 1913 год ... С.21–26; Население России за 100 лет ... С.19–89; Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Смертность в России и борьба с ней ...; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–30.

Естественный прирост населения Российского Центра в 1896–1913 гг., %*

Губернии и районы	1896– 1900 гг.	1901– 1905 гг.	1906– 1910 гг.	1911– 1913 гг.	В среднем: 1896– 1913 гг.
1.Петербургская	5,2	6,8	5,1	7,0	6,0
2.Псковская	14,7	12,2	15,3	14,7	14,2
3.Новгородская	12,7	10,5	12,5	14,0	12,4
4.Олонецкая	12,2	9,7	12,2	11,9	11,5
В среднем: Северо-Западный (Озерный) район	11,2	9,8	11,3	11,9	11,0
5.Московская	7,8	8,9	10,3	11,6	9,7
6.Владимирская	12,8	12,8	13,4	13,9	13,2
7.Калужская	13,4	13,5	12,8	17,2	14,2
8.Тверская	13,3	12,0	12,0	13,5	12,7
9.Ярославская	9,3	9,4	9,6	11,3	9,9
10.Костромская	14,4	13,5	14,0	15,6	14,4
11.Нижегородская	14,5	15,7	16,0	15,3	15,4
В среднем: Центрально-Промышленный район	12,2	12,3	12,6	14,1	12,8
12.Курская	16,9	20,0	16,2	18,0	17,8
13.Орловская	15,7	17,6	15,3	17,2	16,5
14.Тамбовская	17,9	18,1	18,8	18,7	18,4
15.Воронежская	20,6	21,0	17,1	20,1	19,7
16.Пензенская	16,9	17,2	18,9	17,9	17,7
17.Рязанская	18,1	16,2	16,4	17,1	17,0
18.Тульская	15,7	15,5	14,8	14,9	15,2
В среднем: Центрально-Земледельческий район	17,4	17,9	16,8	17,7	17,5
19.Казанская	15,1	16,1	14,5	12,9	14,7
20.Самарская	19,1	19,7	17,4	20,3	19,1
21.Саратовская	17,6	18,4	16,6	16,6	17,3
22.Симбирская	16,1	18,3	19,7	17,4	17,9
23.Астраханская	–	17,5	17,3	20,9	18,6
В среднем: Поволжский район	17,0	18,0	17,1	17,6	17,4
В среднем: Российский Центр	14,5	14,5	14,5	15,3	14,7
В среднем: Европейская Россия	17,4	16,7	16,3	16,8	16,8

*Составлено и подсчитано по: Общий свод по империи... Т.1–2; Движение населения в Европейской России за 1896–1910 год... Вып.11–93; Статистический ежегодник России 1904–1913 гг. СПб., 1905–1914; Россия, 1913 год ... С. 21–26; Население России за 100 лет ... С.19–98; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–30.

Естественный прирост городского и сельского населения
Российского Центра в 1911–1913 гг.*

Губернии и районы	Города, %	Села, %	Естественный прирост в селах к естествен- ному приросту в го- родах, %
1.Петербургская	6,2	8,9	144,0
2.Псковская	8,3	15,2	184,0
3.Новгородская	7,4	14,4	195,0
4.Олонецкая	6,3	12,3	196,0
В среднем: Северо-Западный (Озерный) район	7,1	12,7	179,8
5.Московская	9,0	14,3	159,0
6.Владимирская	11,4	11,5	101,0
7.Калужская	6,7	17,9	267,0
8.Тверская	7,6	13,9	183,0
9.Ярославская	9,2	11,7	128,0
10.Костромская	15,3	14,7	96,2
11.Нижегородская	9,2	14,1	154,0
В среднем: Центрально-Промышленный район	9,8	14,0	155,5
12.Курская	11,0	18,6	169,1
13.Орловская	11,5	18,4	160,0
14.Тамбовская	10,3	19,2	186,0
15.Воронежская	8,4	20,7	247,0
16.Пензенская	11,6	18,4	159,0
17.Рязанская	11,0	17,5	159,1
18.Тульская	9,0	15,5	173,0
В среднем: Центрально-Земледельческий район	10,4	18,3	179,0
19.Казанская	5,8	13,5	232,7
20.Самарская	12,7	20,5	162,0
21.Саратовская	9,3	18,0	194,0
22.Симбирская	9,7	18,0	166,0
23.Астраханская	7,6	15,0	198,0
В среднем: Поволжский район	9,0	17,0	194,5
В среднем: Российский Центр	9,1	15,5	177,2
В среднем: Европейская Россия	9,2	17,4	189,1

*Составлено и подсчитано по: Статистический ежегодник России 1911–1913 гг. СПб., 1912–1914; Россия, 1913 год ... С.21–26; Население России за 100 лет ... С.19–58; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–73.

Приложение 23

Возрастно-половая структура населения Российского Центра, вступившего в брак
в 1898–1910 гг., %*

Возраст, лет	Мужчины		Женщины	
	1898 г.	1910 г.	1898 г.	1910 г.
20 и ниже	30,8	30,8	54,7	54,5
21–25	35,6	36,2	31,7	31,0
26–30	19,1	18,8	7,1	7,3
31–40	9,1	8,9	4,5	4,7
41–50	3,5	3,5	1,6	1,9
50 и выше	1,8	1,8	0,4	0,4
Всего:	100,0	100,0	100,0	100,0

*Составлено и подсчитано по: Движение населения Европейской России за 1898–1910 гг. ... Вып.56–93; Статистический ежегодник России 1904–1910 гг. СПб., 1905–1911; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–73.

Приложение 24

Брачность по возрасту, полу и конфессиям населения
Российского Центра в 1901–1904 гг., %*

Вероисповедания	Возраст, лет			
	21 и ниже	21–26	26–31	31 и выше
Мужчины				
Православные	36,9	33,9	17,2	12,0
Протестанты	7,9	32,1	31,1	28,9
Католики	4,2	24,4	37,2	34,2
Мусульмане	9,5	41,2	24,2	25,1
Иудеи	5,2	41,0	35,6	18,2
Женщины				
Православные	60,3	28,3	5,9	5,9
Протестанты	28,4	39,5	16,6	15,5
Католики	36,9	38,7	14,6	9,8
Мусульмане	56,6	25,2	7,8	10,4
Иудеи	24,1	51,7	15,4	8,8

*Составлено и подсчитано по: Движение населения в Европейской России за 1901–1904 год... Вып.63–74; Статистический ежегодник России 1904 г. СПб., 1905. С.19–90; Россия, 1913 год ... С.21–26; Население России за 100 лет ... С.19–98; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–30.

Приложение 25

Численность, состав и размещение населения
Российского Центра в 1914 г., тыс. чел.*

Губернии и районы	Категории населения	Численность, тыс. чел.		
		мужчины	женщины	оба пола
1	2	3	4	5
1.Петербургская	городское	1197,3	1131,6	2328,9
	сельское	387,7	419,9	807,6
	всего	1585,0	1551,5	3136,5
2.Псковская	городское	45,6	46,5	92,1
	сельское	645,6	687,4	1333,0
	всего	691,2	733,9	1425,1
3.Новгородская	городское	55,3	54,8	110,1
	сельское	749,0	812,4	1561,4
	всего	804,3	867,3	1671,5
4.Олонецкая	городское	17,6	18,5	36,1
	сельское	205,8	223,7	429,5
	всего	223,4	242,2	465,6
Итого: Северо-Западный (Озерный) район	городское	1315,8	1251,4	2567,2
	сельское	1988,1	2143,4	4131,5
	всего	3303,9	3394,8	6698,7
5.Московская	городское	1013,1	887,1	1900,2
	сельское	783,5	907,6	1691,1
	всего	1796,6	1794,7	3591,3
6.Владимирская	городское	140,8	135,8	276,6
	сельское	823,1	927,3	1750,4
	всего	963,9	1063,1	2027,0
7.Калужская	городское	66,9	65,9	132,8
	сельское	612,5	731,3	1343,8
	всего	679,4	797,2	1476,6
8.Тверская	городское	89,2	90,0	179,2
	сельское	1034,9	1180,0	2214,9
	всего	1124,1	1270,0	2394,1
9.Ярославская	городское	105,1	102,5	207,6
	сельское	480,5	609,6	1090,1
	всего	585,6	712,1	1297,7
10.Костромская	городское	68,1	70,9	139,0
	сельское	778,2	905,4	1683,6
	всего	846,3	976,3	1822,6
11.Нижегородская	городское	91,6	88,3	179,9
	сельское	902,9	984,0	1886,9
	всего	994,5	1072,3	2066,8

Продолжение прил. 25

1	2	3	4	5
Итого: Центрально- промышленный район	городское сельское всего	1574,8 5415,6 6990,4	1440,5 6245,2 7685,7	3015,3 11660,8 14676,1
12.Курская	городское сельское всего	143,9 1477,5 1621,4	146,6 1488,6 1635,2	290,5 2966,1 3256,6
13.Орловская	городское сельское всего	163,2 1196,1 1359,3	156,8 1245,6 1402,4	320,0 2441,7 2761,7
14.Тамбовская	городское сельское всего	158,1 1583,8 1741,9	146,3 1641,8 1788,1	304,4 3225,6 3530,0
15.Воронежская	городское сельское всего	102,6 1709,4 1812,0	104,8 1714,1 1818,9	207,4 3423,5 3630,9
16.Пензенская	городское сельское всего	91,0 832,7 923,7	96,1 891,8 987,9	187,1 1724,5 1911,6
17.Рязанская	городское сельское всего	101,5 1251,3 1352,8	98,5 1322,6 1421,1	200,0 2573,9 2773,9
18.Тульская	городское сельское всего	118,1 783,0 901,1	107,0 878,1 985,1	225,1 1661,1 1886,2
Итого: Центрально- Земледельческий район	городское сельское всего	878,4 8833,8 9712,2	855,6 9182,6 10038,7	1734,0 18016,4 19750,9
19.Казанская	городское сельское всего	140,4 1284,0 1424,4	139,7 1302,9 1442,6	280,1 2586,9 2867,0
20.Самарская	городское сельское всего	117,6 1765,5 1883,1	124,6 1793,1 1917,7	242,2 3558,6 3800,8
21.Саратовская	городское сельское всего	248,8 1358,6 1607,4	269,2 1392,7 1661,9	518,0 2751,3 3269,3
22.Симбирская	городское сельское всего	74,8 932,4 1007,2	76,7 983,9 1060,6	151,5 1916,3 2067,8
23.Астраханская	городское сельское всего	94,3 577,5 671,8	93,6 550,5 644,1	187,9 1128,0 1315,9

1	2	3	4	5
Итого: Поволжский район	городское сельское всего	675,9 5918,0 6593,9	703,8 6023,1 6726,9	1379,7 11941,1 13320,8
Всего: Российский Центр	городское сельское всего	4444,9 22155,5 26600,4	4251,3 23594,3 27846,1	8696,2 45749,8 54446,5
Всего: Европейская Россия	городское сельское всего	9481,2 54275,3 63756,5	9115,6 55992,2 65107,8	18596,8 110267,5 128864,3

*Составлено и подсчитано по: Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. Отд.1. С.1–25, 33–57; Россия, 1913 год ... С.11–23; Население России за 100 лет ... С.19–98; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–82.

Численность, состав и размещение населения
Российского Центра в 1916 г., тыс. чел.*

Губернии и районы	Всего	В том числе		
		городское	сельское	
			всего	в том числе не описано
1.Петроградская	3637,5	2554,3	1083,2	412,8
2.Псковская	1137,9	79,2	1058,7	1,2
3.Новгородская	1456,5	107,6	1348,9	21,5
4.Олонецкая	411,8	34,9	376,9	15,2
Итого: Северо-Западный (Озерный) район	6643,7	2776,0	3867,7	450,7
5.Московская	3638,3	2144,1	1494,2	27,4
6.Владимирская	1877,5	307,0	1570,5	129,1
7.Калужская	1251,2	102,5	1148,7	46,3
8.Тверская	1979,8	195,8	1784,0	71,9
9.Ярославская	1271,2	271,7	999,5	40,3
10.Костромская	1647,7	110,0	1537,7	62,0
11.Нижегородская	1871,5	174,6	1696,9	109,0
Итого: Центрально-Промышленный район	13537,2	3305,7	10231,5	486,0
12.Курская	2608,0	158,5	2449,5	6,7
13.Орловская	2385,1	363,0	2022,1	67,7
14.Тамбовская	3343,4	314,3	3029,1	10,0
15.Воронежская	3266,4	162,0	3104,4	125,1
16.Пензенская	1789,9	193,2	1596,7	7,0
17.Рязанская	2176,5	154,1	2022,4	81,5
18.Тульская	1706,2	236,1	1469,1	59,2
Итого: Центрально-Земледельческий район	17274,5	1581,2	15693,3	357,2
19.Казанская	2636,0	262,6	2373,4	95,7
20.Самарская	3632,0	449,8	3182,2	128,3
21.Саратовская	3184,7	683,0	2501,7	48,6
22.Симбирская	1832,1	195,5	1636,6	17,1
23.Астраханская	1263,3	201,4	1061,9	4,1
Итого: Поволжский район	12548,1	179,3	10755,8	293,8
Всего: Российский Центр	50003,5	9455,2	40548,3	1587,7
Всего: Европейская Россия	97706,4	16686,5	81019,9	3265,1

*Составлено и подсчитано по: Статистический ежегодник за 1913–1917гг. // Труды ЦСУ. М., 1921. Т.VII. Вып.1. С.208, 216, 217, 224, 225; Россия, 1913 год ... С.11–23; Население России за 100 лет ... С.19–91; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–82.

Численность, состав и размещение населения
Российского Центра в 1917 г., тыс. чел.*

Губернии и районы	Сельское				
	всего	наличное	в том числе		
			отсутствующее		
			всего	в том числе	
отхожие промыслы	армия				
1	2	3	4	5	6
1.Петроградская	817,0	704,5	112,5	35,8	76,7
2.Псковская	849,9	750,6	99,3	13,4	85,9
3.Новгородская	1543,5	1312,7	230,8	46,9	183,9
4.Олонецкая	410,3	344,9	65,4	13,7	51,7
Итого: Северо-Западный (Озерный) район	3620,7	3112,7	508,0	109,8	398,2
5.Московская	1594,9	1304,0	290,9	124,6	166,3
6.Владимирская	1581,9	1331,2	250,7	82,4	168,3
7.Калужская	1361,7	1108,6	253,1	99,0	154,1
8.Тверская	2027,4	1644,8	382,6	180,9	201,7
9.Ярославская	1146,4	942,9	203,5	70,5	133,0
10.Костромская	1647,1	1394,5	252,6	62,5	190,1
11.Нижегородская	1759,3	1518,7	240,6	50,6	190,0
Итого: Центрально-Промышленный район	11118,7	9244,7	1874,0	670,5	1203,5
12.Курская	2793,4	2396,3	397,1	51,6	345,5
13.Орловская	2299,4	1964,2	335,2	80,5	254,7
14.Тамбовская	3527,3	3063,0	464,3	77,2	387,1
15.Воронежская	3273,2	2847,6	425,6	45,3	380,3
16.Пензенская	1808,7	1588,1	220,6	31,7	188,9
17.Рязанская	2304,2	1931,1	373,1	117,3	255,8
18.Тульская	1725,5	1434,5	291,0	101,8	189,2
Итого: Центрально-Земледельческий район	17731,7	15224,8	2506,9	505,4	2001,5
19.Казанская	2600,0	2265,2	334,8	57,2	277,6
20.Самарская	3350,8	2954,9	395,9	16,0	379,9
21.Саратовская	2770,6	2431,3	339,3	33,9	305,4
22.Симбирская	1872,2	1630,6	241,6	29,9	211,7
23.Астраханская	604,2	527,8	76,4	11,5	64,9
Итого: Поволжский район	11197,8	9809,8	1388,0	148,5	1239,5

Окончание прил. 27

1	2	3	4	5	6
Всего:					
Российский Центр	43668,9	37392,0	6276,9	1434,2	4842,7
Всего:					
Европейская Россия	81398,1	69893,3	11504,8	2310,4	9194,4

*Составлено и подсчитано по: Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. ... Т.IV. Вып.1. С.2. 3, 18, 19, 26, 27; Статистический ежегодник за 1913–1917 гг. ... Т.VII. Вып.1. С.208, 209, 216, 217, 225; Россия, 1913 год ... С.11–23; Население России за 100 лет ... С.19–91; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–82.

Приложение 28

Рождаемость населения ряда губерний Российского Центра
в 1914–1917 гг. к рождаемости 1911–1913 гг., %*

Губернии	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
1.Владимирская	99	88	66	42
2.Калужская	102	90	62	45
3.Костромская	105	87	–	–
4.Московская	105	87	71	–
5.Нижегородская	101	85	60	36
6.Новгородская	106	87	69	–
7.Псковская	102	85	76	–
8.Саратовская	103	92	60	41
9.Тверская	105	83	78	58
10.Тульская	102	86	87	88
11.Ярославская	104	89	72	59
12.Казанская	101	87	–	–

*Составлено и подсчитано по: Статистический ежегодник за 1913–1917 гг. ... Т.VII. Вып.1. С.208, 209, 216, 217, 225; Россия, 1913 год ... С.11–23; Население России за 100 лет ... С.19–91; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–82.

Приложение 29

Рождаемость и смертность населения Российского Центра
в 1913–1917 гг., %*

Годы	Рождаемость	Смертность	Смертность населения старше одного года
1913	47,0	30,2	19,6
1914	46,9	29,0	18,4
1915	39,7	29,9	21,0
1916	29,9	28,7	22,0
1917	23,9	27,6	22,3

*Составлено и подсчитано по: Статистический ежегодник за 1913–1917 гг. // Труды ЦСУ. М., 1921. Т.VII. Вып.1. С.208, 209, 216, 217, 225; Россия, 1913 год ... С.19–89; Население России за 100 лет ... С.21–98; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–82.

Приложение 30

Естественное движение населения ряда губерний
Российского Центра в 1913–1917 гг., %*

Губернии		Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1.Владимирская	1913 г.	43,3	30,2	+13,1
	1917 г.	32,0	33,6	-1,6
2.Калужская	1913 г.	50,4	31,8	+18,6
	1917 г.	28,1	31,2	-3,6
3.Костромская	1913 г.	45,6	29,9	+15,7
	1917 г.	32,2	36,9	-4,7
4.Московская	1913 г.	49,7	35,1	+14,6
	1917 г.	28,9	35,3	-6,4
5.Нижегородская	1913 г.	46,9	31,2	+15,7
	1917 г.	23,5	28,8	-5,3
6.Новгородская	1913 г.	42,2	28,6	+13,6
	1917 г.	28,9	25,3	+3,6
7.Псковская	1913 г.	43,7	26,4	+17,3
	1917 г.	27,3	28,4	-1,1
8.Тверская	1913 г.	85,1	29,4	+55,7
	1917 г.	29,4	30,8	-1,4
9.Тульская	1913 г.	48,6	32,6	+16,0
	1917 г.	39,9	43,2	-2,3
10.Ярославская	1913 г.	43,6	30,1	+13,5
	1917 г.	20,6	25,2	-4,6
11.Саратовская	1913 г.	17,6	12,6	+5,0
	1917 г.	26,7	34,8	-8,1
12.Казанская	1913 г.	45,7	30,4	+15,3
	1917 г.	39,1	51,1	-12,0

*Составлено и подсчитано по: Статистический ежегодник за 1913–1917 гг. ... Т.VII. Вып.1. С.208, 209, 216, 217, 225; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–82.

Миграционные процессы Российского Центра
в 1891–1896 гг., тыс. чел.*

Губернии и районы	Районы миграций			Всего
	Кавказ	Сибирь	Средняя Азия	
1.Петербургская	2,3	3,8	1,0	7,1
2.Псковская	0,7	6,4	0,4	7,5
3.Новгородская	0,8	3,4	0,3	4,5
4.Олонецкая	0,6	4,8	0,0	5,4
Итого: Северо-Западный (Озерный) район	4,4	18,4	1,7	24,5
5.Московская	1,7	3,7	0,6	6,0
6.Владимирская	4,6	8,1	1,7	14,4
7.Калужская	8,1	8,1	0,7	16,9
8.Тверская	0,9	3,2	0,4	4,5
9.Ярославская	1,1	4,2	0,5	5,8
10.Костромская	0,9	4,3	0,5	5,7
11.Нижегородская	4,8	11,2	4,8	20,8
Итого: Центрально-Промышленный район	22,1	42,8	9,2	74,1
12.Курская	38,6	39,8	2,3	80,7
13.Орловская	18,1	19,6	2,6	40,3
14.Тамбовская	12,0	32,2	3,5	47,7
15.Воронежская	55,8	24,3	11,5	91,6
16.Пензенская	11,3	30,1	8,3	49,7
17.Рязанская	10,3	24,4	1,8	36,5
18.Тульская	4,8	11,9	1,3	18,0
Итого: Центрально-Земледельческий район	150,9	182,3	31,3	364,5
19.Казанская	3,9	11,1	6,2	21,2
20.Самарская	7,2	12,5	20,6	40,3
21.Саратовская	16,1	9,3	10,2	35,6
22.Симбирская	6,0	12,4	5,9	24,3
23.Астраханская	16,1	4,5	22,7	43,3
Итого: Поволжский район	49,3	49,8	65,6	164,7
Всего: Российский Центр	226,7	293,3	107,8	627,8

*Составлено и подсчитано по: Турчанинов Н.В. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 год ... С.3–85; Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России ... С.101–202; Он же. Русские в мире ... С.122–216; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–30.

Размещение населения и сальдо миграций
Российского Центра в 1897 г., тыс. чел.*

Губернии и районы	Численность			Сальдо миграций
	всего	уроженцы других губ. в данной губ.	уроженцы данной губ. за ее пределами	
1	2	3	4	5
1.Петербургская	2112,0	931,1	121,8	+809,3
2.Псковская	1122,3	52,8	94,1	-41,3
3.Новгородская	1367,0	81,1	129,0	-47,9
4.Олонецкая	364,2	16,0	28,6	-12,6
Итого: Северо-Западный (Озерный) район	4965,5	1081,0	373,5	+707,5
5.Московская	2430,6	678,9	177,4	+501,5
6.Владимирская	1515,7	88,0	192,0	-104,0
7.Калужская	1132,8	47,1	274,4	-227,3
8.Тверская	1769,1	47,1	289,1	-242,0
9.Ярославская	1071,4	85,6	181,3	-95,7
10.Костромская	1387,0	39,1	130,3	-91,2
11.Нижегородская	1584,8	79,1	133,1	-54,0
Итого: Центрально- Промышленный район	10891,4	1064,9	1377,6	-312,7
12.Курская	2371,0	58,8	408,2	-349,4
13.Орловская	2033,8	88,6	299,6	-211,0
14.Тамбовская	2684,0	71,1	328,6	-257,5
15.Воронежская	2531,3	78,7	421,1	-342,4
16.Пензенская	1470,5	33,8	219,5	-185,7
17.Рязанская	1802,2	53,1	344,9	-291,8
18.Тульская	1419,5	55,3	260,8	-205,5
Итого: Центрально- Земледельческий район	14312,3	439,4	2282,7	-1843,3
19.Казанская	2170,7	64,1	237,7	-173,6
20.Самарская	2751,3	243,7	235,6	+8,1
21.Саратовская	2405,8	142,2	219,8	-77,6
22.Симбирская	1527,8	40,8	171,6	-130,8
23.Астраханская	1003,5	120,2	65,5	-54,7

1	2	3	4	5
Всего:				
Поволжский район	9859,1	611,0	930,2	-319,2
Всего:				
Российский Центр	40028,3	3196,3	4964,0	-1767,7
Всего:				
Европейская Россия	97225,7	8106,6	9589,7	-1483,1

*Составлено и подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. С.6–7. Табл. XXI, XXII; Население России за 100 лет ... С.19–98; Россия, 1913 год ... С.16–17; Турчанинов Н.В. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 год ... С.3–85; Яцунский В.К. Изменения в размещении населения Европейской России в 1724–1916 гг. // История СССР. 1957. №1. С.192–224; Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России ... С.101–202; Он же. Русские в мире ... С.122–216; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–30.

Приложение 33

Неместные уроженцы-крестьяне ряда уездов и городов
Российского Центра в 1897 г.*

Районы, уезды, города	Тыс. чел.		%	
	уезды	города	уезды	города
1	2	3	4	5
Псковский уезд	9,2	8,8	51,1	48,9
Новгородский уезд	20,5	8,0	71,9	28,1
Петербургский уезд	11,8	607,5	1,9	98,1
Петергофский уезд Петербургской губернии	9,8	42,4	18,8	81,2
в т.ч.:				
г.Кронштадт	–	34,4	–	65,5
г.Петергоф		5,4		10,3
Царскосельский уезд Петербургской губернии	15,6	19,0	45,1	54,9
в т.ч.:				
г.Царское Село	–	11,4	–	32,9
г.Гатчина	–	5,4	–	15,6
Ямбургский уезд Петербургской губернии	8,8	9,0	49,4	50,6
в т.ч.:				
г.Нарва	–	7,1	–	39,9
Итого:				
Северо-Западный (Озерный) район	75,7	758,4	39,7	47,8
Московский уезд	42,0	575,6	6,8	93,2
Серпуховской уезд Московской губернии	9,5	11,3	45,7	54,3
Коломенский уезд Московской губернии	17,8	7,3	70,9	29,1
Богородский уезд Московской губернии	36,0	3,6	90,9	9,1
Владимирский уезд	6,9	11,6	37,3	62,7
Шуйский уезд Владимирской губернии	9,1	34,9	20,7	79,3
в т.ч.:				
г.Шуя	–	3,5	–	8,0
г.Иваново-Вознесенск	–	31,4	–	71,4
Калужский уезд	4,9	15,2	24,4	75,6
Тверской уезд	5,8	23,1	20,1	79,9
Ярославский уезд	30,4	30,5	49,9	50,1
Рыбинский уезд Ярославской губернии	10,4	10,3	50,2	49,8
Костромской уезд	5,3	14,9	26,2	73,8
в т.ч.:				
г.Кострома	–	14,7	–	72,8
Нижегородский уезд	6,0	37,5	13,8	86,2

1	2	3	4	5
Итого:				
Центрально-Промышленный район	184,1	825,4	38,1	59,7
Курский уезд	7,0	14,8	32,1	67,9
Белгородский уезд Курской губернии	5,2	6,3	45,2	54,8
Орловский уезд	5,5	20,2	21,4	78,6
Елецкий уезд Орловской губернии	7,8	11,6	40,2	59,8
Брянский уезд Орловской губернии	17,9	8,1	68,9	31,2
Тамбовский уезд	10,7	14,4	42,6	57,4
Борисоглебский уезд Тамбовской губернии	20,6	7,6	73,1	27,0
Козловский уезд Тамбовской губернии	7,1	10,0	41,5	58,5
Моршанский уезд Тамбовской губернии	7,0	5,9	54,3	45,7
Воронежский уезд	5,5	26,9	17,0	83,0
Пензенский уезд	4,5	18,8	19,3	80,7
Рязанский уезд	6,3	16,3	27,9	72,1
Тульский уезд	10,0	35,4	22,0	78,0
Итого:				
Центрально-Земледельческий район	122,9	207,9	38,9	61,1
Казанский уезд	10,1	54,9	15,5	84,5
в т.ч.:				
г.Казань	–	54,8	–	84,3
Чистопольский уезд Казанской губернии	8,6	7,4	53,8	46,3
Самарский уезд	29,6	33,2	47,1	52,9
Саратовский уезд	15,9	52,1	23,4	76,6
Вольский уезд Саратовской губернии	6,5	6,0	52,0	48,0
Царицынский уезд Саратовской губернии	8,9	20,3	30,5	69,5
Симбирский уезд	9,1	13,5	40,3	59,7
Сызранский уезд Симбирской губернии	10,9	10,6	50,7	49,3
Астраханский уезд	26,5	43,1	38,1	61,9
Итого:				
Поволжский район	126,1	295,9	39,0	63,3
Всего:				
Российский Центр	508,8	2087,6	38,9	58,0

*Составлено и подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Погубернские итоги. СПб., 1899–1905. Вып.2, 3, 9, 12, 13, 14, 15, 18, 20, 24, 25, 26, 28, 29. 30, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 50. Табл. VI.

Миграционные процессы Российского Центра в 1900–1910 гг., %*

Губернии и районы	Миграции в 1900– 1909 гг.	Отходничество в Европейской России		
		1900 г.	1902 г.	1906– 1910 гг.
1.Петербургская	1,6	28,9	27,6	23,0
2.Псковская	18,5	6,2	8,7	10,4
3.Новгородская	2,4	13,1	13,4	14,2
4.Олонецкая	2,6	12,4	13,4	13,2
В среднем: Северо-Западный (Озерный) район	6,3	15,2	15,8	15,2
5.Московская	4,1	29,9	33,9	34,2
6.Владимирская	1,0	19,1	26,1	24,2
7.Калужская	23,8	20,5	25,8	25,4
8.Тверская	2,0	16,7	22,6	23,0
9.Ярославская	1,0	18,9	24,1	23,1
10.Костромская	13,0	13,1	27,6	20,0
11.Нижегородская	8,4	11,0	13,1	12,0
В среднем: Центрально-Промышленный район	7,6	18,5	24,7	23,1
12.Курская	90,6	3,2	11,9	10,0
13.Орловская	69,0	9,2	11,6	12,2
14.Тамбовская	52,8	5,9	8,8	8,2
15.Воронежская	70,4	7,4	8,5	8,0
16.Пензенская	44,4	7,6	10,6	10,0
17.Рязанская	23,0	17,5	22,7	20,5
18.Тульская	23,4	14,3	20,1	20,0
В среднем: Центрально-Земледельческий район	53,4	9,3	13,5	12,7
19.Казанская	10,2	4,7	9,2	9,2
20.Самарская	47,4	1,9	4,6	3,4
21.Саратовская	32,4	6,1	7,7	6,0
22.Симбирская	25,5	8,6	10,8	10,0
23.Астраханская	–	17,6	8,3	9,0
В среднем: Поволжский район	28,9	7,8	8,1	7,5
В среднем: Российский Центр	24,1	12,7	15,5	14,6
В среднем: Европейская Россия	–	8,3	9,5	9,4

*Составлено и подсчитано по: Россия, 1913 год... С.24; Турчанинов Н.В. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 год (включительно). СПб., 1910. С.3–85; Турчанинов Н.В., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. (включительно). Пг., 1916. С.3–81; Россия, 1913 год... С.11–26; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–30, 47–73; Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М., 1998. С.101–202; Он же. Русские в мире. СПб., 1996. С.122–216.

Переселенческое движение Российского Центра
в 1895–1914 гг., тыс. чел.*

Губернии и районы	Годы				Всего
	1895– 1899	1900– 1904	1905– 1909	1910– 1914	
1.Петербургская	0,2	0,1	2,5	1,0	3,8
2.Псковская	2,4	4,5	12,4	9,1	28,4
3.Новгородская	0,9	0,1	1,6	2,9	5,5
4.Олонецкая	–	0,1	–	–	0,1
Итого: Северо-Западный (Озерный) район	3,5	4,8	16,5	13,0	37,8
5.Московская	0,1	0,1	0,3	0,2	0,7
6.Владимирская	0,2	0,1	0,5	–	0,8
7.Калужская	4,1	0,7	16,9	8,5	30,2
8.Тверская	0,5	0,4	2,2	–	3,1
9.Ярославская	0,1	–	–	–	0,1
10.Костромская	0,6	0,4	6,4	17,2	24,6
11.Нижегородская	2,2	1,1	3,8	2,5	9,6
Итого: Центрально-Промышленный район	7,8	2,8	30,1	28,4	69,1
12.Курская	48,5	24,9	127,0	44,9	245,3
13.Орловская	43,4	9,0	73,5	52,9	178,8
14.Тамбовская	41,9	11,3	61,8	60,0	175,0
15.Воронежская	29,3	17,7	114,4	72,5	233,9
16.Пензенская	37,8	7,7	30,0	15,3	90,8
17.Рязанская	15,4	2,2	20,3	14,4	52,3
18.Тульская	17,6	2,0	10,7	9,6	39,9
Итого: Центрально-Земледельческий район	233,9	74,8	437,7	269,6	1016,0
19.Казанская	5,1	1,6	10,4	6,1	23,2
20.Самарская	42,7	8,4	65,7	48,6	165,4
21.Саратовская	16,6	6,5	41,3	26,5	90,9
22.Симбирская	11,1	3,0	10,0	8,1	32,2
23.Астраханская	0,5	0,1	1,0	0,6	2,2
Итого: Поволжский район	76,0	19,6	128,4	89,9	313,9
Всего: Российский Центр	321,2	101,0	612,7	400,9	1436,8
Всего: Европейская Россия	658,0	445,3	1827,4	1045,7	3976,4

*Составлено и подсчитано по: Россия, 1913 год... С.24; Турчанинов Н.В. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 год ... С.3–85; Турчанинов Н.В., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. ... С.3–81; Россия, 1913 год ... С.11–26; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–30. 47–73; Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России... С.101–202; Он же. Русские в мире ... С.122–216.

Распределение населения Петербурга по месту рождения,
продолжительности пребывания и полу в 1910 г.*

Место и продолжительность	Тыс. чел.			%		
	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола
I.Родившиеся в Петербурге	280,1	330,1	610,2	28,1	36,3	32,0
II.Родившиеся вне Петербурга и поселившиеся в нем, годы:						
1910 и временно приезжие	117,6	78,6	196,2	11,8	8,7	10,3
1909–1906	178,2	123,6	301,8	17,9	13,6	15,8
1905–1901	107,2	91,6	198,8	10,8	10,1	10,4
1900–1896	79,8	63,8	143,6	8,0	7,0	7,6
1895–1891	53,5	40,7	94,2	5,4	4,5	4,9
1890–1886	37,0	29,5	66,5	3,7	3,3	3,5
1885–1881	24,4	20,2	44,6	2,4	2,2	2,4
1880–1876	20,4	18,4	38,8	2,0	2,0	2,0
1875–1871	10,8	10,2	21,0	1,1	1,1	1,1
1870 и ранее	16,2	22,3	38,5	1,6	2,5	2,0
неизвестно когда	72,1	79,3	151,4	7,2	8,7	8,0
Итого:	717,1	578,3	1295,4	71,9	63,7	68,0
Всего: (I+II)	997,2	908,4	1905,6	100,0	100,0	100,0

*Составлено и подсчитано по: Весь Петербург на 1910 год. СПб., 1910. С.10–19; Материалы по статистике Петрограда ... Вып. IV. С.19–21; Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии 1922 г. ... С.19–22.

Численность и распределение по разрядам семей потомственных дворян
ряда губерний Российского Центра в 1899–1910 гг.*

Губернии	1 разряд	2 разряд	3 разряд	4 разряд	5 разряд	6 разряд	Итого
1.Владимирская численность %	48 3,1	526 34,4	579 37,9	4 0,3	35 2,3	337 22,0	1529 100,0
2.Калужская численность %	33 2,1	578 36,9	549 35,1	15 1,2	39 2,4	349 22,3	1563 100,0
3.Костромская численность %	64 3,8	342 20,4	483 28,7	26 1,5	18 1,2	747 44,4	1680 100,0
4.Нижегородская численность %	30 2,7	383 34,5	469 42,2	16 1,6	34 3,0	178 16,0	1110 100,0
5.Новгородская численность %	55 3,2	845 49,5	487 28,3	2 1,0	30 1,7	300 17,3	1719 100,0
6.Пензенская численность %	69 5,5	438 34,6	447 35,3	11 0,9	42 3,3	258 20,4	1265 100,0
7.Рязанская численность %	70 3,2	592 27,2	554 25,5	31 1,5	48 2,2	877 40,4	2172 100,0
8.Симбирская численность %	321 33,2	171 17,7	169 17,6	1 –	19 1,9	287 29,6	968 100,0
9.Астраханская численность %	7 1,7	159 38,4	241 58,2	– 0,2	– –	6 1,5	414 100,0
Всего: численность %	697 6,4	4034 32,6	3978 34,3	107 0,9	265 2,0	3339 23,8	12420 100,0

*Составлено и подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. С.86–87, 160, 164, 168; Семенов Н.П. Наше дворянство. СПб., 1899; Рубакин Н.А. Правящая бюрократия в цифрах // Сын отечества. 30 апреля 1905 г.; Он же. Российское дворянство в цифрах // Трудовой путь. 1907. № 11–12; Он же. Россия в цифрах: Страна. Народ. Сословия. Классы. СПб., 1912; Алфавитный список дворянских родов Владимирской губернии. Владимир, 1905; Алфавитный список дворянских родов Костромской губернии ... Кострома, 1900; Алфавитный список дворянских родов Рязанской губернии ... Рязань, 1893; Список дворянских родов Новгородской губернии ... Новгород, 1910; Список дворянским родам, внесенным в дворянскую родословную книгу Нижегородской губернии... Нижний Новгород, 1902; Список дворянских родов, внесенных в родословную книгу Пензенской губернии к 1902 г. Пенза, 1902; Калужская губерния: Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу по 1 октября 1908 г. Калуга, 1908; Список потомственным дворянам Астраханской губернии... Астрахань, 1910; Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России ... С.22–51, 292–303.

Численность и размещение потомственных дворян
Российского Центра в 1897 г., чел.*

Губернии и районы	Мужчины	Женщины	Оба пола
1.Петербургская	42817	47030	89847
2.Псковская	2953	3328	6281
3.Новгородская	3858	4489	8347
4.Олонецкая	1079	1145	2224
Итого: Северо-Западный (Озерный) район	50707	55992	106699
5.Московская	18684	21420	40104
6.Владимирская	2041	2395	4436
7.Калужская	2329	2972	5301
8.Тверская	2459	3224	5683
9.Ярославская	2080	2189	4269
10.Костромская	1992	2640	4632
11.Нижегородская	2510	2852	5362
Итого: Центрально-Промышленный район	32095	37692	69787
12.Курская	7275	8801	16076
13.Орловская	4180	4777	8957
14.Тамбовская	3638	4425	8063
16.Пензенская	2413	2923	5336
17.Рязанская	5204	6316	11520
18.Тульская	3850	4718	8568
Итого: Центрально-Земледельческий район	30208	35997	66205
19.Казанская	3192	3587	6779
20.Самарская	2545	2846	5391
21.Саратовская	3231	3670	6901
22.Симбирская	1844	2079	3923
23.Астраханская	1315	1463	2778
Итого: Поволжский район	12127	13645	25772
Всего: Российский Центр	125137	143326	268463
Всего: Европейская Россия	418195	467559	885754
Всего: Россия	585056	636883	1221939

*Составлено и подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. С.160, 164, 168; Россия, 1913 год ... С.219–221; Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России, 1861–1904 гг. М., 1979. С.22–51; 292–303.

Численность и размещение личных дворян и классных чиновников
Российского Центра в 1897 г., чел.*

Губернии и районы	Мужчины	Женщины	Оба пола
1.Петербургская	28607	32857	61464
2.Псковская	1788	1882	3670
3.Новгородская	2813	3218	6031
4.Олонецкая	1338	1488	2826
Итого: Северо-Западный (Озерный) район	34546	39445	73991
5.Московская	16985	20117	37102
6.Владимирская	2692	3144	5836
7.Калужская	2494	2940	5434
8.Тверская	3051	3649	6700
9.Ярославская	3189	3829	7018
10.Костромская	2944	3507	6451
11.Нижегородская	3425	3958	7383
Итого: Центрально-Промышленный район	34780	41144	75924
12.Курская	3383	3870	7253
13.Орловская	4112	4728	8840
14.Тамбовская	4289	4750	9039
15.Воронежская	3678	4203	7881
16.Пензенская	2595	2892	5487
17.Рязанская	2941	3307	6248
18.Тульская	24	3402	5827
Итого: Центрально-Земледельческий район	23423	27152	50575
19.Казанская	4336	4575	8911
20.Самарская	3094	3250	6344
21.Саратовская	4378	5128	9506
22.Симбирская	2512	2606	5118
23.Астраханская	1596	1836	3432
Итого: Поволжский район	15916	17395	33311
Всего: Российский Центр	108665	125136	233801
Всего: Европейская Россия	231704	255259	486963
Всего: Россия	304372	326873	631245

*Составлено и подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. С.160, 164, 168; Россия, 1913 год ... С.219–221; Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России ... С.22–51, 292–303.

Приложение 40

Землевладение высших чиновников Российского Центра
в 1902 г., чел.*

Должности	Общая численность	Не владевшие землей	Группы владений, дес.						
			до 500	500–1000	1000–5000	5000–10000	свыше 10000	Неизвестной площади	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Министры, главноуправляющие и их товарищи (заместители)	32	20	2	3	5	–	1	2	12
Члены Государственного совета	41	18	1	1	13	3	4	1	23
Чины государственной канцелярии	26	14	3	3	4	–	1	1	12
Сенаторы	158	95	14	12	24	3	3	6	63
Директора и вице-директора-радепартаментов, управляющие канцеляриями и отделами	59	51	5	1	2	–	–	–	8
Члены советов министров и консультанты	128	91	4	7	14	6	8	–	37
Директора и члены советов государственных банков	18	10	2	1	4	–	1	–	8
Губернаторы и вице-губернаторы (гражданские чины)	46	20	3	3	15	4	1	–	26

Окончание прил. 40

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Чины придворного ведомства, члены попечительских советов, опекуны	64	15	5	4	10	8	19	4	49
Чиновники по особым поручениям и причисленные к ведомствам	64	35	1	1	8	5	14	–	29
Всего:	636	369	40	36	99	29	52	14	267

*Составлено и подсчитано по: Список гражданским чином первых четырех классов на 1902 г. СПб., 1902. С.19–92; Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России ... С.22–131; Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л., 1991. С.27–189; Он же. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб., 1999. С.19–99.

Численность офицеров Российского Центра в 1910–1912 гг., чел.*

Причины убыли	Регулярные войска	Казачи	Итого
Умерло			
1910 г.	356	21	377
1911 г.	387	31	418
1912 г.	375	24	399
Уволено в отставку			
1910 г.	754	73	827
1911 г.	731	63	794
1912 г.	596	48	644
Зачислено в запас			
1910 г.	408	204	612
1911 г.	419	233	652
1912 г.	448	268	716
Разжаловано			
1910 г.	7	–	7
1911 г.	2	1	3
1912 г.	10	2	12
Исключено со службы			
1910 г.	41	5	46
1911 г.	24	2	26
1912 г.	40	9	49
Переведено в другие ведомства			
1910 г.	1732	69	1801
1911 г.	534	57	591
1912 г.	846	32	878
Переименовано в гражданские чины			
1910 г.	30	4	34
1911 г.	24	1	25
1912 г.	10	4	14
Всего:			
1910 г.	3328	376	3704
1911 г.	2121	388	2509
1912 г.	2325	387	2712

*Составлено и подсчитано по: Военно-статистический ежегодник армии за 1910 г. СПб., 1911. С.39; То же за 1911 г. СПб., 1912. С.54–55; То же за 1912 г. СПб., 1914. С.54–55.

Штатный состав офицерского корпуса Российского Центра
в 1914 г., чел.*

Места службы	Генералы	Штаб-офицеры	Обер-офицеры	Итого
Военное министерство	191	499	279	969
Военные учебные заведения	95	422	1602	2119
Военные округа: Петербургский (4 корпуса)	145	864	4103	5212
Московский (5 корпусов)	100	837	4724	5661
Казанский (2 корпуса)	67	454	2317	2838
Всего:	598	3076	13125	16799

*Составлено и подсчитано по: Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925 .С.31; Россия, 1913 год ... С.278–302; Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С.510–511; Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил. М., 2001. С. 91–109; Население России в XX веке ... Т.1. С.74–82.

Возрастной состав офицеров Российского Центра в 1910–1912 гг., %*

Воинские звания и возраст, лет	1910 г.	1911 г.	1912 г.
Все офицеры			
до 30	39,6	36,4	37,1
30-40	32,0	33,4	32,2
40-50	19,8	21,1	21,4
50-60	8,0	8,7	8,7
св.60	0,6	0,5	0,5
В том числе:			
генералы			
до 30	–	–	–
30-40	–	0,2	0,7
40-50	–	19,9	18,4
50-60	–	66,4	66,9
св.60	–	11,4	13,9
штаб-офицеры			
до 30	–	0,1	0,1
30-40	–	10,6	10,1
40-50	–	50,1	51,3
50-60	–	37,9	37,2
св.60	–	1,3	1,3
обер-офицеры			
до 30	–	44,0	45,1
30-40	–	38,4	37,2
40-50	–	15,8	15,9
50-60	–	1,8	1,8
св.60	–	0,04	0,02
Военные врачи			
до 30	15,0	15,3	16,4
30-40	37,9	37,5	37,0
40-50	26,0	26,1	26,2
50-60	18,9	19,4	18,0
св.60	2,1	1,7	2,5
Военные чиновники			
до 30	15,3	16,4	16,6
30-40	39,3	39,8	39,6
40-50	28,8	26,9	28,0
50-60	13,0	12,8	12,4
св.60	3,7	4,1	3,5

*Составлено и подсчитано по: Список генералам по старшинству на 1910 г. СПб., 1910. С.10–19; То же на 1911 г. СПб., 1911. С.11–19; То же на 1912 г. СПб., 1912. С.12–19; Список полковникам по старшинству на 1910 г. СПб., 1910. С.10–11; То же на 1911 г. СПб., 1911. С.11–19; То же на 1912 г. СПб., 1912. С.12–19; Список подполковникам по старшинству на 1910 г. СПб., 1910. С.10–19; То же на 1911 г. СПб., 1911. С.11–19; То же на 1912 г. СПб., 1912. С.12–19; Список майорам по старшинству на 1910 г. СПб., 1910. С.10–19; То же на 1911 г. СПб., 1911. С.11–19; То же на 1912 г. СПб., 1912. С.12–19; Список гражданским чинам военного ведомства первых шести классов по старшинству на 1910 г. СПб., 1910. С.10–19; То же на 1911 г. СПб., 1911. С.11–19; То же на 1912 г. СПб., 1912. С.12–19; Военно-статистический ежегодник армии за 1910 г. ... С.39; То же за 1911 г. ... С.54–55; То же за 1912 г. ... С.54–55.

Семейное положение офицеров Российского Центра
в 1910–1912 гг., %*

Воинские звания и семейное положение	1910 г.	1911 г.	1912 г.
1	2	3	4
Все офицеры			
женаты	56,3	57,6	58,6
холосты	41,6	40,3	39,2
вдовы и разведены	2,1	2,1	2,3
В том числе:			
генералы			
женаты	–	85,0	86,4
холосты	–	8,3	7,1
вдовы и разведены	–	6,7	6,5
штаб–офицеры			
женаты	–	83,4	83,7
холосты	–	12,6	12,3
вдовы и разведены	–	4,1	4,0
обер–офицеры			
женаты	–	52,0	52,9
холосты	–	46,4	45,3
вдовы и разведены	–	1,6	1,8
В том числе:			
в пехоте			
женаты	56,2	56,9	58,2
холосты	41,8	41,1	39,6
вдовы и разведены	2,0	2,0	2,2
в кавалерии			
женаты	40,9	42,3	42,3
холосты	57,2	57,5	55,7
вдовы и разведены	4,9	2,2	2,0
в артиллерии			
женаты	51,8	53,5	53,7
холосты	46,4	44,5	44,3
вдовы и разведены	1,8	1,9	2,0
в инженерных войсках			
женаты	44,9	48,0	48,4
холосты	53,6	50,5	49,9
вдовы и разведены	1,5	1,5	1,7

1	2	3	4
в казачьих войсках			
женаты	55,3	58,6	55,6
холосты	43,0	39,2	42,0
вдовы и разведены	1,7	2,2	2,4
Военные врачи			
женаты	75,6	74,8	73,8
холосты	21,3	22,0	22,9
вдовы и разведены	3,1	3,2	3,3
Военные чиновники			
женаты	75,3	75,1	75,2
холосты	21,1	20,9	21,4
вдовы и разведены	3,6	4,0	9,3

*Составлено и подсчитано по: Список генералам по старшинству на 1910 г. ... С.10–19; То же на 1911 г. ... С.11–19; То же на 1912 г. ... С.12–19; Список полковникам по старшинству на 1910 г. ... С.10–11; То же на 1911 г. ... С.11–19; То же на 1912 г. ... С.12–19; Список подполковникам по старшинству на 1910 г. ... С.10–19; То же на 1911 г. ... С.11–19; То же на 1912 г. ... С.12–19; Список майорам по старшинству на 1910 г. ... С.10–19; То же на 1911 г. ... С.11–19; То же на 1912 г. ... С.12–19; Список гражданским чинам военного ведомства первых шести классов по старшинству на 1910 г. ... С.10–19; То же на 1911 г. ... С.11–19; То же на 1912 г. ... С.12–19; Военно-статистический ежегодник армии за 1910 г. ... С.39; То же за 1911г. ... С.54–55; То же за 1912 г. ... С.54–55.

Социально-сословный состав офицеров Российского Центра в 1910–1912 гг., %*

Воинские звания и сословия	1910 г.	1911 г.	1912 г.
Все офицеры**			
дворяне	54,2	54,7	53,6
почетные граждане	14,0	13,7	13,6
духовенство	3,7	3,8	3,6
купцы	3,0	2,0	3,5
бывшие податного сословия	25,1	25,0	25,7
В том числе:			
генералы			
дворяне	–	86,2	86,8
почетные граждане	–	6,8	7,7
духовенство	–	1,5	1,3
купцы	–	0,7	0,8
бывшие податного сословия	–	2,6	3,3
штаб-офицеры			
дворяне	–	71,7	71,0
почетные граждане	–	11,1	10,4
духовенство	–	4,4	4,2
купцы	–	2,3	2,5
бывшие податного сословия	–	10,5	12,0
обер-офицеры			
дворяне	–	50,7	49,5
почетные граждане	–	14,4	14,3
духовенство	–	3,8	3,6
купцы	–	2,8	3,7
бывшие податного сословия	–	28,3	28,9
Военные врачи***			
дворяне	33,2	28,7	30,2
почетные граждане	19,4	25,4	23,5
духовенство	13,4	14,0	14,0
купцы	8,3	6,0	6,2
бывшие податного сословия	25,7	26,1	26,2
Военные чиновники			
дворяне	17,1	19,3	17,8
почетные граждане	15,3	14,1	12,9
духовенство	7,9	6,3	6,6
купцы	2,6	2,3	2,8
бывшие податного сословия	57,1	57,5	59,8

*Составлено и подсчитано по: Список генералам по старшинству на 1920 г. ... С.10–19; То же на 1911 г. ... С.11–19; То же на 1912 г. ... С.12–19; Список полковникам по старшинству на 1910 г. ... С.10–11; То же на 1911 г. ... С.11–19; То же на 1912 г. ... С.12–19; Список подполковникам по старшинству на 1910 г. ... С.10–19; То же на 1911 г. ... С.11–19; То же на 1912 г. ... С.12–19; Список майорам по старшинству на 1910 г. ... С.10–19; То же на 1911 г. ... С.11–19; То же на 1912 г. ... С.12–19; Список гражданским чинам военного ведомства первых шести классов по старшинству на 1910 г. ... С.10–19; То же на 1911 г. ... С.11–19; То же на 1912 г. ... С.12–19; Военно-статистический ежегодник армии за 1910 г. ... С.39; То же за 1911 г. ... С.54–55; То же за 1912 г. ... С.54–55.

**Включая и казачьи войска.

***Данные о ветеринарных врачах суммированы за 1911–1912 гг.

Конфессиональный состав офицеров Российского Центра
в 1902–1903 гг., %*

Воинские звания	Православные	в том числе грузины	Армяно- григориане	Протестанты	Католики	Мусульмане
Генералы	83,7	1,5	0,4	12,3	3,3	0,5
В том числе:						
Полные генералы	81,0	1,5	0,7	16,0	2,3	–
генерал-лейтенанты	83,0	–	0,2	12,0	4,4	0,2
генерал-майоры	87,0	–	0,3	8,9	3,1	0,7
Полковники	84,4	0,6	0,5	8,0	6,1	1,0
Капитаны армейской пехоты	80,9	1,5	1,1	4,2	12,9	0,9
В среднем:	83,0	1,2	0,7	8,2	7,4	0,8

*Составлено и подсчитано по: Военно-статистический ежегодник армии за 1902 г. СПб., 1903. С.44; То же за 1903 г. СПб., 1904. С.45; Режепо П.А. Офицерский вопрос. СПб., 1909. С.16.; Он же. Статистика полковников. СПб., 1905. С.10; Он же. Статистика генералов. СПб., 1903. С.6, 9–11.

Национально-этнический и конфессиональный состав офицеров
Российского Центра в 1910–1912 гг., %*

Национальности, вероисповедания и воинские звания	1910 г.	1911 г.	1912 г.
1	2	3	4
Русские			
все офицеры	86,3	86,3	87,2
В том числе:			
генералы		83,9	86,6
штаб-офицеры		86,6	86,2
обер-офицеры		86,4	87,3
военные врачи	80,7	80,5	80,8
военные чиновники	91,1	90,5	91,7
Поляки			
все офицеры		6,2	5,4
В том числе:			
генералы		3,0	3,2
штаб-офицеры		5,8	6,1
обер-офицеры		6,4	5,3
военные врачи		6,3	
военные чиновники		2,7	3,2
Литовцы			
все офицеры	6,5**	0,2	0,2
В том числе:			
генералы		0,4	0,3
штаб-офицеры		0,3	0,3
обер-офицеры		0,2	0,2
военные врачи	8,9**	2,3***	8,5**
военные чиновники	3,6**	0,9***	0,5***
Латыши			
все офицеры		0,6	0,7
В том числе:			
генералы		0,1	0,2
штаб-офицеры		0,4	0,4
обер-офицеры		0,6	0,7
Немцы и эстонцы			
все офицеры	2,9	2,5	2,6
В том числе:			
генералы		6,7	6,3
штаб-офицеры		2,9	3,2
обер-офицеры		2,3	2,4
военные врачи	5,5	5,8	5,5
военные чиновники	2,4	3,4	2,5

Продолжение прил. 47

1	2	3	4
Татары			
все офицеры		0,5	0,6
В том числе:			
генералы		0,6	1,3
штаб-офицеры		0,5	0,6
обер-офицеры		0,5	0,5
военные врачи		0,4	–
военные чиновники	–	0,3	0,2
Кавказские народности			
все офицеры	3,0	2,6	2,5
В том числе:			
генералы		2,4	1,7
штаб-офицеры		2,9	2,6
обер-офицеры		2,6	2,5
военные врачи	2,3	2,7	3,0
военные чиновники	1,2	1,1	0,8
Прочие			
все офицеры	1,3	0,9	0,8
В том числе:			
генералы		0,6	0,4
штаб-офицеры		0,7	0,7
обер-офицеры		1,0	0,9
военные врачи	2,7	2,1	2,1
военные чиновники	1,6	1,1	1,0
Православные			
все офицеры	87,8	88,7	89,0
В том числе:			
генералы		84,1	86,1
штаб-офицеры		87,7	88,0
обер-офицеры		89,2	89,3
военные врачи	82,5	82,5	82,5
военные чиновники	92,7	92,0	92,8
Армяно-григориане			
все офицеры	1,1	0,9	0,9
В том числе:			
генералы		0,6	0,6
штаб-офицеры		1,1	1,1
обер-офицеры		0,9	0,9
военные врачи	1,3	1,3	1,7
военные чиновники	0,4	0,4	0,4

1	2	3	4
Протестанты			
все офицеры	3,7	3,0	2,8
В том числе:			
генералы		6,9	6,5
штаб-офицеры		3,3	3,2
обер-офицеры		2,8	2,6
военные врачи	6,2	5,7	5,9
военные чиновники	2,7	2,6	2,4
Католики			
все офицеры	6,2	5,6	5,5
В том числе:			
генералы		3,7	4,0
штаб-офицеры		6,2	6,1
обер-офицеры		5,6	5,5
военные врачи	8,6	8,2	7,9
военные чиновники	3,7	4,0	3,4
Мусульмане			
все офицеры	0,9	0,8	0,8
В том числе:			
генералы		1,2	1,2
штаб-офицеры		0,7	0,7
обер-офицеры		0,8	0,8
военные врачи	0,4	0,5	0,5
военные чиновники	0,2	0,3	0,2
Прочие			
все офицеры	0,3	0,9	0,9
В том числе:			
генералы		1,4	1,5
штаб-офицеры		0,9	0,9
обер-офицеры		0,9	0,9
военные врачи	0,9	1,3	1,5
военные чиновники	0,3	0,7	0,9

*Составлено и подсчитано по: Список генералам по старшинству на 1910 г. ... С.10–19; То же на 1911 г. ... С.11–19; То же на 1912 г. ... С.12–19; Список полковникам по старшинству на 1910 г. ... С.10–11; То же на 1911 г. ... С. 11–19; То же на 1912 г. ... С.12–19; Список подполковникам по старшинству на 1910 г. ... С.10–19; То же на 1911 г. ... С.11–19; То же на 1912 г. ... С.12–19; Список майорам по старшинству на 1910 г. ... С.10–19; То же на 1911 г. ... С.11–19; То же на 1912 г. ... С.12–19; Список гражданским чинам военного ведомства первых шести классов по старшинству на 1910 г. ... С.10–19; То же на 1911 г. ... С.11–19; То же на 1912 г. ... С.12–19; Военно-статистический ежегодник армии за 1910 г. ... С.39; То же за 1911 г. ... С.54–55; То же за 1912 г. ... С.54–55.

**Включая поляков и латышей.

***Включая латышей.

Численность и размещение населения православных монастырей
Российского Центра в 1917 г.*

Губернии и районы	Число монастырей	Численность населения, чел.			Земля, дес.
		Монашествующие	Послушники	Всего	
1	2	3	4	5	6
1.Петроградская	41	386	1243	1629	27573
2.Псковская	23	297	747	1044	15821
3.Новгородская	51	707	2669	3376	43478
4.Олонецкая	16	136	439	575	20032
Итого: Северо-Западный (Озерный) район	131	1526	5098	6624	106904
5.Московская	76	2438	1424	3862	15641
6.Владимирская	43	699	2780	3479	24270
7.Калужская	22	542	524	1066	6010
8.Тверская	35	624	3267	3891	31168
9.Ярославская	27	491	1956	2447	14028
10.Костромская	28	344	1784	2128	17370
11.Нижегородская	37	1366	5986	7352	26696
Итого: Центрально-Про- мышленный район	268	6504	17721	24225	135183
12.Курская	20	3354	98	3452	32287
13.Орловская	18	738	2101	2839	8045
14.Тамбовская	32	15443	507	15950	45539
15.Воронежская	22	909	1429	2338	8038
16.Пензенская	24	1125	3713	4838	13980
17.Рязанская	29	525	1663	2188	9100
18.Тульская	12	384	1119	1503	2593
Итого: Центрально-Зем- ледельческий район	157	22478	10630	33108	119582
19.Казанская	32	639	1123	1762	9540
20.Самарская	20	946	2428	3375	33626

1	2	3	4	5	6
21.Саратовская	17	600	2318	2918	11160
22.Симбирская	14	323	1048	1371	5220
23.Астраханская	8	123	606	729	16459
Итого: Поволжский район	91	2631	7524	10155	75005
Всего: Российский Центр	647	33139	40973	74112	437674
Всего: Россия	1257	33572	73463	107035	1159875

*Составлено и подсчитано по: Свод статистических данных, относящихся к землевладению церквей и монастырей Российской империи по данным Синода и Центрального статистического комитета. СПб., 1900. С.19–90; Статистика землевладения 1905 г. Ведомости о мужских и женских монастырях и общинах за 1915 г.: Официальное издание Синода. Пг., 1915. С.15–19; Отчет обер-прокурора Синода за 1913 г. Пг., 1915. С.107. Приложения 17, 18; То же за 1914 г. Пг., 1916. С.117; ГАРФ. Ф.393. Оп.27. Д.1389. Л.231; Ф.1235. Оп.7. Д.13. Д.7 об.; РГАЭ. Ф.478. Оп.18. Д.54. Л.9; Русское православие: Вехи истории. М., 1989. С.381–437, 501–561; Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908. С.352; Персиц М.М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР. М., 1958. С.11, 87; Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917– 1921 гг.). М., 1975. С.13–44, 113–204; Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984. С.19–29; Он же. Русские монастыри и монашество в XIX – начале XX в. М., 1999. С.19–99; Россия, 1913 год ... С.219–221.

Распределение профессорско-преподавательского состава Российского Центра по типам учебных заведений в 1897–1917 гг., %*

Типы учебных заведений	1897/1898 уч.г.	1916/1917 уч.г.
Университеты	46,0	33,7
Юридические	4,4	3,0
Педагогические	1,6	2,8
Востоковедческие	1,3	1,0
Духовные	6,1	3,5
Творческие (музыкальные, театральные, изобразительного искусства)	9,6	8,7
Технические	19,4	29,1
Медицинские	3,0	5,3
Сельскохозяйственные	5,6	4,7
Ветеринарные	2,0	2,9
Военные	1,0	5,2
Всего:	100,0	100,0

*Составлено и подсчитано по: Отчет Министра народного просвещения за 1901 г. СПб., 1902. С.579–699; То же, за 1914 г. Пг., 1915. Вед.16; То же, за 1899 г. СПб., 1900. Вед. 6, 16; Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1913 г. СПб., 1913. С.13–19; Россия, 1913 год ... С.325–375; Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. С.23. 28, 32, 37, 40, 48, 51, 64–65, 93, 105, 108, 111, 117, 130, 136–137, 143, 151, 154, 208–209. 318–319.

Структура дворянского землевладения Российского Центра
в 1897–1907 гг.*

Группы владений, дес.	1897 г.			1907 г.		
	владения, %	площадь, %	средний размер владений, дес.	владения %	площадь %	средний размер владений, дес.
Мелкопоместные до 100	57,8	3,2	28	58,9	3,4	30
Среднепоместные 100–500	25,4	13,4	247	25,3	13,3	250
Крупные и крупнейшие 500–1000	8,4	12,4	694	7,9	11,8	703
1000–5000	7,3	30,5	1972	6,8	28,3	1976
Свыше 5000	1,1	40,5	17594	1,1	43,2	18301
Всего:	100,0	100,0	4107	100,0	100,0	4252

*Составлено и подсчитано по: Цифровые данные о поземельной собственности в Европейской России. СПб., 1897. С.18–97; Статистика землевладения 1905 г.: Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С.97–107; Динамика землевладения в России, 1906–1914 гг. М., 1989. С.16–81; Россия, 1913 год ... С.57–74; Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России... С.52–76; Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (Конец XIX–начало XX века). М., 1969. С.22–188.

Приложение 51

Численность купцов и промышленников Петербурга и Москвы
в 1907–1910 гг., чел.*

Города	Промысловые документы	Купеческие свидетельства	
		1 гильдия	2 гильдия
Петербург			
1907 г.	7778	555	1777
1908 г.	7639	569	1756
1909 г.	7412	552	1698
1910 г.	7345	552	1698
Итого:	30174	2228	6929
Москва			
1907 г.	7245	361	1534
1908 г.	7447	311	1497
1909 г.	7634	274	1476
1910 г.	7830	270	1435
Итого:	30156	1216	5942
Всего:	60330	3444	12871

*Составлено и подсчитано по: Весь Петербург на 1907–1910 год. СПб., 1907–1910; Справочная книга о лицах Петербургского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах, получивших сословные свидетельства по 1 и 2 гильдиям, промысловые свидетельства 1 и 2 разрядов на торговые предприятия, 1–5 разрядов на промышленные предприятия, 2 и 3 разрядов на личные промысловые занятия на 1907–1910 год. СПб., 1907–1910; Вся Москва на 1907–1910 год. М., 1907–1910; Справочная книга о лицах, получивших на 1907–1910 год купеческие и промысловые свидетельства по г.Москве. М., 1907–1910; Список членов Московского купеческого собрания на 1908–1909 год. М., 1909–1910; Россия, 1913 год ... С.224–225; РГИА. Ф.40. Оп.1. Д.67. Ч.2. Л.137–146; Боханов А.Н. Крупная буржуазия России ... С.29–51, 92–98, 136–160, 169–256.

Социально-сословная структура и занятия предпринимателей
 Петербурга в 1913 г., чел.*

Сословия	Отрасли									Итого	%
	промышленность и торговля	торговля	промышленность	транспорт	сфера обслуживания	финансы	технические конторы, фирмы	не торговые	не указано		
Дворяне	1	37	13	4	20	24	4	–	–	103	2,5
Чиновники	1	19	5	1	10	4	2	–	–	42	1,1
Лица свободных профессий	1	132	8	1	3	25	10	–	–	180	4,3
Купцы	43	868	94	18	120	130	14	428	210	1925	46,3
Почетные граждане	9	103	29	6	48	60	2	–	–	257	6,2
Мещане	4	302	25	3	73	18	2	–	–	427	10,3
Крестьяне	2	471	22	26	419	9	–	–	1	950	22,8
Иностранцы	9	119	23	5	26	13	16	–	1	212	5,0
Прочие	2	40	9	2	4	7	–	–	–	64	1,5
Всего:	72	2091	228	66	723	290	50	428	212	4160	100,0
%	1,7	50,3	5,5	1,6	17,4	6,9	1,2	10,3	5,1	100,0	

*Составлено и подсчитано по: Справочная книга о лицах, выбравших гильдейские и промысловые свидетельства по г.Петербургу на 1913 г. СПб., 1913. С.19–91; Россия, 1913 год... С.225; Боханов А.Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в.– 1914 г.). М., 1992. С.169–256; Он же. Деловая элита России, 1914 г. М., 1994. С.4–56.

Социально-сословная структура и занятия предпринимателей
Москвы в 1913 г., чел.*

Сословия	Отрасли									Итого	%
	промышленность и торговля	торговля	промышленность	транспорт	сфера обслуживания	финансы	технические конторы, фирмы	не торговые	не указано		
Дворяне, в т.ч. личные	1	74	19	2	39	2	4	–	–	141	2,6
Чиновники	–	25	4	1	12	–	2	–	–	42	0,8
Интеллигенция	–	30	7	–	4	1	–	–	–	42	0,8
Купцы, в т.ч. «местные»	1	241	23	–	6	9	32	–	–	312	5,7
1 гильдии «местные»	123	1123	176	9	95	36	6	404	15	1987	36,2
2 гильдии «иностранодные»	15	165	13	1	5	10	–	29	5		
«бывшие»	103	758	144	7	73	21	4	375	10		
Почетные граждане	5	187	17	1	15	3	2	–	–		
Мещане	13	2	–	2	2	–	–	–	–		
Крестьяне	4	158	38	8	24	22	7	–	–	261	4,7
Иностранцы	8	643	135	9	100	22	2	–	–	919	16,7
Прочие	6	886	155	30	334	5	–	–	–	1416	25,8
Прочие	2	165	55	1	16	5	86	–	–	330	6,0
Прочие	1	61	8	–	9	2	1	–	–	82	1,5
Всего:	146	3381	616	59	627	104	138	404	15	5490	100,0
%	2,6	61,6	11,2	1,1	11,4	1,9	2,5	7,4	0,3	100,0	

*Составлено и подсчитано по: Справочная книга о лицах, получивших гильдейские и промысловые свидетельства по г.Москве на 1913 г. М., 1913. С.13–19; Россия, 1913 год... С.224. Боханов А.Н. Крупная буржуазия России... С.169–256; Он же. Деловая элита России... С.4–56.

Численность и размещение кустарей и ремесленников
Российского Центра в конце XIX – начале XX в., чел.*

Губернии и районы**	Отрасли производства							Всего
	древесные материалы	волокнистые вещества	кожа, мех	рог, кость	минералы	металлы	разное	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1.Петербургская	19414	3341	3860	–	772	2927	5779	36093
2.Псковская	11332	533	598	–	1038	80	48	13629
3.Новгородская	14796	12740	5230	4	1081	3463	1108	38422
4.Олонецкая	7529	1536	2472	9	647	912	1037	14142
Итого: Северо-западный (Озерный) район	53071	18150	12160	13	3538	7382	7972	102286
5.Московская	13983	110712	10783	2251	5788	18120	24353	185990
6.Владимирская	19139	51967	7137	–	2354	6965	768	88330
7.Калужская	6442	357	1811	–	60	97	–	8767
8.Тверская	10345	12139	24176	–	1481	2353	1007	51501
9.Ярославская	6260	3895	2143	2	624	3664	190	16778
10.Костромская	21829	24006	2651	304	198	7975	3569	60532
11.Нижегородская	56550	41621	14700	37	875	20967	972	135722
Итого: Центрально- Промышленный район	134548	244697	63401	2594	1138 0	60141	30859	547620
12.Курская	10724	38274	7402	26	218	930	1749	59323
13.Орловская	9728	38296	4805	4	2374	2874	4297	62378
14.Тамбовская	9283	9106	6364	–	885	219	694	26551
15.Воронежская	9638	8975	15323	91	259	3699	1049	39034
16.Пензенская	21376	4541	3193	240	3136	2534	5249	40269
17.Рязанская	19857	60261	3906	22	2883	1820	6966	95715
18.Тульская	2983	679	2236	–	188	8707	2408	17201
Итого: Центрально-Зем- ледельческий район	83589	160132	43229	383	9943	20783	22412	340471

1	2	3	4	5	6	7	8	9
19.Казанская	37177	8608	4316	4	3424	3684	6342	63555
20.Самарская	4671	2900	5388	9	254	2315	4368	19905
21.Саратовская	12660	21676	7460	50	3058	2748	3308	50960
22.Симбирская	17748	5477	4955	69	1428	2980	5008	37665
23.Астраханская	330	6977	258	–	25	313	64	7967
Итого: Поволжский район	72586	45638	22377	132	8189	12040	19090	180052
Всего: Российский Центр	345794	468617	141167	3122	3305 0	100346	80333	1170429
Всего: Европейская Россия (40 губерний)	576654	750024	261227	4974	7666 7	156312	164968	1990826

*Составлено и подсчитано по: Ремесленники и ремесленное управление в России. Пг., 1916. С.3–421; Россия, 1913 год ... С.53–56; Рыбников А.А. Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства. М., 1922. Прил. Табл. 1–2; Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М., 1995. С.24–115; Иванова Н.А. Структура рабочего класса России ... С.34–158.

**Данные таблицы по некоторым губерниям не полны и не всегда сопоставимы, так как они собирались губернскими земствами в разное время (с конца XIX в. до 1917 г.). Ряд уездов и губерний Центральной России не были охвачены этими обследованиями. По всей России были собраны данные только по 40 губерниям. Следует отметить в связи с этим относительность выводов по приведенным показателям.

Распределение кустарей и ремесленников Российского Центра
по возрасту и полу в 1912–1913 гг., %*

Виды производства	Состав работников своей семьи			Наемные работники
	мужчины	женщины	подростки	
Обработка волокна				
Портняжное	87,7	11,3	1,0	4,8
Пимокатное, войлочное	86,6	13,9	3,5	7,3
Веревочное, канатное	73,1	17,5	9,4	7,9
Ткацкое	2,9	95,6	1,5	–
Чулочно-вязальное	–	59,4	40,6	–
Кружевное	–	74,1	25,9	–
Сетевязальное	12,7	70,9	16,4	
Деревообрабатывающее производство				
Колесное	98,0	–	2,0	5,0
Угольное, смолокурное	96,9	2,1	2,0	3,7
Тележное, санное	94,0	0,9	2,2	2,4
Столярное, мебельное	94,2	9,6	2,2	3,3
Ложкарное	74,5	15,3	10,2	–
Бондарное	97,6	0,2	2,2	–
Корзинное, мебельное	70,6	20,2	9,2	0,1
Лопатное	72,6	19,2	8,6	–
Земледельческие орудия	95,8	2,1	2,1	–
Рогожное, кулеткацкое	57,8	35,3	6,9	4,0
Обработка глины				
Посудное (гончарное)	92,6	1,6	5,8	1,2
Кожевенное производство				
Овчинно-скорняжное	90,3	3,3	6,4	21,4
Сапожное	85,4	9,3	5,9	11,1
Шубно-рукавичное	82,3	–	17,7	–
Шорное	92,2	1,9	6,9	11,2
Металлообработка				
Слесарное, жестяное	100,0	–	–	70,2
Слесарное, скобяное	98,5	0,1	1,4	13,4
Кузнечное	93,8	1,6	4,6	9,1

*Составлено и подсчитано по: Ремесленники и ремесленное управление в России ... С.3–421; Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918–1923: Пять лет работы Центрального статистического управления // Труды ЦСУ. М., 1924. С.213; Россия, 1913 год... С.53–56; Рыбников А.А. Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства ... Прил. Табл.1–2; Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России ... С.24–115, 203–248; Иванова Н.А. Структура рабочего класса России ... С.34–158.

Численность и размещение рабочих Российского Центра
на предприятиях, подчиненных фабричной инспекции,
в 1900–1917 гг., чел.*

Губернии и районы	1900 г.	1913 г.	1917 г.
1	2	3	4
1.Петербургская (Петроградская) предприятия рабочие	908 165404	1004 218258	1033 217222
2.Псковская предприятия рабочие	118 3802	68 3462	67 3364
3.Новгородская предприятия рабочие	104 13040	142 22806	144 21088
4.Олонецкая предприятия рабочие	34 1744	27 1976	25 1418
Итого: Северо-Западный (Озерный) район предприятия рабочие	1164 183990	1241 246502	1269 243092
5.Московская предприятия рабочие	1800 288262	1527 384129	1527 381160
6.Владимирская предприятия рабочие	555 160217	453 208909	466 206146
7.Калужская предприятия рабочие	211 12616	125 15209	130 12836
8.Тверская предприятия рабочие	253 33670	205 44055	201 43418
9.Ярославская предприятия рабочие	282 33577	202 39196	203 38294
10.Костромская предприятия рабочие	256 60484	235 93150	274 95347

Продолжение прил. 5 6

1	2	3	4
11.Нижегородская предприятия рабочие	540 33500	264 27839	274 29748
Итого: Центрально-Промышленный район предприятия рабочие	3897 22379	3011 812487	3075 806949
12.Курская предприятия рабочие	120 20267	176 23707	174 23390
13.Орловская предприятия рабочие	249 16829	248 31850	233 31738
14.Тамбовская предприятия рабочие	228 18881	231 20107	231 19809
15.Воронежская предприятия рабочие	191 9407	168 9850	169 9890
16.Пензенская предприятия рабочие	218 16755	209 14895	212 14304
17.Рязанская предприятия рабочие	475 39034	142 25418	156 26324
18.Тульская предприятия рабочие	296 14818	191 17076	189 17967
Итого: Центрально-Земледельческий район предприятия рабочие	1777 135991	1365 142903	1364 143422
19.Казанская предприятия рабочие	191 14078	177 16236	184 21101
20.Самарская предприятия рабочие	106 7486	243 13111	241 14380
21.Саратовская предприятия рабочие	377 20725	315 27514	319 28956

Окончание прил. 56

1	2	3	4
22. Симбирская предприятия рабочие	– –	209 15544	199 16587
23. Астраханская предприятия рабочие	200 9600	165 8194	175 8676
Итого: Поволжский район предприятия рабочие	874 51889	1109 80599	1118 89700
Всего: Российский Центр предприятия рабочие	7712 994249	6726 1282491	6826 1283163
Всего: Европейская Россия (с Польшей) предприятия рабочие	18133 1696641	17879 2319577	14046 1962860

*Составлено и подсчитано по: Россия, 1913 год ... С.36–52, 223; РГИА. Ф.23. Оп.16. Д.318. Л.54–55; Иванова Н.А. Структура рабочего класса России, 1910–1914. М., 1987. С.34–102; Она же. Промышленный центр России, 1907–1914 гг. М., 1995. С.194–237.

Среднегодовая численность и размещение рабочих ряда профессий
Российского Центра в 1897–1917 гг., чел.*

Губернии и районы	Рабочие и служащие железных дорог	Рабочие- строители	Черно- рабочие и поденщики	Торговые рабочие
1	2	3	4	5
1.Петербургская	15122	21353	48208	24544
2.Псковская	11174	624	5634	593
3.Новгородская	15162	2299	10851	859
4.Олонецкая	2471	1290	2138	103
Итого: Северо-Западный (Озерный) район	43929	25566	66831	26099
5.Московская	18117	25360	30120	21604
6.Владимирская	12745	15781	6648	1561
7.Калужская	9119	8252	5140	743
8.Тверская	12382	8432	10183	1940
9.Ярославская	6030	7454	9311	2773
10.Костромская	7400	13897	4548	1073
11.Нижегородская	5144	8202	9979	1157
Итого: Центрально-Промышленный район	70937	87378	75929	30851
12.Курская	15673	7435	6956	1675
13.Орловская	15337	5162	8193	1725
14.Тамбовская	17419	4733	5851	2243
15.Воронежская	16505	2913	10547	1313
16.Пензенская	9858	2852	4303	723
17.Рязанская	14007	11342	5930	1606
18.Тульская	13672	2521	6034	1521
Итого: Центрально-Земледельческий район	102471	36958	47814	10806
19.Казанская	2176	1299	7092	833
20.Самарская	19406	2457	14455	1525
21.Саратовская	18909	3721	23116	1914
22.Симбирская	8891	2956	6461	571
23.Астраханская	7695	2311	25300	689

Окончание прил. 57

1	2	3	4	5
Итого: Поволжский район	57077	12744	76424	5532
Всего: Российский Центр	274414	162646	266998	73288
Всего: Россия	841087	345724	1094848	136123

*Составлено и подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. Табл.1. С.78–81, 90, 92; Приложение. С.6, 8; Свод отчетов фабричных инспекторов за 1900–1914 гг. СПб., 1900–1915; Фабрично-заводская промышленность в период 1913–1918 гг. // Труды ЦСУ. М., 1926. Т.26. Вып.1–2; Иванова Н.А. Структура рабочего класса России ... С.34–158.

Распределение постоянных и временных рабочих Российского Центра
по группам производств в 1900–1913 гг., %*

Группы производства	1900–1901 гг.		1913 г.	
	постоянные	временные	годовые	сезонные
1	2	3	4	5
Обработка хлопка	97,0	3,0	99,3	0,7
Обработка шерсти	95,0	5,0	98,7	1,3
Обработка шелка	83,0	17,0	100,0	–
Обработка льна	93,0	7,0	99,0	1,0
Обработка пеньки и прочих волокнистых веществ			95,6	4,4
Обработка смешанных волокнистых веществ	92,0	8,0	93,3	6,7
Обработка бумаги	96,0	4,0	98,1	1,9
Полиграфические производства			100,0	–
Обработка дерева	91,0	9,0	86,0	14,0
Металлообрабатывающая промышленность	98,0	2,0	100,0	–
Производство машин, инструментов и аппаратов			99,7	0,3
Обработка минеральных веществ	88,0	12,0	91,3	8,7
Обработка твердых материалов животного происхождения	91,0	9,0	91,2	8,8
Кожевенная и меховая промышленность			98,9	1,1
Изготовление одежды и предметов туалета	–	–	98,8	1,2
Производство пищевых продуктов	93,0	7,0	83,3	16,7
Производства, обложенные акцизом (винокуренное, табачное)	83,0	17,0		

1	2	3	4	5
Химические производства	98,0	2,0	99,2	0,8
Художественная и прикладная научная промышленность	–	–	100,0	–
Производство и передача энергии и водоснабжение	–	–	97,6	2,4
Горнодобывающая и горнозаводская промышленность	–	–	89,0	16,6
В том числе:				
каменноугольная	–	–	74,5	25,5
нефтяная	–	–	100,0	–
железорудная и железодобывающая	–	–	92,4	7,6
В среднем:	92,2	7,8	95,9	4,1

*Составлено и подсчитано по: Фабрично-заводская промышленность в период 1913–1918 гг. ... Вып.1. Табл.Х. С.60–63; Погожев А.В. Учет численности и состава рабочих в России. СПб., 1912. С.104–105; Иванова Н.А. Структура рабочего класса России ... С.34–54, 103–158.

Губернии и районы	Грамотность		Владение землей	Ведение хозяйства с участием членов семьи
	1897 г.	1918 г.		
1	2	3	4	5
1.Петербургская (Петроградская)	68,9	78,0	16,9	8,7
2.Псковская	54,8	57,8	15,6	9,6
3.Новгородская	53,6	66,5	22,8	16,3
4.Олонецкая	52,7	81,1	10,7	9,5
В среднем: Северо-Западный (Озерный) район	57,5	70,9	16,5	11,0
5.Московская	59,9	62,3	38,2	23,3
6.Владимирская	47,0	53,8	40,1	30,9
7.Калужская	48,1	68,0	40,7	37,5
8.Тверская	54,6	61,9	18,7	15,1
9.Ярославская	61,6	65,3	15,0	10,1
10.Костромская:	50,3	64,9	19,4	10,9
11.Нижегородская	50,8	73,5	28,7	21,5
В среднем: Центрально-Промышленный район	53,2	64,2	28,7	21,3
12.Курская	49,3	65,8	46,3	42,9
13.Орловская	49,0	69,1	24,6	19,3
14.Тамбовская	50,7	61,4	43,2	33,4
15.Воронежская	50,2	63,2	40,1	29,1
16.Пензенская	45,9	63,2	26,3	19,3
17.Рязанская	43,7	60,2	48,3	35,3
18.Тульская	53,5	78,1	35,0	15,8
В среднем: Центрально-Земледельческий район	48,9	65,9	37,7	27,9
19.Казанская	46,1	64,9	21,3	1,5
20.Самарская	53,1	71,5	18,7	11,2
21.Саратовская	56,3	74,8	29,4	19,0
22.Симбирская	41,3	54,6	17,1	11,4
23.Астраханская	48,3	75,6	18,6	4,8
В среднем: Поволжский район	49,0	68,3	21,0	9,6
В среднем: Российский Центр	52,2	67,3	26,0	17,5

*Составлено и подсчитано по: Общий свод по империи... Т.2. Табл.III. С.2–240 (продолжение). Вторая пап. С.2–116. Табл. III. Третья пап. С.18–130; Фабрично-заводская промышленность в период 1913–1918 гг. ... Вып.2. Табл.V. С.23; Табл.ХХV. С.128–119; Россия, 1913 год ... С.36–52, 223; Иванова Н.А. Структура рабочего класса России ... С.103–158.

Распределение рабочих Российского Центра
по отраслям промышленности и полу в 1900–1917 гг., %*

Отрасли промышленности	1900 г.		1917 г.	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Текстильная	55	45	46	54
Металлообрабатывающая	90	10	94	6
Пищевая	90	10	78	22
Силикатная	87	13	82	18
Деревообрабатывающая	90	10	89	11
Химическая	79	21	62	38
Полиграфическая	92	8	88	12
Бумажная	63	37	63	37
Кожевенная, меховая и обувная	90	10		
Обработка материалов животного происхождения	74	26	84	16
Научно-художественная	91	9	–	–
Прочие	–	–	96	4
В среднем:	82	16	78	22

*Составлено и подсчитано по: Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет (1887–1926). М.; Л., 1929. Т. I. Ч. 1. С. 66–67, 72–73; Свод отчетов фабричных инспекторов за 1900–1913 гг. СПб., 1901–1914; Россия, 1913 год ... С. 36–52, 223; Иванова Н. А. Структура рабочего класса России ... С. 34–54, 103–158.

Землевладение крестьян Российского Центра в 1905 г.*

Губернии и районы	Дворы	Земля, дес.	На 1 двор земли, дес.
1.Петербургская	106504	1030952	9,7
2.Псковская	158917	1460552	9,2
3.Новгородская	214183	2886931	13,5
4.Олонецкая	59323	3859922	65,1
Итого: Северо-Западный (Озерный) район	538927	9238357	24,4
5.Московская	210570	1584564	7,5
6.Владимирская	243011	2162546	8,9
7.Калужская	172015	1391630	8,1
8.Тверская	302888	2641579	8,6
9.Ярославская	198619	1420617	7,1
10.Костромская	239787	2136373	8,9
11.Нижегородская	264711	1970159	7,4
Итого: Центрально-Промышленный район	1631601	13307468	8,1
12.Курская	335271	2455363	7,3
13.Орловская	287166	2009101	7,0
14.Тамбовская	405953	2848238	5,0
15.Воронежская	388570	3746442	9,6
16.Пензенская	240960	1814031	7,5
17.Рязанская	280906	1885044	6,6
18.Тульская	214063	1350252	6,3
Итого: Центрально-Земледельческий район	2152889	16108471	7,0
19.Казанская	374574	3205412	8,6
20.Самарская	337111	6712499	19,8
21.Саратовская	351126	3348968	9,5
22.Симбирская	244870	1658265	6,8
23.Астраханская	66972	1902287	28,4
Итого: Поволжский район	1374653	16827431	14,6
Всего: Российский Центр	5698070	55481727	13,5
Всего: Европейская Россия	12019255	124078089	10,2

*Составлено и подсчитано по: Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1907. С.78–79, 128–129, 170–171; Динамика землевладения в России ... С.16–81; Россия, 1913 год... С.57–74; Чернышев И.В. Аграрный вопрос в России (от реформы до революции), 1861–1917 гг.: Материалы и комментарии. Курск, 1927. С.27–28; Анфилов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России, 1881–1904. М., 1980. С.10–134.

Землепользование крестьян Российского Центра в 1905 г.*

Категории крестьян	Районы				В среднем
	Северо-Западный (Озерный)	Центрально-Промышленный	Центрально-Земледельческий	Поволжский	
Владельческие дворы, %	56,5	66,6	42,8	31,5	49,4
земля, %	49,9	60,2	29,0	23,9	40,8
на 1 двор, дес.	9,9	7,1	5,1	7,9	7,5
Государственные дворы, %	37,6	30,5	54,9	50,6	43,4
земля, %	44,8	36,3	67,1	52,8	50,3
на 1 двор, дес.	13,4	9,4	9,2	13,9	11,5
Удельные дворы, %	5,8	2,9	1,4	9,8	5,0
земля, %	5,0	3,0	1,6	8,9	4,6
на 1 двор, дес.	9,6	8,5	9,0	10,1	9,3
В среднем: на 1 двор, дес.	11,0	8,3	7,8	10,6	9,4

*Составлено и подсчитано по: Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1907. С.170–171; Динамика землевладения в России ... С.16–81; Россия, 1913 год ... С.57–74; Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России ... С.10–134; Чернышев И.В. Аграрный вопрос в России ... С.27–28.

Социальное расслоение крестьян Российского Центра в 1905 г., %*

Группы владений, дес.	Общинники		Подворные владельцы	
	дворы	земля	дворы	земля
До 1	1,8	0,1	2,4	0,1
1–2	2,5	0,3	3,9	0,8
2–3	3,2	0,7	11,0	3,5
3–4	4,0	1,2	12,8	5,5
4–5	6,6	2,5	11,0	5,9
5–6	8,2	3,7	9,4	6,3
6–7	9,6	5,2	9,0	6,9
7–8	9,9	6,2	6,2	6,4
8–9	8,5	6,0	5,7	6,0
9–10	6,9	5,5	4,6	5,3
10–15	19,1	19,4	13,0	9,1
15–20	7,7	11,1	5,0	10,5
20–25	4,1	7,5	2,3	16,2
25–30	2,1	4,7	1,2	3,9
30–40	2,2	6,2	1,3	5,7
40–50	1,3	4,8	0,7	3,7
50–100	1,9	19,0	0,5	4,0
Св.100	0,4	4,9	0,01	0,2
Всего:	100,0	100,0	100,0	100,0

*Составлено и подсчитано по: Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1907. С.128–129; Динамика землевладения в России ... С.16–81; Россия, 1913 год ... С.57–74; Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России ... С.10–134; Чернышев И.В. Аграрный вопрос в России ... С.27–28.

Структура земельной собственности крестьян
Российского Центра в 1905 г., %*

Группы владений, дес.	Личная собственность		Собственность обществ		Собственность товариществ	
	владения	земля	общества	земля	товарищества	земля
До 10	66,8	21,3	22,8	3,0	17,1	2,8
10–20	15,4	18,3	13,9	5,8	18,4	7,8
20–30	6,8	13,7	12,4	0,5	14,9	10,2
30–40	3,6	10,1	11,0	10,5	11,9	11,5
40–50	2,4	9,0	9,2	11,3 60,9	9,5	11,8
50–100	5,0	27,6	30,7		28,2	55,9
Итого:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
100–200	57,5	33,0	47,5	23,8	50,8	26,5
200–300	19,0	18,6	20,4	17,4	19,2	17,1
300–400	8,9	12,6	11,1	13,5	10,4	13,2
400–500	5,3	9,8	7,1	11,2	6,9	11,3
500–1000	9,3	26,0	13,9	34,1	12,7	31,9
Итого:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1000–2000	70,2	45,2	66,2	39,3	75,9	56,8
2000–3000	16,6	18,2	19,0	19,5	16,8	22,4
3000–4000	6,0	9,8	7,0	10,4	3,3	6,3
4000–5000	3,0	6,0	1,8	3,5	2,1	5,1
5000–10000	3,3	10,7	3,6	10,5	1,4	5,4
Св.10000	0,9	10,1	2,4	16,8	0,5	4,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Всего:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

*Составлено и подсчитано по: Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1907. С.78–79; Динамика землевладения в России ... С.16–81; Россия, 1913 год ... С.57–74; Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России ... С.10–134; Чернышев И.В. Аграрный вопрос в России ... С.27–28.

Безземельные и безлошадные крестьяне Российского Центра в 1893–1901 гг.*

Губернии и районы	Безземельные дворы, %	На 1 двор пахотной земли, дес.	Безлошадные дворы, %
1.Петербургская	6,8	6,5	23,0
2.Псковская	3,2	8,3	18,8
3.Новгородская	9,0	8,6	19,4
4.Олонецкая	1,2	15,6	22,0
В среднем: Северо-Западный (Озерный) район	5,1	9,8	20,8
5.Московская	8,6	4,9	33,4
6.Владимирская	7,6	6,4	37,5
7.Калужская	6,1	7,4	18,6
8.Тверская	9,8	6,7	19,5
9.Ярославская	7,3	5,8	34,9
10.Костромская	9,1	6,6	25,6
11.Нижегородская	11,6	7,1	42,3
В среднем: Центрально- Промышленный район	8,6	6,4	30,3
12.Курская	2,1	7,3	25,6
13.Орловская	3,4	7,0	29,0
14.Тамбовская	2,9	8,5	29,4
15.Воронежская	3,8	9,5	27,8
16.Пензенская	4,2	7,2	26,3
17.Рязанская	3,5	5,8	37,4
18.Тульская	3,9	6,4	27,9
В среднем: Центрально- Земледельческий район	3,4	7,4	29,0
19.Казанская	3,3	7,8	24,9
20.Самарская	6,1	17,3	18,9
21.Саратовская	5,4	9,0	25,9
22.Симбирская	4,8	6,8	29,3
23.Астраханская	14,1	15,2	–
В среднем: Поволжский район	6,7	11,2	24,8
В среднем: Центральная Россия	6,0	8,7	26,2
В среднем: Европейская Россия	7,0	8,7	29,3

*Составлено и подсчитано по: Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1907. С.78–79, 128–129, 170–171; Динамика землевладения в России ... С.16–81; Россия, 1913 год ... С.57–92; Чернышев И.В. Аграрный вопрос в России ... С.33–34; Анфилов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России ... С.10–134.

Землеустройство крестьян Российского Центра
на 1 января 1916 г.*

Губернии и районы	Поступило ходатайств	Отведено			
		в личное владение		в общинное или общественное владение	
	Число домо- хозяев	домохозя- ева, чел.	земля, дес.	домохозяева, чел.	земля, дес.
1	2	3	4	5	6
1.Петроградская	91368	33563	293045	14160	264367
2.Псковская	71267	26129	247638	5240	31117
3.Новгородская	110757	19069	254937	16576	215807
4.Олонецкая	25729	951	60668	4692	244232
Итого: Северо-Западный (Озерный) район	299121	79712	856288	40668	755523
5.Московская	213940	18468	118027	82741	590598
6.Владимирская	165725	13312	101663	51888	336154
7.Калужская	108963	8692	73388	31644	226164
8.Тверская	163580	23688	233649	44531	251964
9.Ярославская	130496	12895	110229	42520	316930
10.Костромская	104240	7573	68085	23148	244541
11.Нижегородская	167579	19475	111585	44277	174475
Итого: Центрально- Промышленный район	1054523	104103	816626	320749	2139826
12.Курская	132938	26952	168364	19033	119610
13.Орловская	104416	16323	117542	12410	80541
14.Тамбовская	174188	25909	170471	41788	280841
15.Воронежская	328177	31347	220382	68346	506686
16.Пензенская	123078	22458	152364	33942	287962
17.Рязанская	123333	13795	70764	31607	134249
18.Тульская	149949	23603	121388	58184	311776
Итого: Центрально- Земледельческий район	1136079	160387	1021275	265310	1721665

Окончание прил. 66

1	2	3	4	5	6
19.Казанская	278855	18284	122815	114863	462714
20.Самарская	178684	81411	1810272	10563	116575
21.Саратовская	281415	58680	674692	67316	434713
22.Симбирская	103145	26183	142897	29502	100170
23.Астраханская	78717	5378	163524	6869	237340
Итого: Поволжский район	920816	189936	2914203	229113	1361512
Всего: Российский Центр	3410539	534138	5608392	855840	5968526
Всего: Европейская Россия	6174457	1221509	11888199	1138995	8106991

*Составлено и подсчитано по: Статистический ежегодник России 1916 г. Пг., 1918. С.19–29; Динамика землевладения в России ... С.16–81; Россия, 1913 год ... С.57–74; ГАРФ. Ф.1291. Оп.120. Д.53. Л.1–1 об; Чернышев И.В. Аграрный вопрос в России ... С.195–197.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ЦЕНТРА НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.	14
1.1. Численность и размещение населения.....	14
1.2. Состав населения по возрасту и полу.....	26
2. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА В 1900–1913 гг.	45
2.1. Динамика численности и возрастно-полового состава населения.....	45
2.2. Естественное движение населения.....	56
3. НАСЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ЦЕНТРА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	79
3.1. Численность и потери населения.....	79
3.2. Деформация возрастно-половой структуры.....	86
4. МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ.....	90
4.1. Миграции на рубеже XIX–XX вв.....	90
4.2. Миграционные процессы в 1900–1913 гг.....	104
4.3. Особенности миграционных процессов в годы Первой мировой войны.....	111
5. СЛУЖИЛЫЕ СОСЛОВИЯ.....	119
5.1. Дворянство потомственное и личное.....	119
5.2. Чиновничество.....	123
5.3. Офицерство.....	127
5.4. Духовенство приходское.....	136
5.5. Духовенство монастырское.....	141
5.6. Интеллигенция массовых профессий.....	147
5.7. Интеллигенция научная и творческая.....	155
6. КРУПНЫЕ И СРЕДНИЕ СОБСТВЕННИКИ.....	164
6.1. Дворянство поместное.....	164
6.2. Купечество.....	170
6.3. Промышленники и финансисты.....	178
7. МЕЛКИЕ СОБСТВЕННИКИ И ЛИЦА НАЕМНОГО ТРУДА ...	187
7.1. Кустари и ремесленники.....	187
7.2. Рабочие.....	192
7.3. Крестьяне.....	203
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	211
ПРИМЕЧАНИЯ.....	214
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	262

Научное издание

Морозов Сергей Дмитриевич

НАСЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ЦЕНТРА
НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Монография

В авторской редакции

Верстка Н.В. Кучина

Подписано в печать 12.02.2013. Формат 60x84/16.

Бумага офисная «Снегурочка». Печать на ризографе.

Усл.печ.л. 19,76. Уч.-изд.л. 21,25 Тираж 500 экз. 1-й завод 100 экз.

Заказ № 43.

Издательство ПГУАС.
440028, г. Пенза, ул. Германа Титова, 28